

Обложка и перевод
ТГК Книжный шкаф
<https://t.me/lilybookcase>

ПАДШИЙ

Фраг

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY
Л.ДЖ. ШЭН

Арсен Корбин не собирается жениться по любви. Его невеста всегда была средством для достижения цели, женщиной, которую он хочет завоевать. Но когда она внезапно погибает в результате несчастного случая, грандиозный план Арсена рушится. Все еще не оправившись от смерти своей невесты, он встречает Виннфред Эшкрофт, борющуюся актрису, которая получает желанную роль в пьесе в его театре... и знает о покойной невесте то, что никто другой не знает. Единственная проблема? Они терпеть не могут друг друга. За кулисами театра Арсена Винни начинает ослаблять бдительность в отношении буйного миллиардера. Она ценит его остроумие и причудливую привязанность к астрономии. И Арсен, как бы он ни был пресыщен, уважает упрямый характер Винни. Трагедия и предательство сближают их, но сдержит ли их болезненное прошлое — или разожжет их желание? Я понимаю, что в нашей работе, будь то актерство или писательство, важны не слава и не гламур, не то, о чем я раньше мечтал. Это способность выстоять. — Антон Чехов, «Чайка».

Л. Дж. Шэн

Безжалостный соперник

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 1

Арсен

Крыши в Портофино другие.

Плоские, широкие, старые.

Здания пастельных тонов вырастают из земли, так тесно прижавшись друг к другу, что зубочистку между ними не просунуть, даже если постараться. Яхты в гавани пришвартованы аккуратно и на равном расстоянии друг от друга. Средиземное море блестит под последними устойчивыми солнечными лучами, когда начинают опускаться сумерки.

Я сижу на балконе своего гостиничного номера с видом на Итальянскую Ривьеру, наблюдая за тем, как божья коровка кружится вокруг своей оси, как Венера, на мраморных перилах.

Я переворачиваю божью коровку, помогая ей встать на ноги, затем делаю глоток белого вина. Сегодняшнее меню у меня на коленях. Рагу из дикого кабана кажется самым дорогим вариантом, а это значит, что я обязан его заказать, просто чтобы посмотреть, как идиоты из бухгалтерии потеют над своими тарелками с ризотто, когда они понимают, что эта конференция будет стоить им намного больше, чем они планировали потратить.

Корпоративные мероприятия — это место, где умирают хорошие идеи. Общеизвестно, что любая коммерческая тайна, о которой стоит говорить шепотом, не будет раскрыта во время официального мероприятия компании. Ценной рыночной информацией, как оружием, торгуют на задворках индустрии.

Нас сюда привела не моя работа. На самом деле, у меня нет рабочего места, о котором можно было бы говорить. Я одинокий волк. Консультант по количественной торговле, оплачиваемый компаниями хедж-фондов с почасовой оплатой, чтобы помочь им разобраться в конгломерате потенциальных инвестиций. Во что инвестировать, сколько и как не отставать от годовой прибыли, которую ожидают от них клиенты. Мои друзья часто говорят, что я как Чендлер из «Друзей». Что никто не знает, чем я на самом деле занимаюсь. Но моя работа довольно проста — я помогаю богатым людям становиться еще богаче.

— Просто примеряю это новое платье, — мурлычет женский голос из-за балконной двери. — Это займет не больше десяти минут. Не пей слишком много. В трезвом виде ты едва ли подойдешь на роль цивилизованного человека для этих кухарок в смокингах.

Перекинув меню на ближайший столик, я беру лежащую рядом книгу и перелистываю на следующую страницу. «Краткие ответы на большие вопросы» Хокинга.

Поскольку мы находимся на верхнем этаже курорта, у меня есть прямой вид практически на все остальные балконы, выходящие на юг, с видом на гавань.

Вот как я замечаю их в первую очередь.

Пара, двумя террасами ниже нас.

Они единственные, кто вышел на улицу, впитывая последние лучи заходящего солнца. Их светлые головы склоняются друг к другу. У него кукурузно-желтые волосы. У нее —

титановые, смесь золотого и красного, как выжженный песок пустыни.

Он одет в строгий костюм. Она — в бордовое платье. Что-то простое, дешевое на вид, почти терпкое. Девушка по вызову? Неа. Магнаты хедж-фондов с Уолл-стрит инвестируют в дорогие на вид свидания. Типа со встроенным дизайнерским гардеробом, туфлями на красной подошве и манерами частной школы. Красотки существуют только в сказках и фильмах Джулии Робертс. Никто на Манхэттене не ценит в женщинах обаяние, честность и причудливость.

Нет. Это деревенщина. Возможно, амбициозная местная жительница, которая забралась в его постель в надежде заработать большие чаевые.

Пара делит персик и липкие, сочные поцелуи. Нектар стекает по их губам, когда он кормит ее фруктами. Она ухмыляется, откусывая мякоть фрукта, не сводя с него взгляда. Он жадно целует ее, и она сильно прикусывает его нижнюю губу, прежде чем его рот отрывается от ее губ, чтобы прошептать что-то ей на ухо.

Девушка запрокидывает голову и смеется, обнажая бледный длинный столбик шеи. Я ерзаю на стуле, моя книга прикрывает мою постоянно растущую эрекцию. Не знаю, что меня больше заводит. Персик, женщина или тот факт, что я официально вуайерист. Скорее всего, все три.

Мужчина опускает голову и слизывает длинную дорожку нектара, не упуская хорошей возможности. Они прислонились к перилам, его тело прижалось к ней.

Что-то проходит между ними. Что-то, от чего волосы на шее встают дыбом. Чем бы ни наслаждались эти двое, этого у меня сейчас нет.

Я не человек, привыкший к недостижимым вещам.

— Ты уже пробовал белое? — Стеклопанель открывается со скрипом. Я бросаю взгляд на человека, которому принадлежит голос.

— Слишком много аниса и трюфеля, да? — Моя спутница усмехается и дует. Она все еще в халате. Сколько часов нужно, чтобы надеть проклятое платье?

Я делаю глоток вина.

— На мой вкус, неплохо. Мы опоздаем.

— И тебя волнуют опоздания с тех пор...? — Она выгибает бровь.

— Нет. Но я голоден, — категорически отвечаю я.

— Разыграй свои карты правильно, и я могу быть твоим десертом. — Она дьявольски улыбается, сдобрив этот жест подмигиванием.

Я взбалтываю вино в чистом бокале.

— Ни десерта, ни свидания. Это услуга за услугу, и я не известен своими филантропическими взглядами.

Она закатывает глаза.

— Можешь хотя бы притвориться терпимым?

— Можешь притвориться, что я тебе нравлюсь? — Я стреляю в ответ.

Она задыхается.

— Конечно, ты мне нравишься. Иначе зачем мне быть с тобой?

— Я мог бы придумать тридцать три миллиона причин. — Это мой собственный капитал до моего предстоящего наследства.

— Боже, ты грубиян. Моя мать была права на счет тебя. — Она захлопывает стеклянную дверь перед моим носом.

Я кладу книгу на стол, переключая внимание на пару на балконе. Они все еще

занимаются этим, беззаботно целуясь. Он наматывает ее волосы на кулак, натягивает, поднимает ее лицо и крепко целует. Их языки эротично переплетаются. Она гладит его по щекам и ухмыляется, проводя верхними зубами по его нижней губе. Мой член снова напрягается. Она полностью принадлежит ему, я могу сказать, и эта слепая уверенность в том, что она принадлежит ему, то, как комфортно она чувствует себя, принадлежа другому человеку, заставляет меня хотеть оттрахать ей мозги, просто чтобы доказать свою точку зрения.

Никто не принадлежит тебе, и ты никому не принадлежишь. Мы все просто падшие враги, пытающиеся выжить в этой вселенной.

Он проводит ртом по ее шее, обхватывает ее груди и подталкивает камешек к своим губам. Край ее розового соска торчит из платья. Когда его рот достигает ложбинки между ее сиськами, она опомнилась.

Она отталкивает его, тяжело дыша. Может быть, она знает, что у них есть аудитория. Если она ждет, пока я смущусь, ей лучше устроиться поудобнее, потому что этого не произойдет. Это они занимаются сухим сексом у всех на виду. Я просто мужчина, наслаждающийся своим претенциозным бокалом вина в ленивый летний день.

Стеклянная дверь снова открывается, и снова появляется Грейслин Лэнгстон, на этот раз в черном шифоновом платье с блестками. Кусок Akris, который я купил ей на следующий день после того, как она забралась обратно в мою постель в тысячный раз за это десятилетие.

Эта модель Грейслин, или, как я ее называю, Грейс. Трахни меня. Ударь меня. Ползи обратно ко мне. Она всегда удивляется, когда находит себя на моем пороге, вид задумчивый, а иногда и пьяный, и всегда униженный.

Впрочем, меня это никогда не удивляет.

Я пришел к тому, чтобы принять то, кем мы есть. Неблагополучная, испорченная пара, как и наши родители. За исключением физического насилия, может быть.

С годами я усовершенствовал искусство управления своей сводной сестрой. Использую ее взрывной характер в своих интересах.

Теперь я могу определить точный момент, когда Грейс собирается покинуть меня. Это всегда происходит, когда наши отношения начинают казаться настоящими и серьезными. Когда спасительный блеск от траха со сводным братом исчезает, и она остается с последствиями. С мужчиной, которого она презирает. С замкнутым, неразговорчивым монстром. Социальным изгоем, изгнанным из вежливого общества Уолл-стрит с двухлетним запретом на надзор за обвинения в инсайдерской торговле.

И вот, как швейцарские часы, в ту минуту, когда она отстраняется, я становлюсь далеким, недоступным; я стратегически замечаю женщин на улице. Таких женщин, которых она не одобряет. Тех, которые носят слишком много косметики и свои подержанные дизайнерские сумки со всей гордостью наследницы отеля.

Отлично работает. Грейс всегда возвращается. Она меня терпеть не может. Но еще больше она не может терпеть, когда у меня под рукой другая женщина.

— Застегни мне молнию, — требует она сейчас, покачивая бедрами и неторопливо направляясь ко мне. Она оборачивается, возвращаясь ко мне спиной. Каждый позвонок в ее позвоночнике ярко выражен. Ей удалось сохранить свое тело балерины еще долго после того, как она отказалась от мечты.

Я застегиваю ей молнию.

— Сколько людей сегодня вечером порадует нас своей посредственностью?

— Как обычно, слишком много. — Она говорит с невидимками во рту, заправляя последние пряди в прическу. — По крайней мере, они пригласили только двадцать лучших сотрудников и их помощников. Слава богу, ни одного надутного помощника шерифа.

Грейс не представляет меня как своего парня. Скорее, как своего сводного брата, хотя наши родители в разводе с тех пор, как мы оба поступили в колледж.

Но она все же представляет меня, потому что я хорошо известен в биржевой торговле. Боятся, уважают, но редко любят. Она знает мои рычаги, мою тягу. Я могу быть паршивой овцой в мире хедж-фондов, но я все равно знаю, как делать деньги, и людям на Уолл-стрит очень нравятся люди, которые знают, как это делать. Это их любимый трюк на вечеринках.

Мои пальцы задерживаются, когда я вижу шрам на ее верхней части спины. Тот, который напоминает мне, что с ней случилось. Что случилось со мной двадцать четыре года назад. Я провожу по нему подушечкой пальца. Ее тело покрывается мурашками, и она отстраняется, как будто я ударил ее.

— Это очень заметно? — Она возится с идеально застегнутым браслетом, прочищая горло.

— Нет, — лгу я, расстегивая молнию. Я останавливаюсь. Что-то приходит ко мне. Потребность прикоснуться губами к ее шраму. Успокоить ее. Я сопротивляюсь инстинкту. Вместо этого я говорю:

— Ну вот, Венера.

— Венера?

— Самая горячая планета Солнечной системы. — Я подмигиваю, обращаясь к моему внутреннему Кристиану Миллеру, моему другу, которому каким-то образом удалось довести до совершенства искусство наслаждаться своими отношениями, а не превращать их во взрослую игру, как это делал я.

Я почти слышу, как Грейс пренебрежительно шмыгает носом.

— Слава богу, ты скрытный чудак. Мог бы ты представить, если бы другие люди узнали о твоей астрономической причуде? — Она фыркает, отталкиваясь от меня дальше. — Теперь все, что мне нужно, это пара сережек. Как ты думаешь, серьги из розового золота с бриллиантами или аквамарины?

Первую пару я купил ей на двадцать восьмой день рождения, намеренно превзойдя подарок ее на тот момент бойфренда. Она бросила его в тот же вечер, ужаснувшись перспективе закончить жизнь с риэлтором среднего класса, который мог позволить себе купить ей только "Лабутены" последнего сезона. Позже она ждала меня в постели, надевая ничего, кроме упомянутых сережек. Последняя пара была подарена мне после того, как я закончил трехмесячный роман с Люсиндой — да, ее заклятым врагом детства, — когда Грейс слишком долго не отвечала мне после одного из наших многочисленных расставаний.

Бедная, бедная Люсинда. Ее ждал неприятный сюрприз, когда, вернувшись с гастролей в Париже в качестве прима-балерины, она обнаружила, что Грейс обжигает мою постель.

Мои подарки всегда пропитаны намерением, целью и ядом. Это грязный, жестокий поцелуй. Смесь страсти и боли.

— Аквамарины, — протягиваю я.

Она наклоняется, оставляя прохладный поцелуй на моих губах. Я хочу, чтобы она отошла, чтобы я мог посмотреть, трахается ли сейчас пара двумя этажами ниже у всех на

виду. Их извращения лучше, чем наши. Я бросаю взгляд на их балкон. Грейс следит за моим взглядом.

Ее рот растягивается в злобной улыбке.

— Я вижу, ты познакомился с моим руководителем. Вроде того, во всяком случае.

— Ты знаешь эту сумку с инструментами? — Я делаю глоток вина.

— Пол Эшкрофт? Он новый главный операционный директор Silver Arrow Capital. Я уверена, что упоминала его.

Компания, в которой Грейс работает аналитиком.

Пол и его спутница стоят к нам спиной. Кажется, они сейчас разговаривают и держат свои руки при себе.

— Я уверен, что нет. Не то чтобы он казался запоминающимся персонажем. — Я дергаю подбородком на женщину в красном. — Он становится довольно игривым с помощью.

Грейс радостно смеется. Ничто не приносит ей большей радости, чем смотреть, как разрывают на части другую женщину.

— Она простое создание, не так ли? Верить или нет, но он надел на нее кольцо. И очень дорогое.

Я хмыкаю.

— Он менеджер хедж-фонда. Рискованные ставки — вот где он преуспевает.

— Она выпускница Джульярда с Глубокого Юга. Я даю ей шесть месяцев, — продолжает Грейс, шурясь, чтобы получше рассмотреть их.

— Великодушно с твоей стороны. — Я смеюсь.

Я знаю таких мужчин, как Пол. Манхэттенские акулы, которые прославляют тихих южных красавиц только для того, чтобы обнаружить, что противоположности могут притягиваться, но они не подходят друг другу. Это всегда заканчивается разводом, взаимной клеветнической кампанией и, если женщина работает достаточно быстро, ежемесячным толстым чеком на содержание ребенка.

— Ты меня знаешь. Доброта — мое второе имя. Пойду надену серьги. Ты без галстука? — Грейс дуется, глядя на меня сверху вниз. На мне черный кашемировый свитер и клетчатые брюки.

— Последнее, чего я хочу, — это произвести хорошее впечатление. — Я возвращаюсь к своей книге.

— Ты бунтарь без причины.

— Напротив. — Я переворачиваю страницу. — У меня есть причина — я хочу, чтобы все оставили меня в покое. Пока все идет отлично.

Она качает головой.

— Тебе так повезло со мной.

Она исчезает в нашей комнате, забирая с собой свое гигантское отношение и соответствующее эго.

Бросаю последний взгляд на пару. Пола больше нет на балконе.

Но его жена здесь, и она смотрит прямо на меня.

Внимательно. С обвинительной яростью. Как будто она ожидает, что я что-то сделаю.

Она заметила, что я смотрю?

В замешательстве я оглядываюсь назад, чтобы убедиться, что она смотрит на меня. Больше никого не видно. Ее глаза, большие, голубые и безжалостные, впились в мои

сильнее.

Это ситуация с заложниками? Вряд ли. Она выглядела очень счастливой, что всего несколько минут назад целовалась со своим мужем. Она пытается пристыдить меня за то, что я смотрел на них? Удачи с этим. В последний раз мою совесть видели в десять лет, когда она покидала больничную палату с диким рычанием, пробивая дыры в стенах.

Я встречаюсь с ней взглядом, не понимая, что происходит, но всегда рад принять участие во враждебном противостоянии. Я выгибаю бровь.

Она моргает первой. Я тихо посмеиваюсь, качая головой, собираясь вернуться к своей книге. Она быстро вытирает щеку. Подождите минуту... она плачет.

Плачет. На роскошном отдыхе в итальянской Ривьере. Такие непостоянные создания, женщины. Всегда невозможно угодить. Бедный Пол.

Мы снова заперты в этом странном взгляде. Она выглядит одержимой. Я должен встать и уйти. Но она выглядит такой восхитительно уязвимой, такой неуместной, что часть меня хочет увидеть, что она будет делать дальше.

И с каких это пор мне есть дело до того, что делают люди?

Я хладнокровно встаю, хватаю свою книгу, допиваю остатки вина, поворачиваюсь на каблуках и ухожу.

У миссис Эшкрофт могут возникнуть проблемы.

Но не мне их решать.

ГЛАВА 2

Арсен

Через час Грейс порхает между своими коллегами на бело-сером мраморном полу, держа в руке бокал шампанского. Она смеется, когда это уместно, сочувственно хмурится, когда это необходимо, и старательно представляет меня как своего сводного брата и экстраординарного финансового гения.

Я подыгрываю. Моя конечная цель всегда заключалась в том, чтобы сделать Грейс моей, чтобы все ее видели — мой отец, ее мать, мои друзья. Женщина вгрызлась мне под кожу. Она навсегда запечатлена на каждой из моих костей, и я не остановлюсь, пока не выставлю ее напоказ как свою драгоценную собственность.

В некотором смысле мне нравится, как она преуменьшает наши отношения. Видите ли, чем больше Грейс подчеркивает тот факт, что мы сводные братья и сестры, тем горькую пилюлю ей придется проглотить позже, когда мы станем достоянием общественности.

В моих самых темных, самых грубых фантазиях Грейслин Лэнгстон, запинаясь, пытается объяснить, как она вышла замуж за человека, которого много лет представляла как своего брата.

Она будет носить мое кольцо. Что бы ни случилось.

Ресторан кишит людьми. Грейс и я общаемся с Чипом Бреслином, генеральным директором компании. Он ноет о том, что провел последний месяц, сокращая сделки с высоким импульсом из-за ужесточения политики ФРС, и поглядывает в мою сторону, чтобы узнать, имею ли я на это право. Я не раздаю бесплатные советы. Особенно сейчас, когда мой собственный торговый портфель находится в состоянии покоя из-за моего нового двухлетнего запрета.

— Ах, ну же, Корбин, брось нам косточку или две. — Чип усмехается, наконец переходя к делу. — Каким ты видишь развитие следующего квартала? Мой приятель Джим из

«Вудсток Трейдинг» сказал, что ты упомянул только короткие позиции.

— Я профессиональный пессимист. — Я оглядываю комнату, ища отвлечение. — Как бы то ни было, у меня вынужденный перерыв, и я не собираюсь нарушать свой запрет за болтовню.

— О, я бы и не мечтал! — Он краснеет и неловко смеется.

— На самом деле, ты только что прямо спросил меня, — вежливо отвечаю я.

Бреслин улыбается и говорит, что ему нужно пойти за женой из бара.

— Ты же знаешь, как это бывает. — Он подмигивает и толкает меня локтем, уходя.

На самом деле я не знаю. Грейс обладает безупречным самоконтролем во всех сферах своей жизни, кроме отношений со мной. Она бесстрашна, расчетлива и безжалостно эгоистична, как и я.

— Видишь ли, именно поэтому люди не любят тебя. — Грейс звенит ногтями — квадратными, полированными, телесного цвета — над стаканом. — Он пытался поговорить с тобой о делах, а ты его полностью отшил.

— Есть горстка людей, с которых я не беру плату за свое присутствие, и в настоящее время я смотрю на тридцать три целых три процента из них. — Мой взгляд падает на ее декольте. Думаю, я собираюсь трахнуть ее сиськи сегодня вечером. Грейс не нравится, когда я кончаю в нее, даже с презервативом, но она, похоже, готова почти ко всему, чего пожелает мое сердце (и член).

— Ты пытаешься очаровать мои трусики? — Она ухмыляется.

— Я надеялся, что ты не носишь их с самого начала.

Комната заполняется до такой степени, что становится слишком людно и слишком потно, но наше место рядом с баром остается пустым.

— Все блокируют вход. К чему вся эта суматоха? — Внимание Грейс переключается на вход.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, на что она смотрит. Пол и его сеновал только что вошли в комнату. Все спешат к ним. В том числе Чип и его жена, которая неуверенно идет зигзагами, цепляясь за руку мужа. Большая часть внимания уделяется красивой светловолосой жене Пола, главному источнику развлечений на вечеринке. Как картина Энди Уорхола, она яркая и красочная, лопается по швам в комнате, полной людей в черном, сером и обнаженном. Любопытная штучка. Ее одежда слишком громкая, улыбка слишком большая, глаза дико исследуют каждый дюйм пространства, в которое она только что вошла. Я нахожу ее очаровательно инфантильной.

— Она там раздает бесплатные минеты? — спрашиваю я в разговоре, зная, что моя закрытая девушка не любит, когда ее игнорируют, особенно из-за другой женщины.

— Не думаю, что ей это понравится. — Грейс прикусывает внутреннюю щеку, ее ноздри раздуваются. — Винни — всеобщая маленькая собачка. Она посылает Пола на работу с ковбойским печеньем — рецептом Лоры Буш — и добровольцем в детские благотворительные организации, и..

— Ее зовут Винни? — Я хмурюсь.

— Виннфред. — Она закатывает глаза. — Странно, правда?

— Он женился на карикатуре. — Я подшучиваю над ней.

Эта девушка — ходячий, говорящий плюшевый мишка. И она училась в Джульярде, школе, которую выбрала Грейс, когда еще думала, что у нее есть шанс стать балериной. Я удивлен, что она не проявляет к ней более открытой враждебности. Возможно, моя сводная

сестра наконец-то научилась справляться с конкуренцией.

— Думаю, нам стоит пойти поздороваться. — Грейс выглядит так, будто скорее вырвет себе в рот, чем сделает это.

Я не особенно хочу целовать кольцо Мэри Сью, которая плакала на своем балконе и кинула на меня вонючий взгляд, но я также не хочу, чтобы Грейс ныла о том, что я не командный игрок.

Мы приближаемся к Эшкрофтам, насколько это возможно. Женщины стекаются к Виннфред, требуя рецепта печенья, а Пол собственнически обнимает ее за плечи. Грейс прокладывает себе путь в их сферу и целует Пола в щеку.

— Привет. Как приятно видеть вас двоих. — Она целует Винни в щеки, сжимая ее руки. — Да ты выглядишь сногшибательно, Виннфред!

Она не думает, что эта женщина выглядит сногшибательно в своем безвкусном уличном платье и полосатых туфлях на каблуках, которые она, вероятно, купила на распродаже в Walmart.

— Как и ты, Грейс. — Улыбка Винни искренняя и добрая. — Ты выглядишь так, как будто могла бы быть в кино.

Малефисентой, может быть.

— Это мой сводный брат, Арсен Корбен. Мы ведем много дел вместе, поэтому за последние годы мы очень сблизились. — Грейс машет мне рукой, как будто я выставлен на аукцион на церемонии сбора средств. Я ухмыляюсь. Преувеличение всегда выдает ее. Если бы она просто представила меня как своего сводного брата, может быть, половина Манхэттена не шепталась бы у нее за спиной о том, что я трахнул ее на ресепшене.

Я пожимаю руку Пола. Он сияет.

— Твоя репутация опережает тебя, мистер Корбин. Как жизнь вне мира торговли?

— Такая же неудовлетворительная, как и жизнь внутри нее. — Я отдергиваю свою сухую грубую ладонь от его потной. — Однако я продолжаю заниматься, инвестируя в более материальные активы.

— Да. Я слышал. Ты купил компанию по доставке и перевозке грузов, не так ли? — Пол поглаживает подбородок. — Очень умно, в эпоху, когда онлайн-покупки процветают.

Он выглядит как человеческий ответ на овсянку. Привилегированный, мягкий и скучный. Я пережевывал достаточно таких мужчин, как Пол, в своей жизни, чтобы знать его послевкусие. Он из тех парней, которые изменяют своей жене со своей секретаршей, как только ей исполняется тридцать пять. Из тех, кто следит за людьми вроде меня, чтобы видеть, что мы делаем, куда инвестируем, чтобы получать идеи для себя.

— Это моя жена Винни. — Пол целует миниатюрную женщину в плечо. Она обращает все свое внимание на меня, и, наконец, я могу это видеть. Причина, по которой Пол решил, что она стоит больше, чем ночь между простынями. Она, объективно говоря, сияющая. Ее кожа богата и сияет, ее глаза яркие и любопытные, ее улыбка заразительна и обнадеживает. Она из тех женщин, о которых говорят, освещает комнату. Грейс, напротив, из тех женщин, которые заставляют температуру падать до арктического уровня везде, куда она входит. В том числе и в моем сердце.

К счастью, деревенская девушка Виннфред меня не привлекает.

— Привет! — Винни обнимает меня в неуместном полуобъятии. Либо она не умеет обижаться, либо не узнает меня с балкона.

Я немедленно отстраняюсь от ее объятий. Надеюсь, она не является переносчиком

болезней крупного рогатого скота.

Пол хихикает, явно находя очаровательным отсутствие формальностей у своей жены.

— Где ваши места, Лэнгстон-Корбин?

— Здесь написано пятнадцать и шестнадцать. — Грейс держит наши пригласительные билеты.

— У нас девятнадцать и двадцать, так что, думаю, вам придется еще немного нас потерпеть, — весело говорит Пол.

Ух ты, блядь, ура.

С наступлением вечера росло и мое подозрение, что Виннфред на самом деле беременна. Она не прикасается к алкоголю, всю ночь предпочитая газированную воду. Ей не нравится мясное ассорти, и она держится подальше от тех, кто пыхтит вейпами и сигарами. Ее частые походы в туалет также заставляют меня задуматься, не дремлет ли кто-нибудь прямо на ее мочевом пузыре.

Грейс занята тем, что сует свой язык в жопы нужных людей. Образно говоря, к счастью. Она обсуждает работу с Чипом, Полом и парнем по имени Пабло, который является главным трейдером. Трое мужчин пытаются заманить меня в разговорную комнату, но я вежливо уклоняюсь. Как и все экзотические существа, я не особо хочу, чтобы меня тыкали через прутья клетки с вопросами о моих обвинениях в инсайдерской торговле. И я не сомневаюсь, что все здесь хотели бы услышать о том, что я сделал только для того, чтобы получить пощечину.

— Не из тех, кто хвастается, а, Корбин? — Пол кивает после очередного лаконичного ответа от меня о моих предпочтительных розничных акциях. — Винни такая же. Она вообще не любит говорить о своей работе.

— Это потому, что у меня ее сейчас нет. — Винни делает глоток газированной воды, ее щеки порозовели.

Я поворачиваюсь к ней лицом. Во мне вспыхивает вспышка интереса. Она делает больше, чем просто играет в домохозяйку? Это интересно.

— Чем ты занимаешься, Виннфред?

— Окончила Джульярд в этом году. Теперь я просто... между прослушиваниями, я полагаю? — Она смущенно смеется, ее южный акцент почти комичен. — Не могу сказать, что я занята больше, чем мотылек в варежке. Трудно добиться успеха в Большом Яблоке. Что тебя не убивает, делает тебя сильнее, верно?

— Или ослабляет тебя. — Я пожимаю плечами. — Зависит от фактора «что», на самом деле.

Она смотрит на меня широко открытыми глазами, простая мелочь.

— В этом есть смысл.

— Как ты думаешь, у тебя есть все необходимое, чтобы добиться успеха в Нью-Йорке? — Я спрашиваю.

— А иначе я была бы там? — И снова эта улыбка. Та, что полна надежды и добра.

— Люди приезжают в Нью-Йорк по многим причинам. Большинство из них не кошерные. Как ты познакомилась с Полом?

С каждым вопросом мне кажется, что я раздеваю ее. Публично. Умышленно. И, как все голые люди в общественных местах, она начинает извиваться, ерзая на стуле.

— Ну... — Она прочищает горло. — Я...

— Ждала на его столе в ресторане "Дельмонико"? — Я делаю дикое предположение.

Может быть, и в "Ле Бернарден". У нее твердая восьмерка. Может быть, даже девятка, в правильном платье.

— Вообще-то я была феей на четвертом дне рождения его племянницы. — Она поджимает губы в тонкую линию, хмурясь.

— Кем? — Я бы выплеснул свое вино, если бы оно того стоило. — Прошу прощения, я этого не уловил.

Я уловил, но это слишком хорошо, чтобы не повторить. Нестареющее американское развлечение. Хрестоматийная версия "Бедная девушка встречает богатого придурка".

Пол погружен в беседу с Пабло и Грейс, не обращая внимания на то, что я поджариваю его жену, как будто она лучший стейк.

Виннфред выпрямляет спину и смотрит мне в глаза, пытаюсь показать, что она меня не боится.

— Я была сказочным персонажем на дне рождения его племянницы. Я накрутила его лицо блестками. Он не мог перестать смеяться и был полностью согласен, даже когда я нарисовала Тинкербелл на его щеке. Я поняла, что из него получится хороший отец. Поэтому я дала ему свой номер.

Бьюсь об заклад, тот факт, что он, вероятно, появился на той вечеринке в старинной машине, которая стоит больше, чем дом ее семьи, также не уменьшил его шансов.

— После этого ни у кого больше не было шансов. — Пол, оторвавшись от разговора Пабло и Грейс, уткнулся носом в изгиб ее шеи, целуя ее с открытым ртом. — Теперь она моя на всю жизнь, не так ли, куколка?

Бьюсь об заклад, он думает, что это звучит романтично, а не как реклама невесты по почте.

— Я не понял, откуда ты, Виннфред? — невинно спрашиваю я.

Грейс бросает на меня останавливающий взгляд. У меня всегда была привычка играть с едой; только сейчас человек, которого я пережевываю, — жена ее босса с мертвым мозгом.

— Я из Теннесси. — Винни снова заметно слатывает. — Недалеко от Нэшвилла. Город под названием Малберри-Крик.

— Родина лучшего яблочного пирога во всех пятидесяти штатах? — Я ухмыляюсь в свой бокал.

— Вообще-то, мы больше известны своими бисквитами. О! И, конечно же, инбредными наклонностями. — Она одаривает меня сладкой улыбкой.

Значит, она действительно сопротивляется. Не ожидал, что так получится.

— Давай, куколка. Не нужно быть саркастичной. — Пол щелкает ее подбородок.

Если он еще хоть раз назовет ее куколкой, я разобью свой бокал и проткну его шею осколком.

— Что заставило тебя переехать в Нью-Йорк? — Не спрашивайте меня, почему я продолжаю приставать к этой женщине, потому что я понятия не имею. Скука? Социопатические наклонности? Ваша догадка так же хороша как и моя.

Она смотрит мне прямо в глаза и говорит:

— Конечно, все эти большие, ослепительные огни. И "Секс в большом городе" тоже. Я подумала, боже мой, жить там должно быть так же, как в этих шикарных фильмах. О, и не забудь песню Алисии Кис. Огромный фактор. Огромный.

Грейс наступает мне на ногу под столом, достаточно сильно, чтобы сломать кость. Ее колено ударяется о поверхность, заставляя посуду танцевать на месте. Пол слегка

отпрыгивает назад, удивленный. Слишком поздно. Я уже слишком далеко, чтобы беспокоиться. Виннфред Эшкрофт — единственное, что хоть отдаленно развлекает в этом мероприятии, и пировать на ее самолюбии вкуснее, чем есть любое другое блюдо, поданное здесь сегодня вечером.

— Винни немного чувствительна к тому, что она незваная гостя. — Пол гладит жену по голове, словно она очаровательная чихухауа.

— Это похоже на «Секс в большом городе», не так ли? — любезно спрашиваю я ее, когда каблук Грейс предупреждающе вонзается мне в лофер, растирая пальцы ног в пыль. — Ты нашла своего мистера Бига.

— Пол больше похож на Мистера Среднего, если взглянуть на писсуар, — шутит Чип. Все смеются. Все, кроме Винни, которая смотрит на меня, недоумевая, чем она это заслужила.

Ты просила меня заботиться. Там, на балконе. Теперь ты увидишь, насколько я небрежен к чувствам людей.

— Ладно, Арсен, пора сменить тему. — Грейс виновато улыбается, дергая меня за рукав. — Люди здесь для развлечения, а не для допросов.

Я знаю, что Грейс делает это не по доброте душевной. Она сообразительная женщина, которая хочет продвинуться вперед. Прямо сейчас я злю ее босса и его куколку.

— Вообще-то, я считаю, что моя очередь задавать вопросы. — Винни вздергивает подбородок.

Я сижу, наблюдая за ней с открытым удовольствием. Она как та маленькая божья коровка, крутящаяся вокруг своей оси. Восхитительно отчаянная. Жаль, что я решительно настроен на Грейс, иначе я бы взял ее на пробу на несколько месяцев. Пол даже не стал бы препятствием на моем пути. Женщины такого типа продаются по самой высокой цене, а у меня карман поглубже, чем у него.

— Отжигай, — говорю я.

— Чем ты занимаешься? — она спрашивает.

— Разбираюсь во всех делах.

— Разбираешься в чем?

Пожав плечами, я протягиваю:

— Все, что приносит деньги.

— Я уверена, что ты можешь быть более конкретным. Это может означать торговлю оружием. — Она складывает руки на груди.

Отлично. Давай играть.

— Акции, корпорации, валюты, товары. Хотя я недавно попал под запрет за инсайдерскую торговлю. Два года.

Все взгляды устремляются на нас. Я еще не поднимал эту тему в этой комнате, унаследовав от отца неприятную черту никогда не давать людям того, чего они хотят.

— Почему? — требует она.

— Обвинения в манипулировании рынком. — Прежде чем она спросила, что это значит, я объясняю: — Говорят, среди прочего, я искажил информацию инвесторам.

— Ты сделал это? — Виннфред выдерживает мой взгляд, выглядя как ребенок в своей невинности.

Пока весь зал смотрит, я провожу языком по нижней губе, ухмыляясь.

— У меня есть одна проблема, Виннфред.

— Только одна? — Она невинно моргает, прежде чем уступить. — И в чем твоя проблема?

— Я никогда не играю, чтобы проиграть.

Ее глаза, такие же красивые, как голубые шляпки, все еще смотрят на меня. Немилосердная мысль приходит мне в голову. В аквамариновых серьгах Грейс она, наверное, выглядела бы в десять раз лучше. Увидев ее только в этих серьгах, я бы очень обрадовался. Ну что ж. Может быть, Грейс скоро будет плохо себя вести и бросит меня, а я заведу быстрый роман с этой малышкой, чтобы напомнить сводной сестре, что я все еще человек с потребностями.

— И люди здесь принимают тебя? — Виннфред удивленно оглядывается вокруг. — Даже если они знают, что ты сделал что-то плохое и подорвал их торговлю?

— Собака лает, а караван идет дальше. — Я откидываюсь назад. — Даже людям, которым не все равно, становится все равно, как только чувства переходят в действие. Люди, как известно, эгоистичные существа, Виннфред. Вот почему русские вторглись в Украину. Почему афганцы были предоставлены сами себе. Почему в Йемене, Сирии, Судане гуманитарный кризис, а ты даже не слышишь об этом. Потому что люди забывают. Они злятся и идут дальше.

— Мне не все равно. — Она скалит на меня зубы, как раненое животное. — Меня волнуют все эти вещи, и то, что ты не заботишься, не означает, что другие такие же плохие. Ты опасный человек.

— Опасный! — Грейс вопит, сдерживая смех. — О, нет. Он просто котенок. Мы все такие, в нашей семье. Безобидные искатели цифр. — Она обмахивается веером, болтая. — Что, как я понимаю, не так интересно, как шоу-бизнес. Знаешь, у моего отца есть театр. В детстве я постоянно ходила туда. Я находила это совершенно очаровательным.

Хотя это правда, что Дуглас владеет театром, Грейс просто притворялась, что ей нравится, когда она росла, чтобы заслужить его одобрение. Театр — малорентабельная сфера. Грейслин любит только то, что приносит деньги.

Диверсионная миссия выполнена успешно. Виннфред отводит свое внимание от Грейс и задает ей вопросы о Калипсо Холле. Грейс отвечает с энтузиазмом.

Мой телефон начинает звонить. Я вытаскиваю его из кармана. Код города говорит о Скарсдейле, но я не узнаю номер. Я нажимаю отбой. Чип пытается спросить меня что-то с Nordic Equities.

Мой телефон снова звонит. Тот же номер. Я нажимаю отбой.

Понял намек.

Проклятые мошенники и их способность использовать цифры в твоём коде города.

Следующий звонок поступает с другого номера, все еще в Нью-Йорке. Я собираюсь выключить его, когда Грейс кладет руку мне на бедро и говорит сквозь зубы, слушая, как Виннфред болтает о Гамильтоне.

— Может быть, ювелир. Насчет ожерелья, которое ты купил мне в Ботсване. Ответь.

Телефон звонит в четвертый раз. Вставая, я извиняюсь и выхожу из ресторана на балкон с видом на гавань. Я прокручиваю зеленую кнопку.

— Что? — Я выплюнул.

— Арсен? — спрашивает голос. Он старый, мужской и смутно знакомый.

— К сожалению. Кто это?

— Это Бернад, помощник твоего отца.

Я смотрю время на своих часах. В Нью-Йорке четыре часа дня. Что мой отец может хотеть от меня? Мы редко разговариваем. Я езжу в Скарсдейл несколько раз в год, чтобы показать свое лицо и обсудить семейные дела — я полагаю, его идею сближения, — но в остальном мы фактически незнакомы. Я его не то чтобы ненавижу, но и не люблю. Чувство, или его отсутствие, я уверен, взаимно.

— Да, Бернард? — нетерпеливо спрашиваю я, упираясь локтями в перила.

— Я не знаю, как это сказать... — Он замолкает.

— Быстро и без лишних слов было бы моим предпочтительным методом, — предлагаю я. — Что такое? Неужели старик снова женится?

С тех пор, как он развелся с Мирандой, мой отец взял себе за правило каждые пару лет брать под руку новую женщину. Он больше не дает никаких обещаний. Никогда не успокаивается. Роман с женщиной из Лэнгстона — самое быстрое лекарство от веры в понятие любви.

— Арсен... — Бернард сглатывает. — Твой отец... он мертв.

Мир продолжает вращаться. Люди вокруг меня смеются, курят, пьют, наслаждаясь идеально мягкой итальянской летней ночью. В небе пролетает самолет, пронзая жирное белое облако. Человечество совершенно не волнует новость о том, что Дуглас Корбин, пятый по богатству человек в США, скончался. А почему оно должно? Смертность — это оскорбление только для богатых людей. Большинство принимает ее с грустной покорностью.

— Мертв? — Я слышу, как я говорю.

— Сегодня утром у него случился инсульт. Экономка нашла его без сознания около половины одиннадцатого после того, как несколько раз постучала в его дверь. Я знаю, что это многое нужно переварить, и мне, вероятно, следовало подождать, пока ты не придешь сюда, чтобы сказать тебе...

— Все в порядке. — Я прервал его, проведя ладонью по лицу. Я пытаюсь понять, что я сейчас чувствую. Но правда в том... Я вообще ничего не чувствую. Какая-то странность, да. То же самое ощущение, когда что-то, к чему ты привык — предмет мебели, — внезапно исчезает, оставляя пустое место. Но нет ни агонии, ни пронзительной печали. Ничего, что указывало бы на то, что я только что потерял единственного живого родственника, который у меня есть в этом мире.

— Мне пора возвращаться, — слышу я свой собственный голос. — Прерву поездку.

— Это было бы идеально. — Бернард выдыхает. — Я знаю, что это очень неожиданно. Еще раз извини.

Я включаю громкую связь и убираю телефон от уха, пролистывая ближайшие доступные рейсы. Есть один через два часа. Я все еще могу это сделать.

— Я отправлю тебе информацию о своем рейсе. Пошли кого-нибудь, чтобы забрать нас.

— Конечно, — говорит он. — Мисс Лэнгстон присоединится к тебе?

— Да, — говорю я. — Она захочет быть там.

Она ближе к папе, чем я, маленькая подлиза. Навещает его каждые выходные. Тот факт, что Бернард знает, что она со мной, говорит мне все, что мне нужно знать — папа чертовски хорошо знал, что я трахаюсь со своей сводной сестрой, и сплетничал об этом с прислугой. Забавно, но он никогда не говорил об этом мне. С другой стороны, женщины Лэнгстонов были для нас больной темой с тех пор, как он выгнал меня в интернат.

Прежде чем попасть в ресторан, я заглядываю в уборную унисекс. Расстегиваю молнию

и иду отлить. Когда я выхожу из кабинки, я слышу слабый голос, доносящийся из-за одной из дверей. Леденящий до костей, дикий крик. Как будто там кто-то ранен.

Не твоя проблема, — напоминаю я себе.

Я закатываю рукава, мою руки, а вопли становятся все громче и беспорядочнее.

Я не могу просто уйти сейчас. Что, если кто-то родит ребенка и оставит его тонуть в унитазе? Хотя никто не может обвинить меня в том, что у меня есть совесть, утопить новорожденных — это не то, от чего я буду рад отказаться.

Я выключаю кран и иду обратно в кабинку.

— Эй? — Я прислоняюсь к ней плечом. — Кто здесь?

Плач, переходящий в мелкую икоту, не утихает, но и ответа нет.

— Эй, — пытаюсь я, уже мягче. — Ты в порядке? Мне позвонить кому-нибудь?

Может полиция? Или кто-то еще, кто действительно заботится?

Нет ответа.

У меня кончается терпение, и мои нервы и так на пределе. Все мое тело содрогается от новостей о папе.

— Слушай, либо ты отвечаешь, либо я вышибаю дверь.

Теперь крики стали сильнее. Неконтролируемыми. Я делаю шаг назад для ускорения и пинком открываю дверь. Она слетает с петель, ударяясь о стену большой кабинки, как жертва в кровавом боевике.

Но я не нахожу ребенка или раненого животного.

Всего одна Виннфред Эшкрофт, свернувшись калачиком над бачком унитаза в красном платье, с размазанным по всему лицу макияжем, пьющая вино прямо из бутылки. Ее волосы в беспорядке, и она трясется, как лист.

Разве она не беременна?

Бедный Овсяный Пол. Не может себе даже толковую трофейную жену завести.

Слезы текут по ее щекам. Она сделала хорошую вмятину на этой бутылке. Она наполовину закончена. Мы оба молча смотрим друг на друга, участвуя в каком-то долбанном состязании. Только теперь ясно, что она не ожидает, что я спрошу ее, что случилось.

— У тебя проблемы? — выплюнул я, спрашивая в основном потому, что это мой гражданский долг. — Он причиняет тебе боль? Оскорбляет тебя?

Она качает головой.

— Ты никогда не будешь наполовину таким, как он!

Вот и вся моя пожизненная миссия.

Я оглядываюсь вокруг, ожидая, пока она поднимется и выйдет из туалета. Она самое странное существо, которое я когда-либо встречал.

— Мой муж потрясающий, — подчеркивает она, приходя в ярость, как будто это я плачу в бутылку со спиртом на вершине колонии микробов.

— Твой муж такой же ничем не примечательный, как моя самая нелюбимая пара носков, но это не тот разговор, который мне сейчас интересен, — возражаю я. — Теперь, если я ничего не могу сделать...

— Да, ничего. Даже если бы мне нужна была помощь, я бы к тебе не обратилась. Ты торчишь выше фонарного столба. — Она вытирает нос тыльной стороной руки, фыркая. — Отвали.

— Ну-ну, Виннфред. Я думал, что все южные красавицы милы и приятны.

— Уходи уже! — Она вскакивает на ноги и захлопывает дверь у меня перед носом, ну

или что там еще осталось от распахнутой двери.

На короткое время я думаю дать ей свой номер телефона на случай, если Пол действительно оскорбляет ее. Но затем я вспоминаю, что моя тарелка полна моего собственного дерьма, включая смерть Дуга, слабое поведение Грейс, моя карьера и так далее.

Я разворачиваюсь и ухожу.

Сказать Грейслин Лэнгстон, что Дорогой отчим наконец-то сдох.

ГЛАВА 3

Арсен

Прошлое

Как и все предостерегающие истории, моя история началась в большом раскинувшемся особняке. С витражами, стрельчатыми арками, ребристыми сводами и контрфорсами.

Расписные фрески, мраморные шахматные фигуры ручной работы и величественные изогнутые лестницы.

Со злой мачехой и сопливой сводной сестрой.

Ночь, изменившая все, началась нормально, как и все бедствия.

Папа и Миранда поехали в город на премьеру чеховской «Чайки» в театре «Калипсо Холл» и оставили нас. Они делали это часто. Миранде нравилось искусство, а папе нравилась Миранда. Однако мы никому не нравились, поэтому нашей работой было развлекать друг друга.

Мы с моей сводной сестрой Грейслин расплющили картонную коробку, которую мы украли из кухни, и по очереди садились в нее, скользя вниз по лестнице. Мы столкнулись с домработницами, когда они носились между комнатами, неся пушистые теплые полотенца, ингредиенты для ужина и костюмы из химчистки. Они бы раздавили нас, как жуков, если бы могли. Но они не могли. Мы были Корбинами. Имеющие право, привилегированные и могущественные. Избранные Скарсдейла. Предназначенные для того, чтобы раздавить, а не быть раздавленными.

Мы скользили и скользили вниз по лестнице, пока наши задницы не покраснели под нашей дизайнерской одеждой. Мой позвоночник был похож на желе после того, как я наткнулся на лестницу. Никто из нас не думал останавливаться. В этом замке делать было нечего. Видеоигры были запрещены («Они делают ум ленивым», — сказал папа), игрушки были грязными («И ты все равно слишком стар», — фыркнула Миранда), и у нас заканчивались домашние задания.

Грейслин была в воздухе, скользя вниз по лестнице, когда главная дверь распахнулась. Она столкнулась с моим отцом. Ее лицо ударилось о его ботинки, и она издала комичное

— Уммф.

— Что за... Арсен! — Мой отец с грохотом бросился к подножию лестницы, обходя ее. Полосы от ногтей украшали его щеки. — Что это за беспорядок?

— Мы только...

— Решили навредить себе? Как вы думаете, у меня есть время, чтобы пойти с вами в отделение неотложной помощи? — Он выплюнул. — Иди в свою комнату. Сейчас же.

— Грейслин. — Моя мачеха быстро последовала за ней, закрыв за собой дверь. Мне не нужно было смотреть на ее ногти, чтобы понять, что они покрыты кровью моего отца. Когда они дрались, она всегда так делала. Причиняла ему боль. — Иди занимайся балетом, дорогая. У нас с папочкой есть взрослые темы для обсуждения.

Папочка.

Он не был ее папочкой.

Черт возьми, он даже не был моим папой.

Дуглас Корбин не был отцом.

И все же, как ни странно, он не ненавидел Грейслин, чужого ребенка, с той же страстью, которую он приберег для меня.

— Прости, мама.

— Все в порядке, милая.

Грейслин встала и отряхнула колени. Она побежала вверх по лестнице, засунув подмышку мятый картон. Мы шаркали по затемненному коридору. Мы знали счет. Ни один из нас не хотел сидеть в первом ряду при ссорах папы и Миранды.

Все, что папа и Миранда делали, это ссорились и мирились. Они не хотели, чтобы мы присутствовали ни для того, ни для другого. Так начались игры со скользящими лестницами и канатами. От скуки, потому что мы всегда были такими одинокими.

— Думаешь, нас накажут? — спросила она меня сейчас.

Я пожал плечами.

— Мне все равно.

— Ага... мне тоже. — Грейслин ткнула меня своим костлявым локтем в ребра. — Эй, не хочешь в мою комнату?

Я покачал головой.

— Я догоню тебя на крыше.

Она быстро прошла по золотому мрамору и исчезла в своей комнате.

Всякий раз, когда нас отправляли в наши комнаты, мы поднимались по пожарной лестнице и болтались на крыше. Это был способ скоротать время, и мы могли говорить о чем угодно, без того, чтобы слуги подслушивали и доносили.

Я вошел в комнату Грейслин, которая выглядела так, будто ее придумала сама Барби. У нее была двуспальная кровать с балдахин из розового тюля, белый резной камин и мягкие кресла. Ее балетное снаряжение было разбросано повсюду.

Грейслин любила балет. Я не знал почему. Балет явно не любил ее в ответ. Из нее получилась паршивая балерина. Не потому, что она была некрасивой, а потому, что она была просто хорошенькой. Она едва могла передвигать ноги и, по иронии судьбы, ей не хватало грации.

Окно было открыто. Ветер заставил занавески танцевать. Даже они танцевали лучше, чем Грейслин.

Я зашнуровал свои кроссовки, прежде чем вытащить свое тело из окна. Я топал по мокрой от дождя железной лестнице. Я нашел Грейслин, прислонившуюся к одной из труб, скрестив лодыжки и выдыхая пар, как дракон.

— Готов натянуть канат? — Она ухмыльнулась.

Конек крыши был настолько узким, что нам приходилось ходить по нему шаг за шагом. Для нашей игры мы шли по хребту, дымоход к дымоходу, так быстро, как только могли. У каждого из нас была своя очередь. Мы измеряли время друг друга, и иногда —

много раз — я подозревал, что она жульничает, поэтому я никогда-никогда не позволял ей победить.

— Ты засекаешь меня или как? — Грейслин склонила подбородок ко мне.

Кивнув, я достал из кармана секундомер.

— Готова снова есть пыль, сестренка?

У Грейслин была проблема. Ее проблема была во мне. Я был умнее ее, получая более высокие баллы за тесты, даже не учась. Я был более спортивным, чем она: она была посредственной танцовщицей, а я был вторым лучшим теннисистом в своей возрастной группе во всем штате.

Естественно, я тоже был намного быстрее ее. Я всегда выигрывал. Мне никогда не приходило в голову позволить ей одержать маленькую победу. Она была надоедливой, титулованной девчонкой.

Я тоже, но давайте признаем, я лучше справлялся со своими недостатками.

— Я не проиграю, ты... ты... хот-дог, дышащий водой! — задыхалась она, ее лицо стало розовым.

Я смеялся.

— Твое время начинается сейчас, засранка. — Я поднял таймер в воздух.

— Знаешь, я очень устала от этого. — Она сжала в кулаке волосы — черные, как оникс, как и ее глаза, — завязав их в болезненный на вид пучок. — Делать себя невидимой для них. Родители всех моих друзей...

— Миранда и Дуг не родители. — Я прервал ее, шурясь, когда над нашими головами собрались серые тучи, словно школьные хулиганы. Скоро должен был пойти дождь. — Это просто люди с детьми. Есть разница.

— Но это несправедливо! — Грейс запнулась. — Мама наказывает меня всякий раз, когда твой папа ее раздражает.

Это был подходящий момент, чтобы указать, что я был личной боксерской грушей ее матери. Любимым занятием Миранды было жаловаться моему отцу на то, как я облажался.

Он не смеется. Не плачет. Не интересуется ничем, кроме астрономии и математики, что — извини меня, Дуг — просто ненормально для десятилетнего ребенка. Может быть, с ним что-то не так. Мы окажем ему плохую услугу, если не проведем несколько тестов. О, и он не зевает, когда другие зевают! Вы это заметили? Это говорит об отсутствии сочувствия. Он может быть социопатом. Социопат! Живущий под нашей крышей.

Я не мог допустить, чтобы Грейслин вернулась к своей маме с впечатлением, что мне на все наплевать, поэтому я прикусил язык.

— Что ты имеешь в виду? — Я спросил.

— Например, я давно хочу ту пачку, которую родители Люсинды купили ей в Москве. Она сделана на заказ. На прошлой неделе мама сказала, что попробует ее заказать. Но сегодня, перед тем как пойти с твоим папой в театр, она вдруг сорвалась и сказала, что это слишком дорого и что я быстро вырасту из нее. И все потому, что он ее разозлил!

— И тебе небезразлично это дурацкое платье, потому что...?

— Это не платье, Арс. Это пачка!

— Если ты так говоришь.

— Я так говорю! Я буду говорить это весь день!

— Тебе не нужна пачка Люсинды. Тебе нужен ее талант. И этого нельзя купить ни в России, ни где-либо еще, — сказал я как ни в чем не бывало.

Люсинда и Грейслин были на класс младше меня. Люсинда была девушкой, которой все хотели быть. Красивая и милая, и поэтому ненавидимая Грейс и ее маленькими клонами.

— Не могу поверить, что ты только что это сказал. — Она сжала руку в кулак и помахала мне. — Знаешь, мама права насчет тебя.

— Твоя мама ни в чем не права. Теперь начни ходить. У меня нет времени на это весь день, — рявкнул я, включив секундомер. — Давай.

— Тьфу! — прорычала она. — Я тебя ненавижу!

Я начал считать секунды вслух, зная, что это напугает ее.

— Ах. Я покажу тебе! Я выиграю!

Она подняла руки вверх и быстро побежала по крыше. Слишком быстро. Грейслин практически парила над краем, рассекая воздух, как хищная птица. Она входила и выходила из тумана, как самолет. Она качалась влево и вправо. Она была почти у дымохода, но какого черта? Она могла упасть в любую секунду.

— Господи, — прошипел я. — Притормози. Что ты делаешь...

Прежде чем я закончил свое предложение, ее правая нога не попала в игольчатую поверхность. Она поскользнулась, качнувшись влево, чтобы восстановить равновесие. Ее правая нога резко подвернулась. Она издала удивленный вздох, выбрасывая руки вперед, чтобы схватиться за дымоход. Она упала примерно на дюйм ниже.

Грейслин с диким воплем покатила по краю крыши и исчезла из виду. Дерьмо. Мои легкие закрылись, отказываясь от кислорода. Моей первой мыслью было: о чем она думала? Вслед за папой, собирающимся убить мою задницу.

Я ждал удара. Может быть я был социопатом, как сказала Миранда. Кто ждал, когда тело их сводной сестры упадет на землю с тридцатифутовой высоты?

— Грейс? — Мой голос заглушил дождь, который начал барабанить по крыше. — Черт возьми, Грейслин!

— Сюда! — она задохнулась.

Меня охватило облегчение. Она не была мертва. Я присел, чтобы сесть на гребень, и медленно сполз вниз по крыше, пока не достиг желоба.

Ее пальцы сжались вокруг водосточной трубы. Ее тело болталось в воздухе.

Должен ли я позвать папу и Миранду? Попробовать подтянуть ее наверх?

Черт, я понятия не имел. Я никогда не думал, что кто-то из нас будет настолько глуп, чтобы законно бегать по крыше, как маньяк.

— Помогите мне, — умоляла Грейслин, по ее лицу текли слезы и капли дождя. — Пожалуйста!

Я схватил ее за запястья и откинулся назад, начиная тянуть. Острые шипы дождя затуманили мое зрение. Ее кожа была холодной, влажной и скользкой. Ее запястья такие тонкие, что я боялся их сломать. Ее пальцы вцепилась в мою кожу, цепляясь, извиваясь, пытаясь использовать меня как человеческую лестницу. Она пустила кровь, точно так же, как ее мать сделала сегодня ночью с моим отцом.

Я решил, что не разделю судьбу Дугласа Корбина. Я больше никогда не собирался проливать кровь женщины из Лэнгстона.

— Тяни меня сильнее! — Она застонала. — Я ускользаю. Разве ты не видишь?

Подошвы моих ног обгорели, когда я попытался втащить ее на крышу. Шансы были против меня. Физика тоже. Мне пришлось карабкаться в гору по мокрой гальке, волоча кого-то своим собственным весом. — Нужно держаться за водосток. Я должен позвонить папе.

— Я не могу!

— Мы оба упадем.

— Не оставляй меня!

Она думала, что я хотел убить ее или что-то в этом роде? Я тоже был готов опрокинуться.

— Послушай, я могу подержать тебя еще несколько секунд и дать отдохнуть твоим рукам, но тогда ты должна подержать водосток минуту или две, пока они не придут сюда.

Она выскользнула из моей хватки на дюйм. Извивалась в воздухе, как червь.

— Нет! Не оставляй меня! Я не хочу умирать.

— Не смотри вниз, — взревел я, падая на колени и дергая сильнее, изо всех сил. Мне казалось, что мои конечности отрываются от тела. Но она была слишком тяжелой, слишком влажной. — Только... просто посмотри на меня.

Давящая, безжалостная тяжесть ее внезапно исчезла. Мое тело дернулось назад. Мой затылок ударился о черепицу. Далекий всплеск ударил мне в уши.

Она упала.

Она упала.

В отчаянии я полз по желобу, щурясь вниз, пытаюсь разглядеть сквозь дождь, грязь и густые кусты. Грейс приземлилась на навес, закрывающий пустой бассейн. Брюхо ее было глубоким, и вокруг нее была вода.

Грейслин не двигалась. Ее ноги были в странном положении, и я сразу понял, еще до того, как она начала кричать, что для нее все кончено.

Больше никаких вычурных тюлевых костюмов, русских пачек и танцевальных лагерей в Цюрихе.

Балетная карьера моей сводной сестры закончилась.

Такова была и моя жизнь, какой я ее знал.

Рентгеновские снимки пришли через несколько минут после того, как мы с папой попали в больницу.

Он ни разу не взглянул на меня за все время пути. Я рассказал ему обо всем, что произошло, кроме той части, где я подстрекал ее. Не нужно быть святее папы римского. Кроме того, она выжила, не так ли?

— Однако с ней все будет в порядке. Верно? — Я преследовал его по коридору, покрытому линолеумом, до ее комнаты. Я был так полон адреналина, что даже не чувствовал своих ног.

— Лучше бы она была в порядке, ради тебя, — прорычал он, глядя вперед. — Чем вы двое там занимались?

— Играли в игру.

Он фыркнул.

— Ты играешь по высоким ставкам. Типичный мужчина Корбин.

Какое отношение ко всему этому имеют стейки? В любом случае, я всегда был любителем бургеров. (игра слов: stakes-ставки, steaks — стейки)

— Хорошо это или плохо? — Спросил я.

— Проще говоря, это неизлечимое состояние, возникающее из-за слишком большого количества денег, слишком большого эго и слишком большого количества времени. — Он одернул свои кожаные перчатки за пальцы. — Мы, Корбины, склонны быть мятежниками, у которых есть причина. Надеюсь, ты не убил свою сестру. Обуздай свою личность, дитя.

Это было самое большее, что он говорил мне за месяцы, может быть, даже годы, так что я наслаждался этим. Дело было не в том, что он игнорировал меня. Папа хорошо заботился о том, чтобы я получал отличные оценки, посещал внеклассные мероприятия и тому подобное. Он просто не любил много разговаривать.

Вердикт пришел вместе с рентгеном. У Грейслин были сломаны две ноги и небольшой вывих позвоночника, который потребовал хирургического вмешательства.

Она также страдала от тяжелого случая быть мешком с дерьмом.

Последнее не было медицинским диагнозом, но, тем не менее, было правдой. Как только подействовали болеутоляющие и ее ноги были загипсованы, она указала на меня обвиняющим пальцем, сузив свои смоляные глаза.

— Это он. Он сделал это со мной. Он толкнул меня, мама.

Это был первый раз, когда я действительно потерял дар речи. Толкнул ее? Я пытался спасти ее, и она чертовски хорошо это знала.

— Ебанулась! Ты побежала по уступу и упала, — горячо сказал я. — Я пытался поднять тебя обратно. Ты чуть не оторвала мне руки. Вот, я могу это доказать.

Засучив рукава, я повернулся, чтобы показать папе и Миранде следы, которые Грейслин оставила на моей коже. Они были красными, глубокими и воспаленными, уже наполовину превращающимися в шрамы.

Грейслин категорически покачала головой.

— Ты пытался толкнуть меня, поэтому я сразилась с тобой. Ты хотел избавиться от меня. Ты сам так сказал. Ты устал делить внимание мамы и папы.

Это звучало именно так, как она бы поступила. Я ненавижу получать внимание от папы и Миранды. Оно всегда было негативным и приводило меня к неприятностям.

Мой рот был открыт.

— Почему ты лжешь?

— Почему ты лжешь? — Она оскалила зубы. — Тебя поймали. Просто признайся! Ты мог убить меня.

— О, мой голубчик. Что это чудовище сделало с тобой? — Миранда уткнулась лицом в шею дочери и обняла ее. Казалось, она плакала, но, держу пари, ее глаза были сухими.

Я оглядел комнату, ожидая... что? Кто-то, кто войдет в дверь и поддержит меня? В мире не было никого кто мог защитить меня. Я всегда это знал, но внезапно тяжесть моего одиночества сдавила мне грудь, и мне стало трудно дышать.

— Ложь — трусливый выход, сынок. — Пальцы отца крепко сжали мое плечо, предупреждая меня не защищать свое дело. — Признайся и столкнись с последствиями как мужчина.

Он не поверил мне.

Он никогда не собирался мне верить.

Он просто хотел, чтобы это прошло для него и для Миранды, чтобы больше не было криков, воплей и пощечин.

Грейслин, несмотря на то, что я не преуспевал во всем, оставалась их любимым ребенком. Нормальным ребенком. Тот, кто смеялся, и плакал, и зевал, когда это делали

другие.

Болезненное осознание того, что я действительно один в этом мире, обрушилось на меня.

Глядя на Грейслин сверху вниз, стиснув зубы, с мертвыми глазами, я пожал плечами.

— Конечно. Я толкнул ее. Единственное о чем я жалею, так это о том, что не смог закончить работу. Думаю, в следующий раз повезет больше.

И тут до Грейслин дошло. Что все это было на самом деле. А не часть наших глупых, выдуманных игр. Я видел это в ее глазах. Вспышка сожаления, за которой последовал выброс адреналина. Осознание того, что, что бы она ни делала, это работает, по крайней мере, сейчас. Что она наконец-то обыграла меня.

Но я бы никогда не позволил ей победить. Нет, если бы во мне еще было дыхание.

Я развернулся и вышел из больничной палаты, оставив позади жалкое подобие того, что должно было быть моей семьей.

Позже той же ночью Миранда вернулась из больницы без Грейслин. Мы с папой ждали в столовой, молча глядя на свои руки.

— Дуг, на пару слов, — отрезала Миранда, призывая моего отца наверх. Они заперли за собой дверь спальни. Я приложил ухо к их двери, во рту у меня пересохло.

— ... слишком много, слишком долго. Это банальное пренебрежение. Я не могу с чистой совестью допустить, чтобы моя дочь стала добычей в руках твоего неуправляемого сына. С меня достаточно, Дуг.

Я знал, что действительно беспокоило Миранду во мне, и это не имело ничего общего с Грейс.

Я выглядел в точности как моя мать, покойная Патрис Шаламе.

Я был постоянным напоминанием о том, что она была жива. Что когда-то она украла у нее Дугласа Корбина. Что если бы не Патрис, я бы никогда не родился.

Грейслин тоже не было бы.

Для папы и Миранды существовала альтернативная утопия. Версия реальности, которой им почти удалось достичь. И это ваш покорный слуга обгадил все это.

Слуги постоянно говорили об этом. Перешептываясь, они взбивали подушки, готовили для нас питательную еду, возили нас с Грейслин на тренировки по теннису и балету.

Как гласит история, Миранда и папа встречались на протяжении всего колледжа. Она не обращала внимания на неосмотрительность Дуга — что бы ни значило это слово — и не выпускала его из виду. Когда одиннадцать лет назад папа был на свадьбе друга в Париже, Миранда захотела присоединиться к нему. Но это было частное мероприятие, в котором участвовало пятьдесят человек, без приглашений плюс один.

Там он и познакомился с Патрис. Гламурная актриса из Ренны и подружка невесты. У них было randevu (опять же, без понятия, что это значит), после чего отец вернулся в Америку.

Дугу и в голову не приходило, что Патрис постучит в его дверь два месяца спустя с положительным тестом на беременность, белая как полотно. Легенда гласит, что ее вырвало на его туфли, чтобы доказать свою точку зрения, прежде чем он даже закончил спрашивать,

что она там делает. И что Миранда была в его квартире в то время, в менее чем приличном состоянии, ехидно сказала одна экономка.

Отец отца — мой дедушка — заставил себя поступить правильно. Так папа женился на Патрис, совершенно незнакомой ему женщине.

Слуги всегда говорили, что мой дедушка никогда не любил Миранду.

Слишком требовательная. Слишком уж она была социальным альпинистом.

Ответ Миранды на публичное унижение был хладнокровным. Вскоре после этого она забеременела от папиного лучшего друга. Человек по имени Лео Тайер. Австралийский наследник империи по экспорту говядины. Ее ответное предательство было настолько тщательным, что Грейслин родилась так похожей на Лео, что тест на отцовство, который Миранда прислала отцу, подтверждающий, что Грейслин не его, был не нужен.

Версии о том, что произошло потом, разошлись. Я слышал несколько историй от нескольких слуг. Но самой популярной была история о том, как мой отец и Миранда возобновили свой роман до того, как мы с Грейслин перестали питаться молоком наших кормилиц.

Только теперь Миранда была не любимой девушкой, а любовницей. Пока не умерла Патрис, и ее повесили до жены.

Миранда, как и ее дочь, не могла никому проиграть. Особенно десятилетнему ребенку.

— Я поговорю с ним, — пробормотал отец. — Заставлю его понять, что он сделал неправильно.

— Этого недостаточно. Думаешь, я могу спать по ночам, зная, что твой сын находится через холл от моей дочери после того, что он с ней сделал?

— Мы не знаем точно, что произошло, милая.

Меня удивило, что папа заступился за меня, но я знал, что он не собирается долго стоять на своем. Она утомит его. Она всегда так делала. И он, ослепленный своими грехами, ее красотой, покорится.

— Что ж, мне неприятно это делать, но либо он, либо мы.

— И куда мне его девать? — Папа нетерпеливо выплюнул. — Он ребенок, Миранда. А не чертова ваза!

— Недалеко отсюда есть школа-интернат. Академия Эндрю Декстера. Туда ходит сын Элейн. Тот, кто был в той одаренной программе? У меня есть брошюра... — Я услышал шорох бумаги.

Конечно, брошюра у нее была под рукой.

— Ты хочешь, чтобы я отправил его в частную школу на другом конце штата? — прорычал он. — Господи, Миранда, послушай себя.

— Да ладно, Дуг, — успокаивающе сказала она. — Это хорошее место. Мы оба знаем, что он застрял здесь в учебе. Ты сделаешь ему одолжение. Он мог бы реализовать свой потенциал вместо того, чтобы скучать здесь и ввязываться во всевозможные неприятности. Мы бы с удовольствием брали его на каникулы и летние каникулы. Он был бы гораздо более управляемым.

И так я стал управляемым.

Изгнан из собственного дома за то, что моя сводная сестра солгала, чтобы избавиться от меня.

Из-за ее ревности. Из-за ее жадности.

Грейслинн получила свою русскую пачку. Они положили ее за стекло, как в Оружейной

палате Кремля. Драгоценная и недостижимая. Как и ее балетные устремления.

Она также привлекла все внимание наших родителей.

С этого и началась моя одержимость Грейслин Лэнгстон. Дикая жажда завоевать ее любой ценой.

В тот исторический момент, когда она завоевала единственное, что имеет значение, — общественное мнение.

Но это был марафон, а не забег.

Грейслин собиралась усвоить урок на горьком опыте.

Мы, Корбины, в конце всегда побеждали.

Даже если это означало, что нам нужно играть грязно.

ГЛАВА 4

Арсен

— Притормози, — инструктирует Грейс, когда мы приземляемся в Ньюарке через несколько часов.

Шофер щелкает поворотником, снижает скорость и подъезжает к обочине дороги. Она толкает дверь, вываливается наружу, и ее рвет на кусты.

Она плакала весь полет сюда, разговаривая с матерью по телефону. Ни разу Грейс не спросила меня, как я справляюсь. Может быть, она предполагает, как и ее мать, что я социопат, неспособный на чувства.

А может ей просто все равно.

Что характерно, она не эмоциональный тип. Разваливаться не в ее стиле.

Спотыкаясь обратно на свое место, она прикладывает руку ко вспотевшему лбу.

— Это так больно, Арсен. Ты не поймешь.

Не так ли?

Ее абсолютный эгоизм лишает меня дыхания. В детстве у нее были они оба. Миранда. Дуглас. Она ни разу не извинилась за то, что сделала со мной.

И именно поэтому ты так сильно хочешь ее. Потому что она одержимость. Недостижимая фантазия. Ее собственный класс.

— Он был и моим отцом, — категорически замечаю я.

— Но он был мне ближе, — по-детски ноет она.

Переведя взгляд в окно, я прикусываю язык, пока металлический привкус крови не покрывает мой рот.

— Слушай, я просто устал. — Она качает головой, из ее глаз течет еще больше слез. Кажется, я впервые вижу ее плачущей. Даже когда она упала с крыши, она держалась жестко. — Я просто хочу уже добраться туда.

В ответ я щелкаю пальцами в сторону водителя.

— Газуй.

Десять дней спустя особняк Корбинов кишит людьми. Не так многолюдно, когда мой отец устраивал эпические вечеринки в стиле Великого Гэтсби, когда мы с Грейс были детьми.

Поминальная служба была элегантно спланирована и безусловно проведена. Официанты плавают среди гостей, неся тарелки с закусками и алкоголем. Пианист принимает заказы за золотым роялем. Старая классика, которую слушал мой отец, — «Богемская рапсодия», «Представь себе», «Твоя песня».

Я стою в углу комнаты со своими друзьями с подросткового возраста — на самом деле моими единственными друзьями — Кристианом и Риггсом. Кристиан — адвокат, владеющий фирмой "Белые ботинки", а Риггс — профессиональный фотограф и, возможно, плодовитый создатель нескольких новых ЗППП. Кристиан привел с собой свою жену Арья.

— Мы очень сожалеем о твоей утрате. — Арья заключает меня в объятия, отказываясь отпускать. Это больше, чем Грейс сделала за последние десять дней. Опять же, Арья — настоящий разносторонний человек, способный на сочувствие. Грейс — женская версия меня. Что делает это испытание еще более необычным, потому что она была вся потрясена смертью Дуга из ниоткуда.

— Все в порядке. Мы не были близки. Где ребенок? — Я отстраняюсь от нее, оглядываясь. Арья родила несколько месяцев назад розового, кричащего существа, похожего на лысого бухгалтера. Тихо, и только для себя, я могу признаться, что хочу того, что есть у Кристиана с Арьей, возможно, потому что знаю, что этого никогда не может произойти.

— У ребенка есть имя. — Брови Кристиана сдвинуты вместе. — Луи. И он дома, с няней. Ты думал, что мы приведем его на поминки?

— Я вообще о нем не думал, — холодно признаюсь я. — Я просто поддерживал разговор.

Кристиан смотрит на меня с раздражением.

— Общение — не твоя сильная сторона, приятель. Придерживайся заработком денег.

— Почему ты не был рядом? — Арья ободряюще кладет руку мне на плечо. — Ты и твой отец.

— Удачи в получении признания от этого парня, — фыркает Риггс, проводя рукой по своим золотистым волосам в замедленном темпе. — Арс не из тех, кто говорит об этом. Я собираюсь пойти в бар. Не то чтобы меня не интересовала твоя слезливая история, приятель, но... о, подожди. Это верно. Меня это не интересует. — Он подмигивает и с важным видом уходит в другой конец комнаты.

Я бы не прочь, чтобы он гонялся здесь за хвостом. Риггс бессовестно преследует женщин, как будто он узнал об их существовании только в прошлом месяце.

— Это клиент. — Кристиан поднимает телефон в воздух, показывая на входящий вызов. — И не счастливый. Я скоро вернусь.

— Ну? — Арья продолжает пристально смотреть на меня.

Я поднимаю плечо.

— Мы с отцом не сходились во взглядах.

— С каких пор? — Она наклоняет голову в сторону.

— С зачатия. — Я криво рассмеялся. — Он заставил меня помнить, что он женился на моей матери только потому, что она была беременна мной. Словно сперма-я вырвался из его яиц глубокой ночью и нашла свой путь между ее ног. Никакой личной ответственности. Когда моя так называемая мать умерла, он женился на своей бывшей девушке даже через два года. Предположительно, у них был роман на протяжении всего его недолгого брака. Но ничего страшного, я слышал, что в родительском отделе Патрис тоже не о чем писать.

Я звучу горько, как пинта Гиннеса. По правде говоря, мне плевать на моих неявившихся родителей. Я просто хочу, чтобы она отвлеклась от разговора и остановилась на безопасных темах, таких как погода.

Арья кивает.

— Похоже, он был еще той штукой. Могу посочувствовать. Любить того, кто не заслуживает нашей любви, — самое большое наказание, которое можно вынести.

Сардоническая улыбка касается моих губ.

— Напомни мне, почему мы любим людей по кровному родству, а не по заслугам?

Арья обдумывает мой вопрос.

— Потому что иначе человечество не выжило бы. Люди, как правило, не очень милые, — говорит она как ни в чем не бывало. — Послушай, я знаю, что сейчас ты не чувствуешь горя. Все слишком сыро, слишком горячо, чтобы переварить. Может быть, ты никогда не сможешь. И я знаю, что мы, по большей части, чужие люди. Но как человек, у которого были очень сложные отношения с отцом, я просто хочу, чтобы ты знал — если тебе когда-нибудь понадобится поговорить с кем-то... — Она кладет руку на мою руку. — Этим кем-то могу быть я. Я пойму и никогда не осужу.

— Я ценю это. — И я ценю. Я бы хотел влюбиться в такую женщину, как Арья. Сильная, умная и сострадательная. Кто-то, кто является главой благотворительной организации в свободное время. К сожалению, я ищу только одну эгоцентричную нимфу.

— Как продвигается пиар-бизнес? — Я меняю тему.

— Замечательно. — Арья улыбается. — Я никогда не остаюсь без работы, потому что люди никогда не остаются без неприятностей.

— А благотворительность, которой ты управляешь? — Я забыл, о чем речь. Что-то с детьми. Кристиан обычно не просит об одолжениях, а это значит, что мне придется присутствовать на дурацком благотворительном гала-концерте, который она устраивает каждый год.

Арья открывает рот, чтобы ответить мне, в то время как Риггс с важным видом возвращается назад с вином, протягивает нам с Арьей бокалы и делает глоток из своего. — Разговор с девушкой окончен? Готов ли Арс купить свой первый тренировочный бюстгальтер?

Арья игриво толкает его.

— Повзрослей, Риггс.

Он делает лицо, что-то между ужасом и отвращением.

— Ни единого шанса, мэм.

— Мы делаем ставки на то, что у Арсена вырастет сердце в этой пустой груди? — Кристиан снова появляется с веранды, засовывая телефон обратно в карман.

— Почти. — Риггс пьет вино, как будто это газировка. — Твоя жена только что сказала мне повзрослеть.

Кристиан целует Арию в лоб.

— Мы приземлимся на солнце раньше.

— Риггс, наверное, был бы идиотом, если бы согласился пойти туда фотографировать, — замечаю я. Смех звенит в воздухе.

Я рад, что они здесь. Моя основная группа поддержки. Люди, которым я доверяю. Мы выросли вместе. Вместе боролись с трудностями. И выиграли вместе.

Краем глаза я замечаю Элис Гудински, духовную крестную Кристиана, Риггса и меня.

— Приехала из Флориды так быстро, как только могла. — Она приближается к нам и целует меня в обе щеки. Она одета в яркое цветочное платье и выглядит как экзотическая птица, а не как человек, пришедший на похороны. Она крепко прижимает меня к себе, шепча мне на ухо: — Скатертью дорога. Этот старый пердун не заслуживал тебя как сына. Надеюсь, ты это знаешь. — Она похлопывает меня по спине жестом более материнским, чем Миранда когда-либо предлагала мне.

— И тебе привет, Элис. — Кристиан посмеивается рядом с ней. — Забыла манеры?

Она поворачивается, чтобы обнять и поцеловать его тоже.

— Переросла их, когда стала вдовой. Жизнь слишком коротка, чтобы быть благовоспитанной леди.

Чертовы мужчины.

Пианист начинает играть «Друзья в низинах». По моей просьбе. Мало того, что теперь Дуглас стал пищей для червей, я также знаю, как сильно мой отец презирал кантри-музыку. Это мое ироничное прощание.

— Кристиан, Риггс, Элис, так мило с вашей стороны выразить свое почтение. — Грейс раздвигает толпы приближающихся к нам людей. Она носит черное платье с открытыми плечами и эффектную подводку для глаз. Она выглядит безупречно даже в горе.

В течение десяти дней после смерти моего отца Грейс вела себя как призрак самой себя. Она брала выходные, на которые я думал, что она физически не способна. В большинстве дней она не вставала с постели до полудня. Я знаю, что в ее поведении есть нечто большее, чем поведение Дугласа, и единственная причина, по которой я не настаиваю на информации, заключается в том, что я позволяю вещам развиваться органично, чтобы увидеть, о чем она думает.

Грейс протягивает руку, чтобы пожать обеим моим друзьям руки, затем поворачивается к Арье на своих остроконечных каблуках.

— Извини, я не расслышала твоего имени. Новая девушка Кристиана, верно?

Арья улыбается, позволяя намеренному оскорблению скатиться с ее спины.

— Можешь звать меня Арья. Или женой Кристиана. Я не привередлива.

— Виновата. — Грейс издает гортанный смешок. — Понятно, что я слишком занята в эти дни, чтобы не отставать от вашей маленькой банды.

Я напоминаю себе, что эта женщина идеальна для меня. По нескольким причинам. Все они практичны и упрямы. У нас одинаковые вкусы, одинаковые ценности, одинаковые желания. У Кристиана есть Арья, и посмотрите — они счастливы. Насколько может быть счастлив его несчастный зад, я полагаю. Мы с моей сводной сестрой тоже можем это иметь. Или, по крайней мере, его испорченная версия.

Да, Грейс может быть неприятной, но и я тоже. Завоевать сердце Грейс всегда было моей конечной целью. Несколько вульгарных замечаний моим друзьям этого не изменят.

— Сожалею о твоей утрате, — говорит Кристиан Грейс таким голосом, который говорит о том, что он очень счастлив, что она страдает. Все трое моих друзей знают, что Грейс сделала со мной, когда мы были детьми. Ни один из них не нашел каких-либо искупительных качеств в ее нынешней взрослой версии.

— Спасибо. Это было так ужасно для меня. — Грейс сжимает свои жемчужины.

— Бьюсь об заклад, и для Арсена тоже, — отмечает Арья.

— Конечно. — Грейс легкомысленно машет рукой. — Это просто так... ну, Дуг и я были очень близки. У нас было что-то особенное, понимаете?

— Если бы мне давали пенни каждый раз, когда длинноногая женщина в этой комнате произносила эти слова... — Риггс усмехается за своим бокалом. — Включая твою мать, если подумать.

Элис издает громкий смех. Арья присоединяется к ней.

— Потому что это то, что тебе нужно. — Арья бросает на Риггса игривый взгляд. — Более жирный банковский счет.

Риггс — миллиардер, которому нужно больше денег, как Грейс нужно больше бриллиантов. Самое приятное то, что, несмотря на свое богатство, он живет ужасающе скромной жизнью. Его отсутствие потребности произвести впечатление заставляет его говорить то, что никто другой в комнате никогда бы не подумал произнести. Вот почему он только что отдал моей девушке ее задницу.

— Как тебе не стыдно, Риггс. Не все является шуткой. — Грейс резко отстраняется.

— Слезь со своей высокой лошади, милые щечки. — Риггс опрокидывает свой напиток. — Мы оба знаем, что привлекло тебя к Корбинам, и дело вовсе не в их характере. Без обид, Арс.

— Не обижаюсь, придурок. — Я подношу ему свой стакан.

— Весь этот разговор безвкусный и неуместный. — Грейс смотрит на Риггса. Она хочет извинений, но этого никогда не произойдет.

Риггс склоняет голову, изображая горе.

— Мои извинения, Грейс. Пожалуйста, расскажи мне больше о целесообразности. Нет никого, от кого бы я хотел получить лекцию больше, чем от женщины, которая трахает своего сводного брата.

— Хм. — Кристиан взбалтывает свой напиток, глядя в него. — За свою жизнь я бывал на более традиционных похоронах, но мне больше нравятся эти. Довольно насыщено.

Лицо Грейс краснеет. Она поворачивается ко мне, ожидая, что я вмешаюсь.

— Ты собираешься просто стоять и позволять ему так со мной разговаривать? — Требует она.

Я разглаживаю свой костюм.

— Я могу сесть, если хочешь.

Арья сдавленно хихикает, и Элис тоже.

— Что ж, спасибо, что пришли. Я ценю это. — Грейс в ярости оборачивается, затем топает обратно к матери и группе друзей.

Кристиан толкает меня локтем, указывая своим напитком на нее.

— Напомни мне еще раз, что ты в ней нашел?

— Красота. Элегантность. Отсутствие подчинения.

— Знаешь, кто также подходит под это определение? — Элис зевает. — Гепард, и я бы не стала делить с ним постель.

— Она подставляет в задницу гадости. — Риггс поэтизирует, беря очередной стакан с подноса неподалеку.

Я наблюдаю за стройными икрами Грейс, пока она щеголяет.

— Это особенность, приятель. А не ошибка.

— Не могу поверить, что это исходит от меня, но ты пожалеешь, что проверил масло этой женщины. — Риггс низко свистит.

— Нет лучшего противоядия, чем сам яд. — Я хмыкаю.

— Могу я напомнить тебе, что она пыталась погубить тебя? — Кристиан и его готовые

к постеру черты Кларка Кента темнеют. — Почти получилось. И все же ты одержим ею.

— А одержимость, — Арья впивается зубами в нижнюю губу, — это сильнодействующий яд. На вкус он очень сладкий, и его легко спутать с любовью.

Я прекрасно понимаю, что то, что мы с Грейс разделяем, для большинства людей не классифицируется как любовь. Но она большая, раскованная и вечная. Это то, чего не понимают Кристиан и Риггс — нам с Грейс никогда не придется довольствоваться дружбой с сексом, стандартным состоянием каждой пары, которая вместе дольше двух-трех лет.

Наш секс всегда злой, горячий и враждебный. Наша вражда бесконечна.

Я променял комфорт на страсть. Безопасность для желания. Грейслин Лэнгстон — рискованная акция, но я всегда играл на опасной стороне.

— Я не одержим ею, — говорю я с сухим весельем в голосе. Я одержим тем, чтобы иметь ее. Именно обстоятельства определяют всю эту операцию.

— Ты ошибаешься, — настаивает Арья. — Обстоятельства не имеют значения. Важно то, что в конечном итоге ты будешь с кем-то, кто не заботится о тебе. Срочные новости, Арс, в мире полно людей, которым наплевать на тебя. Поэтому, выбирая своего партнера, ты действительно хочешь убедиться, что найдешь кого-то, кто будет в твоём углу.

Риггс массирует челюсть.

— Извините, что прерываю ваше выступление на TED Talk, но твоя убитая горем сводная сестра сейчас выглядит очень счастливой.

Проследив за взглядом Риггса, я вижу Грейс, стоящую рядом с Чипом, Полом и Пабло. Ее коллеги пришли выразить свои соболезнования. Грейс смеется над чем-то, что говорит Чип, игриво хлопая себя по груди, ни о чем не заботясь.

Сам того не желая — уж точно не желая — я ловлю себя на том, что осматриваю комнату в поисках Виннфред. Если Пол здесь, возможно, он привел с собой свою жену.

Не то, чтобы я интересовался ею. Я хочу посмотреть, есть ли у нее шишка. Если бы я был прав. Я хочу увидеть, по-прежнему ли ее голубые глаза печальны и затравлены.

Так случилось, что ее здесь нет. Хорошо. Потрясающе. Больше алкоголя для меня.

— Ну, это скучно, — сокрушается Риггс, хватая закуску с плавающей тарелки и бросая ее в рот. — Я попытаюсь вернуться в город в час пик.

— На какой машине? — с преувеличенным интересом спрашивает Кристиан. При всем своем богатстве Риггс не обладает никакими ценными предметами. Ни машины, ни квартиры, ни даже чертовой мебели из ИКЕА. Всякий раз, когда он в городе, он ночует либо у Кристиана, либо у меня дома.

Риггс бросает на него полуошеломленный взгляд.

— Верно. Я не уломал тебя подвезти. Хорошо, я вызову Убер.

— Незачем. Я арендовала машину. — Элис гладит его по спине. — И вообще, я пришла сюда, чтобы выразить свое почтение Арсу, а не его отцу. Что я и сделала. Я подвезу тебя. Корбин, милый, скоро увидимся.

— До свидания, и спасибо за сашими. — Риггс отдает честь.

Они выходят из комнаты. Риггс останавливается, чтобы похвалить несколько привлекательных друзей Грейс за их наряды, как будто мы на показе мод. Он получает один номер и много неуместного хихиканья. Этот человек небрежен, как обертка от презерватива на вечеринке братства. Хотя хронологически ему тридцать четыре года, основываясь только на его поведении, я бы не дал ему больше семнадцати в хороший день. Удачи женщине, которая пытается приручить ублюдка.

— Тебе нужно позаботиться о ситуации с Грейс. — Кристиан поворачивается ко мне, как только Риггс и Элис исчезают из виду. — Когда дерьмо взрывается, никто не поможет тебе убраться.

— Ты прав, это мое дерьмо — чистить. Так что сделай мне одолжение и держись подальше от этого. — Я хлопаю его по спине, кланяясь его жене. — Рад тебя видеть, как всегда, Арья.

— Разве он не хотел, чтобы его кремировали? — Грейс снимает серьги перед зеркалом в моей ванной комнате. Я живу в небоскребе на улице Миллиардеров. Четырнадцатисотфутовая башня с видом на Центральный парк.

Развалившись на мягкой скамье у изножья кровати, я расшнуровываю мокасины.

— Хотел.

— Почему же тогда ты решил его похоронить? — Она материализуется из ванной, намазывая руки кремом.

— Именно по этой причине.

Я вальсирую к своей гардеробной, чтобы убрать обувь. Грейс со вздохом падает в постель и со скучающим надутым видом листает телефон.

— Ты ужасный.

— И тебе это чертовски нравится, — мягко говорю я.

— Как ты думаешь, он осознавал, что с ним происходит, когда у него случился инсульт? — Она звучит задумчиво.

Можно было бы пожелать.

— Не знаю, — говорю я вместо этого, плюхаясь на другую сторону кровати. Я начинаю расстегивать пуговицы на рубашке. — Не важно.

— Думаешь, он думал о нас? За несколько секунд до того, как он умер?

Хотя я огорчен кончиной Дугласа — никогда не бывает хорошей новостью, когда кто-то рядом с тобой высовывается, — я не понимаю, почему Грейс пытается очеловечить этого человека.

— Может быть. — Я ощетинился. — Почему это имеет значение?

— О, нет причин. Это просто так, ты знаешь... — Она роняет телефон на матрас и поворачивает ко мне голову. — Мама сказала, что Дуг что-то оставил для меня в завещании.

Я замер, мои пальцы задержались на одной из кнопок. Воздух между нами потрескивает от безмолвного соперничества; Я обдумываю свои следующие слова, зная, что мы начали совершенно новую ментальную игру в шахматы.

— Я не знал, что Миранда и Дуглас были на связи.

Она прижимается ко мне. Ее руки скользят по моей спине, массируя ее.

— Они общались. Они вели переговоры о примирении. Дуг дал ей понять, что устал от своих бессмысленных подружек, и ты знаешь, как мама не так давно порвала отношения с Дейном. — Она внимательно следит за моей реакцией. Наши воображаемые мечи все еще спрятаны, и наши пальцы жаждут их вынуть. — Но я не уверена, насколько они были серьезны.

— Это очень удобно. — Я ухмыляюсь.

— На что ты намекаешь? — Она трется о мою спину.

— Ничего. — Я отталкиваю ее, позволяю рубашке соскользнуть с плеч и бросаю ее в изножье кровати. — Посмотрим, внес ли он какие-то изменения в свое завещание в последнюю минуту.

Меня ни на йоту не волнуют деньги Дугласа. Я зарабатываю достаточно сам. Что меня волнует, так это то, что Миранда вцепилась в то, чего не заслуживает. Грейс тоже. Они десятилетиями слонялись вокруг него в поисках обедков.

— Я пойду выпить. — Я выхожу из спальни и иду в гостиную. Я наливаю себе два пальца виски. Потягиваю его, облокотившись одним плечом на стену и глядя на вид на Центральный парк.

Дуглас трахнул меня завещанием в последнюю минуту, прежде чем свалить в ведро, это реальная возможность. Ему достаточно нравилась Грейс. Черт его знает, что он чувствовал к Миранде. У них были свои взлеты и падения. Но я? Я всегда был костью в его горле. Мое безразличие к нему, к его богатству вкупе с моей финансовой и духовной независимостью всегда заставляло его чувствовать себя выхолощенным и неважным.

Опять же, я его биологический сын. Дуг всегда заботился о том, чтобы сохранить семейное состояние.

Руки Грейс скользят сзади по моей груди, распуская темные волосы.

Ее обнаженное тело прижимается к моему телу без рубашки.

Ее сиськи горячие, соски торчат. Она покусывает меня за шею, облизывая и нежно покусывая. Ее грудь кажется тяжелой. Она наконец набрала вес?

— Иди спать, большой ворчун, — мурлычет она мне в ухо, покусывая его раковину.

Я смотрю на дно стакана с виски.

— Продай его мне, сестренка.

Она обхватывает мою промежность сзади. Я твердый. Она поднимает руку выше, засовывает ее мне в штаны и сжимает кулак вокруг моего ствола.

— Подрочить тебе?

Я ставлю свой виски на ближайший столик, хватаю ее за запястье и тяну, чтобы она встала передо мной.

Я переворачиваю ее, словно тряпичную куклу, наклоняю ее над боковым столиком, хватаю за одно бедро и свободной рукой и зубами разрываю обертку от презерватива. У меня всегда есть презервативы под рукой в кармане.

Я внутри нее в течение нескольких секунд. Она промокла.

Я катаюсь на ней сзади, закрыв глаза, вспоминая все те времена.

Когда она ударила меня ножом в спину.

Когда она обидела меня.

Когда она взяла то, что было моим, и дразнила меня этим.

Вот вам и блаженная чертова сказка, которая есть у других.

Грейс финиширует первой. Она всегда так делает. Ничто не заводит ее больше, чем знание того, что ее трахает человек, которого она ненавидит больше всего.

Я кончаю через несколько минут. Сдергивая презерватив по пути в ванную, я прохожу мимо зеркала от пола до потолка в коридоре и останавливаюсь.

Я чрезвычайно спортивный. Я играю в теннис шесть раз в неделю. Я относительно молод. Достаточно красив и богаче, чем кто-либо может быть.

Я могу найти достойную женщину. Типа Арьи. Сострадательная, умная,

привлекательный компаньон, который всю жизнь мечтает не видеть, как я горю в аду. И все же Кристиан и Риггс правы. Единственная женщина, на которую я положил глаз, это моя ядовитая, непостоянная сводная сестра.

— Это было хорошо, не так ли? — спрашивает она, когда я выхожу из ванной.

Я киваю.

— Хочешь посмотреть фильм?

Мне нужно расслабиться после пробуждения.

— Вообще-то, я немного поработаю на балконе. — Грейс отключает свой ноутбук от зарядного устройства в моей спальне. — Пока погода хорошая и все такое.

Мы никогда не делим постель только ради сна и секса. Никогда не смотрим фильмы вместе. Не ходим в музеи, на пикники, в отпуск.

Никогда не делаем ничего, что даже отдаленно похоже на пару.

— Все в порядке, у меня есть свои собственные проекты. — Я иду в свой кабинет и закрываю дверь.

Пришло время позвонить адвокату отца и узнать, какой ад он устроил для меня перед смертью.

ГЛАВА 5

Арсен, 15 лет

Мое такси остановилось перед особняком Корбинов. Я выскочил, по сумке свисало с каждого из моих плеч. Я прищурился, глядя на арки особняка, который раньше называл домом. На закрытую дверь. На пустую подъездную дорожку.

Я не знал, почему я надеялся, что кто-то будет ждать меня здесь. Разве я ничему не научился за годы, проведенные в Академии Эндрю Декстера?

Летние каникулы обещали быть долгими, одинокими и полными напряжения. Я должен был остаться.

Я потащил свою задницу к входу и поднял кулак, чтобы постучать в дверь, прежде чем вспомнить: К черту все, это место когда-нибудь станет моим.

Я открыл ее до упора. Слуги метались взад и вперед. Никаких признаков папы, Миранды и Грейслин.

— Добро пожаловать домой, Арсен. Твой отец попросил меня передать тебе, что он, твоя сводная сестра и твоя мачеха пошли в загородный клуб. Там турнир по гольфу. — Бернар остановился передо мной с папкой под мышкой. — Они должны скоро вернуться. Тебе нужна помощь в обустройстве? Может быть, немного прохладных напитков?

Я покачал головой.

Я поднялся в свою комнату и бросил сумки на пол. Я огляделся, и не нужно было быть гением, чтобы понять, что здесь произошло. Грейслин заняла мое пространство. Это не был розовый центр или что-то в этом роде, но мой шкаф был открыт и полон блестящих кроссовок. Стол был завален ее учебниками, пастельными красками Sharpies и записками в форме сердечек. На моей не заправленной кровати лежали расчески.

Какого хрена? В этом месте были десятки комнат. Она могла выбрать любую из них в качестве своей второй комнаты. Но это было не случайно. Она пыталась послать сообщение — я больше не являюсь частью этого дома.

С вызовом я бросился на кровать и стал тереться невымытым телом о белье, просто чтобы быть мудаком. Потом я уставился в потолок. Кровать все еще пахла Грейслин. Ее шампунь,

французские духи и дорогой лак для ногтей. Почему она спала здесь? Это казалось таким странным.

Входная дверь внизу открылась и закрылась. Смех наполнил фойе. Папа. Миранда. Грейслин. Они оживленно разговаривали. Мой живот скрутило от гнева.

Как чертовски мило: им удалось стать одной счастливой семьей в ту минуту, когда я стал «управляемым».

— Он здесь, — услышал я объявление одной из служанок и понял, что она говорит обо мне. Но пока я ждал — десять, пятнадцать, двадцать минут — никто из моей так называемой семьи не постучал в мою дверь.

Так все и осталось на следующие несколько часов. Битва воли и эго. Кто к кому первым подойдет? Папа или я. Только я был чертовым пятнадцатилетним подростком, а он — взрослым мужчиной, который предпочел жену своему сыну.

Пропустить ужин было неразумно. Мой желудок заурчал от голода, но я лучше умру, чем проиграю эту игру эго с папой. Когда все легли спать, я на цыпочках спустился на кухню и съел три тарелки объедков. Потом я поднялся на крышу через окно прачечной и стал смотреть на звезды.

Я заметил Меркурий, Сатурн, Венеру, Марс и Юпитер. Если бы я очень сильно прищурился, я мог бы даже притвориться, что вижу кольца на Сатурне. Звезды меня успокоили. Их существование. Знание, что существуют вселенные, которые намного больше, чем мое дерьмовое существование.

Пропорции. Да, именно поэтому я так любил астрономию. Все было пропорционально.

На следующее утро я не явился к завтраку. Разговор был напряженным, когда он дошел до моей комнаты. Дуг трещал, зная, что его единственный наследник скорее выпьет свою собственную мочу, чем будет делить с ним обеденный стол.

К полудню папа и Миранда послали Грейслин постучаться в мою дверь.

Входи, — сказал я, позволив ей ждать около моей комнаты целых девять минут и даже процевдив в отчаянии, — заходи, я знаю, что ты там.

Она толкнула дверь. Она стала выше. На ее подбородке появились прыщи, и она носила разноцветные брекеты. Она выглядела не очень хорошо, и это меня радовало.

За время нашей разлуки я располнел. Я знал, что выгляжу красивым, потому что ко мне постоянно приставали. И я знал, что Грейслин тоже так думает, потому что она не могла перестать смотреть на меня.

Она прикусила внутреннюю часть щеки, крепко сжимая дверную ручку.

— Мы идем в кино. Мама и папа спросили, не хочешь ли ты присоединиться к нам.

— Она не моя мама, а он не твой папа, — сказал я с наигранной серьезностью, многократно подбрасывая теннисный мяч к потолку и обратно. — И пас.

— Ты даже не знаешь какой фильм. — Она звучала плаксиво и немного напряженно. Она не хотела разочаровывать Дуга и Миранду. В конце концов, быть любимым ребенком было ее основной работой.

— Если это не живое шоу, в котором каждый человек, с которым мы ходили в школу, вклинивается в тебя, меня это не интересует.

— Я вижу, ты совсем не изменился. — Ее прыщавый подбородок дрожал.

— Конечно. — Я ухмыльнулся, не отрывая взгляда от прыгающего мяча. — Я больше не забочусь о тебе. Ни в малейшей степени.

— Я твоя сводная сестра!

— Ты лгунья.

Она отвернулась и захлопнула за собой дверь.

Дни тянулись медленно, но решимость внутри меня росла.

Дуг сломался первым. Он постучал в мою дверь через пять дней после окончания нашей холодной войны, пригласив меня поиграть в гольф с его друзьями. Сказать «нет» не составило труда — я ненавидел гольф и почти презирал его.

Ночи были намного приятнее. Тише и менее жаркие. Я забрался на крышу с фонариком, книгой по астрономии и телескопом, который купил после того, как в течение года подрабатывал случайными заработками между уроками. Дуг дал мне кредитную карту, но я из принципа не прикасался к ней.

Я читал о карликовых галактиках, черных дырах и бозоне Хиггса. Я съел еду на крыше за целый день, не утруждая себя уборкой остатков, зная, что привлеку всевозможных животных. Я лежал на спине, заложив руки за голову, и задавался вопросом. Задумывался о том, как будет выглядеть девушка, на которой я в конечном итоге женюсь. Мне нравились темноволосые женщины, поэтому я предположил, что она будет брюнеткой. Я думал, она будет серьезной и умной. Ученая, наверное. И у нее были бы отличные сиськи. И она позволит мне прикасаться к ним все время.

Она не будет похожа ни на Миранду, ни на Грейслин, ни даже на Патрис.

Мы поженимся, я и эта гипотетическая девушка. И моя «семья» присутствовала на церемонии; Я был бы холоден и далек от них. И они бы знали, что они мне больше не нужны. Что у меня теперь есть своя семья.

Эта девушка, девушка моей мечты, она должна была быть родом из большой, счастливой семьи. Мы проводили бы с ними все наши каникулы. У нас были бы традиции и подходящие уродливые рождественские свитера и праздники.

Это были мечты, которые поддерживали меня. Потому что там, где были мечты — была надежда.

После трех недель одиночества Дуг сумел затащить меня на теннисный корт. Он знал, что я люблю играть, и подкупил меня обещанием корейского барбекю и пива после игры.

Папа пытался по-своему. В последующие дни он разрешал мне пить пиво со своими крутыми друзьями в загородном клубе после моих теннисных матчей (я выиграл их все). И он не заставлял меня проводить время с Мирандой и Грейслин.

На самом деле мне удавалось избегать этого дуэта целых шесть недель. Почти все время моих летних каникул. Пока однажды ночью, когда я был на крыше, читая о квантовой механике, я не услышал шум, доносящийся с противоположной стороны дымохода. Я сел, оглядываясь за плечо. Я нашел Грейслин, стоящую на хребте в своей бледно-желтой пижаме, с кулаками на бедрах.

Она была всего в футе от меня и смотрела на меня сверху.

— Если тебе интересно, без тебя все прекрасно. — Она попыталась изобразить самодовольную ухмылку, но я мог сказать, что она нервничает. Ее глаза были широко раскрыты и полны отчаяния.

— Мне не было интересно, но спасибо за новости, — равнодушно сказал я. — Ты можешь получить их обоих и этот уродливый особняк. Жизнь здесь скучна. Мне весело в школе.

Ложь, ложь и еще раз ложь. Эндрю Декстера была строгой, и полной хулиганов и оскорбительного персонала, но я не собирался доставлять ей удовольствие рассказывать ей об этом.

— Ты знаешь. — Она задумчиво постучала по подбородку. — Я думаю о той ночи каждый день. Почему ты не пытался сказать отцу правду? Ты просто...бросил это.

Я пытался. Он не слушал.

Я перевернул страницу в своей книге и отложил ее в сторону.

— Зачем? Я получил то, что хотел. Не видеть твое уродливое лицо каждый день.

— Ты действительно имел в виду то, что сказал? То, что ты больше не заботишься обо мне? — Ее лицо упало, а вместе с ним и ее насмешливая улыбка.

— Каждой фиброй моего тела.

— Ну, к твоему сведению, я тебя тоже ненавижу!

— Это награды за бесполезные забавные факты? — Я с удивлением огляделся вокруг, прежде чем потянуться за книгой и зевнуть. — Почему, черт возьми, ты думаешь, меня это волнует?

Следующая часть случилась очень быстро. Грейслин зарычала и присела, пытаясь столкнуть меня с гальки. Я споткнулся, еще в шаге от него, прежде чем успел схватиться за вентиляционную трубу. Я был еще в нескольких футах от края. Грейслин застонала от разочарования, используя свои ноги, чтобы сбить меня с ног. Она хотела убить меня. Прямо сломать мне шею. Эта девушка была психопаткой.

— Упади! О, умри уже! — Она отчаянно брыкалась ногами, пытаясь дотянуться до моего тела. Я обхватил одной рукой вентиляционную трубу, а другой схватил ее за ногу и потянул вниз к себе. Она задохнулась, перевернувшись на живот, пытаясь выкарабкаться обратно, как мокрая кошка в ванне.

Я не отпустил ее лодыжку, но взобрался с ней на уступ. Когда мы добрались до хребта, я перевернул ее на спину и оседлал. Я не мог рисковать, что она снова попытается убить меня.

Она подняла кулаки в воздух, пытаясь схватить меня за нос, за щеку, за шею. Я схватил ее за запястья и ударил ими по обеим сторонам головы. Она застонала от боли. Мне потребовалось все, чтобы не ударить ее.

— В чем твоя проблема? Хм? — Я закричал.

Она задыхалась подо мной. Ее грудь вздымалась и опускалась. На ней не было бюстгальтера. Я сглотнул, чувствуя себя странно, покалывающе и не в такой ярости, как должен был бы быть. И это было отстойно, потому что, хотя я ненавидел ее, я не ненавидал ее тело.

— Поцелуй меня. — Она облизала губы, ее темный взгляд опустился на мой рот.

— Что? — спросил я, сбитый с толку.

Она попыталась высвободиться, смеясь.

— Поцелуй меня, тупица. Я хочу, чтобы ты был моим первым.

Ее раньше не целовали? Она была почти моего возраста. Я все еще был девственником, но я много целовался и даже трахал пальцами двух девушек на лыжном турнире прошлой зимой.

Плюс, и что более важно — почему я?

— Ты меня ненавидишь, — выплюнул я.

— «Ненависть и любовь — те же любовницы под разной маской». Я однажды где-то услышала эту фразу, и она заставила меня подумать о тебе. — Она улыбнулась мне, хлопая ресницами. И тут я понял, что происходит. Ей нравилась борьба. Бой. Игры. Она видела отношения Дуга и Миранды и хотела воспроизвести их. То, что я считал насилием, она считала страстью.

Моя рука скользнула от ее запястья к шее. Я немного надавил на нее. Не настолько, чтобы причинить ей боль, но достаточно, чтобы сказать ей, что я не бездельничаю. Я приблизил к ней свое лицо. Ее веки дрогнули; у нее перехватило дыхание. Ее глупое тело согнулось, мышцы ослабли, когда она приготовилась к поцелую. Я наклонился вперед. Мои губы были на волосок от ее губ, когда я остановился, позволив этому последнему дюйму между нами почувствовать себя целой милей.

— Глупая, глупая девочка. Если ты еще раз попытаешься меня убить... — Моя хватка на ее шее усилилась. — Я сверну твою хорошенькую шею, даже если меня за это посадят. В следующий раз ты не будешь плакать по волку — ты будешь им съедена. Кости и все остальное.

Прежде чем я успел выпрямить спину и убраться отсюда, она прыгнула вперед, и ее губы коснулись моих. Она украла поцелуй. Он был небрежным, полным языка и металла. На вкус он был как яд. Как алкогольный ополаскиватель для рта и девушка, которую я не должен был хотеть, но все равно хотел.

— Ты на вкус как яд, — прошептал я ей в рот.

Она ухмыльнулась, очень сильно прикусив мою нижнюю губу, пока металлический привкус крови не взорвался у нас обоих во рту.

— Может быть, именно так я закончу тем, что убью тебя. — Она слизнула кровь с моего рта. — С добротой.

ГЛАВА 6

Арсен

— Это может ничего не значить. — Кристиан стоит перед бильярдным столом, держа свой кий как винтовку. Он стреляет как идеальная пушка. — Ты слишком много в это вкладываешь.

Я сижу в кресле позади него в «Новом Амстердаме». Частный джентльменский клуб на углу Шестьдесят девятой улицы. Это самый эксклюзивный клуб в Нью-Йорке, и поэтому относительно пустой.

Кристиан, Риггс и я посещаем это место с тех пор, как Риггс сообщил нам, что мы больше не можем ходить в Brewtherhood, наш любимый паб, потому что он пробился сквозь посетителей, посетителей паба и некоторых поставщиков.

— Едва ли. — Я переворачиваю страницу в книге по астрономии, которую читаю, с трубкой в уголке рта. — Сегодня я ходил к его адвокату по недвижимости. Подробностей он мне сообщить не смог, но сказал, что Грейс унаследовала нечто ценное.

— Это может означать что угодно. Может это хороший гребаный фарфор. Когда ты сможете увидеть завещание? — Кристиан откладывает кий, чтобы взять пиво и сделать глоток.

— Физическая копия должна быть отправлена мне в любой день.

— Но зачем твоему отцу что-то оставлять Грейс? — Риггс хмурится, двигаясь вокруг

бильярдного стола, чтобы проверить, куда он хочет нанести лучший удар. — Разве она не была пятном спермы его бывшего лучшего друга?

Я положил трубу.

— Быть противоречивой работой — это семейная обязанность Корбинов. Дать ей что-то, что, как он думал, я хотел бы получить, было бы полным трахом. Я не думаю, что он когда-либо простил меня.

— За что? — Кристиан хмурится.

— За мое рождение. — Я ухмыляюсь.

— Ты не был тем, кто засовывал свой член в твою маму, извини за мой французский. — Риггс делает глоток.

— В обидах, как в нижнем белье с вырезом, мало смысла. — Кристиан хлопает меня по плечу. — Как ты думаешь, что он оставил ей?

Отель на Пятой авеню? Яхта? Частный самолет? Варианты безграничны. Корбины — старые деньги. Настолько старые, что их можно отнести к Франции восемнадцатого века. Мои предки ели торт с Марией Антуанеттой.

— Сложно сказать. — Я бросаю книгу на стол. — У Дугласа было много активов и ноль сомнений. Единственное, что я знаю наверняка, это то, что он не мог дать ей слишком много. Мы не известны своей щедростью.

— Однако во всем этом есть серебряная подкладка. — Риггс опирается на свой кий, как на трость, скрестив лодыжки, на его лице улыбка ведущего игрового шоу.

Я вопросительно выгибаю бровь.

— Просвети меня.

— Теперь он мертв, и тебе предстоит сделать последний шаг. Чтобы использовать все, что есть в воле, в свою пользу.

— То есть?

— Что бы она не получила, ты будешь болтаться перед ее лицом, как морковка. — Риггс чешет спину кием, выгнув брови. — Ты хотел завоевать ее, не так ли? Вот как ты наносишь последний удар. Как ты побеждаешь.

Я сужаю глаза.

— Я не считал тебя хитрым типом.

— О, я могу быть безжалостным. — Риггс со смехом отмахивается от меня. — Я просто никогда не трачу достаточно времени, чтобы показать эту свою сторону.

Хм.

Я собираюсь максимально использовать ситуацию.

Даже если это означает сжечь наследие Дугласа Корбина.

Через три дня приходит письмо. Конверт из манилы, требующий подписи. Альфред звонит из приемной и сообщает, что письмо пришло. Я выбегаю из квартиры босиком.

— Кто доставил? Фирма? — Я вырываю папку из пальцев старика.

Он качает головой.

— Вручил какой-то важный на вид парень в костюме. Надеюсь, у тебя все получится, сынок.

В лифте я напрягаю все свое самообладание, чтобы не разорвать коричневый конверт в ключья. Это было бы именно то, чего хотел бы мой отец. Я не могу рисковать тем ничтожным шансом, что загробная жизнь существует, и его дух наблюдает за мной сверху.

Вместо этого я подбрасываю птицу вверх, затем вниз, к полу.

— Я подозреваю, что ты попал в ад, но вполне вероятно, что ты подкупил ангела, чтобы получить место в раю.

Когда я возвращаюсь в свою квартиру, я бросаю конверт на письменный стол, иду на кухню, делаю себе чашку кофе и возвращаюсь. Я разрезаю конверт ножом для писем, затем аккуратно достаю стопку бумаг, в миллионный раз внутренне напоминая себе, что мне все равно.

Но мне не все равно. Мне не все равно, и это чертовски убивает меня.

Я знаю, что мой блеск потускнел бы в глазах Грейс, если бы Дуг сделал ее такой же богатой, как я. Я размахиваю своей родословной, своим престижем, миллиардами моей семьи перед ней, чтобы удержать ее. Если это исчезнет, она может уйти навсегда.

И если она уйдет навсегда, я проиграю. Поистине и окончательно проиграю нашу тридцатилетнюю войну.

Вот и все.

Я бегло просматриваю скучные части и сразу перехожу к делу. Я начинаю читать пункты.

Большая часть поместья, за исключением офисного здания в Скарсдейле, доставшегося деловому партнеру папы, теперь принадлежит мне.

Ликвидные деньги, облигации и банковские счета целиком переходят ко мне. Его инвестиционный портфель теперь мой. Его частный самолет тоже. Я даже получаю автомобили, антикварную мебель и уродливые семейные реликвии.

Я получаю все, чем он когда-либо владел.

Миранда Лэнгстон ничего не получает. Нет даже консервов в кладовке. Даже его наилучшие гребанные пожелания. Грейс, похоже, тоже ничего не получает. О чем, черт возьми, говорил адвокат по недвижимости? Что он оставил ей что-то ценное?

Я в замешательстве смотрю на файл. Что мне не хватает?

И тогда я вижу это. В самом конце завещания. Грейслин Лэнгстон получила Калипсо Холл. Небольшой театр, расположенный в двух шагах от Таймс-сквер, запущен и отчаянно нуждается в ремонте. Если он вообще работает, то это, должно быть, денежная яма. Я подозреваю, что единственная причина, по которой он до сих пор не закрылся, заключается в том, что слишком много туристов не могут вовремя получить билеты на Бродвей и в конечном итоге попасть на представление там.

Это место не стоит той недвижимости, которую оно занимает. И самое приятное то, что это историческое здание, так что, кто бы его ни купил, ему придется оставить его театром. Следовательно, он не может быть продан. Во всяком случае, не по хорошей цене.

Грейс ни на пенни не богаче, чем была до этого завещания.

Отличные новости для меня.

Бомба для нее.

Я сижу, обдумывая это — какова была точка зрения Дугласа? Чего он хотел добиться, лишив меня этой прославленной дыры?

Тогда это доходит меня.

Calypso Hall был первоначально куплен, когда моя мать впервые переехала в США. Я

слышал, как слуги говорили, что она была одинока и скучала до безумия во время беременности со мной. Чтобы успокоить ее, мой отец решил подарить ей что-нибудь, чтобы она была занята и не мешала ему. Поскольку Патрис была начинающей актрисой, он купил ей этот неудавшийся театр. Он назначил ее управляющим директором и в истинной манере Корбина сказал ей не жалеть ни копейки, чтобы добиться успеха.

Она проводила там дни и ночи, суетясь над каждой деталью, каждым сценическим декором, каждым представлением. Некоторые говорили, что она фактически изменила ситуацию и сделала ее прибыльной на несколько месяцев. Отец мало рассказывал мне о ней, но говорил, что как только я родился, она бросила меня на руки кормилице и продолжила работать в театре, забыв о моем существовании.

Я был единственным, кто хотел тебя, Арс. Это ты и я, мальчик. Навсегда.

Единственной спасительной милостью Дугласа было то, что он взял меня, когда моя мать переехала на Манхэттен и жила без меня.

Я не знаю, почему папа решил, что подарить Грейс что-то, что когда-то любила моя покойная, неблагополучная мать, может разозлить меня, но он промахнулся на тысячу миль или около того.

Если уж на то пошло, то дарение Грейс чего-то сентиментального и не имеющего никакой финансовой ценности лишь показывает, как мало он знал свою падчерицу.

Ухмыляясь, я поворачиваю свой офисный стул лицом к окну от пола до потолка. Если у меня есть копия, значит, у Грейс тоже есть.

Она вот-вот узнает, что я только что стал одним из самых богатых людей в стране. Это убьет ее, но и заманит тоже.

Так начинается еще одна игра между нами. Игра в курицу.

Кто первым уступит, возьмет трубку и позвонит? Признает поражение? Примет свою судьбу и, наконец, подчиниться этой отвратительной договоренности и всем, что она влечет за собой?

Самое время напомнить Грейс о чем-то, что она могла забыть.

Я всегда выигрываю.

ГЛАВА 7

Арсен

Две недели спустя

— Спасибо, что позволил мне переночевать с тобой. — Риггс вываливается из такси позади меня, забитый, как тысяча чертовых гвоздей.

Я смотрю на часы.

— Позволил — это громко сказано. Ты последовал за мной домой, придурок. У меня не было выбора в этом вопросе.

— Да ладно, Арс. Всем нужен сталкер. Значит, ты добился успеха в жизни. — Он добродушно хлопает меня по спине, его золотистые кудри падают на широкий лоб, и он качает головой.

— Странное ты существо, — ворчу я.

— Сказал горшок чайнику.

Мы идем по улице к моей квартире. Я попросил таксиста высадить нас до того, как мы

добреемся до пункта назначения, опасаясь, что моего друга детства вырвет на кожаные сиденья.

Риггс засовывает кулаки в передние карманы, немелодично насвистывая.

— Какой твой следующий пункт назначения? — спрашиваю я, пытаюсь успокоить свой разум. Грейс не связывалась со мной последние пару недель. Я знаю, что она все еще переваривает потерю своего преимущества надо мной. Мы с ней оба знаем, что благодаря этому завещанию я стал слишком важен для нее, чтобы продолжать играть с ней в игры.

Она знает, что я попрошу уступок — серьезный. И она ждет своего часа.

— Северная Джакарта, — отвечает Риггс.

Я хмыкаю.

— Это в Индонезии, ты, некультурная свинья. — Он усмехается.

— Когда ты уезжаешь?

— На следующей неделе. — Он пинает пустую банку из-под газировки, стоящую на тротуаре, прямо в мусорный бак, закрученным шграфным ударом, который посрамил бы Бекхэма. — На три недели. Это своего рода привилегия, поскольку я выиграл "Фотографию года" в прошлом году.

На фотографии был удар молнии, коснувшийся крыла журавля-крабоеда. Он поймал всю стаю, поднявшуюся одновременно и летящую в одном направлении. Фон был фиолетовым и голубым.

Я не сомневаюсь, что Риггс полон всех художников темной материи, с которыми рождаются. Но какая бы тьма ни обитала в нем, он старается никому ее не показать. Беззаботный красивый мужчина, гонящийся за юбкой и приключениями, — это версия, которую получают все, включая его лучших друзей. В каком-то смысле я подозреваю, что он облажался больше, чем мы с Кристианом вместе взятые.

Я плечом толкаю стеклянную дверь в свой дом. Пробираемся к лифту.

— Альфред, мой добрый человек. — Риггс стучит кулаками по моему семидесятилетнему швейцару, пока я затаскиваю его внутрь. — Как дела у Сюзанны? Операция на бедре прошла хорошо?

— Кроме того, мистер Риггс. Спасибо, что прислали цветы — это было очень любезно с вашей стороны. Она уже на ногах. Рад, что вы вернулись. Мистер Корбин, я...

— Не сейчас, Альфред, — рывкаю я, направляясь к лифту. Риггс может быть хорошим парнем для поставщиков услуг, но он также блядь 180 фунтов мускулов, чтобы нести прямо сейчас, и чертовски пьян.

— Но сэр...

— Я сказал, что занят.

Риггс знает имя жены Альфреда. Невероятно. Этому придурку лучше снять квартиру в городе в следующем году. Мое место не общежитие, и он начинает чувствовать себя здесь слишком комфортно.

Мы поднимаемся на лифте вверх. Риггс косится на меня.

— Где твои манеры, задница? Альфред — пожилой джентльмен.

— Меня не волнует, даже если он Папа Римский. — Толкаю дверь в свою квартиру.

— А теперь сделай себя полезным и закажи нам перекусить. Ты угощаешь. — Я прохожу половину гостиной, прежде чем понимаю, что Риггс замер. Он стоит перед моим диваном, рот открыт, глаза широко раскрыты.

Я остановился.

Смотрю на мой диван.

На нем распласталась Грейс, полностью обнаженная, если не считать пары туфель на высоких каблуках с красной подошвой. Она крепко спит. Ее розовые соски набухли, а по всей коже побежали мурашки.

Что. за...

— Святые равиоли. — Риггс свистит. — Я начинаю понимать все эти извращения с трахом твоей сестры. Все еще не мой конек, но я расширяю свои горизонты.

— Я расширю тебе задницу, если ты не уберешься отсюда прямо сейчас. — Я поворачиваюсь к нему, дрожа от гнева и восторга.

Наконец-то. Блядь, наконец-то. Почему она так долго?

— Но мне нужно место для ночлега. — Он вызывающе улыбается, наслаждаясь тем, как я извиваюсь.

— В Нью-Йорке шестьсот семьдесят отелей. Иди останься в одном из них.

— Братаны перед шлюхами. — Риггс делает вид, что поднимает свою сумку с пола и перебрасывает ее через плечо. Он щелкает пальцами, опуская голову. — О, верно. Она твоя сестра.

Он выходит из двери, хлопая ею, но не раньше, чем отдает честь мне.

— Наслаждайся!

Я присаживаюсь на край кофейного столика и несколько секунд смотрю на Грейс. Выражение ее лица умиротворенное. Вот откуда я знаю, что это все игра. Грейс обычно хмурится, когда спит. Как будто она использует это время, чтобы созерцать мировое господство.

— Я знаю, что ты не спишь, — говорю я.

Я думаю, она поняла, что я не один, когда мы вошли, и не была в настроении объяснять свое состояние наготы.

Ее лицо не морщится.

Я вздыхаю.

— Риггс ушел, у нас важный разговор, который давно назрел, и я могу быть не в лучшем расположении духа завтра утром, когда алкоголь выветрится.

Ее глаза распахиваются. Она сидит прямо, дуясь, как избалованная принцесса, которой она и является.

— Тьфу, я ненавижу большинство твоих друзей, но этот хуже всех, Арс. Он ведет себя как настоящий мальчик из братства.

Я ничего не говорю. Прошло две недели. Она должна стоять на коленях, обслуживая меня прямо сейчас.

— Я приготовила тебе картофельное пюре с дополнительным маслом и кусочками лука, как ты любишь. — Она потягивается, как ленивая кошка, улыбаясь мне. — И приправленный стейк, ожидающий, когда его бросят на сковороду.

Она изучает меня, ожидая моих слов.

Я наклоняю голову в сторону кухни.

— Ну? Стейк сам себя не приготовит.

Она встает. Я легонько шлепаю ее по заднице, пока она идет на кухню, любуясь ее длинными ногами на этих каблуках. Она поводит плечами, доставая сырой стейк из холодильника, вероятно, чтобы снять напряжение, нарастающее в ее теле.

— Грейс. — Мой голос холоден, как острое лезвие, пронзающее ее шею.

— Хм?

— Иди сюда, когда закончишь.

Пока я жду, когда мой стейк поджарится, я наслаждаюсь бокалом Moet & Chandon и минетом. Она стоит на коленях, с энтузиазмом мотает головой туда-сюда, принимая в себя больше меня, чем обычно. Я непринужденно стою у окна, наблюдая за темнотой, поглощающей засаженный деревьями парк, а Грейс сжимает мой член в кулак, засасывая мои яйца в рот и массируя их языком.

Я выиграл. Я знаю это. Она это знает. Тем не менее, удовлетворение от того, что она у меня на ладони, не такое осязаемое и восхитительное, как я себе это представлял. Самое интересное в Грейс всегда — всегда — погоня.

Ужин приятный. Она часто улыбается мне, гладит мою руку и спрашивает, все ли мне нравится. Так и есть.

— Кстати, поздравляю с завещанием. — Она наконец доходит до сути через сорок пять минут после того, как я ее разбудил.

— Странный выбор слов, но спасибо. Поздравляю с театром. — Я отрезаю сочный кусок стейка и засовываю его в рот. — Что ты собираешься с этим делать?

— О, я не знаю. — Она крутит бокал с шампанским за ножку, погруженная в свои мысли. — На следующей неделе у меня звонок с моим финансовым консультантом. Тогда я буду знать больше. Ты же не думаешь, что есть способ превратить это в прибыльное предприятие, не так ли, Арс?

Я думаю, что это бесконечная денежная яма, предназначенная для умиротворения женщин, в которых влюблены мужчины Корбина, и пустая трата кирпича и раствора.

— Нет.

— Тогда, может быть, я его продам.

— Не жди существенного дохода. Потребуется большие деньги и несколько чудес, чтобы изменить это место и сделать его привлекательным.

— Какой ты умный. — Грейс вздыхает, улыбаясь мне. — Мы вернемся к этому вопросу после того, как я хорошенько его рассмотрю. Я уверена, что ты сможешь помочь мне со своим большим мозгом.

Я отложил вилку, устав от этой утомительной шарады.

— Почему так долго?

Она оборонительно скрестила руки на груди.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду приезд сюда. Не прикидывайся дурочкой.

— Ничего. я... Я не знаю. — Она вскидывает руки в воздух. — Можешь ли ты винить меня? Я думаю, это трудно, смириться с тем фактом, что ты влюблена в своего сводного брата. Сводного брата, к которому ты не всегда была добра. Это был довольно трудный месяц.

— Влюблена в меня? — бормочу я.

Сроки, удобство делают все прозрачным. Она не влюблена в меня. В мои деньги, может быть. И как бы я ни хотел на ней жениться, ее ложь в лучшем случае прозрачна, а в худшем оскорбительна.

— Конечно, я люблю тебя, Арсен. Иначе зачем бы мне быть с тобой столько лет?

Потому что ты — жаждущая внимания Эриньес, и ты просто не можешь упустить хорошую перспективу замужества.

Грейс тридцать три года. Еще молода, но не настолько молода, чтобы не думать о том, с кем однажды она захочет иметь потомство. Она расчетливое существо, всегда на пять шагов впереди в игре. Когда дело доходит до прибыльных предприятий — я один из них.

— Ты любишь меня? — снова спрашиваю я, откидываясь назад.

— Да. — Она сужает глаза, неловко ерзая на стуле. — Почему это так странно для тебя? Ты меня не любишь?

— Я не уверен.

Но я уверен. Я уверен с половиной. Я уверен и трахаюсь, как дневная проститутка потому что любовь к ней не приносит мне никакой радости. Никакого удовлетворения. Я стал думать о любви как о тюремном надзирателе. Что-то, на что ты обижаешься, а не лелеешь.

— Твое внезапное заявление ужасно удобно. Мне нужно будет попросить расписку за эту так называемую любовь, — протягиваю я.

— Не прошло и двадцати минут, как ты буквально держал свой член у меня во рту. Пока ты писал сообщения на телефоне! — Гремит она, ее щеки горят от ярости.

Я дарю ей холодную улыбку.

— Тебе нравится чувствовать себя немного мужественной. Это помогает тебе раскрепоститься после того, как ты весь день просидела на работе.

Она закатывает глаза.

— Ты хочешь доказательств, хорошо. Что ты имел в виду?

Мы ведем этот разговор, как будто мы ведем бизнес. Мне это нравится. Насколько мы единомышленники.

— Я хочу, чтобы ты переехала ко мне, — сухо говорю я.

Она кивает.

— Хорошо. Я могу это сделать. Что еще?

— Ты также женишься на мне, — продолжаю я как ни в чем не бывало. — Хотя я понимаю, что это может быть деликатной новостью, учитывая время и обстоятельства. Я дам тебе несколько месяцев, чтобы сгладить острые углы. Подготовить почву, так сказать.

— Выйти замуж? — Ее брови приподнимаются, глаза расширяются от открытого, беззастенчивого удовольствия. Она сдерживает свое волнение, не желая признавать свою невыгодность в наших переговорах. — Я не считала тебя тем, кто женится.

— Брак — это вполне прагматичное мероприятие. — Я беру вилку и откусываю от стейка, его кровавый сок стекает по моему языку. — Я поклонник институтов. Они выдерживают испытание временем, потому что они функциональны. Брак — это хорошая, малорискованная инвестиция. Мне нужны наследники, стабильность и дом за пределами этого проклятого города. Налоговые льготы тоже не прошли для меня даром.

Хотя эта небольшая речь не получит никаких романтических наград, она попадает в цель. Теперь, когда Грейс знает, что Дуглас не сделал ее мультимиллионершей, я вцепился ей в горло.

— Это предложение руки и сердца? — Ее темные глаза почти вылезли из орбит.

— Это заявление о намерениях.

— Все в порядке. — Она гладит свои блестящие волосы. — При условии, что я получу достаточно большое кольцо, чтобы его можно было увидеть с Марса. Я хочу чего-то грубого и неприятного. Что-то, что заставит каждую женщину, которую я знаю, презирать меня.

У меня не хватает духу сказать ей, что большинство женщин, которых она знает, уже

ненавидят ее.

Либо Грейс плохо ведет переговоры, и я слишком много ей доверяю, либо она отчаянно нуждается в этой сделке. Во всяком случае, она слишком добровольно отказалась от борьбы, и мне интересно, почему. Она провела последнее десятилетие, бросая меня каждые несколько месяцев и втягивая меня во все свои драмы... только для того, чтобы сказать «да» на предложение? Какой у нее план?

— Ты подпишешь брачный контракт, — объявляю я.

Ее лицо падает.

— Зачем? Не похоже, что мы когда-нибудь собираемся...

Я поднимаю руку вверх.

— Ты мне нравишься, Грейс. Больше, чем должна. Но не делай ошибки. Я доверяю тебе не больше, чем завтрашнему заголовку National Enquirer.

Она смеется.

— Ты ужасен.

— Это не может быть для тебя новостью.

— Отлично. Но я оставляю за собой право пригласить трех адвокатов для рассмотрения этого брачного контракта.

— Возьми сотню, милая. Это не имеет значения. — Я добьюсь своего и позабочусь о том, чтобы мое богатство было в безопасности от нее, как это сделал мой отец с ее матерью.

— А теперь подожди меня в спальне, пока я помою посуду. — Я встаю.

Она сначала колеблется, слоняется, как будто хочет еще что-то сказать, потом встает на ноги.

Я стою к ней спиной, когда она начинает ходить. Я смотрю на нее из отражения в кухонном окне.

— Я сказал идти? Я имел в виду ползать.

Повернув голову, я вижу, как напрягается ее позвоночник, когда она кратко об этом думает.

— Тебе нравится меня унижать, не так ли?

Не особенно. Но я знаю, что ей это нравится, и я очень хорошо играю в нашу игру.

— Все в порядке, Арс. Беда в том, что мне тоже нравится быть униженной тобой. Я знаю, что ты меня не любишь... — Она делает вдох. — Нет, даже не пытайся отрицать это. То, что у тебя есть для меня, это не любовь. Это одержимость. Это всегда было одержимостью. Я все равно возьму это.

Медленно она опускается на четвереньки и ползет к моей спальне, ее великолепная задница висит в воздухе. Я люблю ее. Конечно, я люблю ее. Иначе зачем бы мне мириться со всем, через что она меня заставила пройти?

Я хочу сказать ей, чтобы она встала. Но что-то меня останавливает. Жгучая боль, которая пронзает мою грудь каждый раз, когда я вспоминаю, как она лишила меня единственной семьи, которую я знал. Как жестоко она меня обманула.

Я мою тарелки и кастрюлю, затем ополаскиваю бокалы для шампанского. Вытирая руки по пути в спальню, я слышу шум воды в ванной.

Через минуту в дверях появляется Грейс в сексуальной черной кружевной куколке.

Куколке. Прозвище заставляет меня содрогнуться. Почему я вдруг подумал об этой деревенщине? Неважно. Ее простодушное лицо уже исчезло из моей памяти.

Грейс подходит ко мне и проводит ногтем по моему горлу.

— Я думала... — Кончик языка скользит по верхней губе. — Как насчет того, чтобы я предоставила тебе VIP-доступ к моей серверной части?

Я смотрю на нее. Она только что предложила мне анальный секс? Мы что, подростки? Мы никогда не обсуждали это раньше. У меня не сложилось впечатления, что это ее интересует.

— Почему? — Я спрашиваю.

— Что ты имеешь в виду? — Ее улыбка рассыпается. Это была не та реакция, к которой она стремилась. — Я хочу сделать что-то особенное для тебя. Мы съезжаем. Мы только что обсуждали брак. — Она тяжело сглатывает, делая шаг назад. — Кроме того, тебе всегда нравились неортодоксальные вещи. Я подумала, может быть, ты хочешь немного развратничать.

Я не хочу, чтобы она отказывалась от вещей, которые не хочет давать, потому что карты перетасовали и изменились в мою пользу.

— Да ладно! — Она закатывает глаза. — Не притворяйся, будто тебе не нравится, когда я сжимаю свои сиськи, а ты трахаешь щель между ними, пока не кончишь мне в рот.

У нас определенно есть место для роста в плане милых разговоров.

Я оцениваю ее.

— Эта идея родилась из-за того, что тебе было скучно и ты возбудилась, когда у тебя были месячные, помнишь?

— Ну, теперь моя идея — заняться анальным сексом! — Она кричит на меня, а это не лучший вариант, когда пытаешься кого-то соблазнить. — Что так трудно понять?

— Давай прикрепим это щедрое предложение к тому моменту, когда ты почувствуешь себя менее благодарной, а я не настолько пьяной от власти. — Я сжимаю ее волосы сзади, вытягивая ее шею. — А теперь будь хорошей девочкой и встань на четвереньки для меня на кровати. В любом случае, это твой лучший ракурс.

Она делает это, волоча колени по атласному белью.

— Смотри в изголовье. Не своди с него глаз. — Я кружу вокруг нее, как хищник, зная, что она меня возбуждает.

Когда я надеваю презерватив и наконец вхожу в нее сзади, она оказывается сухой, как кость. Смущенный, я медленно выхожу, не желая причинить ей боль.

— Хочешь больше времени? — Я прочищаю горло, чувствуя себя на удивление не в своей тарелке.

Она протягивает руку и хватается подол моей рубашки.

— Нет. Продолжай. Это просто... стресс делает меня такой иногда. Мне весело.

— Без обид, но ты чувствуешь себя наждачной бумагой, — прямо говорю я. — Заниматься сексом необязательно. — Я отстраняюсь от нее, собираясь сорвать презерватив с моего члена.

Она оборачивается и отчаянно дергает меня за рубашку.

— Нет, нет. Пожалуйста. Ты должен трахнуть меня.

— Почему? — ошеломленно спрашиваю я. У нас никогда раньше не было таких проблем, но я не вижу необходимости трахаться сегодня вечером, если она не готова к этому.

— Потому что! — Она на грани плача. — Я скучала по тебе и хочу, чтобы ты был внутри меня, хорошо? Хватит задавать так много вопросов.

У меня странное чувство, что сегодня вечером есть нечто большее, чем то, что она не

мокрая. Обычно она подпрыгивает на моем члене, как будто это облака. Что-то с ней не так, но она не признается мне.

— Пожалуйста. — Она подталкивает свою задницу ко мне, ее голос настойчив. — Сделай это. Пожалуйста. Для меня.

Неохотно я трахаю ее, медленно и осторожно, держа ее за талию, наблюдая, как ее шелковистые черные волосы падают на ее гладкую спину. Она все еще в основном сухая, но каждый раз, когда я вижу, как она вздрагивает, я просовываю пальцы ей в рот и использую ее слюну в качестве смазки, массируя при этом ее клитор в тщетной надежде, что она немного увлажнится.

— Ты уверена, что это нормально? — хрипло спрашиваю я, чувствуя себя проклятым старшекласником и ненавидя каждое мгновение происходящего.

— Это потрясающе. Ооо, именно так. Пожалуйста.

— Ты не чувствуешь, что получаешь удовольствие.

— Мужчины очень мало знают о женском теле, — рывкает она. — Не говори мне, что я чувствую. У меня есть собственное ведомство.

Закрыв глаза, я стараюсь кончить как можно быстрее. Секс так же хорош, как кофе недельной давности. Я наполовину приспущен, растерян и встревожен. Так что впервые в жизни я немного хрюкаю, делая вид, что заканчиваю, а потом дергаюсь так быстро, как только могу.

Когда она переворачивается подо мной, она ухмыляется, обхватив мои щеки.

— Это было так весело, не так ли?

Как будто трешь свой член о пилочку для ногтей.

— Эпично, — бормочу я.

Она наклоняется вперед, чтобы поцеловать меня в уголок рта.

Подавленный, я снимаю презерватив и иду в ванную. Я выбрасываю презерватив в мусорное ведро и иду в туалет, чтобы помочиться. Нахмурившись, я наклоняюсь, чтобы рассмотреть розовые остатки вокруг резинки. Еще один нежелательный первый раз.

— Грейс?

— Хм? — мурлычет она из комнаты, хватая пульт и переключая каналы.

— Я думаю, у тебя пошла кровь.

От ее металлического смеха хрустят кости, когда он эхом разносится по моей комнате.

— Неужели? О, это постоянно случалось со мной в колледже.

— Что это значит? — Я спрашиваю.

— Без понятия. Мне действительно нужно провериться. Я была очень напряжена после завещания. Даже вибратор ни разу не использовала.

— Позвони своему врачу завтра.

— Да, сэр.

Я возвращаюсь в спальню и наблюдаю за ней, пытаясь разоблачить всю ложь, которой она покрыта, чтобы узнать правду. Но она так хороша в этом. В этой шараде. Она всегда была прекрасной лгуньей.

— Хорошо, будущий муж. Иди сюда быстро. — Она тянется ко мне и тащит меня на кровать с собой. — Давай немного пообнимаемся.

Кто. Блядь. Эта. Женщина?

— С каких это пор мы обнимаемся?

— Теперь мы должны начать делать это! — восклицает она, снова притворяясь

веселой. — Мы собираемся пожениться, да?

Мы пытаемся смотреть что-то вместе, но у Грейс аллергия на документальные фильмы, а мне плевать на глупые реалити-шоу, где люди пьют, сплетничают и продают дома.

В конце концов, я дал ей посмотреть что-нибудь на «Браво» и уснул.

ГЛАВА 8

Арсен

Три месяца спустя я увожу Грейс в Мартас-Винъярд. Более причудливая, менее гламурная версия Кейп-Кода. Хэмптонс без блеска.

Мартас-Винъярд мне нравится не больше, чем ближайший общественный туалет, но я знаю, что, снимая там дом, Грейс чувствует себя Мишель Обамой.

— Боже мой, Арсен, я чувствую себя королевской особой. Что я сделала чтобы заслужить это? — ожидаемо восклицает Грейс, прикрывая щеки в притворном изумлении, кружась в огромном фойе ослепительного особняка в Ок-Блаффс.

Умудрилась стать недоступной для меня, даже живя под моей крышей.

Глупо, я думал, что появление Грейс сделает нас ближе.

Почти противоположное было правдой. Грейс работает безумные часы и не возвращается домой до девяти или десяти часов почти каждый день. Только за последние два месяца она провела половину своих выходных в Цюрихе, работая над сложным слиянием двух небольших частных банков.

Она делает усилие — я дам ей это. Мы трахаемся как кролики. Она готовит мне завтрак, покупает мои любимые галстуки и одеколон и старательно висит у меня на руке во время официальных мероприятий.

Эпизод засухи, в котором она истекала кровью, был единичным случаем. С тех пор у нас был примечательный секс. Она больше не упоминала об анальном предложении, и я благодарен за это.

Она перестала представлять меня своим сводным братом и стала называть меня своим соучастником преступления. Несчастливая середина между тем, чтобы называть меня своим братом, и откровенно признавать, что мой член живет бесплатно между ее ног.

Финансовые круги Манхэттена взбудоражены новостями о том, что, ожидая истечения срока моего запрета, я решил переселить к себе сводную сестру для собственного удовольствия, и она это знает. Более того, после того, как Грейс годами вдалбливала это в их головы, многие люди просто считают нас братом и сестрой. Ведь мы похожи. С нашими темными волосами и глазами.

Все это невероятно запутанно и потому для меня еще и чрезвычайно забавно.

— Ты заслужила этот отпуск. — Я сжимаю кулаки в передних карманах, наблюдая, как она восхищается внушительными колоннами и книжными полками от стены до стены. — Мы почти не видимся больше.

— Но когда мы это делаем, это так здорово. Тебе не кажется? — Она обвивает руками мою шею, целуя меня.

Она отрывает свой рот от моего прежде, чем я успеваю поцеловать ее в ответ.

— Я говорила тебе, как хорошо ты сегодня выглядишь? — Она сияет. — Как бесцеремонный король. Боже, Арс, я не думаю, что мне когда-нибудь будет достаточно тебя.

Она тащит меня по коридору, взбираясь на меня, как на дерево, в процессе стаскивая с

себя одежду, готовая к своему первому праздничному угощению.

— Я так рада, что мы это делаем. Я так скучаю по тебе, когда мы не вместе. Я не могу дождаться, чтобы бросить эту ужасную работу, когда мы поженимся. — Ее рот горячий и нетерпеливый на моей челюсти, спускаясь вниз по моему телу. — Ты купишь мне небольшой бизнес, чтобы занять меня, верно? Винодельня или что-то в этом роде.

Я хватаю ее за шею и швыряю о стену, пожирая ее рот в карающем поцелуе, пока наши тела сливаются воедино. Между нами клубится жар, как огонь.

— Ты скоро получишь все, что душе угодно, — бормочу я в ее горячую кожу.

Все, чего она не заслуживает. У мужчин Корбин есть одна общая черта: они всегда знают, как выбрать не ту женщину.

Предложение — тихое, достойное испытание. Я нахожу это безвкусным, когда люди просят других выйти за них замуж в общественных местах, где их вторая половинка не может отказаться.

Я приглашаю Грейс на хороший ужин, покупаю бутылку прекрасного вина и, когда мы возвращаемся в съемный дом, дарю ей кольцо с гигантским бриллиантом.

— Боже мой. Как неожиданно! Это Кэтрин? — она воркует, соглашается и делает мне двадцатиминутный минет, после которого ей приходится пить два тайленола для челюсти.

Она счастлива. Достаточно счастлива, чтобы напевать, смеяться и даже есть кусок пирога на десерт. Так счастлива, что целует меня, когда мы гуляем по пляжу, и прижимается ко мне, уткнувшись носом в мою шею, и не может перестать говорить о том, как она хочет заняться благотворительностью, когда уволится с работы.

Мы поженимся. Миссия выполнена. И все же. И все же. Я не могу сказать, что по-настоящему удовлетворен. Я достиг вершины Эвереста, но обнаружил, что едва могу там дышать.

Вечером перед возвращением в Нью-Йорк я веду Грейс в яхт-клуб. Она жует свой зеленый салат и шевелит своими тонкими пальцами, позволяя обручальному кольцу поймать последние солнечные лучи, льющиеся через стеклянные окна.

Глядя на него, я решаю, что Кристиан был прав насчет того, что сказал, когда я водил его за покупками колец в начале этого месяца. Кто-то собирается отрезать этой женщине палец, чтобы заполучить это украшение. Я мысленно помечаю, что куплю ей кольцо в тон для повседневных функций. Я бы очень хотел, чтобы все конечности моей будущей жены остались нетронутыми.

Грейс теперь оживленно разговаривает. Что-то о наших родителях. Мой взгляд то и дело останавливается на кольце. Невозможно отвести взгляд. Оно выглядит неудобным для ношения. Оно занимает так много места на ее костлявой руке.

Это заявление. Которое не любят делать люди со старыми деньгами.

Я так богат, что сам себе противен. Склонись, крестьянин.

Я ожидаю, что Карди Би наденет именно такую вещь. Не благовоспитанная женщина из Скарсдейла, окончившая частную школу. Но Грейс всегда чувствовала себя не такой, как все. Может быть, потому что ее отец переехал в Австралию еще до ее рождения. Может быть, потому что она была создана в грехе, в тайне, в позоре, с единственной целью — причинить

боль моему отцу.

— Арсен, ты слышал что-нибудь, что я только что сказала? — Грейс хмурится, вырывая меня из задумчивости.

Я моргаю, делая глоток газированной воды.

— Извини, я потерял ход мыслей. Пожалуйста, повтори.

Она краснеет, выглядя немного смущенной.

— Я говорила о завещании. — Она облизывает губы, ее глаза пугливо бегают по переполненному залу.

— О чем?

— Ну, теперь, когда мы помолвлены, может быть, будет лучше, если мы впишем друг друга в наши индивидуальные завещания. Ты знаешь, на всякий случай.

— В случае чего? — Моя челюсть твердеет.

— Всякое бывает.

— Уточни.

Грейс пыталась убить меня по крайней мере один раз за нашу жизнь (намеренно, в отличие от того, что я сделал с ней). Что — назовите меня безнадежным гребаным романтиком — было раз больше, чем должен делать твой близкий человек. Это было давно, но я бы не отказался, чтобы моя прекрасная, хитрая невеста попыталась сделать это снова.

Она очень находчивая женщина, а я очень богатый человек.

Она щелкает запястьем, задумчиво посмеиваясь.

— Я знаю, ты думаешь о том времени. Это была просто глупая подростковая месть. Я была ребенком. Гормональной черт возьми. Недоразвитая лобная доля и так далее.

— Твоя недоразвитая лобная доля меня не беспокоит. У тебя слабо развитая совесть.

Она дуется.

— Это не очень хороший способ разговаривать с твоей невестой.

Я ухмыляюсь, тыльной стороной пальцев касаясь ее щеки.

— Приятность — это не та черта, которую мы ищем друг в друге.

— Ты даже не подумаешь об этом? Ради меня? — Ее глаза — два бриллианта из оникса. — Зная, как много это значит для меня. Доверие, очевидно. Не деньги. Только доверие.

У меня нет живой семьи, которой я мог бы отдать свое имущество. Если я завтра умру, то, скорее всего, Грейс достанется, по крайней мере, изрядная часть всего, чем я владею. Вместе с Мирандой, кем-то, кого я не хочу видеть рядом со своим дерьмом.

Тем не менее, не нужно быть гением, чтобы понять, что намерения Грейс далеко не чисты. Нам обоим за тридцать, мы здоровы, и нам не грозит непосредственная опасность обналичить наши фишки.

— Нет, — говорю я категорически.

— Нет? — Она моргает, выглядя искренне удивленной. Она не привыкла к этому слову, особенно от меня.

— Нет, — повторяю я. — Я не намерен об этом думать.

— О... ну, я понимаю. — Но она этого не делает. Вот почему она сдувается, как воздушный шар.

— Я планирую оставить все, что у меня есть, Планетарному обществу. — продолжаю я.

Она тянется к жемчугу на шее, играя с ним.

— Это нормально. я... Я не должна была спрашивать.

Кто-нибудь, дайте женщине премию Раззи. Она ужасно играет невинную роль.

— Ну, ты можешь отменить помолвку прямо сейчас, — почти насмешливо убеждаю я ее. — Если это нарушило условия сделки для тебя.

Она качает головой, из ее горла вырывается крик смеха.

— В этом нет необходимости. На самом деле это было только предложение. Я согласна с тем, что ты выбираешь. Я женюсь на тебе не из-за твоих денег.

Конечно, так и есть. И хуже всего то, что я знаю, что не собираюсь отказывать ей. Проверить ее — конечно. Но я никогда не доведу до конца. Она получит то, что хочет. Я впишу ее в свое завещание, и наоборот.

— Грейс.

— Да, любовь моя? — Она пытается слабо улыбнуться. Не удается.

— Мы посетим моего адвоката на этой неделе и внесем необходимые изменения.

Ее плечи опускаются от облегчения. Она улыбается — теперь действительно улыбается — все ее черты светлеют, как цветок, поднявшийся к солнцу в первый день весны. Я никогда еще не заставлял ее так улыбаться.

Прилив собственности и желания проходит сквозь меня.

Она моя. Ее костлявые пальцы. Ее пронизательные глаза. Ее черное сердце. Все мое.

— Спасибо, что доверяешь мне. — Она тянется через стол, хватая меня за руку, сжимает. Ее рука холодная и сухая. — Я тебя люблю.

Я обещаю себе не пить и не есть ничего из того, что она приготовит в будущем, пока она не сделает первый глоток или не откусит.

— Я тоже тебя люблю.

И я люблю. Я люблю ее. Я в этом уверен.

Но одно я знаю точно — леопард никогда не меняет своих пятен.

ГЛАВА 9

Арсен, 17 лет

Я был дома на Рождество. Или, по крайней мере, в месте, формально называемом моим домом. Если бы это зависело от меня, я бы остался у Эндрю Декстера. С этим идиотом Риггсом, который, вероятно, искал творческие способы поджечь себя или прыгать с крыши на крышу, чтобы скоротать время. Или Ники. Каким бы тихим, сдержанным и грустным он ни был, он был неплохим компаньоном. Он также не был полным идиотом. Всегда плюс в моей книге.

Дело в том, что эти двое сирот были больше похожи на мою семью, чем на бессердечных существ, населяющих этот особняк.

Эти существа теперь ворвались в столовую, полностью игнорируя тот факт, что я сидел там, завтракал и наслаждался книгой по астрономии.

— Ты эгоистичный ублюдок, Дуг! Вот кто ты. — Миранда вонзила когти в спинку обитого обеденного стула, выплевывая дым и огонь на моего отца, который, конечно же, преследовал ее здесь.

— Нужно знать одного, чтобы узнать другого, дорогая. А ты что, думала, что я позволю тебе просто передать это поместье твоей матери?

Ага. Миранда перешла черту. Никогда не прикасайся к собственности Корбинов без разрешения. Мы были скупой кучкой. Я перевернул страницу в своей книге.

— Ей негде было жить! — Миранда взвизгнула.

— Мы могли бы арендовать ей место. У меня есть люди, которые сдают недвижимость в аренду! Платные клиенты. О чем ты думала?

Что касается других новостей, то они по-прежнему совершенно не замечали моего присутствия. Не то чтобы я был удивлен. Мне было интересно, где Грейслин. Она была нехарактерно тихой с тех пор, как я приехал, несомненно, думая о том, как убить меня, не оставив следов.

— Я думала, что получу поддержку мужа! Подай на меня в суд за предположение. — Миранда схватила вазу с центра стола и швырнула в него. Он ловко — искусно — увернулся, напомнив мне, что швыряние друг в друга предметами было повседневным явлением в этом доме, сродни передаче варенья по столу за завтраком.

— Ну, теперь ты исправилась. Раньше меня это волновало. Теперь нет. Ты даже наполовину не так красива, как была, когда мы познакомились, и вдвое более темпераментна и проблемна. С меня хватит.

Я подозревал, что Миранда и мой отец были на грани развода. Не потому, что она была ужасна для него. Она всегда была такой. Но потому что он начал замечать, для разнообразия, и не было похоже, что он был так же согласен с ее перепадами настроения и требованиями.

Миранда смотрела на него со смесью паники и недоверия. Я сел. Я наслаждался этим. Почему я не должен? Эта женщина была для меня просто ужасной, и, похоже, она наконец-то получила свое. Что касается моего отца, то он тоже не был ангелом, и мне доставляло удовольствие наблюдать, как он стареет в одиночестве.

— Что ты говоришь, Дуг? — Миранда вдохнула.

— Я думаю, тебе следует провести Рождество подальше. — Он оттолкнулся от стены и направился к двери.

— Ты серьезно? — Она бросилась за ним сейчас.

— Да. Дети могут остаться со мной. Повар готовит достаточно большой обед, и я не хочу, чтобы еда пропадала зря.

Хо-хо-хо. Счастливого гребаного Рождества. От моей неблагополучной семьи твоей.

— Один из них сидит прямо здесь, — вежливо сказал я, выделяя отрывок из моей книги. Меня никто не признал. — Кстати о еде, ты портишь мне аппетит.

— Я спрошу Грейслин, что она хочет делать. Бьюсь об заклад, она не хотела бы провести праздник с тобой! — злобно сказала Миранда.

— Не будь так уверена, — ответил Дуг уже на полпути к двери. — Она любит меня, и я точно знаю, что она ненавидит тебя до глубины души.

О, смотрите сюда. Беда в раю?

Было приятно осознавать, что детство Грейслин оказалось таким же испорченным, как и мое. Миранда задержалась в столовой, тяжело дыша, когда я ел овсянку и перевернул еще одну страницу.

— Уверена, ты просто в восторге от всей этой сцены. — Миранда с сарказмом повернулась ко мне, пытаясь затеять драку.

Я перевел взгляд с книги на нее, улыбаясь.

— Я больше удивлен, чем рад. Радость — это такое острое чувство — я сомневаюсь, что ты могла бы сделать или сказать что-нибудь, что побудило бы меня к таким эмоциональным высотам.

— Ах, ты и твои дурацкие загадки. Я никогда не понимаю, что ты имеешь в виду. — Она оскалила зубы. — Ты всегда был странным и неуклюжим, как и твоя мать.

На эту подколку я разразился полноценным смехом.

— Она была странной, неловкой и первой законной женой Дугласа Корбина. Матерью его первенца. Его единственного наследника. И пусть она мертва, но эти факты? Они, блядь, убивают тебя, Миранда.

— Скажи мне. — Она наклонилась ко мне, ее глаза плясали в орбитах. — Почему ты рад всему этому? Не похоже, что ты плохо проводишь время в Эндрю Декстер.

Откинувшись на спинку кресла, я барабанил пальцами по обратной стороне обложки, размышляя над ней.

— Думаю, мне нравится видеть карму в действии. Ты убедила этого человека бросить своего сына — его собственную плоть и кровь — на обочину. И ты ожидала, что он будет рядом с тобой? Верность — это не дерево. Она не растет со временем. Либо ты верный человек, либо нет. Дуглас не лоялен. Более того, держу пари, он также не верен.

Она все еще смотрела на меня, когда я взял свою пустую тарелку из-под овсянки и книгу и вышел из комнаты, зная, что она хочет причинить мне боль, но у нее больше нет на это сил.

Папа оказался прав. Грейслин решила остаться в особняке на Рождество, пока ее мать сбежала в наш дом в Хэмптоне, окружив себя разведенными нью-йоркскими друзьями.

Преимущество всего этого заключалось в том, что с годами я менял место жительства всякий раз, когда приезжал сюда на каникулы, и теперь жил в отдельном крыле дома, подальше от нее. Я вполне мог вообще не видеть ее, если бы захотел.

И я действительно хотел, потому что она была занозой в заднице.

Мне удавалось избегать ее все время праздника, за исключением самого Рождества, когда мы втроем обменялись подарками.

Папа подарил мне Shelby 427 Cobra 1966 года, а моей сводной сестре — винтажную тиару — настоящая сделка, полная бриллиантов. Грейслин подарила мне забавные носки и свитер. Я подарил папе коробку из-под сигар с гравировкой, а Грейслин — арктических мышей — корм для змей от PetSmart. Подарок вызвал у нее неловкий смешок, а у него раздраженное мычание, но он был слишком занят крахом своего брака, чтобы упрекать меня за это.

Я терпел день, час за часом, минуту за минутой, пока он не растворился в ночи, и я снова смог дышать.

Прошел еще день, потом еще один. Было здорово посмотреть на календарь и увидеть, что завтра я возвращаюсь в Эндрю Декстер и Миранда все еще не была здесь, а Грейслин, которая была где-то здесь, была такой же несчастной и потерянной, как я чувствовал себя в первые два года в Эндрю Декстер.

По случаю требовался праздник, и я решил посреди ночи спуститься на кухню и обыскать винный холодильник. Я не планировал пить сегодня вечером, но я бы взял с собой несколько бутылок в общежитие. Риггс и Ники это оценят, и у нас будет достаточно алкоголя, чтобы продержаться до Пасхи.

Я спустился босиком вниз, открыл мешок для мусора и начал набивать его дорогими бутылками. Затем я вошел в затемненную кладовку и начал запихивать нездоровую пищу в

отдельный пакет. В этот момент я услышал тихое фырканье за спиной. Точнее, икота. Я обернулся, думая, что это один из сотрудников, и увидел, что прямо передо мной стоит моя сводная сестра, похожая на призрак самой себя.

Мы стояли в кладовой, глядя друг на друга, и лишь слабый свет от вытяжки снаружи комнаты освещал наши лица.

— Ты плачешь? — Я усмехнулся. Ее глаза сияли; ее лицо было мокрым.

Она торопливо вытерла щеки, рассмеявшись.

— Не будь смешным. Зачем мне плакать?

— Потому что твоей семейной жизни не существует, у тебя нет настоящих друзей, особых талантов, и как только твоя обычная красота исчезает, ты в значительной степени поджарена? — рыцарски предложил я.

Она издала гогот, похожий на звук гвоздя, царапающего доску, а затем разразилась диким воплем. Я не понимал ее. Ничего из этого. Она победила. Она была здесь, а я ушел. Я не простил ее, нет. В каком-то смысле я все еще мстил бы, если бы и когда представилась возможность. Но с годами я принял ситуацию такой, какой она была. И я никогда не позволял ей увидеть, насколько я был расстроен этим. Дать кому-то понять, что у тебя на него эмоциональная реакция, — худшее, что ты мог сделать для себя. Особенно если ты не доверял им свои чувства.

— Ты такой мудака, Арсен, неудивительно, что твой папа любит меня больше, чем тебя! — Она толкнула меня в грудь, но все еще плакала, почти истерически, и мы оба знали, что это была всего лишь слабая попытка с ее стороны сохранить лицо.

Я перекинул пакеты с нездоровой пищей и алкогольными напитками через плечо, пожимая плечами.

— Что ж, наслаждайся своим кризисом, сестренка. Увидимся в следующем году. Если только Дуг не решит, что с него, наконец, хватит твоих Лэнгстонов.

Я попытался обойти ее, но она втиснулась между дверью и мной.

— Нет! Не уходи.

Эта проклятая угроза... Я взглянул на часы. Было уже поздно, но даже если бы это было не так, сейчас не самое подходящее время, чтобы слушать стерву Грейс и стонать.

— Ты хочешь поговорить об этом? — Я хмыкнул.

— На самом деле. — Медленная улыбка расплзлась по ее лицу. Это было приятное лицо, должен признать. Она выросла из своей неловкой фазы. И она была не только горяча, но и совершенно недоступна. Что, конечно же, говорило с моим подростковым членом. — Я могла бы придумать лучшее применение нашим ртам, учитывая, что ты собираешься уйти отсюда через несколько часов.

Я сглотнул, наблюдая за ней из-под полуприкрытых век. Уважающий себя мужчина во мне хотел сказать ей, чтобы она каталась на своих пальцах в душе. Гормональный подросток во мне не мог дожидаться, чтобы узнать, использовала ли она свой девственный язык с пользой с тех пор, как мы последний раз целовались.

Я выгнул бровь, преуменьшая свой интерес.

— Мне нужно, чтобы ты была более конкретной.

Она ухмыльнулась, скрывая боль.

— Например, сказать тебе, что я хочу с тобой сделать?

— Лучше всего продемонстрируй.

— Хорошо, ковбой.

Она закрыла за собой дверь. Я включил свет. Я хотел увидеть все, когда это произойдет. Часть меня не верила, что это происходит (гормональный подросток). Еще подумал, что я сошел с ума, раз позволил ее зубам приблизиться к моему члену (уважающий себя мужчина).

Но когда меня оттолкнула сводная сестра, мой позвоночник столкнулся с высокими стеклянными бутылками импортной газированной воды, я решил взять шанс. Грейслин упала на колени и быстро стянула с меня штаны. Она даже не хотела целоваться. Мой член выскочил из моих спортивных штанов. Это было долго, упорно и насыщено, прослушав разговор между нами и зная счет.

Она схватила его за основание, выглядя немного нерешительно. Я был почти уверен, что это был первый раз, когда она столкнулась лицом к лицу с членом. Она посмотрела на меня из-под густых ресниц.

— Ты иногда думаешь обо мне? Когда ты там, в школе-интернате?

Все время. И не хорошие вещи.

— Если ты спрашиваешь, хочу ли я трахнуть тебя, ответ такой. — Я толкнул свои бедра в ее сторону, мой член уперся в ее щеку.

— Нет, не трахнуть. Ты хочешь большего? Хочешь ли ты....я тебе нравлюсь? — Ее глаза были умоляющими, но я знал, что лучше не думать, что она искренна. Она была просто обижена. Запуталась в наших родителях. Если бы я проявил к ней сострадание, она бы использовала его как оружие против меня.

Я провел пальцами по ее волосам, с ухмылкой заправляя их за ухо.

— Грейслин, я здесь не для того, чтобы говорить тебе, что ты хорошенькая. Если хочешь сосать мой член, будь моим гостем. Если нет, иди вперед и дай мне выбраться отсюда. Это слишком мало, слишком поздно.

Это, по иронии судьбы, заставило ее начать действовать. Она стала горячей и нуждающейся во мне. Возбужденная идеей попытаться завоевать меня. Ее губы накрыли мою головку, и она принялась за дело. Я откинул голову назад, из моего рта вырвался хрип. В прошлом я получал удовольствие от нескольких минетов, но никогда с кем-то, кого я знал. Это было другое ощущение. Как подчинение. Я решил, что видеть, как Грейс подчиняется мне, даже лучше, чем заставлять ее плакать в подушку, будучи грубым с ней. Потому что когда я причинял ей боль, она только ненавидела меня. Когда я использовал ее, она также потом ненавидела себя.

Где-то в глубине души я знал, что то, что мы делаем, было крайне хреново. Хотел, чтобы ей было больно. Подвергать себя опасности. Все это.

— Это хорошо? — спросила она вокруг моего члена.

— Глубже. — Я схватил ее за волосы и немного откинул назад, вталкивая в нее больше себя. Она заткнулась. Я усмехнулся.

Она выложились по полной, и когда я почувствовал, что вот-вот кончу, я сказал: — Если ты не хочешь, чтобы моя сперма пролилась тебе в горло, самое время отстраниться.

Но она покачала головой, дав мне один большой палец вверх и зеленый свет для продолжения. Я так и сделал. Это было прекрасно — смотреть, как Грейслин стоит на коленях передо мной, и я решил, что мне это нравится гораздо больше, чем смотреть, как она плачет.

Я не знал, почему она делает то, что делает. Все, что я знал, это то, что когда я кончил ей в рот, когда ее губы обвились вокруг меня, влажные и манящие, я переставал думать, мне

переставало быть больно, и я переставал злиться.

Лучшим противоядием от любви должно быть удовольствие.

Она отстранилась, затем пробралась ко мне, ее пальцы легли на мою грудь, оставляя следы. Мой член все еще был приподнят, влажный от ее рта и моей спермы. Она крепко поцеловала меня, и я позволил ей.

— Твоя очередь, братец. — Она улыбнулась нашему поцелую.

— Справедливо. — Я толкнул ее к мраморной стойке. Затылком она опрокинула несколько коробок с хлопьями, и они посыпались на нас. Я мгновенно оказался между ее ног. Я посмотрел достаточно порно, чтобы понимать, что делаю, и по дрожащим бедрам, обвившим мои уши, я понял, что заставил ее кончить.

— Просто помни, что я не испытываю чувств. — Она зажала мою голову между ног.

— В социопатии ты далеко впереди. — Я укусил ее за внутреннюю часть бедра. — Запомни мои слова, Грейс. Что бы ни случилось, какая-то часть меня всегда, всегда будет хотеть погубить тебя.

ГЛАВА 10

Арсен

4 месяца спустя

— Дорогой, не забудь отправить Макайле письмо по поводу списка гостей. — Грейс стоит у двери нашей квартиры, проверяя карманное зеркальце на наличие невидимых пятен помады.

Я никогда не думал, что буду обсуждать достоинства бежевого и серого цветов в качестве цветовой схемы для трехчасового мероприятия, но, я полагаю, жизнь хороша в том, чтобы бросать тебе вызовы.

— Забыть? Это будет самым ярким событием моего дня. — Я выхожу из нашей спальни, застегивая рубашку.

Грейс едет в Цюрих на еще один уик-энд непрерывной работы. Она редко включает свой телефон, когда она там. Я ненавижу, когда я не могу связаться с ней. Поэтому сегодня вечером я собираюсь встретиться с Кристианом и Риггсом в Новом Амстердаме. Время летит быстрее, когда ты выпиваешь столько алкоголя, сколько можно наполнить олимпийский бассейн. — Я напишу ей сегодня вечером.

— Скажи ей, что я не хочу работать с цветочным магазином, который она рекомендовала. Тот самый, который, как она утверждает, использовали Кэтрин и Майкл? — Она имеет в виду Кэтрин Зета-Джонс и Майкла Дугласа, как будто они живут внизу. — Я читала на Yelp, что одна поставка прибыла в место проведения торжества с полностью замороженными цветами. О, и она должна была прислать мне варианты свечей. Мне неприятно думать, что она промахнулась. В самом деле, разве можно требовать слишком много от профессионализма в этом городе? — Она сморщила нос.

— Я не забуду. — Я наклоняюсь и целую ее долго и крепко, мой рот скользит по ее губам, и я добавляю: — И если она снова затянет время, я покажу ей гнев тысячи мужчин Корбин.

Она закидывает руки мне на плечи, отвечая на небрежный поцелуй.

Мои руки скользят вниз по ее спине и обхватывают ее задницу.

— Как насчет еще одного быстрого секса на дорожку?

— Ух. Хотел бы я, чтобы у меня было время. — Она отсоединяется от меня, поворачивая свой телефон в мою сторону, чтобы я мог посмотреть на экран. Там есть уведомление, дающее ей знать, что ее водитель Убер ждет внизу.

— В другой раз? — Она ухмыляется.

— Я буду держать тебя в курсе. — Я снова целую ее. — Желаю безопасного полета.

Она задерживается, улыбаясь мне с чем-то, что почти похоже на задумчивость.

— Ты знаешь... — Она замолкает, ее плечи поникли. Это редкое зрелище. Грейс обычно приверженец хорошей осанки. — Я действительно люблю тебя, Арсен. Я знаю, ты не веришь. Во всяком случае, не все время. Но это правда. Я рада, что мы выбрали друг друга. Я рада, что ты выиграл.

Все мое тело сияет. Жалко, как сильно я жажду ее одобрения. Это, должно быть, самая жалкая форма материнских проблем, которую я еще не видел.

— Эй, Грейс? — Я дергаю ее за темный хвост, подмигивая. — Я верю тебе.

— Веришь? — Она светлеет.

Я киваю.

— Навсегда твоя. — Она целует уголок моего рта.

— Навсегда моя. — Я целую кончик ее носа. — Что бы ты хотела получить в качестве приветственной домашней трапезы? Тайскую или бирманскую?

Грейс любит возвращаться домой, чтобы застать накрытый обеденный стол и теплую ванну, набранную для нее.

Она оборачивается, выкатывая свой чемодан в фойе, затем останавливается, ослепляя меня ослепительной улыбкой, полной белых ровных зубов.

— Удиви меня.

Стук в мою дверь настойчивый, но странным образом извиняющийся.

Как будто человек, стоящий за дверью, не хочет, чтобы я открывал. И не зря. Не многие люди доживают до того, чтобы рассказать историю о том, как они разбудили меня в час задницы без предупреждения.

Сколько сейчас времени?

Нащупав в темноте часы на тумбочке, я стучу по ним головой. Время показывает 3:18 утра. Господи. Кто, блядь, решил, что три часа ночи — это законное время для светского звонка?

Подождите минуту. На самом деле я знаю кого-то беспечного и безрассудного. И я счастлив набить ему морду всю дорогу до Антарктиды за это беспокойство.

Еще один стук в дверь.

Кто впустил его? Вот почему я каждый месяц плачу оскорбительную сумму денег за круглосуточную охрану. Чтобы люди не стучали в мою дверь посреди ночи. Тот, кто сегодня отвечает за прием, получит пинок.

Звонок в дверь. Один раз. Два раза. Три раза.

— Я иду. — Никогда еще я не произносил эти слова с таким небольшим энтузиазмом.

— Кому-то лучше умереть... — бормочу я, сунув ноги в тапочки и плетясь к двери в одних серых спортивных штанах и с презрительно хмурым взглядом.

Распахнув дверь, я начинаю со слов:

— Слушай сюда, ты, пустая трата земных ресурсов. Мне плевать, что в понедельник ты улетаешь в Африку, и Кристиан не хочет, чтобы ты приводил свою шляпу в его дом, как будто это низкобюджетный Airbnb...

Остальные слова застревают у меня в горле. Это не Риггс. На самом деле, это не тот кого я знаю.

На моем пороге стоят два человека — мужчина и женщина — в темно-синей форме полиции Нью-Йорка и серьезно нахмуренные. Они оба выглядят так, будто только что проглотили ежика в натуральную величину.

В прошлом у меня были проблемы с правоохранительными органами, но обычно неприятности на мою задницу обрушиваются налоговой инспекцией и комиссией по ценным бумагам и биржам, а не честными перед Богом полицейскими. Я — белый воротничок, у меня проблемы белого воротничка. Возможно, кто-то решил покончить с собой по соседству, и они хотят знать, слышал ли я что-нибудь. Проклятые светские львицы и их хаотичный образ жизни.

Прищурив глаза, спрашиваю:

— Кто умер?

— Мне очень жаль, мистер Корбин. — Женщина склоняет голову.

Что ж, значит. Кто-то действительно умер, и это кто-то, кого я знаю.

Я только что от родителей, и мой круг общения ограничен теми, кого я просто обязан терпеть. Я предполагаю... Риггс? Он кажется достаточно глупым, чтобы найти свою незрелую смерть. Может, свидание в Тиндере пошло не так.

Точно не Кристиан. Он слишком ответственный, чтобы ввязываться в неприятности.

Мужчина говорит:

— Я офицер Дэмиен Лопес, а это моя коллега, офицер Ханна Дель Галло.

— Спасибо за любезность. А теперь переходите к изюминке, — фыркаю я, не в настроении для болтовни.

— Вы жених Грейслин Лэнгстон? — Он спрашивает.

Мое сердце, неприкосновенное всего несколько секунд назад, теперь кажется, будто оно сжато в их кулаках. Не она.

— Да. А что?

— Нам очень жаль. — Женщина кусает губы. Ее подбородок дрожит. — Но ваша невеста попала в авиакатастрофу. Она умерла от удара.

Неправда.

Я не могу объяснить, почему это неправда; Я просто знаю, что это не так.

Вот почему я никому не звоню.

Это кажется истеричным, идиотским и ненужным. Я не поверю, пока мне не предъявят доказательства.

Я еду в морг больницы на своей машине, чтобы опознать тело. Офицеры встретят меня там.

Один из офицеров — Ханна — сказала мне, что звонила Миранде Лэнгстон.

официальной ближайшей родственнице Грейс. Она сказала, что Миранда едет из Коннектикута в морг, но это понятно, это может занять у нее до утра. Я не разговаривал с Мирандой более десяти лет, за исключением молчаливого обмена соболезнованиями во время похорон Дугласа. Но мне приходит в голову, что она может даже не знать, что мы с дочерью помолвлены. В духе испорченных отношений в высшей степени Грейс и я никогда не обсуждаем ее мать ни в какой форме или качестве.

Что явно не имеет значения, так как Грейс жива, и все это ужасное недоразумение, которое закончится тем, что на кого-то подадут в суд.

Грейс не может умереть. Мы только начали нашу совместную жизнь. У нас есть планы. Свадьба, которую нужно организовать. Заказан медовый месяц. Она все еще не уволилась, не родила наших детей, не сыграла свадьбу своей мечты. Ее список дел все еще полон, в нем полно планов и идей.

Каждый раз, когда я останавливаюсь на светофоре, я просматриваю местные новости на своем телефоне, пытаюсь найти сообщения о крушении самолета United Airlines. Их нет. С каждой секундой мои подозрения, что это простая человеческая ошибка, усиливаются.

Это чисто случай смешения идентичности. Я в этом уверен. Грейс летает с United Airlines два раза в месяц. Рейс, на котором она сейчас находится, находится над Атлантикой и направляется в Цюрих.

Одна мысль о том, что она спит, прижавшись щекой к замерзшему окну в первом классе, не замечая всей этой неразберихи, наполняет меня теплым удовлетворением. Я пытаюсь позвонить ей снова, но ее телефон переключается на голосовую почту.

Это не странно, напоминаю я себе. Ее телефон всегда выключен, когда она едет в Цюрих.

Может быть, это все большая жирная шутка.

Я приезжаю в больницу в оцепенении. Паркуюсь. Вылезаю из машины.

Расслабься, идиот, она в порядке. Это не она.

Даже если это не так, я не особенно горю желанием увидеть чей-то труп сегодня или в любую другую ночь.

Я направляюсь в цокольный этаж, где находится морг, минуя погрузочную площадку. Мне в ноздри ударяет запах больничных чистящих средств. Он становится глубже с каждым моим шагом, пока мои легкие не начинают гореть. Мне нужно выбраться отсюда.

Офицеры ждут меня в приемной. Это небольшая сине-зеленая комната с рядом простых скамеек. Кондиционер работает. Стены увешаны пластиковыми держателями, предлагающими брошюры о групповой терапии, похоронных бюро и производителях гробов. Ноль баллов за тонкость.

— Дорога сюда была в порядке? — сочувственно спрашивает офицер Ханна.

— Чертовски замечательная. — Я кладу в карман ключи от машины. — Давайте покончим с этим. Вы выбрали не того человека, и у меня нет времени на эту чепуху.

Ее озабоченный, "бедный ты" хмурый взгляд не меняется.

— Итак, вот что мы знаем на данный момент. Частный самолет мисс Лэнгстон вылетел из аэропорта Тетерборо в четверть первого ночи в эту пятницу...

— Видишь? — Я ухмыляюсь. — Ты ошибаешься в фактах. Грейс села на рейс United Airlines в Цюрих. UA2988. Она вылетела из Ньюарка. Господи Иисусе, я не могу поверить что мои с трудом заработанные налоги тратятся на тебя и тебе подобных.

Лицо офицера Ханны искажается, как будто я вбиваю каждое слово в ее кожу. Офицер

Дэмиен остается спокойным, выражение его лица непроницаемо, но он записывает все в дурацкий блокнот.

Хороший у тебя дневник, Сплетница.

— Я понимаю, что это может быть та информация, которой вы владеете... — начинает она.

— Это не вопрос мнения, — резко говорю я, теряя все следы приличия. — Это правда. Произошла компьютерная путаница или что-то в этом роде. Грейс летела коммерческим рейсом из Ньюарка. Проверьте еще раз.

— Мы смогли восстановить ее паспорт. — Офицер Ханна прочищает горло, ее взгляд впервые встречается с моим.

Я потерял дар речи. Этого не может быть. Зачем Грейс лгать о частных полетах?

Возможно ли, что на этот раз они получили привилегию, а она забыла мне сказать? Маловероятно, но не совсем невозможно.

Я качаю головой.

— А как же Чип Бреслин? Пол Эшкрофт? Пабло Вильегас? Они тоже были в самолете?

Два офицера обмениваются взглядами. Я хочу схватить их за воротник и вытрясти из них информацию.

Внезапно я на грани смеха. Это нелепо. Это то, что случается с другими людьми. Люди, о которых вы читали в газетах. Люди, которые ходят на ток-шоу. Пишут душераздирающие автобиографии. Не со мной. Не. Я.

— Послушайте, мистер Корбин, я понимаю, вы расстроены. Однако мы... — начинает офицер Дэмиен.

Автоматические двери позади нас распахиваются. Внутрь вбегает маленькая женщина. На ней коричневый парик, пышное желтое платье с обручем, атласные перчатки до локтя и сильный макияж.

Потому что моя жизнь не такая странная, как сегодня.

— Господи! Скажите мне, что это неправда! — вопит странная женщина с южным акцентом.

Виннфред.

Либо она пришла прямо из театра, либо развила крайне сомнительное чувство моды между Италией и сегодняшним днем.

Ее аккуратная талия не кричит о беременности. Я забыл спросить Грейс, не беременна ли она. В то время, когда мы были по уши в подготовке к свадьбе, это казалось неважным.

Теперь у меня никогда не будет возможности спросить Грейс о маловероятной паре Эшкрофт.

Никогда не получу шанс сделать много вещей с ней.

— Где он? — требует Виннфред, лихорадочно оглядываясь налево и направо. — Мне нужно его увидеть!

Двое офицеров бросаются к ней, пытаюсь ее успокоить.

Грейс поехала в Цюрих с Полом. Что ж, это имеет смысл. Он был ее боссом.

— Я посмотрю, смогут ли они принять вас сейчас. — Офицер Ханна кладет руку мне на плечо. — Я не могу найти администратора, но кто-то должен быть здесь, чтобы помочь нам. Офицер Дэмиен отправился узнать, сможем ли мы получить стоматологические карты тех, кто был в этом рейсе. Мы скоро вернемся, мистер Корбин. Пожалуйста подождите здесь.

Слова проносятся мимо меня. Я больше сосредоточен на Виннфред, которая выглядит как человеческий ответ на пожар в мусорном баке: по ее лицу текут слезы, оставляя бледные потеки макияжа. Она разговаривает с двумя офицерами. Может быть, у них больше информации, чем у двух клоунов, которые постучали в мою дверь. Я напрягаю слух, собирая воедино части разговора.

— . частный самолет... сертифицированный пилот... опытный профессионал...

— ... предполетный осмотр... плохое состояние шин... не несет юридической ответственности, но юрист сможет рассказать вам больше...

— ... никто не уверен... такие вещи, к сожалению, случаются... кому вы хотите позвонить?

Острая, сильная агония пронзает меня впервые с тех пор, как развернулось это дерьмовое шоу. Перспектива становится реальной, а вместе с ней и последствия потери единственного человека в этом мире, который мне действительно небезразличен.

Все, чего я не чувствовал, когда умер Дуглас, — печаль, боль, беспомощность — теперь режет мои внутренние органы на тонкие ленточки. Я хочу подойти поближе, все услышать. В то же время я хочу, чтобы все заткнулись. Чтобы этот кошмар ушел.

Грейс, какой бы очаровательной она ни была, не самый надежный человек на планете Земля.

Она солгала нашим родителям обо мне.

Врала миру о наших отношениях годами.

Ничто не мешало ей солгать мне о деталях своего полета.

В какой-то момент два офицера, разговаривающие с Виннфред, выходят наружу, и мы остаемся одни. Ее красный, налитый кровью взгляд поднимается с пола. Как только она замечает меня, срабатывает узнавание. Похоже, ей ничего не хочется больше, чем ударить меня одной из пустых скамеек в зале ожидания.

— Перестань смотреть на меня, как на олененка. Это не они, — откусываю я, скаля зубы, как ужасный зверь. — У них не те люди. Мы уйдем отсюда до рассвета.

— Ты не можешь быть серьезным. — Она издает болезненный стон. — Ты действительно веришь, что это путаница с идентификацией?

— Да, — коротко говорю я. — И я не хочу, чтобы взрослая женщина в платье принцессы Диснея убеждала меня в обратном.

Она поворачивает голову в противоположную сторону и закрывает глаза, сжимая губы. Пусть она ненавидит меня. Меня волнует только Грейс.

Я начинаю шагать. Что у них так долго? Вы не можете призвать людей опознать тело посреди ночи, а затем заставить их ждать часами. Выудив свой сотовый телефон, я гуглил об авиакатастрофе в аэропорту Тетерборо и нажимал на вкладку новостей. Об этом есть одна единственная статья, в которой туманно объясняется, что во время взлета произошла авария и что в настоящее время выясняются подробности.

Офицеры возвращаются с сонным секретарем и двумя офицерами, которые пришли с Виннфред.

Четверо офицеров просят нас обоих отойти вместе с ними, чтобы попытаться собрать временную шкалу воедино.

— Вы знаете, куда направлялся самолет? — спрашивает офицер Дэмиен.

— Цюрих, — говорю я, и в то же время Виннфред отвечает:

— Париж.

Я бросаю на нее жалкий взгляд.

— Не все европейские столицы одинаковы, деревенщина.

Мне доставляет болезненное удовольствие быть с ней жестоким. Мне нужно куда-то выпустить пар, а она идеальная жертва.

— Я могу подтвердить, что самолет направлялся в Париж. — Офицер Ханна что-то записывает в блокноте, который держит в руках, не отрывая от него взгляда.

Моя челюсть отвисает. Париж? Грейс летела в Париж? Зачем?

— Сколько человек было в самолете, насколько вам известно? — Офицер Дэмиен продолжает, обращая внимание на Виннфред, у которой явно больше информации, чем у меня.

— Минимум три. — Она потирает подбородок, глядя широко раскрытыми глазами и потерянно, как ошеломленный подросток. — Пол, Грейслин и пилот. Хотя я полагаю, что могла быть стюардесса или две. А второй пилот? Боже, я ничего не знаю об этих вещах.

Трахните меня. Мой источник информации в настоящее время носит желтые пластмассовые серьги.

— Есть ли еще какая-нибудь информация, которой вы можете поделиться с нами? — спрашивает офицер Ханна.

Я молчу. Что бы ни происходило, я не в курсе. Теперь я просто жду, когда офицеры уйдут, чтобы я мог допросить Долли Партон-младшую здесь.

Она колеблется, прежде чем покачать головой.

— Нет. Это все, что он мне сказал, извините.

Офицер Ханна выглядит огорченной, когда спрашивает:

— Вы случайно не знаете, миссис Эшкрофт... они путешествовали по делам или... гм, на отдых?

Закрывая глаза, я чувствую, как все внутри меня рушится, кирпичик за кирпичиком. Все, что я построил за эти годы, исчезло, погребено под пеплом. Воспоминания. Украденные поцелуи. Игры. Ставки. Выигрыш. Все в жопе.

Голос Виннфред звучит далеко.

— Я... я не знаю.

— Вы не знаете, они путешествовали по делам или ради удовольствия? — глупо повторяет офицер Дэмиен.

— Нет.

— Полагаю, это значит, что вы вообще не знали, что они путешествовали вместе?

— Прекратите, — упрекает офицер Ханну себе под нос.

— Нет, — говорит Виннфред, вздернув подбородок, гордая, несмотря на нелепость своего наряда, эту ситуацию и этот вопрос. — Он не сказал мне, что путешествует с мисс Лэнгстон.

— Все в порядке. — Офицер Дэмиен раздраженно прикусил внутреннюю часть щеки. — Спасибо, миссис Эшкрофт. Хорошая новость — если это можно так назвать — заключается в том, что пилот попытался благополучно приземлиться в Гудзоне, так что тела в, э-э, презентабельном состоянии.

— Фантастические новости, — протягиваю я, не в силах сдержаться. — Значит, они утонули, а не сгорели в огне. Это многое меняет. Деревенский увалень, разве ты не гордишься тем, что похороны твоего мужа будут с открытым гробом? — Я бросаю ей плачевную ухмылку.

Виннфред задыхается, как будто я только что ударил ее.

Офицер Ханна кладет руку на плечо Виннфред.

— Люди говорят ужасные вещи, когда им больно, — говорит она, чтобы утешить ее.

— О, говорить ужасные вещи — это его партийный трюк. Это не имеет ничего общего с тем, что здесь происходит. — Деревенщина косится на меня.

Наконец офицеру Дэмиену звонят по телефону, и офицеры кивают между собой.

— Мы сейчас вернемся.

Они все выходят наружу, бормоча между собой, оставляя жену Пола Эшкрофта и меня наедине.

Я поворачиваюсь к ней.

— Ты должна мне все рассказать.

— Зачем! Ты разговариваешь со мной? — Она упирает указательный палец в грудь, изображая свой самый густой акцент Теннесси. — Потому что я не отличаю Рим от Рейкьявика. Так почему бы тебе не взять свой большой, умный мозг и гигантское, невыносимое отношение и не засунуть их себе в задницу...

— Перемирие. — Я поднимаю ладони вверх. — Я знаю, что ты знаешь больше, чем я. Это ясно всем в радиусе ста миль. И хотя мы начали не с правильной ноги, также ясно, что мы оба находимся в эпицентре дерьмовой бури, так что сейчас самое время извинить мои манеры и собрать воедино то, что здесь произошло.

— Нет, — решительно говорит она.

Я смотрю на нее, замороженный.

— Прощу прощения?

— Я не буду этого делать. — Она складывает руки на груди. — Ты не можешь обращаться с людьми как с грязью, мистер Корбин. Независимо от того, сколько денег у тебя есть на твоём банковском счете. Сначала извинись.

Ты маленькая суч...

— Мои искренние сожаления. — Я склоняюсь с преднамеренным преувеличением. — Я тернистый человек, привыкший к отвратительному поведению. Я дважды подумаю, прежде чем открыть свой большой рот и отныне вымещать свой гнев на людях. Можем ли мы двигаться дальше?

Она втягивает воздух, кивая.

— Хорошо. А теперь расскажи мне все.

— Пол купил два билета в Париж в начале месяца. Предполагалось, что это будет романтическое путешествие. Кнопка перезагрузки... — Она колеблется, не желая распутывать слишком много. — Шанс провести время один на один.

При слове «Париж» вся тяжесть предательства обрушивается на меня. Грейс отправилась с Полом в самый романтический город мира. Одна. Не нужно быть гением, чтобы понять, что они намеревались насладиться не только местной выпечкой и шампанским.

Я ободряюще киваю.

— И?

— Я сказала ему, что не могу поехать. Я только что получила свое первое выступление в театре. Для меня это было очень важно. Сегодня вечером было мое первое выступление. Я Белль из Красавицы и Чудовища. — Она проводит рукой по своему дурацкому платью, как будто это ее самая любимая вещь. Слеза скатывается с ее щеки на шею и на платье.

Это платье навсегда будет запятнано ее слезами. Роль запятнана этим моментом, этим

местом, этой сценой. Точно так же, как я больше никогда не смогу проехать мимо этой больницы, не думая о Грейс. Наша жизнь вот-вот изменится навсегда.

Я ничего не говорю, позволяя ей продолжать.

— Пол не мог отменить бронирование отеля, поэтому он спросил, не возражаю ли я, если он возьмет с собой одного из своих друзей по колледжу, Филадельфия. Я знаю Филадельфию. Он был его шафером и всегда приходил смотреть бейсбольные матчи. Я сказала ему, чтобы он летел... — Она запнулась.

Ей не обязательно говорить это вслух. Остальное предельно ясно. Пол не взял Филадельфию. Он взял Грейс. И их поймали с поличным. Только сейчас они не здесь, чтобы столкнуться с последствиями своих действий. Мои чувства опасно меняются от «Хорошо, пошли они в жопу» до «Почему ты должна была сесть на этот самолет, Грейс? Разве меня было недостаточно?»

— Почему ты не сказала им об этом? — требую я, пытаюсь направить свой гнев на кого-то, кто здесь, кто присутствует, кто жив. — Офицерам.

Свежие слезы наполняют глаза Виннфред, и ее ноздри раздуваются.

— Я не спешу с выводами. Я доверяла Полу.

— Очевидно, что он злоупотребил этим доверием, чтобы провести выходные, трахая мою невесту.

— Возможно, она подвезла его и у нее были другие дела в Париже. Мы не знаем, что там произошло, и я не хочу, чтобы его имя было запятнано подобным образом. — Она поднимает подбородок.

Она по-прежнему верна ему, и это сводит меня с ума, потому что этот мудака не только изменял ей, но и трахался с моей проклятой будущей женой.

Я хочу вытряхнуть из нее наивность, как из копилки.

Потом до меня доходит. У нее есть роль. Преданная, любящая жена. Тот, кто позже получит толстый страховой чек и сочувствие. Дело не в том, что Виннфред не верит, что у Пола и Грейс был роман, а в том, что ей на это наплевать.

Ей, вероятно, было все равно, кого этот белый хлебный мужчина трахнул, пока у нее был доступ к его кредитным картам, когда он был жив.

— Верь в то, во что хочешь верить. — Я прижимаю ладони к глазницам. — Это не моя работа — тащить тебя, брыкающуюся и кричащую, в царство реальности, Белль.

— В любом случае, твоя версия реальности искажена, Зверь. — Она прячется в другом конце комнаты и прижимается лбом к стене.

Я расхохотался.

— Ты только что назвала меня зверем?

— Да, но я беру свои слова обратно, — прорычала она. — Зверь искупает свою вину. Ты бы никогда!

— Как Пола не арестовали за то, что он женился на тебе? — спрашиваю я вслух. — Тебе мысленно двенадцать.

— Ну, никто же не заставлял тебя со мной разговаривать! — Она наносит ответный удар. Ее акцент сильнее, чем когда-либо, когда она злится. — Оставайся на своей стороне комнаты и оставь меня в покое.

Мы оба являемся оболочками самих себя. Я точно знаю, почему я сломлен — я только что потерял любовь всей своей жизни или самое близкое к тому, что у меня когда-либо было. Но какое у нее оправдание?

Вместо того, чтобы обдумать возможную смерть моей невесты, мой разум начинает выходить из-под контроля, бешено вращаясь в бесконечной кроличьей норе.

Любила ли Грейс Пола?

Она хотела уйти от меня к нему?

Что означал этот бессмысленный роман с ним, если она собиралась выйти за меня замуж? Если бы она хотела бросить свою работу? Пол не был особенно красив и не отличался богатством серого вещества.

Как долго это продолжалось? Неужели они уже угадали эту тайну, пока мы все были в Италии?

Действительно ли Грейс работала в Цюрихе все эти дни, недели, месяцы? Или она была с ним?

И где они встречались, когда были одни? Гостиница? Airbnb? Квартира, которую Грейс начала снимать, «на всякий случай»?

Я хочу знать все до мельчайших подробностей. Разжираться собственным горем, пока не подавлюсь им.

— Миссис Эшкрофт? — Из серебряной двери выходит женщина в белом халате. Она снимает толстые очки и протирает линзы подолом рукава.

Деревенщина расправляет свое нелепое платье, расправляя плечи. Женщина отступает в сторону, жестом приглашая ее пойти с ней. Виннфред бросает на меня последний убийственный взгляд. Я хочу сказать ей, что она может бросить всю эту шараду с раненой вдовой. Она получила свое желание. Она молодая красивая вдова с миллионами в банке, и никто не может обвинить ее в нечестной игре. Мечта любого золотоискателя.

Мы держим взгляд друг друга на мгновение. Я надеюсь, что мои глаза передают то, о чем кричит каждая кость в моем теле.

Это должна была быть ты в самолете.

Ты должна была умереть. Ты.

Непримечательная. Незначительная. Незабываемая. Деревенская девчушка.

Не моя красивая, утонченная, математическая невеста.

Не хитрая, манящая Грейслинн Лэнгстон. Эффектная женщина, которую понимал только я.

— Пожалуйста, следуйте за мной. — Женщина в белом халате провожает ее. Виннфред быстро подчиняется и возвращается через десять минут, выглядя пепельно-бледной. Она упирается плечом в мою руку, когда выходит из комнаты, но даже не замечает. Я поворачиваю голову, следя за ее движениями. В коридоре Виннфред падает на пол, сгорбившись, и рыдает, рыдает, рыдает.

Мне не нужно спрашивать. Я знаю. Там она увидела Пола.

Женщина в халате снова выходит за дверь.

— Мистер Корбин?

Я закрываю глаза и прижимаюсь затылком к стене.

Грейс каким-то образом ускользнула из моих пальцев. Снова.

Я не держал ее достаточно крепко, недостаточно близко, недостаточно хорошо.

И на этот раз? Вода ее не спасла.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 11

Винни

Восемь месяцев спустя

Мама всегда говорит мне, что самое милое, что я когда-либо делала в детстве, это рыдала каждый раз, когда по радио звучала «Space Oddity» Дэвида Боуи.

Я говорю о полномасштабном кризисе, приправленном икотой и неконтролируемыми эмоциями.

— Ты была так тронута этим, независимо от того, сколько раз ты его слушала. Это коснулось твоей души. Так я и узнала, что ты художник. Ты позволяешь искусству коснуться тебя. Поэтому для меня было очевидно, что однажды ты сможешь коснуться им других.

В эти дни я не могу пролить слезу, чтобы спасти свою жизнь. Реклама Суперкубка. Дрянные фильмы Hallmark. Женщины толкают коляски на улице. Люди без жилья. Войны, голод, гуманитарные кризисы. Просроченные йогурты, принадлежащие Полу, в холодильнике. «Безумный мир» Майкла Эндрюса. Список вещей, которые обычно заставляют меня плакать, длинный и утомительный, но мое тело совершенно высохло. В эмоциональной коме, отказываясь производить слезы.

Плачь. Почувствуй что-нибудь, черт тебя побери! Только одну вещь, внутренне укоряю я себя, когда вырываюсь из кинотеатра, по лицу хлещет влажная жара.

Нью-Йорк носит свою погоду как оружие. Лето здесь длинное и липкое, а зима белая и безжалостная. В эти дни кажется, что весь город тает в земле, как мороженое. Но впервые за многие годы жара не донимает меня. Я чувствую лишь легкую прохладу, благодаря пятнадцати килограммам, которые я сбросила с момента появления Пола.

Мои глаза все еще сухие.

— Нет, ты не должна плакать. Ты счастлива, — бормочу я себе вслух. — Отлично. Может быть, счастлива — не то слово... удовлетворена. Да. Ты удовлетворена своим маленьким достижением, Винни Эшкрофт.

В Нью-Йорке хорошо то, что никто никогда не смотрит на тебя дважды, когда ты разговариваешь сам с собой.

Я шагаю по Таймс-сквер, не обращая внимания ни на достопримечательности, ни на ароматы, ни на праздничное настроение. Ставить одну ногу впереди другой в наши дни требует достаточно усилий.

Мой телефон танцует в кармане. Я беру его, проводя пальцем, чтобы ответить моему агенту Крисси.

— Не волнуйся. — Я закатываю глаза. — На этот раз я не забыла прийти на прослушивание.

Последние несколько месяцев я была очень забывчивой. Понятно, все продолжают успокаивать меня, но я могу сказать, что некоторые люди находятся на пределе своих возможностей. В последнее время я редко появляюсь на прослушиваниях, встречах и общественных мероприятиях. Забываю есть, заниматься спортом, перезванивать родственникам и друзьям. День рождения моей племянницы пришел и прошел, и впервые с тех пор, как она родилась, не было ни щедрых подарков, ни воздушных шаров, ни неожиданного визита тети Винни. Большую часть дня я сижу на диване, смотрю на дверь и жду возвращения Пола.

Мама и папа говорят, что я должна сократить свои потери. Собраться и вернуться в

Малберри-Крик.

Дома есть работа с моим именем. Учитель драмы в моей бывшей средней школе.

Мама говорит, что возлюбленный моего детства, Рис Хартнетт, сейчас работает там футбольным тренером и может дергать за любые ниточки. Она утверждает, что дело сделано. Отличная, удобная поза, чтобы упасть, пока я во всем разбираюсь. Но мысль о том, чтобы покинуть нашу с Полом квартиру, вызывает у меня мурашки по коже.

Кроме того, получение услуг от Риса Хартнетта после нашего грязного прощания кажется..... неправильным.

— Да, я знаю, что ты решила удостоить их своим присутствием — кстати, очень милосердно с твоей стороны. — Крисси хихикает на другом конце провода.

Я прохожу мимо стаи туристов, делающих селфи перед рекламными щитами, хихикающих и пищащих, ни на что не обращающих внимания.

— Как ты узнала, что я появилась? — Я бросаю последние несколько долларов в открытую челюсть футляра для скрипки уличного артиста, не замедляя шага. — Ты теперь шпионишь за мной, мэм?

— Нет, хотя иногда у меня возникает искушение просто проверить, все ли с тобой в порядке. Ты же знаешь, я яростный беспокойный человек.

Черт Крисси и ее золотое сердце. Я это знаю. И, по правде говоря, она одна из немногих людей в Нью-Йорке, кто заботится обо мне. Она и Арья, женщина, руководящая благотворительным фондом, в котором я работаю волонтером. Большая часть моей социальной сети вернулась в Малберри-Крик. Крисси взяла меня под свое крыло, когда я впервые подписала с ней контракт. Я думаю, она увидела во мне того, кем она когда-то была. Молодая и впечатлительная, только что из автобуса. Легкая добыча кровожадных акул Нью-Йорка. Она приехала из Оклахомы. Я из Теннесси. Но это та же самая история снова и снова. Девушка из маленького городка пытается покорить Большое Яблоко.

— Ну, миссис, к твоему сведению, я в полном порядке, — объявляю я. — Я ела все свои овощи и занималась уходом за собой.

— Если ты думаешь, что я покупаю то, что ты продаешь, тебя ждет некоторое разочарование. Но мы вернемся к этой теме позже. Вернемся к твоему прослушиванию, — решительно говорит Крисси.

Это было первое прослушивание, которое я посетила после авиакатастрофы, и единственная роль, которая меня волновала после смерти Пола.

Я хочу эту роль. Мне нужна эта роль.

— А что насчет моего прослушивания? — Я спрашиваю.

— У меня есть новости.

О, нет. Это было быстро. Неужели я действительно настолько плоха, что они не могут дождаться, чтобы наброситься на свой телефон и позвонить моему агенту? Женщине не место на сцене.

— Послушай, Крис. Я пыталась. Конечно, я пыталась. Я пошла туда и выложилась на полную. Может быть я...

— Ты получила роль, детка! — объявляет Крисси.

Я замираю на полпути. Пара человек врывается в меня сзади, бормоча ненормативную лексику. Без предупреждения остановка на тротуаре в Манхэттене является серьезным нарушением правил дорожного движения.

Стоп... Я получила роль?

Я пытаюсь получить удовольствие от новостей. Какое-то довольство или что-то, что его имитирует. Но мое тело онемело снаружи, пусто внутри. Я чувствую себя тонкой бумагой. Такой легкой, такой невесомой, меня мог унести следующий порыв ветра.

Пролей слезу, Винни.

Я всегда была такой хорошей плаксой. Любой случай, хороший или плохой, побуждал к запуску гидротехнических сооружений.

Я иду на работу! Покинула дом! Пришла на репетицию! Запомнила строки!

Я должна быть полностью функционирующим человеком. Но почему-то единственная эмоция, которую я могу вызвать, — это страх.

— Ты будешь Ниной, — вопит Крисси, не обращая внимания на мое молчание. — Ты можешь в это поверить? Желанная мечта каждой актрисы.

Она не ошибается. Со времен Джульярда, когда я была начинающей актрисой, роль Нины была мечтой для большинства моих сокурсников. Красивая, трагическая, жадная до славы девушка из чеховской пьесы «Чайка». Женщина, олицетворяющая потерю невинности, эмоциональный ущерб, чьи мечты были рассыпаны в волшебную пыль.

Так подходяще. Конечно, я получила роль. Я и есть эта роль.

— Нина, — выдыхаю я, закрывая глаза, когда мимо меня, сквозь меня проносятся стада офисных работников. Меня захлестнула волна тел. — Я буду Ниной.

Чувствовать сцену под ногами, яркие огни, бьющие в глаза, и их тепло. Чтобы снова почувствовать запах пота других людей. Воровать энергетические батончики между репетициями. Все то, о чем я мечтала, когда собрала маленький чемоданчик и уехала из Малберри Крик.

— Я знаю, что все было сложно, дорогая. — Крисси понижает голос. — Но я думаю, что это начало конца. Гусеница скоро станет бабочкой. Ты заслужила это, малышка. Расправь эти крылья. Лети высоко.

Я киваю, как будто она меня видит. Мне нужно объятие. Я хочу, чтобы кто-то был здесь, чтобы обнять меня. А еще мне нужно печенье на молоке. Много-много мамино печенье на молоке.

— Скажи мне, что ты хоть немного счастлива. — Мольба в голосе Крисси безошибочна. — Ты говоришь так, как будто ты на собственных похоронах.

— Ты что, шутишь? Я счастлива как моллюск! — Я ловко поворачиваюсь, чтобы не наступить на крошечную чихуахуа, спешащую рядом со своим хозяином, и вру сквозь зубы.

— Лукас, режиссер, был так впечатлен твоей игрой. Он назвал это электричеством. Они должны обратиться ко мне с расписанием и контрактом в ближайшие несколько дней. — Пауза. — Прости, милая. Я вся в делах сегодня. Хочешь, я приду сегодня вечером? Мы можем поставить Hallmark и охладиться.

Крисси и я обе любим наши фильмы так же, как мы любим нашу пиццу — с дополнительным сыром и дешевым красным вином на гарнир. Обычно я бы с радостью согласилась на такое предложение. Но сегодня я хочу побыть одна. Эта новая работа символизирует мое возвращение во внешний мир. Мне нужно все это переварить.

— Я думаю, что сегодня вечером у меня будет тихая вечеринка, если ты не возражаешь. — Я по привычке улыбаюсь людям на улице, направляясь в свой многоквартирный дом. Они никогда не улыбаются в ответ, не в этом почтовом индексе, но это сила привычки, которую мне трудно сломать.

— Ты поняла, Вин. Просто хотела сделать предложение. Приятной ночи.

Я сбрасываю звонок и пролистываю телефон, чтобы занять себя. У меня есть одно неп прочитанное сообщение от Пабло.

Эй, прости, что я снова пропустил твой звонок. Я свободен, если ты хочешь поговорить.

Оно было отправлено в четыре тридцать утра.

Пабло избегал меня последние восемь месяцев. Как и остальные сотрудники Silver Arrow Capital. Чип, Далия из отдела кадров и Фил, лучший друг Пола. Все они уклонялись от того, что они знают — или не знают — об отношениях Пола и Грейс. Я до сих пор понятия не имею, что мой муж и эта женщина делали вместе в тот день, когда их жизни оборвались.

Легко предположить, что у Пола и Грейс был роман, но что-то во мне отказывается верить, что он так бессердечно предал меня.

Пол не был ангелом, но и не был злодеем. Кроме того, он любил меня — я знаю. И он никогда не указывал на то, что Грейс ему даже нравилась. Напротив. Много раз я поймала себя на том, что упрекаю его, когда он обвинял ее в эгоцентризме и дороговизне, когда возвращалась домой с работы.

Никогда в жизни не встречала большей головной боли. Этот Корбин, должно быть, обжора для наказания. Он только и делает, что ноет и требует.

Последние несколько месяцев я пыталась собрать воедино причину, по которой Пол сел на тот рейс с Грейс. Он действительно подвез ее? Или это было непристойно? Я вспоминаю наши разговоры, роюсь в его вещах в нашей квартире, пытаюсь найти улики.

До сих пор я не нашла никаких доказательств романа. Ничего, что могло бы вызвать у меня подозрения. Все, чем он владел и держал под рукой, было таким невинным. Фотоальбомы, безделушки, его коллекция марок, подписанные бейсбольные футболки.

Иногда я думаю о том, чтобы позвонить этому напыщенному существу Арсену Корбину. Наверняка у него есть все ответы на мои вопросы. При всех своих вопиющих недостатках, он кажется находчивым человеком. Из тех, кто быстро находит ответы на свои вопросы.

Я не сомневаюсь, что он узнал все, что нужно знать об обстоятельствах, которые привели Грейс и Пола к тому же самому самолету, который унес их жизни.

Но я не могу заставить себя попросить его об услуге. Вот если бы он подошел ко мне, это было бы совсем другое дело. Разве это не было бы чем-то?

Тупая боль пронзает мой лоб. Я останавливаю прокрутку и звоню маме. Рите Таулз всегда удается поднять мое настроение, даже когда оно на помойке.

— Сливка! — вопит она от восторга. — Мы с твоим папой только что говорили о тебе. Он здесь, рядом со мной. У тебя горели уши? Он спросил, помню ли я, как ты в детстве пыталась ходить на моих каблуках и сломала лодыжку. Конечно, я помню. Я была тем, кто отвез тебя в больницу, пока ты кричала до небес.

У меня до сих пор есть небольшой шрам на лодыжке, чтобы показать это.

— Это был хорошо усвоенный урок. Никогда больше не носила каблуки, — говорю я с задумчивой улыбкой.

— Кроме дня твоей свадьбы, — напоминает она мне. Мое настроение снова увядает. Все дороги всегда ведут к Полу.

— Это были платформы, а не каблуки, ма. И я носила их только для членства.

Мы с Полом обвенчались в моей поместной церкви в Малберри-Крик. Мы закопали бутылку бурбона вверх дном в месте проведения свадьбы и танцевали в ночи босиком. Когда

он увез меня в медовый месяц моей мечты в Таиланд, я села в самолет в пижаме, которую он упаковал и купил для меня заранее, а мои ноги все еще были грязными после свадьбы. Он растирал их на коленях, пока я не заснула во время долгого перелета. Это был еще один пример того, каким удивительным был Пол. Внимательный и всегда заботливый.

Кроме тех раз, когда его не было.

— Лиззи придет сегодня на ужин. И ты знаешь, что Джорджи всегда здесь. Так что я делаю персиковый коблер, — говорит она о моих сестрах.

— Черт. Я хотела бы быть там.

— О, но ты можешь! Просто садись в самолет и приезжай к нам.

— Об этом... — Я умолкаю. — У меня есть новости.

— Что такое, сливка?

Я набираю кислород в свои легкие, готовясь к своему объявлению.

— У меня есть работа! Новая роль. Я буду Ниной из «Чайки».

Линия замолкает. На секунду я думаю, может быть, я потеряла связь.

Папа восклицает первым.

— Это так? Бродвей и все такое?

Я вздрагиваю.

— Не совсем Бродвей. Но это признанный театр на Манхэттене.

— Как долго будет продолжаться это выступление? — Он продолжает.

— Один год.

— Как мило. — Ма прочищает горло, разочарование звучит в ее голосе. — Это... Я имею в виду, это то, что ты хотела. Я рада за тебя.

Краем глаза я вижу бурый камень Адской Кухни. Мои ноги словно налиты свинцом. Я знаю, что огорчила своих родителей, которые думали, что я с теплотой отношусь к идее вернуться домой. Какая-то часть меня все еще хочет вернуться домой. Она тоже не маленькая. Но эта роль важна по многим причинам. Одну из них я даже не могу произнести вслух.

— Пожалуйста, прекрати. Ты заставляешь меня краснеть от всего твоего волнения, — бормочу я, но в моем голосе нет настоящего укуса. Как ни больно мне это признавать, я их понимаю. Они хотят лелеять меня, помочь мне встать на ноги. Присматривать за мной, пока я рядом.

— Я просто не думаю, что это хорошая идея, что ты там совсем одна, — говорит Ма с тяжелым вздохом. — Может, мне приехать? Только на пару недель? Приготовить тебе персиковый коблер? Я не буду стоять у тебя на пути. Не волнуйся. Эта старушка может найти себе развлечение сама.

— Не надо, ма, — умоляю я, паника охватывает меня. — Я в порядке. Я обещаю.

Наша квартира — кажется, теперь это моя квартира — современная, с двумя спальнями. С открытой кухней, восточным видом на горизонт Манхэттена и тем, что риелторы любят называть характером. Мне нравится в ней все. Стеганные кожаные табуреты у черного гранитного острова на кухне, предметы искусства, которые мы с Полом собирали на маленьких блошиных рынках во время нашего медового месяца, и больше всего то, что

это место все еще пропитано его присутствием. Набухшее от обещаний и ожиданий, что он вернется в любой момент.

Что он толкнет дверь с улыбкой ведущего дневного шоу и объявит: «Дорогая, я дооома!»

Сбросит меня с ног, крепко поцелует и спросит, как поживает его любимая девушка.

Его кроссовки все еще стоят у двери. Его зубная щетка спрятана в чашке у раковины «Джек-и-Джилл», щетинки изогнуты, как спелый одуванчик. Пол вытер зубы до крови.

Меня странно утешает, что его йогурты все еще в холодильнике, рассортированные по просроченным срокам, хотя я знаю, что их быть не должно. Что его запасные контактные линзы все еще висят у крана его раковины, ожидая, когда их наденут.

Вот почему я не хочу, чтобы родители навещали меня. Я не должна хранить эти вещи. Повседневные мелочи, которые он больше не будет использовать. Его таблетки в оранжевых баночках, очки для чтения на ночном столике вместе с открытой газетой, которую он читал, и статьей, которую он так и не закончил, глядя на меня. «Добыча на дне моря».

В том, что мы расстались так некрасиво, виноват "Нью-Йоркер".

В последний раз, когда я его видела, мы поссорились.

Я приставала к нему с просьбой отменить подписку на газету. Он так и не притронулся к ней, а у меня аллергия на мировые новости и тревогу, которую они вызывают. Я выросла экономной, и мне не нравилось, что Пол выбрасывает деньги просто так, без всякой причины, если они у него есть. В тот вечер он демонстративно открыл газету, прочитал половину статьи, отложил ее в сторону и пообещал, что прочитает остальное, когда вернется из поездки в Париж.

Не закрывай газету. Я вернусь к этому, — предупредил он. Ей богу, я вернусь. Единственная причина, по которой я не беру ее с собой, это то, что Фил всегда хочет поговорить о бейсболе, когда мы летаем вместе.

Я никогда этого не делала. Она осталась на месте. Каждая новая газета, которую я получаю каждый день, свернута и ждет в стопке в кладовке, пока Пол придет и прочитает ее. Как будто он может однажды материализоваться, войти сюда и спросить меня, что он пропустил за эти восемь месяцев.

Шагая по квартире, я провожу пальцами по книгам на полках — смесь моей любимой классики и его Джека Ричера — и приборам из нержавеющей стали, которые мы выбрали вместе.

Реальность вгрызается мне в живот. Я не могу позволить себе сохранить это место. Несмотря на то, что Пол выплатил ипотечный кредит до того, как мы поженились («Плохая инвестиция», — возразил он, но я хотела жить в доме, который полностью принадлежит мне), и я унаследовала собственность как его жена, каждый месяц накапливается слишком много счетов.

Налог на недвижимость, парковка, еда, здравоохранение и транспорт заставляют меня копаться в деньгах по страховке, которые я получала каждый месяц с тех пор, как он умер.

Пол и я подписали железный брачный контракт по просьбе его родителей, что означает, что я не так богата, как люди могут подозревать. В то время я не придавала этому большого значения, потому что мысль о том, чтобы когда-нибудь расстаться с Полом, была для меня безумием.

Будет хреново продавать и уезжать, оставляя все свои воспоминания позади.

Может быть, эта новая роль Нины в «Чайке» поможет мне удержаться на плаву, но я в

этом сомневаюсь. Это всего лишь годовой контракт, а не выступление на Бродвее. Больших денег не заработать.

Раздается звонок в дверь. Я отпрыгиваю назад, застигнутая врасплох, но потом вспоминаю, что заказала любимое блюдо Пола. *Banh xeo* и *cha sa*. Я спешу к двери, даю чаевые курьеру и открываю дешевую бутылку красного вина. Я ставлю две тарелки перед телевизором на журнальный столик. Я наливаю Полу бокал и насыпаю еду на его тарелку, убирая вручную всю детскую кукурузу, потому что он ее ненавидит. Несмотря на то, что я умираю от голода, я жду, пока загрузится Netflix, прежде чем сделать первый укус. Это было его извращением.

По крайней мере, имей манеры пропустить вступление, куколка. Еда не убежит.

Я сейчас схожу с ума, подаю полную тарелку призраку моего мертвого мужа? Абсолютно. Меня это очень волнует? Неа. Это одно из редких преимуществ жизни в полном одиночестве. Мне не нужно скрывать свое безумие.

— Сегодня вечером, мой дорогой, мы будем смотреть «Ведьмака». — Я знаю, что это не твоя чашка чая, но Генри Кавилл мой, и ты ничего не можешь с этим поделать, — шучу я, начиная первую серию и откусывая от кусочка пышного рисового блинчика с начинкой. — Исполнительное решение. Следовало быть более осторожным. Таким образом, у тебя будет право голоса в этом вопросе.

Среда была нашей вьетнамской едой на вынос и телевизионными вечерами. Возвращаясь с работы, Пол забирал еду, возвращаясь с работы, а я убирала квартиру, доставала продукты и гладила его одежду, традиции живы, хотя его здесь больше нет. Ну, минус глажка его одежды. По этой части я даже не притворяюсь, что скучаю.

Пока я ем, я веду праздную беседу с той стороной дивана, где сидит Пол.

Как прошел день?

Мой был довольно хорош, на самом деле. Я пошла на прослушивание и получила роль! Спасибо, что всегда веришь в меня. За то, что сказал мне, что я собираюсь это сделать.

Моя роль Белль умерла быстрой смертью в ночь, когда скончался Пол. На следующее утро Крисси позвонила в театр и рассказала им о моей ситуации, и я выбыла из шоу. Потеря казалась ничтожной по большому счету, но спустя несколько месяцев я иногда задавалась вопросом, можно ли было бы пережить это. Может быть, если бы у меня было что-то, что поддерживало бы меня, я бы не была такой оцепеневшей.

Когда эпизод заканчивается, я убираю кофейный столик и мою тарелки. Дважды запираю дверь на замок и засов.

На кухне я наливаю себе три высоких стакана воды и выпиваю их все. Я люблю просыпаться по крайней мере пару раз каждую ночь. Я провожу небольшой осмотр квартиры, чтобы убедиться, что я действительно одна. Я всегда боялась спать одна. В Джуллиарде у меня было полно соседей по комнате, а до этого я делила комнату с обеими сестрами. Без сомнения, я не умею быть одна.

Я выключаю свет по пути в спальню, но останавливаюсь перед дверью, когда дохожу до коридора.

Кабинет Пола. Дверь закрыта. Я знаю, где ключ, но я им не пользовалась с тех пор, как его нет.

Когда он был жив, Пол проводил бесчисленные часы в своем домашнем офисе. Я видела это сотни раз изнутри, когда приходила принести ему кофе, или воды, или просто напомнить ему, что пора сделать перерыв. Это просто еще один офис с кипами документов,

экраном Apple и невероятным количеством картотечных шкафов.

Он просил меня не открывать его всякий раз, когда он запирает его.

Коммерческие секреты, куколка. Кроме того, мне нравится идея иметь собственный остров. Частное место, которое принадлежит только мне.

И я, слепо верная, безоговорочно верная, решила никогда не нарушать это правило. Даже сейчас, после всех этих месяцев, офис все еще закрыт.

Ждал, когда я предам его, как он якобы предал меня.

ГЛАВА 12

Винни

— Это Эльза! Эльза здесь! — Маленькая Сиенна, которой всего шесть лет и она находится в педиатрическом реабилитационном отделении в Сент-Джонс, зовет меня со своего места в своей постели. Она протягивает руки, шевеля пальцами, когда я вхожу в ее комнату. Я наклоняюсь, чтобы обнять ее, мой фальшивый синтетический белокурый парик щекочет ее лицо, заставляя ее хихикать.

— Ты пахнешь пластиком, — говорит она.

Как бы мне ни было плохо, есть одна вещь, по которой я никогда не скучаю — моя волонтерская работа в Детской больнице Святого Иоанна.

Это не только помогает маленьким воинам выжить, но и успокаивает меня. Нет ничего лучше, чем наблюдать, как невинный ребенок сражается в битве взрослых, чтобы увидеть собственные проблемы в перспективе. Я благодарю Господа каждый день за то, что нашла Арию Рот-Миллер и смогла присоединиться к ее благотворительности. Что мы поговорили на этой случайной вечеринке три года назад, и когда она сказала, что позвонит и расскажет мне подробности своей благотворительности, она действительно сделала это. Я не только обрела перспективу и что-то, что питает душу, но и обрела друга.

— Почему бы и нет, если это не мой любимый десантник. — Я сажусь рядом с Сиенной на стул для посетителей и кладу свой набор косметики на ее тумбочку. На ней лежит прозрачная пластиковая коробка, состоящая из десятков маленьких квадратиков, внутри которых таблетки, а также недопитые бутылки с водой и несколько конфет. — А где твои мама и папа?

— У моего младшего брата Кейда день рождения. Так что они отвезли его в «Чак и Сыр», чтобы отпраздновать вместе со своим классом. Но не волнуйся, тетя Эльза! Они сказали, что принесут мне что-нибудь вкусненькое. — Она улыбается мне полубеззубой улыбкой. Мое сердце тает в груди.

О, Сиенна.

— Хорошо. Ты будешь полностью в моем распоряжении. Так кем ты хочешь быть сегодня? — Я шевелю бровями. — Минни Маус? Бабочкой? Драконом? Я знаю! Может, радугой?

Сиенна облизывает губы, поправляя очки на нос. Она шаркает в своей постели, пытаясь почесаться под одеялом, покрывающим ее ноги. Точнее, ее ногу. Ее левая была разорвана в автокатастрофе три недели назад. У нее фантомная конечность, и она продолжает чувствовать ногу, которой нет.

— Я хочу быть Мирабель из «Энканто»! — Объявляет она. — Потому что тебе не нужно обладать сверхспособностями, чтобы быть героем.

— Вот это дух, Си! — Я уже сижу в телефоне, ищу уроки, как рисовать Мирабель. —

Сверхспособности скучны. У них нет заслуг. Важна сила, которую мы находим в себе.

Если бы только я могла прислушаться к собственным советам.

Сиенне приятно наносить макияж. Обычно я болтаю с детьми, работая над их лицами. Сиенна говорит мне, что ее могут выписать в конце месяца, и она вернется в свой класс.

— И сначала мне дадут инвалидную коляску, а потом сказали, что починят мне суперкрутую бионическую ногу и будет как до аварии! — взволнованно говорит она. — Мне просто нужно будет надевать ее каждое утро, когда я просыпаюсь.

Закончив, я отстраняюсь и улыбаюсь ей в ответ.

— Это звучит как самая крутая вещь на свете!

— Правда? — Ее глаза загораются.

— Конечно. Ты можешь ходить, танцевать, плавать, делать что угодно!

После Сиенны наступает очередь Тома (операция на позвоночнике), а после Тома приходит Мэллори (кистозный фиброз). Я делаю обход, и время проходит без обычной боли, которая сопровождает дыхание и деятельность в мире без Пола.

Закончив, я вызываю лифт. Он открывается, и оттуда выскакивает Арья Рот-Миллер, директор фонда, с которым я работаю над этим проектом, и единственная подруга, кроме Крисси, которая удосуживается навестить меня раз в месяц.

— Винни. — Она улыбается, возвращаясь в лифт. — Та, кого я ждала, чтобы столкнуться. Позволь мне проводить тебя отсюда.

Я следую за ней в лифт и нажимаю кнопку первого этажа, улыбаясь Арье. Мне нравится, что у нее есть свой пиар-бизнес, семья — ребенок! — но еще находит время для этой работы.

— Я в беде? — Я смеюсь. — Почему ты захотела поговорить со мной?

— Беда? — спрашивает она, хмурясь. — У меня уже есть раздраженное выражение лица мамы? Почему ты так думаешь?

Я пожимаю плечами.

— Обычно тебе нравится общаться за чашечкой кофе, а не в лифте.

— Ну, во-первых, я хотела поздравить тебя с получением роли Нины. Крисси сказала мне. Я так горжусь тобой!

Глубоко покраснев, я киваю.

— Во-вторых, через несколько недель я устраиваю благотворительный бал, и мне бы очень хотелось, чтобы ты пришла. Это три тысячи за тарелку.

Благослови ее сердце. Что они будут подавать на этом мероприятии, стейк из чистого золота?

— Большое спасибо за предложение. Я не... Я имею в виду, ты же знаешь, как я люблю держаться особняком...

Перевод: Я так бедна, что с таким же успехом могла бы завести перекати-поле в качестве домашнего питомца.

— Господи, тебе не придется платить! — Арья машет рукой. Я чувствую, как мои уши розовеют от стыда. — Но я хочу, чтобы ты была там. Ты одна из наших самых преданных волонтеров. Никто не заботится о тех детях, как ты, Винни. И они всегда спрашивают конкретно о тебе. Некоторые из родителей будут там, и я не могу позволить, чтобы ты не была там.

— Тогда я буду там.

Это будет первое публичное мероприятие, которое я посетю после смерти Пола, но, по крайней мере, у меня есть хорошее оправдание. Благотворительность. Плюс... Я немного скучаю по людям. Танцам. Примерять красивые платья.

— Великолепно! — Арья хлопает в ладоши, когда двери лифта распахиваются, и я, спотыкаясь, выхожу наружу. — Я скажу Кристиану. Он будет рад снова увидеть тебя!

Бьюсь об заклад, что рад. Кристиан, ее муж, одобряет все, что любит его жена, включая ее друзей. Я оборачиваюсь, слабо улыбаясь ей.

— Хорошо... увидимся позже.

— Ни за что! — Она качает головой, когда двери закрываются. — Не позже. Раньше. Мы скоро потусим. Я позвоню тебе сегодня вечером. Эй, и Винни?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее.

— Ты любима. Запомни это.

Четыре недели спустя

— Думаешь обо мне иногда? — Я кладу руку на лицо Рахима, глядя в его темные глаза.

Он гладит мою руку. Я издала тихий вздох от его прикосновения. На его губах играет улыбка.

— Конечно. Я думаю о том, как ты выглядишь на солнце — помнишь? В этом чудесном платье...

Его губы приближаются. Я чувствую их тепло. Жевательная резинка корицы в его дыхании. Послеобеденные бакенбарды украшают его щеки. Я могу сделать это? Могу ли я поцеловать другого мужчину? Так рано?

С каждым дюймом, который он съедает между нами, мое сердце становится все ниже. Я чувствую их тепло. Жвачку с корицей на его дыхании. Усики, украшающие его щеки. Могу ли я сделать это? Могу ли я действительно поцеловать другого мужчину? Так скоро?

Вытащите меня отсюда.

Я хочу убежать. Я не могу бежать. Я парализована. Губы Рахима почти касаются моих...

— Аааа, снято! — Лукас лопает жвачку и падает на бордовое сиденье в первом ряду зала.

— Спасена звонком, — шепчет мне в губы Рахим, наклоняясь, чтобы нежно поцеловать меня в щеку.

Я отдергиваюсь, как будто он только что ударил меня. Он обхватывает меня за плечи, поднимая.

Румянец заливает его загорелые щеки.

— Прости, Винни. Я не хотел высмеивать это. Я имею в виду... Я не собираюсь целовать тебя во время репетиций, если смогу. Я уверен, Лукас поймет.

— Господи, нет! Я была просто... Я отключилась. — Смущенная тем, что меня поймали на том, что я потеряла его из-за поцелуя в губы на сцене, я наклоняю голову и притворяюсь, что последних нескольких минут не было.

— Хорошо, давай проиграем эту сцену еще раз, на этот раз с поцелуями. — Лукас перелистывает страницы пьесы, наклоняется в сторону и говорит что-то на ухо своему

ассистенту.

— Эй, Винни, помнишь печенье, которое ты принесла в первый день репетиции? — спрашивает Рахим.

— Печенье из кухонной раковины от Мэмоб, да. — Я улыбаюсь. Всякий раз, когда я иду в новое место, я всегда приношу свежую партию печенья. Традиция женщины Таулз подсластить любые отношения.

— Там был секретный ингредиент, я в этом уверен. — Рахим щелкает пальцами. — Что это было? Текстура была потрясающей.

— Добавь еще один желток и дополнительный коричневый сахар для увлажнения. — Я подмигиваю. — Я пришлю тебе рецепт, если ты обещаешь никому не пересылать.

— Женщины в моем валяльном клубе будут разочарованы, но я уверен, что они меня поймут, — шутит он.

В остальном Calypso Hall пуст. За кулисами народу больше, а здесь только Рахим играет Тригорина; Лукас; его помощник; и я. И, конечно же, сцена с золотыми арками, море бордовых сидений, антресоли и балконы-боксы в качестве нашей публики. Это старый театр. Небольшой и уютный и требует ремонта. Но все равно как дома.

— Та же сцена. Сверху. — Лукас постукивает по своему берету. — Вообще-то, нет. Дайте мне сцену разрешения еще раз. Нам нужно закрепить ее, а сейчас вы для меня не блещете. Сверкайте, единороги! Сверкайте!

Я выучила «Чайку» наизусть. Каждое слово вырезано в моем мозгу. Я мечтаю о стремлениях Нины каждый день. Чувствую ее отчаяние по ночам, когда я ворочаюсь в постели. Это освобождает, проникая в сознание вымышленного персонажа. Взгляд на мир глазами беспокойной русской девушки девятнадцатого века.

Мы делаем, как нам говорят, погружаясь прямо в сцену разрешения. Рахим стреляет на высокой скорости, расцветая под резким светом. Его харизма завораживает. Я следую его примеру, оживаю на этой квадратной, волшебной сцене, которая дает мне полную свободу быть кем-то другим. Несмотря на то, что мы на перестановках, партитуре и блокируем часть репетиций, я уже чувствую себя ею. Как эта наивная, поверхностная девушка, которая думает, что влюблена в писателя. Я толкаю Рахима в грудь, взмахиваю руками, смеюсь, как маньяк, и кружусь, как буря.

Нина. Безнадежная, рискованная, мечтающая провинциальная девушка.

Дверь в театр распаивается. Краем глаза я вижу демоноподобное существо. Высокий и темный, заполняющий кадр, словно черная зияющая дыра.

Энергия в комнате меняется. Волоски на моей руке встают дыбом.

Я заставляю свое внимание вернуться к Рахиму.

Сосредоточься. Сосредоточься. Сосредоточься.

Тригорин и Нина дерутся. Я произношу свои реплики. Но я больше не сияю под театральным светом. Холодный пот собирается на шее. Кто этот человек, который только что вошел? Это тихая репетиция, закрытая для публики.

Лукас и его помощник до сих пор не заметили злоумышленника. Но я, кажется, настроилась на него, когда он спускается по лестнице к сцене. Он не один. За ним кто-то следует. Его движения гладкие и плавные, как у тигра.

Тригорин находится на грани срыва. Нина солдат впереди.

Я говорю Рахиму, что люблю его. Что я подарила ему ребенка. Мои глаза обжигают непролитыми слезами. Эта часть похожа на копание в собственном животе ржавой

ложкой. Это та часть, где Нина смиряется со своим поверхностным, искусственным существованием.

Я в середине своего монолога — того самого монолога — который каждая начинающая актриса произносит перед зеркалом в своей спальне, используя расческу вместо микрофона, — когда краем глаза вижу, как Лукас вскакивает на ноги. Он срывает с головы свой берет и сжимает его, как нищий, ожидая, пока высокая фигура подойдет.

— Снято...снято! — он маниакально кашляет. — Дубль десять, ребята.

Мы с Рахимом останавливаемся. Мой взгляд останавливается на двух мужчинах, вошедших в театр.

Когда я вижу его лицо, острые грани его челюсти, черные радужки, ни одна часть меня не удивляется.

Он единственный человек, от одного взгляда которого у меня мурашки по коже и во рту пересохло. Одно его существование выворачивает меня наизнанку.

Арсен Корбин.

Он выделяется, как койот в курятнике, одетый в пару черных узких брюк, туфли с кожаными ремешками и кашемировый свитер. Может быть, это слишком далеко, чтобы сказать, но он не выглядит слишком убитым горем с того места, где я стою. Никаких явных предательских признаков налитых кровью глаз, нечесаных волос или пятиминутной тени.

Этот мужчина одет в пух и прах, недавно был у своего парикмахера, тщательно выбрит и идеально вписался бы в модный гала-концерт.

Я хочу на него наброситься. Кричать ему в лицо. Сказать ему, что он ужасный человек из-за своего поведения в ту ночь, когда мы узнали, что наши близкие пропали.

— Винни? — Лукас нетерпеливо изгибает бровь. — Ты слышала, что я сказал?

Он хочет, чтобы я ушла. Что бы здесь ни происходило, это личное. Но я не могу двигаться. Мои ноги мерзнут на изношенной сцене.

— Она услышала. У нее, должно быть, свело ноги от постоянного стояния. — Я слышу, как Рахим добродушно хихикает. Он берет меня за руку и тащит за кулисы. Мои ноги скользят по дереву.

Сквозь зубастую улыбку Рахим шипит:

— Пожалуйста, скажи мне, что ты в порядке. Я пропустил урок по оказанию первой помощи, который они заставили нас пройти, когда я работал спасателем в Хэмптоне. Не самое гордое мое признание, но я понятия не имею, что делать, если у тебя инсульт.

— У меня... у меня нет инсульта, — умудряюсь заикаться я.

— Слава Богу. Нам всем не помешало бы больше печенья твоей бабушки.

За кулисами Рене, играющая Ирину, протягивает мне пластиковый стаканчик с водой. Слоан, который играет Константина, приглашает меня сесть на складной стул рядом со стойкой, полной костюмов.

Слоан кладет руки мне на плечи.

— Сейчас глубокий вдох. Она астматик? Аллергик? Нам нужен «Эпипен»? — Он поворачивается к Рахиму.

Рахим беспомощно пожимает плечами.

— Ни то, ни другое, — отвечаю я, все еще дрожа, хотя не думаю, что Арсен даже заметил меня. — Просто немного устала. Извините.

— Что это было? — Рене поднимает бровь.

— У меня только что была ужасная судорога в ноге. Я даже пошевелиться не могла, —

нагло вру, в знак благодарности поднимая пластиковый стаканчик, отпивая глоток воды. — Я чувствую себя лучше сейчас.

— Иногда у меня случается это посреди ночи. — Слоан сочувственно кивает. — Ты должна принимать добавки с магнием. Жизнь меняется, девочка.

— Кто был этот парень? — Рахим — молодой, эффектный, с одним провальным бродвейским шоу за плечами — указывает на сцену. — Он просто вошел туда, как будто это место принадлежит ему.

— Это потому, что так и есть, — невозмутимо говорит Слоан, который выглядит как любой блондин-сердцеед, которого вы видели в кино. — Арсен Корбин. Горячая шишка с Уолл-Стрит днем, владелец половины города ночью. Хотя не знаю, что привело его сюда. Ему плевать на этот маленький театр. Он не артистичный тип. Наверное, просто пришел сюда, чтобы поиграть и напомнить Лукасу, кто дергает за ниточки кошелька.

— Какого кошелька? — Рене горько говорит. — Это свалка, и он не тратит на нее ни копейки.

— Откуда ты все это знаешь? — спрашиваю я Слоана.

Слоан пожимает плечами.

— Люди говорят.

— Ну что, говорят, что он абсолютный, ужасный придурок? — Я выдыхаю, не в силах сдержаться.

— Вообще-то да, но теперь, когда ты упомянула об этом, я хотел бы выпить чаю. — Глаза Слоан проясняются. — Я еще ни разу не слышал, чтобы ты сквернословила, малышка Винни. Он должно быть ужасен. Что он сделал? Что еще важнее — кому он сделал? Этот человек восхитителен.

Мои коллеги знают, что я молодая вдова, но мало что знают о Поле. Они не знают о его возможном романе с Грейс. Они не знают, что нас с Арсеном связывает ужасная трагедия.

Мое сердце все еще не в порядке, когда Рене, Рахим и Слоан поднимают глаза, чтобы посмотреть на что-то позади меня. Их рты коллективно отвисают.

— Что? — Я вздыхаю, оборачиваясь. И вот он снова. Арсен Корбин, на этот раз крупным планом. Красивый, да. Так же, как и действующий вулкан. Очаровательный с безопасного расстояния, но не то, к чему я хотела бы прикоснуться. И теперь я это вижу. Единственный признак разбитого сердца. То же самое я вижу каждый день в зеркале. Его глаза, когда-то острые, знойные и полные сардонического смеха, теперь тусклые и темные. Он похож на ангела смерти.

— Привет! — Слоан приветствует его ярко, как будто не он только что попросил меня рассказать о нем. — Мистер Корбин, очень приятно наконец-то встретиться...

— Миссис Эшкрофт. — Голос Арсена бархатный. — За мной.

Я не намерена устраивать ему драму, которой он жаждет. Я уже видела самодовольную ухмылку этого человека, когда он поджаривал меня в Италии. Я встаю и иду за ним, слегка пожимаю плечами по пути к выходу. Нет необходимости вызывать подозрения у других актеров.

— Куда? — спрашиваю я, когда мы пересекаем сцену и направляемся к гримеркам. — Ад?

Его спина мускулистая и стройная. Очевидно, что он по-прежнему активен, спортивен, тренируется. У меня разбито сердце. Бьюсь об заклад, он отлично проводит время.

— Точно нет. Это моя естественная среда обитания, и тебя не приглашают в мой дом.

— В таком случае, оставь меня в покое, — откусываю я.

— Боюсь, я тоже не могу этого сделать.

Он останавливается у одной из раздевалок и толкает дверь. Он жестом предлагает мне войти внутрь первой. Я колеблюсь. Арсен не из тех, кто физически нападает на женщину — не из тех, кто пачкает свои драгоценные руки миллиардера, прикасаясь к такой простачке, как я, — но я знаю, что его слова могут быть более смертоносными, чем кулаки.

Он наблюдает за мной со смесью нетерпения и любопытства. Теперь, когда мы рядом и одни, его равнодушная маска спадает на несколько дюймов. Его челюсть сжата; его рот повернут вниз. Я понимаю, что последние месяцы были для него непростыми. Он держит свои эмоции исключительно близко. Я впервые считаю, что мы в одной паршивой лодке. Что, если мы оба несчастны, а он просто лучше скрывает это?

— Хочешь особое приглашение? — сухо спрашивает Арсен, когда я не пытаюсь войти в комнату.

— А ты бы пригласил? — весело спрашиваю я, зная, как сильно мой акцент действует ему на нервы.

Он усмехается.

— Я предлагаю покончить с этим как можно быстрее. Никто из нас не хочет продлевать это, и по крайней мере у одного из нас сейчас есть лучшие места.

Я вхожу в раздевалку. Он закрывает дверь. Место крошечное и битком набитое. Моя спина прижимается к туалетному столику, заваленному косметикой. Открытые баночки с фиксирующей пудрой, тенями для век и кистями. Сломанные помады разбрасываются, как мелки. Под ними спрятаны пачки писем от фанатов и поздравительные открытки.

Арсен теснит меня. Я не знаю, делает ли он это намеренно, или он просто слишком физически импозантен для этой обувной коробки. Тем не менее, он стоит достаточно близко, чтобы я могла почувствовать запах его лосьона после бритья, запаха мяты в его дыхании, средства для волос, которое делает его гладким и блестящим, как титан.

— Тебе нужно уйти, — решительно говорит он.

— Ты сам попросил меня прийти сюда. — Я скрещиваю руки, намеренно притворяясь тупицей.

— Хорошая попытка, деревенщина. — Он стряхивает невидимую грязь со своего кашемирового свитера, как будто его присутствие здесь грязно. — Ты уволена, это вступает в силу немедленно. Ты получишь компенсацию за твое...

— Ты не режиссер и не продюсер. — Я вскрикнула, гнев поднялся в моей груди. — Ты не можешь этого сделать.

— Я могу и делаю.

Я выставила ладони вперед, толкая его. Он не шевелится. Просто смотрит на меня с скучающей жалостью на лице.

Боже. Я физически прикоснулась к нему. Это ведь не нападение? Я родом из места, где пощечина в лицо, в правильном контексте, понятна, даже оправдана. Жители Нью-Йорка, однако, придерживаются других правил.

Но Арсен не выглядит так, будто ему грозит потеря сознания или вызов полиции. Он вытирает ворсинки там, где только что были мои руки.

— Позволь напомнить тебе, миссис Эшкрофт, что Калипсо-холл принадлежит мне. Я могу сказать, кто останется, а кто уйдет.

— Могу я напомнить тебе, мистер Корбин, что меня нанял твой директор Лукас

Мортон. Мы подписали контракт. Я не сделала ничего плохого. Премьера спектакля состоится через две недели. Актриса второго плана еще даже не выучила всю пьесу. Ты не сможешь вовремя найти достаточную замену.

— Всех можно заменить.

— Это так? — Я выгибаю бровь, зная, что мы оба думаем об одних и тех же людях. Люди, которые оставили вопиющие дыры в наших сердцах.

— Да. — Его ноздри раздуваются. — Каждого.

Я не могу потерять эту работу. По слишком многим причинам.

— Но не Нину. — Мой голос падает, когда я встречаюсь с ним взглядом. — Нина — действие, которое бывает раз в жизни. Я знаю, что ты, вероятно, не читал «Чайку»...

— Влюбленная, невежественная деревенская девушка, отчаянно пытающаяся стать частью мира, которому она не принадлежит? — спокойно спрашивает он, его голос сухой, как пустыня Сахара.

Ну, тогда, я полагаю, он действительно читал это.

Он хватается за мой подбородок и закрывает мне рот таким мягким движением, что я не могу до конца поверить, что он действительно прикоснулся ко мне.

— Не смотри так удивленно, деревенщина. Моя бывшая школа-интернат — неофициальная кормушка Гарварда и Йельского университета. Я выучил их все. Англичане, русские, греки. Даже те немногие американцы, которым удалось проникнуть в мировую известную литературу.

Я почти забыла, какой он ужасный. Снисходительный, покровительственный и, что хуже всего, — радующийся этому. Потом я вспомнила последнее, что он сказал мне, когда мы были в морге. О том, что я была золотоискательницей, которая, вероятно, была рада избавиться от своего богатого мужа.

Я решила использовать его пресыщенность против него.

— Отлично. — Я отбиваю его руку. — Уволь меня. Посмотрим, как это у тебя получится.

Он бросает на меня быстрый взгляд, пытаюсь читать между строк.

— Хорошо, позволь мне объяснить это для тебя, если твой большой старый мозг не может понять это. — Я сделала свой самый сильный акцент, ударив себя в грудь пальцем. — Эта деревенская девушка побежит в ближайший таблоид и продаст свою историю. Ты не знаешь актрис? Мы ищем славы, мистер Корбин. А что однажды сказал Энди Уорхол? Плохой рекламы не бывает. — Я подмигиваю ему. — Кроме того, моя история вписывается в современный культурный нарратив как перчатка к руке. Богатый белый мужчина-миллиардер преследует беспомощную вдову, просто пытаюсь выжить в жестоком «Большом яблоке». — Я сжимаю ладони вместе, глядя в небо. — Подумай об этом. Наша история такая сочная. Языки будут болтать месяцами! Мой любящий муж пойман с твоей невестой с поличным во время романтического отпуска в Париже. Держу пари, никто из нас не сможет выйти из квартиры, не попавшись на глаза фотографам!

Я абсолютно никак не смогла бы заставить себя сделать такое, но он этого не знает. Он думает обо мне самое худшее.

Он верит мне. Он также очень закрытый человек. Я знаю, потому что, когда появились новости о Поле и Грейс, кто-то — как я всегда предполагала, из лагеря Арсена — продал газетам ту же самую историю. О неудачной командировке. Ужасная авария, унесшая двух коллег, бесконечно преданных своим близким, чтобы подписать срочное соглашение о

слиянии. Была одна статья на ТМІ, онлайн-сайте сплетен, в которой предполагалось, что Пол и Грейс были больше, чем коллеги, но ее удалили в течение нескольких минут.

Рука Корбина длинная, мощная и в пределах досягаемости большинства вещей в этом городе. Но он не может руководить каждым таблоидом, каждой газетой, каждым телеканалом. Кто-то захочет купить то, что я готова продать, и мы оба это знаем.

Он наклоняется вперед. Хмурое лицо делает его похожим на языческого бога. Этот человек привык пугать людей. Ну, меня он не напугает.

— Твое предположение, что что-либо — меньше всего ты — может прикоснуться ко мне, не говоря уже о том, чтобы унижить меня, просто восхитительно. — Его взгляд движется по моим чертам лица, как лезвие, сардоническая ухмылка дергает край его губ. — Тебе повезло, что я большой поклонник оппортунистов. Они — моя любимая порода. Итак, есть еще какой-нибудь запасной план, чтобы я не дал тебе всыпать? И брось этот преувеличенный акцент. Ты никого не обманешь, деревенщина.

Мой желудок полон ядовитых змей. Я ненавижу Арсена за то, что он заставляет меня бороться за свою с трудом заработанную работу. Я прошла прослушивание по заслугам. Он не имеет права этого делать.

Внезапно я вспоминаю язык любви этого человека — деньги.

— Конечно. Помимо сплетен, есть еще и юридический вопрос. Я могу взорвать все, что осталось от этого места, и сделать его еще более дорогим для тебя предприятием. Представь себе заголовок, мистер Корбин. — Я поднимаю пальцы в воздух. — Актриса Виннфред Эшкрофт подает в суд за неправомерное увольнение.

— Нет ничего плохого в том, чтобы хотеть, чтобы женщина, чей муж трахнул мою мертвую невесту, была далеко от меня.

— Нью-Йорк очень большой, и, насколько мне известно, ты не ступал в Калипсо-холл десятилетиями до сегодняшнего дня. — Я закручиваю локон, который вырвался из моего конского хвоста, на палец. — Ты никогда не обращал внимания на это место за те десятилетия, что оно принадлежало твоей семье. На восстановление тоже не потратил ни копейки. Только увидев тебя здесь, я вспомнила, что Грейс сказала в Италии...

— Не произноси ее имени! — набрасывается он, скаля зубы, как монстр.

Шея Арсена краснеет. Меня это удивляет, и я понимаю, что никогда не считала его полностью человеком. Он настолько грозен, что единственное, что кажется в нем отдаленно смертным, это то, что он явно заботился о своей невесте.

Спустить этого человека на ступеньку-другую — это успокаивает. Я была в невыгодном положении оба раза, когда мы встречались. Хотя формально он все еще мой работодатель, по крайней мере, на этот раз мне не придется иметь дело с немедленной катастрофой, как это было в Италии и в морге.

— Скажи мне, Арсен. — Мой голос смягчается. — Ты все еще находишься под запретом на торговлю?

— Нет, — ровно говорит он.

— Ясно. — Я дуюсь, постукивая губами. — Не хочешь ли ты снова раскачивать лодку с законом, не так ли?

— Нет абсолютно никакой связи между Calypso Hall и моим запретом SEC.

— Нет, — соглашаюсь я. — Но ты же знаешь, как медленно и скрежещут колеса закона. Не говоря уже обо всех тех судебных издержках, которые тебе придется выложить из-за провала театра. — Я оглядываюсь, обмахиваясь. — Если я подам в суд, ты окажешься в

убытке. А я подам. Потому что мы оба знаем, что у тебя нет веских причин увольнять меня.

— Если ты останешься... — Он тщательно выбирает слова. Мое ржавое сердце бешено бьется в груди, напоминая мне для разнообразия, что оно здесь, что оно все еще работает. — Я сделаю твою жизнь такой несчастной, что ты пожалеешь о дне своего рождения.

Наклоняясь вперед, я приближаюсь к нему так близко, что наши носы почти соприкасаются. Он пахнет сандалом, мхом и специями. Как темный лес. Ничего похожего на Рахима. Ничего похожего на Пола. Ничего похожего на кого-либо, кого я когда-либо знала.

— Я понимаю, мистер Корбин, что ты привык добиваться своего, поскольку люди либо боятся тебя, либо ненавидят, либо в долгу перед тобой. Ну, у нас на Юге есть поговорка. Ты выглядишь так, что на тебя скачут с трудом, а подставляют мокрое место.

Он хмурится.

— Звучит как грязная фраза для пикапа.

— Лошади сильно потеют, когда быстро бегут. Особенно под седлом. Хороший наездник всегда заботится о том, чтобы выгулять свою лошадь и дать ей остыть, прежде чем вернуть ее в конюшню. Затем почистить ее насухо. Ты... — Теперь моя очередь дать ему хладнокровный взгляд. Я не знаю, что на меня нашло. Я, как правило, хорошая, надежная, в старшей школе проголосовали за то, чтобы управлять благотворительностью. Но Арсен вынуждает меня освободиться. Он дикий и едва цивилизованный. И поэтому я решаю оставить свою богобоязненную девчонку за дверью. — Ты выглядишь изможденным. Конечно, ты по-прежнему одеваешься соответствующе, и твоя стрижка, вероятно, стоит больше, чем весь мой наряд, но в этих глазах нет света. Никакого дома. Я могу взять тебя, мистер Корбин. И ты можешь поставить свой последний доллар на то, что я смогу удержать себя в руках.

Поскольку я чертовски хорошо знаю, что это лучший монолог, который я когда-либо произносила, и он не был написан драматургом, я решаю уйти в отставку, пока у меня есть преимущество. Я обхожу его плечом, на пути опрокидывая стопку нот вместе с вазой с цветами. Мои руки трясутся. Мои колени соприкасаются.

Толкнув дверь, я говорю себе, что все почти кончено. Я почти вне опасности.

Но потом он открывает рот, каждое его слово словно пуля пронзает мою спину.

— Это должна была быть ты.

Я остановилась. Мои ноги превращаются в мрамор.

Двигайся, — отчаянно приказывает им мой мозг. Не слушай этого ужасного человека.

— Я думаю об этом каждый день. — Его голос плывет по комнате, словно дым, поглотив меня. — Если бы только тебе не дали эту дурацкую роль, она до сих пор была бы здесь. Все было бы хорошо.

Было бы?

Была бы Грейс по-прежнему его, даже если бы она уехала в Париж с другим мужчиной?

Был бы Пол по-прежнему моим? Даже если я не окажусь той женщиной, которую он хотел для себя, когда женился на мне? Действительно ли мы знали людей, которых любили?

— О, мистер Корбин. — Я горько улыбнулась, оглянувшись за плечо. — Может быть, ты и был бы счастлив, но этого не скажешь о своей невесте. Вот почему она была на том самолете в Париж. — Я наношу последний удар. — Быть любимым тем, кто умеет любить.

Наконец мне удастся передвигать ноги. Я ухожу до того, как падает первая слеза.

Но потом я вспоминаю: у меня больше нет простого удовольствия плакать.

ГЛАВА 13

Арсен

Я не знаю, что удивило меня больше. Увидеть Виннфред Эшкрофт в моих владениях или весь тот свежий гнев, который разгорелся во мне, когда ее голубые глаза встретились с моими с другого конца театра.

Боль, гнев, плотская агония с новой силой обрушились на меня. Как будто последних девяти месяцев и не было.

Она, кажется, неплохая актриса. Это, конечно, не имеет никакого отношения к тому, почему я решил оставить ее у себя. Как и ее маленькие трюки с подачей на меня в суд или утечкой информации в прессу. Все это были щенячьи укусы, которые должны были причинить боль, но ничего, кроме удовольствия, не вызывали.

— Давай вернемся в мой офис. — Ральф, мой адвокат по недвижимости, который пришел со мной в Калипсо Холл, чтобы дать мне приблизительную оценку того, сколько может стоить эта дыра, жестом показывает на улицу.

Мы стоим на тротуаре перед домом, который я унаследовал от Грейс. Большую часть года я игнорировал эту финансовую яму, в то время как я работал сверх нормы, чтобы пополнить список клиентов и использовать различные математические модели для принятия инвестиционных решений с аппетитными доходами. Бизнес процветает, что помогает мне забыть о том, что Грейс больше нет, по крайней мере, пока не вползает ночь, а вместе с ней и воспоминания.

— Дай мне секунду на размышление. — Я поднимаю ладонь к Ральфу, свободной рукой массируя висок.

Мне не особенно нравятся пьесы или любая форма неприбыльного искусства, и я не сентименталист. У меня нет причин держать этот театр. Единственным человеком, которому он нравился, была моя покойная мать, а что касается людей, то у нее была ужасная репутация.

Вот почему я пришел сюда сегодня. Чтобы получить номер, который я мог бы потом назвать потенциальным покупателям и избавиться от него. Приклеить его к моей покойной матери — это просто бонус.

— Конечно. Кофе, пока ты работаешь над своим серым веществом? — Ральф бросает большой палец за плечо, указывая на Krispy Kreme.

— Черный, без сахара.

Как твое сердце, — раздраженный голос Винни звучит в моей голове. Она там сейчас?

— Есть. — Он отдает честь и исчезает внутри.

Ральф снова выскакивает из Krispy Kreme и протягивает мне белую чашку.

— Готов поговорить о больших цифрах? — Он одаривает меня веселой улыбкой. — Давай пройдемся. Мой офис в конце квартала, и Бекки всегда пилит меня по поводу моих десяти тысяч шагов в день.

— Вообще-то, я решил все обдумать.

Подавившись кофе, он закашлялся.

— Что обдумать?

— О продаже.

— Что? Почему?

— Не думал, что мне нужно обосновывать свои решения с тобой, Ральфи.

— Нет! — Он взмахнул рукой, покраснев. — Ты просто казался таким уверенным...

— Единственное, в чем я сейчас уверен, так это в том, что мне плевать на твое мнение.

— Ладно, ладно. Просто держи меня в курсе, ладно?

Я поворачиваюсь на каблуке и направляюсь к своей квартире.

Причина, по которой я решил избавить Виннфред от работы, проста. У меня все еще есть вопросы о той ночи, которая изменила мою жизнь.

А Винни? У нее могут быть ответы.

ГЛАВА 14

Винни

Крисси кладет кусочек своей фокаччи с розмарином на мою тарелку. Я заканчиваю кушать свою неаполитанскую пасту.

— Спасибо. Хочешь моей пасты?

— Хочу? Всегда. Должна? Не в этой жизни. — Крисси стонет, делая глоток своего жиросжигающего чая. — Тебе нужно поесть, и хорошо. В противном случае твоя семья привлечет меня к ответственности.

— Ма полностью лает и не кусается. Не обращай на нее внимания. — Я знаю, что моя бесстыдная семья пишет обо мне Крисси по электронной почте, прося еженедельные новости о моей жизни. Я также знаю, что Крисси наслаждается этим. Ей нравится быть моим лучшим другом/спасителем.

— Однако она не ошибается. Ты вся кожа да кости. — Мой агент бросает на меня обеспокоенный взгляд. — Разве ты не слышала, что героиновый шик закончился? Это наша эпоха, девочка. Изгибы на мили и аппетит — в моде.

— Как будто я позволю людям в Vogue говорить мне, сколько я должна весить, — фыркаю я.

Мы решили быстро перекусить перед моей репетицией. Мы пригласили Арию, но она была слишком занята работой, чтобы прийти. Прошла неделя с тех пор, как Арсен вошел в театр и заставил меня шататься. С тех пор он не посещал это место, но и не уволил меня. Когда Рахим, Слоан и Рене спросили меня, почему он отвел меня в сторону, я солгала и сказала, что он хочет убедиться, что со мной все в порядке после моей судороги в ноге.

Знаете, ответственность за здоровье и безопасность. Последнее, что ему нужно, это чтобы мы получили травму и жаловались на покосившееся дерево на сцене.

Я ненавижу ложь. Не только из-за моральных последствий. Я ужасный лжец. Причина в том, что у меня очень плохая память. Но никто не может узнать, что связывает нас с Арсеном. Я не хочу, чтобы меня жалели, шептали, осуждали; больше всего я не хочу, чтобы они думали о Поле самое плохое. Не тогда, когда даже я все еще не могу переварить мысль о том, что он был неверен.

Крисси откладывает вилку и бросает на меня пристальный взгляд. Тот самый, который Ма усовершенствовала, когда я училась в старших классах и улизнула целоваться с Рисом сразу после воскресной церкви.

— Винни, нам нужно поговорить.

— О, я знаю эту строчку. — Я ломаю еще один кусок хлеба, макаю его в оливковое масло с уксусом и кладу в рот. — Ты не можешь расстаться со мной, Крис. Ты единственный мой друг в этом богом забытом городе.

— Ты должна двигаться дальше. — Она остается серьезной.

— Двигаться дальше? — Я задыхаюсь, искренне потрясенная этой идеей. — Прошло

меньше года!

Она не может серьезно иметь в виду, что я должна встречаться снова. Может быть, она думает, что мне следует завести домашнее животное или чаще выходить на улицу. Не то чтобы эти идеи кажутся более привлекательными, чем свидания — ничто не звучало привлекательно с тех пор, как Пола не стало, — но, по крайней мере, они не возмутительны.

— Не надо мне этого. — Крисси делает глоток своего пахучего жиросжигающего чая. — Пол не был каким-то замученным святым. Он был жуликоватым подонком.

— Это чистая спекуляция. Мы этого не знаем, — выдавливаю я.

— Да. — Крисси хлопает стаканом по столу. — Ты не знаешь. Все вокруг знают. Они просто ничего не говорят, потому что ты уже достаточно натерпелась.

Мои родители и сестры думают так же? Что у Пола был роман?

— У тебя нет причин сидеть и тосковать по нему. Заказывать ему еду, выполнять весь предаварийный ритуал, — убежденно говорит она, поворачиваясь на стуле, чтобы дать знак нашей официантке принести чек. Ее глаза остаются на мне.

Ага. Крисси могла или не могла уловить, что я продолжаю традицию брать еду на вынос с Полом.

— Смотри. — Я стону. — Даже если он изменял мне — чего я не утверждаю, — у нас была общая история. Мы прошли через многое. Я не могу просто забыть о нем. Это не так просто.

— Именно так! Еще одна причина, почему ты должна двигаться дальше. Если он так поступил с тобой после всего, через что ты прошла, то мне жаль, но его нельзя ни прощать, ни оплакивать. Никто не осудит тебя, если ты будешь жить дальше.

Вкусная еда на вкус как грязь во рту. Официантка подсовывает чек между нами. Я пытаюсь схватить его, но Крисси оказывается быстрее. Она ухмыляется, шевеля бровями, кладет кредитную карту в черный кожаный держатель купюр и возвращает официантке.

— Суть в том, что тебе пора двигаться дальше, пока мир не ушел без тебя. Трудные времена никогда не длятся долго, дорогая. Суровые люди, однако... — Крисси хлопывает меня по руке, а официантка спешит со своей кредитной картой. — Жизнь прекрасна и дика, и она не ждет, пока ты решишь в ней участвовать. Тебе нужно прыгнуть в воду с головой. И когда ты это сделаешь? Не забудь сделать всплеск.

Через час я иду в «Калипсо Холл» на репетицию. Поскольку заведение закрыто до начала утреннего шоу, Джереми, дневной охранник, открывает мне дверь.

— Мисс Эшкрофт. Прекрасный день, не так ли? — Он приветствует меня.

Я улыбаюсь в ответ, протягивая ему бискотти и кофе, которые я купила в итальянском магазине, прежде чем прийти сюда.

— Самый милый, Джереми. Вот. Надеюсь, это подсластит твой день.

— Ты слишком добра для этого города, Виннфред. — Он вздыхает.

Я пробираюсь за кулисы. Джереми отчаянно машет рукой, чтобы остановить меня.

— Эй, подожди, мисс Эшкрофт! Ты видела это? Впечатляет, не правда ли?

Я оборачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с чем-то, чего я не знаю, как я пропустила, когда вошла. Это постер «Чайки» от пола до потолка. Вместо того, чтобы показать всех

актеров, это крупный план Рахима и меня.

«ЧАЙКА» АНТОНА ЧЕХОВА.

В РОЛЯХ: РАХИМ ФАЛЛАХА, ВИННФРЕД ЭШКРОФТ, РЕНИ ХИНДС, СЛОАН БАРА

На кадре я смотрю в камеру, Рахим стоит позади меня и шепчет мне на ухо. Это красиво, нежно и эротично. Но я не могу получить от этого никакого возбуждения и удовольствия. Мое сердце не пропускает удар и не бьется быстрее. Это вершина моей карьеры — то, что заставило бы прежнюю меня подпрыгнуть от волнения, обнять Джереми, поцеловать плакат, сделать фотографии и отправить их всем в моем списке контактов.

Я чувствую себя такой пустой, что мне хочется кричать, просто чтобы чем-то наполнить свое тело.

Пролить слезу. Только одну. Чтобы показать себе, что ты можешь. Ты же актриса, черт возьми!

— Молодец, мисс Эшкрофт. — Джереми наклоняет шляпу в мою сторону. — Заслуженно.

Каким-то образом я прохожу всю репетицию, не расстроившись из-за того, что не расстроилась из-за афиши. Я когда-нибудь снова почувствую что-нибудь? Радость? Удовольствие? Зависть? Ненависть? В этот момент я готова на все.

Рахим в приподнятом настроении. Он спешит полюбоваться нашим плакатом, когда наступает время нашего перерыва.

— Насколько грустно, что это место настолько отстойное, что мы волнуемся из-за плаката? — Рахим цокает языком, еще раз осматривая себя на этой штуке от пола до потолка. — Ты знаешь, сколько денег они вложили в маркетинг Гамильтона?

Между репетициями Лукас ходит как павлин. Судя по всему, впервые за двадцать лет на премьеру в Calypso Hall приедут настоящие критики. Он улыбается и смеется вместе с технической бригадой, не жалуется, когда двое звукорежиссеров уходят домой пораньше, и обнимает сценографа, когда она случайно ломает реквизит.

Когда репетиция окончена, Рене и Слоан спешат на любительскую постановку общего друга, премьера которой состоится сегодня вечером.

— Увидимся завтра, Вин. О, и моя девушка благодарит за подсказку с печеньем. — Рахим целует меня в щеку, тоже уходя. — Желток и коричневый сахар? находка!

— Скажи ей, чтобы звонила мне в любое время. Эта штука полна лайфхаков с рецептами. — Я стучу в висок. — Но помни, не делись профессиональными секретами со своим валяльным клубом!

Он смеется, разворачиваясь и направляясь к двери. Я иду в свою гримерку.

Это крошечное пространство за кулисами, но оно все мое. Я закрываю за собой дверь, прижимаюсь лбом к прохладному дереву двери и делаю очищающий вдох.

— Ты в порядке. Все хорошо, — говорю я себе вслух.

— Я позволю себе не согласиться, — протягивает кто-то позади меня, заставляя меня выпрыгивать из кожи. — Не многие люди, которые разговаривают сами с собой, считаются нормальными.

Голос, насмешливый и веселый, принадлежит единственному мужчине, к которому у меня есть какие-то чувства в эти дни. Чистое отвращение, если быть точным. Я нахожу Арсена сидящего на ободранной желтой кушетке, скрестив одну ногу на другой, неприступный император, каким он и является.

— Мистер Корбин, какой сюрприз. — Мое сердце колотится в груди. Я впервые за

много месяцев чувствую орган, и мне не нравится, что причиной тому этот байронический, замученный человек. — Что привело тебя в мою маленькую берлогу?

— Сейчас я между встречами. Я подумываю обзавестись квест-комнатой в Брайант-парке. Тема средневекового подземелья. Они, кажется, в моде.

— Спасибо, что поделился. Это многое значит. Теперь позволь мне быть конкретной. Что ты делаешь в моей примерной? — Я собираю волосы в хвост.

— Твоей примерной? — Он скептически выгибает бровь. — Я и не подозревал, что ты так яростно ею владеешь. Выросла с братьями и сестрами, да?

Да, но я не собираюсь доставлять ему удовольствие, делаясь с ним этой информацией. Кроме того, я ненавижу его тон всегда дружелюбный и насмешливый, как будто он может терпеть меня больше, чем я его.

— Ты тоже вырос с сестрой. Хотя я не могу сказать, что ты относился к ней по-братски. — Я скрещиваю руки на груди, прислонившись к двери. — Переходим к делу. У меня есть дела на сегодня.

— Я не знал, что тебя учат сарказму в Стране Бога, деревенщина. — Он проводит рукой по своему спортивному бедру, и я сопротивляюсь желанию следить за его движением глазами. — Думаю, пришло время обменяться заметками о том, что произошло той ночью. — Он кладет руку на спинку дивана. — Все, что мы узнали в последствии. Я покажу тебе свою, а ты мне свою, так сказать.

— Мне не нравится, когда ты мне что-то показываешь. — Я морщу нос.

По правде говоря, я хочу это сделать. Очень сильно. Количество раз, когда я подумывала обратиться к этому человеку, чтобы спросить его о том, что он знает, бесчисленно. Но я также не доверяю его намерениям, учитывая нашу короткую историю.

Его губы искривляются в ухмылке.

— Сколько "Аве Мария" тебе нужно сказать за ложь, Виннфред?

— Я не вру.

— Лжешь. — Его ухмылка становится шире. — Я знаю, потому что твои губы шевелятся.

— Даже если я захочу обменяться записками, — я закатываю глаза — откуда мне знать, что ты скажешь правду? Ты можешь солгать, просто чтобы позлить меня. А что, если я выполню свою часть сделки, а ты будешь выкручиваться?

— У меня нет особого интереса причинять тебе боль, — спокойно уверяет он меня. — И не хочу причинять тебе боль. Я просто хочу составить наиболее точную картину того, что произошло.

— И ты хочешь получить эту информацию от — цитирую — охотницы за золотом вроде меня? — Я не могу скрыть обиду от своих слов.

— Виннфред, дорогая! — Он наклоняет голову, заливаясь смехом. Я очень хочу его заколоть. Прямо в горло. — Не говори мне, что ты обиделась? Дорогая моя, то, что ты золотоискательница, не принесет тебе ничего, кроме плюшек от меня. Не забывай, что я работаю на Уолл-стрит, где жадность приветствуется и даже прославляется.

— Ты ужасный человек. — Я качаю головой.

— Спасибо. В любом случае, как я уже сказал, у меня есть несколько свободных минут и кое-какая информация, которая, я уверен, тебя заинтересует. Я понял, что репетиция Лукаса окончена, так что, если тебе захочется обменяться заметками, сейчас самое подходящее время.

Я щупаю подбородок, мое любопытство возбуждено. Потребность знать, что произошло, больше, чем желание прилепить это к нему. Кроме того, мне больше негде быть прямо сейчас. Мой график широко открыт и состоит в основном из разглядывания стен в моей квартире.

— Все в порядке. — Я пересекаю крошечное пространство между дверью и туалетным столиком и плюхаюсь на стул напротив него. — Но поторопись.

Он качает головой.

— Не здесь.

— Почему?

— Нас могли увидеть.

— И? — Я прищуриваю на него глаза.

— И я не хочу связываться с тобой по многим причинам, и все они весьма логичны. — Он произносит это для меня. — Главное из них что, технически говоря, я твой работодатель. Мы не должны находиться вместе в закрытой комнате.

— Господи, работодатель. Это громкое слово для того, кто едва платит нам здесь минимальную заработную плату.

Он снова усмехается, довольный проблемой, которую я ему причиняю.

— Это свободная страна. Если ты хочешь работать где-то еще, я буду последним, кто будет тебя останавливать.

— Я не пойду к тебе в квартиру. — Возвращаю разговор к его первоначальной теме.

— Ты ранила меня, деревенщина. — Он встает, застегивая блейзер. — Я бы никогда не пошел на поводу у сотрудника. Это дурной вкус и сомнительная этика.

— Разве это не твои определяющие черты? — Я выгибаю бровь.

На это он всю смеется.

— Я вызову два разных такси. Какой у тебя размер штанов?

— Хм, дай посмотреть. — Я поворачиваюсь на сиденье, дергая ярлычок с размером на джинсах. — Здесь сказано, что это не твое дело.

Еще один искренний смех вырывается у него.

— Приношу свои извинения за то, что расстроил твои южные представления. Видишь ли, здесь, в Нью-Йорке, женщины не позволяют размеру платья определять их.

— Мой размер не определяет меня. Меня определяет мое право не отвечать на твои личные вопросы.

— В любом случае, ты меня подкальываешь, просто для смеха. — Его улыбка — когда она сделана правильно — может заставить женщину ослабеть в коленях. Ямочка, мальчишеская, с правильной долей язвительности. У бедняжки Грейс не было никаких шансов. Интересно, занимались ли они сексом, находясь под одной крышей? Конечно, да. Ну, это довольно горячо.

С каких это пор я думаю о горячих вещах?

— Маленький или средний. — Я поджимаю губы. — Теперь моя очередь задать вопрос — сколько тебе лет?

— Точно? Тридцать пять, семь месяцев, три дня и... — Он смотрит на часы. — Одиннадцать часов, плюс-минус.

Он кажется мне намного старше, а мне двадцать восемь. Может быть, потому что у него такая аура.

— Такси приедет за тобой через восемь минут. Но сначала иди переоденься в мужскую

одежду, — инструктирует Арсен, вставая.

— Что не так с моей нынешней одеждой? — Я смотрю вниз. На мне розовая майка и повседневные джинсы от GAP. Мои сандалии — поношенная пара от Лиззи.

— Ничего особенного, — спокойно уверяет он меня. — И все же мне нужно, чтобы ты выглядела немного более мужественной.

— Мужественной?

— Да. Тебе нужно одеться как мужчина.

— Куда, черт возьми, ты меня ведешь?

Он уже за дверью, спиной ко мне.

— Вот увидишь.

Такси останавливается перед белым зданием изящных искусств. Он огромный и потрясающий и выглядит древним. Что это такое? Гостиница? Офисное здание? Мои чувства зашкаливают. Такого количества адреналина в моих венах не было с тех пор... с...

Никогда. Никто никогда не выталкивал меня так далеко из моей зоны комфорта.

— Приехали, сэр, — объявляет таксист.

Сэр. После моего странного разговора с Арсеном я пошла и взяла одежду из кучи дополнительных материалов для мюзикла викторианской эпохи. На мне хлопковая рубашка цвета слоновой кости, двубортный жилет, смокинг и несколько брюк. Мои волосы убраны в коричневую кепку мальчишки-газетчика, скрытую от глаз. Я почти уверена, что похожа на Оливера Твиста.

Я толкаю дверь такси и иду к зданию по две ступеньки за раз. У меня нет номера Арсена, так что я понятия не имею, он уже внутри или нет. Когда я подхожу к большой черной двери, я вижу на ней золотую этикетку.

НОВЫЙ АМСТЕРДАМ.

КЛУБ ДЛЯ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ.

ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ КЛУБА.

Я понятия не имела, что джентльменские клубы все еще существуют. Я поднимаю кулак, собираясь постучать в дверь, когда позади меня раздается громкий голос.

— На твоём месте я бы этого не делал.

Я оборачиваюсь, и, конечно, это Арсен, который имеет привычку материализовываться из воздуха, как демон, и рассказывать о каждом моем шаге. Здесь, в бетонных джунглях Манхэттена, при естественном дневном свете, я вынуждена увидеть, что он не просто мужчина, но и поразительный мужчина. Его густые иссиня-черные волосы, квадратная челюсть, выдающийся подбородок и высокие скулы придают ему привлекательность джентльмена старой эпохи.

— Какой-то странный взгляд, деревенщина. — Его довольный голос странно затягивает. Интересно, он уже отошел от Грейс? Встречается ли он с кем-то еще. Почему-то я думаю, что нет. Арсен из тех людей, у которых очень специфический вкус.

— Ты сказал одеться как мужчина. — Я хмурюсь.

— Тот, кто родился в этом веке.

— Извини, у нас закончились хипстеры из Бруклина в клетчатых рубашках, с

навощенными бородами и в очках Warby Parker, — огрызаюсь я.

Он проходит мимо меня, чтобы ввести секретный код в электрический замок двери.

— Ты меня забавляешь, Виннфред. Ты еще не отказалась от своей странной индивидуальности, чтобы приспособиться. Эта раскованная, невинная атмосфера? Он растет на мне.

— Я уверена, что под всей этой покровительственной чепухой был комплимент, но если все в порядке, я бы хотела, чтобы отношения между нами оставались профессиональными. — Я отхожу от него, просто чтобы доказать себе, что я не польщена. И действительно, я не такая.

— Что ж, пришло время найти хорошее применение твоим актерским способностям, потому что, если они узнают, что ты женщина, есть крошечный, крошечный шанс, что тебя арестуют за вторжение.

— Прошу прощения? — грежу я, обнаруживая, что меня снова раздражает этот невозможный человек. — Что же ты такое...

Он толкает дверь плечом и слегка толкает меня внутрь. Я вникаю в ситуацию. Этот огромный коридор, все известняковые столбы и колонны и богатые бежевые ковры. Мимо нас проходят мужчины в костюмах и дорогой одежде для гольфа. Некоторые из них кивают в знак признательности Арсену. Все выглядят как разновидности друзей Пола с Уолл-стрит.

Я следую быстрым шагам Арсена, пытаюсь обуздать панику.

Пот собирается у меня под мышками и на затылке.

— А если меня поймают? — Я шепчу-кричу ему.

— Просто скажи, что ты Юпитер.

— Юпитер? — спрашиваю я в замешательстве.

— Что ты уборщица. Ты знаешь, что Юпитер всасывает и поглощает кометы и метеоры? По одной из оценок, которые я читал, если бы Юпитер не всасывал объекты в свою сферу, количество массивных снарядов, падающих на Землю, было бы в десять тысяч раз больше.

— Это...хорошо знать.

Арсен подходит к обширной приемной.

— Кори, мне нужно личное пространство для нас с племянником. Что доступно? — Он щелкает пальцами мужчине за стойкой регистрации.

— Мистер Корбин. — Кори улыбается, печатая на клавиатуре. — Я не знал, что у тебя есть племянники. Он откуда?

— С деревни. — Арсен машет рукой. — Он впервые в Нью-Йорке. Он немного ошарашен.

Он сейчас ударит тебя в спину, если ты не будешь осторожна.

— У нас есть бильярдная номер два или теннисный корт.

Арсен устремляет на меня ястребиный взгляд.

— Бильярдная. — Я понижаю голос. Я отлично играю в бильярд. Рис научил меня, когда мы встречались. Мы даже вместе выиграли несколько любительских турниров.

Кори, который меня слышит, указывает на правую сторону фойе.

— Джентльмены, надеюсь, вам понравится это заведение и Манхэттен.

Пять минут спустя мы оказываемся в пустой бильярдной, полной полок со старинными книгами и полностью укомплектованном винном баре. Вокруг нас разбросаны кожаные кресла.

Арсен шагает за стойку, явно в своей естественной среде обитания.

— Что я могу дать тебе за твои хлопоты, мой дорогой племянник?

Я оглядываюсь вокруг, все еще загипнотизированная. Я не вступала в мир богатых и коррумпированных с тех пор, как умер Пол. Я не пропустила это, но я забыла, как это заставило меня чувствовать. Как будто я ношу чужую кожу.

— Все, что я обычно не могу себе позволить. — Я пожимаю плечами.

— Они не держат эксклюзивные вещи в открытом баре. Давай посмотрим. — Он проводит пальцем по ряду бутылок. — Подойдет ли Боумор?

Я пригвоздила его взглядом "что это?"

Еще одна разрушительная ухмылка.

— Шотландское. Односолодовое. Примерно твоего возраста.

— А сколько, по-твоему, мне лет?

— Двадцать.

— Восемь, — поправляю я. Двадцать восемь.

— Тебе восемь? Что ж, могу я предложить посетить дерматолога? Ты, конечно, выглядишь старше половой зрелости, и теперь я чувствую себя виноватым за то, что в Италии у меня возникали нехорошие мысли о тебе.

Правда, и что дальше? Я задвигаю эту информацию на задворки сознания — нет никакой уверенности в том, что это правда, — и отправляюсь в путешествие по парадной комнате.

Арсен наливает каждому из нас по стакану, подходит и протягивает мне мой. Я делаю медленный глоток. Янтарная жидкость поначалу теплая, прожигает путь вниз по моему горлу. Затем мои конечности окутывает спокойное чувство, как будто я только что приняла расслабляющую ванну.

Он машет рукой, которая держит виски, к стульям.

— Садись.

— Я хочу играть.

Я не делала ничего веселого с тех пор, как умер Пол. Теперь, когда я здесь, я думаю... почему нет? Все остальное в этой ситуации странно. Конечно, вытащить из этого партию в бильярд не будет таким ужасным предательством по отношению к моему покойному мужу.

— Я не хочу.

— Почему? — спрашиваю я, глотая еще жидкости.

— Я никогда не играю, чтобы проиграть.

Меня освежает то, что он не считает меня плохим игроком, как многие мужчины до него.

— Ты можешь не проиграть. — Слизываю остатки виски с нижней губы.

— Я проиграю. — Кажется, он совершенно спокойно относится к своим слабостям, что тоже интересно.

— Откуда ты знаешь?

— Ты еще ни разу не загнала себя в угол. — Он шагает по комнате спиной ко мне и осматривает книжные полки. — Если ты хочешь играть, значит, у тебя это хорошо получается.

Может, дело в виски, а может, просто в том, что я давно не общалась ни с кем, кроме Крисси, Арьи и моих коллег, но вместо того, чтобы отпустить ситуацию, я беру кий. Подойдя к пушистому зеленому столу, я ставлю на него треугольную стойку.

— Ты, маленькая бунтарка, — говорит Арсен, подхватывая кий. — Хорошо, я поиграю.

— Прошло некоторое время с тех пор, как я делала что-то веселое. — Я поправляю шляпу, заправляя внутрь ленту из светлых клубничных волос.

— На что мы играем? — Он спрашивает.

Я думаю об этом.

— Если я выиграю, я хочу, чтобы ты оплатил огромный рекламный щит и рекламировал "Чайку". Ну, знаешь, один из шикарных рекламных щитов на Таймс-сквер. Минимум три дня.

— Я сделаю лучше. Целую неделю, лучший квартал. И если я выиграю, ты уйдешь, — отвечает он, стоя на противоположной от меня стороне бильярдного стола.

Во рту взрывается кислинка. Он все еще хочет, чтобы я ушла.

— А я-то думала, что ты немного человек, — фыркаю я. — Я должна была...

— Виннфред. — Он ухмыляется, довольный.

— Что?

— Я не выиграю.

— Но ты...

— И просто для протокола: мне нравится, что из всего, что я мог сделать для «Калипсо Холл» — отремонтировать полы, сиденья, покрасить стены свежим слоем — ты выбрала что-то для себя. Очень красноречиво. Я нахожу альтруизм такой скучной чертой.

Я неистово краснею, потому что он прав. Я могла бы попросить его починить театр. Я никогда не считала себя эгоистом, но что-то в этом человеке побуждает меня хотеть получить что-то для себя. Может быть, потому, что он так беззастенчиво эгоистичен.

Он берет мою обмякшую руку в свою, трясет ее и начинает играть.

Арсен, на самом деле, исключительно плох в этом. Он не извиняется и не расстраивается, как это делал Пол, когда доказывал, что недостаточно хорош в метании топора или баскетболе. Напротив. Каждый раз, когда я засовываю очередной шар в лузу, он радостно смеется. Я никогда не уверена, смеется ли он со мной, из-за меня или надо мной. Но впервые за несколько месяцев мне действительно весело, поэтому я предпочитаю не спрашивать.

Первые несколько минут мы играем молча. Поэтому я почти застигнута врасплох, когда он начинает говорить.

— Я полагаю, наша отправная точка заключается в том, что мы оба согласны, что у них был роман.

Мой кий спотыкается о поверхность, образуя шлейф лысины, когда я теряю хватку. Я выпрямляюсь.

— Нет. Мы не согласны.

— Они трахались. — Арсен отступает, его голос ровный и низкий.

— Почему? Потому что ты всегда предпочитаешь верить в худшее о людях? — Я опираюсь на свой кий.

— Не менее девяти месяцев. — Он игнорирует мой вопрос.

— Девять месяцев? — Что-то внутри меня ослабевает. Это не может быть правильным.

— Да. — Наступает очередь Арсена, который забивает полосатый красный шар прямо в лузу.

— Откуда ты знаешь? — Я пытаюсь наклонить палку по столу, и она снова соскальзывает.

Если это правда... если Арсен говорит правду... тогда это значит...

Впервые за несколько месяцев я чувствую. О, я чувствую. Злость. Гнев. Боль. Я хочу крови Пола. Я хочу воскресить его и снова убить. Как он мог сделать это со мной? Как он мог?

Не то чтобы я этого не подозревала. Просто до сих пор я говорила себе, что могут быть и другие объяснения. И я продолжала думать, что даже если у них и был роман, он был не долгим. Не постоянным. Может быть, месячной давности.

— Я нанял частного детектива. — Он скрещивает лодыжки. — Грейс и Пол часто останавливались в отеле недалеко от их офиса. Все квитанции за девять месяцев до авиакатастрофы. Все оплачивалось наличными.

Я с шумом бросаю кий. Я шатаюсь к бару, чтобы наполнить свой пустой стакан из-под виски до краев еще ликером, как будто это сладкий чай. Я делаю глоток.

— Когда самая ранняя квитанция?

Лицо Арсена непроницаемо, пустая маска.

— Тринадцатое сентября.

— Тринадцатое, говоришь?

Он кивает. Я закрываю глаза, желчь накрывает горло.

— Мне не хватает контекста здесь. — Голос Арсена проникает в мое тело. — Что важного в этой дате?

Я качаю головой. Это слишком личное. Кроме того, это не имеет ничего общего с тем, почему мы здесь.

— Мне нужна минутка. — Я ставлю свой стакан, мой напиток расплескивается повсюду. — Где туалет?

Он молча указывает мне направление. Я пробираюсь туда в оцепенении. Я запираюсь в одной из кабинок, срываю с груди жилет, запихиваю его в рот и кричу в него, пока мои голосовые связки не пересохнут. Я кусаю ткань, пока мои десны не начинают кровоточить.

Я хочу сжечь весь Нью-Йорк дотла. Чтобы вернуться в прошлое. Остаться в Теннесси, в комфорте моей семьи. Я могла бы прожить хорошую жизнь. Да, я не стала бы актрисой на Бродвее, но сейчас я ею не являюсь. По крайней мере, у меня был бы Рис — милый, надежный, благородный Рис — и стабильная работа в старшей школе, и люди, на которых можно было бы опереться, когда дела пойдут плохо.

Несмотря на всю эту боль, всю эту душевную боль, я не могу найти слезы. Я быстро моргаю, пытаюсь вызвать влагу в глазах, но безрезультатно.

— О, Пол! — Я вою в кабинке, ударяя кулаком в стену. — Ты мудака!

Дав себе несколько минут на то, чтобы собраться, я возвращаюсь в бильярдную. Арсен ждет там, где я его оставила, у бильярдного стола в царственной позе.

Когда я вхожу, он хмурится.

— На что ты смотришь? — Я набрасываюсь. — Никогда раньше не видел, чтобы у кого-нибудь был нервный срыв?

— Я видел многое. И не поверишь, но твой мне даже особой радости не доставляет, — сухо говорит он. — Но твоя шляпа снята, как и жилет. Я так понимаю, ты хочешь провести ночь в полицейском участке.

Я смотрю вниз и понимаю, что он прав. Я засунула жилетку в мусорное ведро после того, как истекла кровью в туалете, и теперь видно, что под моей хлопчатобумажной классической рубашкой у меня есть грудь. Мои светлые волосы рассыпались по плечам.

Тем не менее, я не могу собрать достаточно энергии, чтобы заботиться об этом.

Я возвращаюсь к своему стакану с виски, делаю еще глоток и падаю в кожаное кресло.

— Расскажи мне что-нибудь хорошее о космосе.

— Что? — Он поднимает бровь. Я застала его врасплох.

— Отвлеки меня! — Я рычу.

— Ладно. Закрой глаза.

Невероятно, да. Мне нужна секунда, чтобы вздохнуть, даже если сейчас моим назначенным терапевтом является сам Сатана.

— Около трех миллиардов лет назад Марс, вероятно, выглядел как тихий курорт у океана. На Марсе есть несколько интересных окаменелостей и кратеров, которые позволяют предположить, что через него протекала река. Это означает, что, возможно, на Марсе была жизнь. Может быть, не такой, какой мы ее знаем, но, тем не менее, жизнь.

— Ты веришь в инопланетян? — бормочу я, глаза все еще закрыты.

— Верю в них? — удивленно спрашивает он. — Я никого не знаю, поэтому трудно сказать, что я им доверяю. Верю ли я в их существование? Конечно. Вопрос в том, достаточно ли они близки, чтобы их можно было обнаружить, и, что более важно, хотим ли мы их обнаружить?

— Ага, — вздыхаю. — Возможно, нет. Люди подвели нас. Зачем испытывать удачу с другими видами?

Он смеется, и я понимаю, что его странно развлекает мой юмор.

— Я действительно думаю, что это только вопрос времени, когда мы найдем биологию где-то за пределами планеты Земля. Крайне напрасно думать, что мы одни в пространстве из миллиардов галактик, состоящем из большего количества звезд, чем песчинок, и миллиардов планет.

— Я не хочу с ними встречаться, — говорю я.

— Я не думаю, что ты встретишь их. Во всяком случае, не при нашей жизни.

— Спасибо, — говорю я.

— За что? — он спрашивает.

— За то, что я отвлеклась от той вещи, о которой я подумала, когда ты сказал «тринадцатое сентября».

Между нами короткое молчание. Я первая, кто снова говорит.

— У Пола была квартира в Париже.

— Приезжала туда? — Арсен садится напротив меня, вдруг внимательный и живой.

— После его смерти я начала заботиться о счетах. Он хорошо разбирался в числах, так что обычно это была его юрисдикция. Одним из неоплаченных счетов была просроченная арендная плата за квартиру в восьмом округе. — Я смотрю на дно стакана.

— Район Елисейских полей, — добавляет он.

Я киваю.

— Хорошая география. Я нанесла это на карту Google.

Арсен обдумывает мои слова. Я могу сказать, что он уже переваривает эту информацию, складывая ее в головоломку в своей голове.

— Не смотри на меня так, — шиплю я, защищаясь. — Его родители строят дом в Провансе. Я думала, он помог им с жильем, со всей этой волокитой.

Теперь, когда я говорю это вслух, это звучит как слабое оправдание. Почему Пол скрывает от меня такие вещи? Не говоря уже о том, что Прованс даже близко не стоит с

Парижем.

— Разве он не сказал тебе, что забронировал номер в парижской гостинице? — Он спрашивает. — В тот раз ты должна была отправиться с ним в романтическое путешествие?

— Ну, да. — Я прикусываю нижнюю губу.

— Ты когда-нибудь видела эти брони в отелях?

— Теперь, когда я думаю об этом... — Я делаю еще один глоток. Я не видела. Я поверила Полю на слово.

Арсен смотрит на меня, но ничего не говорит. Ему это не нужно. Я уже чувствую себя достаточно глупо.

— Он никогда не собирался брать меня с собой. — Я позволила своей голове опуститься между плечами.

— Возможно, он знал, что ты получишь эту работу. Это было небольшое производство, не так ли? Он мог бы даже потянуть за несколько ниточек, чтобы это произошло. Silver Arrow Capital имеет широкий круг клиентов. Некоторые из них находятся за пределами Бродвея.

Наклоняясь вперед, я закрываю лицо руками. Мои волосы рассыпаются по обе стороны от меня. Арсен ничего не говорит. Я не ожидаю, что он заговорит. В некотором смысле, я даже предпочитаю это. Я устала от пустых слов. Количество клише, которое бросают в меня, утомительно.

Все наладится, детка.

Это тоже пройдет.

Ты пробовала терапию? Это сделало чудеса для моей племянницы...

— Мистер Корбин? — Я слышу голос Кори. — Я просто хотел убедиться, что все вас устраивает...

Слова умирают во рту. У меня закружилась голова. Я знаю, что меня поймали. По моим волосам и худощавому телосложению он видит, что я женщина. Я смотрю Кори в глаза. Арсен встает. Он собирается что-то сказать. Я не хочу оставаться, чтобы узнать, в какие неприятности я попала. И я определенно не проведу ночь в тюрьме. Я хватаю сумку и выбегаю за дверь, толкая Кори. Его спина ударяется о стену.

— Прости, прости, — бормочу я. — Мне очень жаль.

Я не оглядываюсь назад.

Я не отступаю, когда слышу, как Арсен зовет меня по имени.

Я продолжаю бежать, пробивая двери, коридоры, воздух, расталкивая гостей, официантов и служащих. Я выплескиваюсь на улицу и кладу руки на колени, солнце палит мне в спину.

Пол изменял мне.

Крисси была права. Он никогда не любил меня.

Когда я возвращаюсь домой, мой автоответчик мигает красным. Несмотря на то, что я устала, я решаю прослушать сообщения. Я всегда могу перезвонить Ма завтра, и услышать дружелюбный голос, возможно, пойдет мне на пользу.

Я нажимаю кнопку, направляясь к посудомоечной машине, затем выуживаю чистый

стакан и наполняю его водой из-под крана.

Голос, наполняющий мою комнату, не принадлежит никому из членов моей семьи, но я могу узнать его во сне.

— Винни? Эм, да. Привет. Это Рис. — Пауза. Неудобный смех. Что-то сжимается в моем сердце, разрывая его, позволяя ностальгии просочиться внутрь. — Мы не разговаривали с тех пор, как я приехал на похороны Пола. Я не знаю, почему я звоню. — Еще одна пауза. — Вообще-то да. Я знаю. Я хотел спросить как ты. Я знаю, что ты только что получила огромную роль — поздравляю, кстати. Разве я не говорил, что ты слишком большая для этого города? — Его мягкий смех звенит в моей квартире, как церковные колокола, возвращая меня к уюту, к знакомому дому. — В любом случае... просто говорю. Твоя мама дала мне этот номер. Не торопись возвращаться, я думаю, ты там очень занята. Дела дома в порядке. Нормально. Скучно. — Еще один смешок. — Думаю, я всегда был скучным. Это была моя проблема, да? Так что да. Позвоните мне. Скучаю по тебе. Пока.

Сообщение заканчивается. Стекло выскальзывает из моих пальцев и с грохотом разбивается об пол.

Рис Хартнетт ошибается. Он никогда не был скучным. Он всегда был идеальным в моих глазах. Но совершенство — это то, от чего легко отказаться, когда тебе восемнадцать, ты только что получил письмо о зачислении из Джульярдской школы, а мечты в твоей голове растут дикими, длинными и свободными, как сорняки.

Проходит еще одно сообщение. На этот раз от Лиззи, моей сестры.

— Эй, Вин! Это была горячая минута, поэтому я подумала, что узнаю, что с тобой происходит. Мы тебя любим. Мы скучаем по тебе. Кенни хочет передать привет своей любимой тетушке. Верно, Кенни? — Детский смех наполняет мою квартиру, заставляя мой пустой желудок сжиматься.

— Здравствуй, тетя Винни! Люблю тебя! Но я также люблю тетю Джорджи, — воркует Кенни.

— В любом случае, — встречается Лиззи. — Перезвони нам. Пока!

Есть последнее сообщение. На этот раз от Крисси.

— О, и еще кое-что. — Она начинает прямо с середины нашего сегодняшнего разговора. — Пол не только был несносным человеком — не в лицо, а за твоей спиной — но он также был ужасен в постели, помнишь?

Я выдавливаю смешок. Он не был ужасен. У меня были и по лучше. Это все, что я когда-либо говорила ей в одну пьяную ночь, когда Пол был в Европе, по иронии судьбы, вероятно, трахаясь с Грейс.

— Ты сказала мне, что лучшая часть твоей сексуальной жизни — это прелюдия. Это все равно что наслаждаться бесплатным хлебом больше, чем блюдом! Я успокоилась. Теперь иди, открой аккаунт в Tinder и живи своей лучшей жизнью. Приказ врача.

Я подтягиваюсь, решив, что разбитое стекло можно очистить до завтра. Я иду в коридор. Остановливаюсь перед офисом Пола.

Предать его и открыть дверь уже не кажется таким греховным поступком, зная то, что я знаю после разговора с Арсеном.

Пол никогда не любил меня.

Теперь я знаю, что это правда. Но поскольку часть меня все еще любит его, я прохожу мимо двери, а не в нее.

Однажды, — я обещаю себе. Но не сегодня.

ГЛАВА 15

Арсен

Сегодня вечером мне предстоит стать тем, кем я меньше всего хочу быть — уважаемой, цивилизованной частью вежливого общества.

Арья Рот-Миллер устраивает свой ежегодный благотворительный бал. Это благое дело — детская больница Святого Иоанна — что-то, что само по себе не заставило бы меня покинуть дом и через миллион лет.

Нет. Я здесь, потому что боль в шее, которую она называет своим мужем, использовала все средства в своем арсенале, чтобы обеспечить мое присутствие.

Общая идея состоит в том, чтобы сделать солидное пожертвование, сделать несколько фотографий с людьми, имена которых я забуду еще до того, как они мне их произнесут, и вернуться в свою квартиру, чтобы почитать книгу по астрономии и съесть остатки еды на вынос.

Я провел день, играя в бутылку перед мячом. Нет ничего, что мне нравилось бы меньше, чем терпеть людей, которых я не знаю, в течение длительного времени трезвым.

— Арсен, ты выглядишь потрясающе в этом смокинге! — Арья набрасывается на меня, как только я переступаю порог большого бального зала отеля «Пьер». Это изысканное пространство с капающими люстрами и достаточным количеством штор, чтобы скрыть Новую Зеландию целиком. Грейс бы понравилось.

— Я знаю. — Я целую ее в обе щеки.

Кристиан появляется рядом с ней, обнимая жену за талию.

— Ответь на комплимент, свинья.

— Арья. — Я беру руку жены моего лучшего друга, поднося ее костяшки пальцев к своим губам. — Ты тоже будешь великолепно смотреться в моем смокинге.

Арья, одетая в платье пастельных тонов, смеется, хлопая меня по груди.

— Я даже не знаю, почему ты мне нравишься.

— Я тебе нравлюсь, потому что я прямолинеен и весел, и держу твоего мужа в напряжении, — добавляю я.

— Не забывай о скромности. Одна из моих любимых вещей в тебе. Ну, наслаждайся.

— Ему никогда не понравится что-то столь полезное и вдохновляющее, как благотворительный бал. — Кристиан качает головой, но его жена уже с важным видом уходит, приближаясь к стекающим в комнату гостям.

Он протягивает мне бокал шампанского.

— Я знаю, что люди — это не твое. Ты выживаешь?

Я выпиваю все, как будто это вода, затем бросаю стакан на поднос, который держит проходящий мимо официант.

— Едва-едва. Но после еще пяти таких бокалов я буду лучше.

— Запивать свои проблемы — такое гребаное клише.

— Запивать? — В моей руке уже другой стакан. Я криво улыбаюсь. — Уверяю тебя, Кристиан, мои проблемы могут обогнать Усейна Болта. Ни одна часть меня не настолько глупа, чтобы думать, что я могу убежать от них.

— Тогда какого хрена ты пьешь? — Рука хлопает меня по спине. Это Риггс. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Я нахожу его в смокинге, который не говорит о том, что его украли из Армии Спасения — приятное улучшение по сравнению с его обычной

одеждой — и в загаре, который он, должно быть, получил в Антарктиде. У него на руке симпатичная рыжая.

— Джентльмены, я рад представить вам... — Риггс собирается назвать нам имя своей подруги — если он вообще его помнит. Я отмахиваюсь от него.

— Пощади меня. Если бы я позволил себе место для всех женщин, которых ты нам представил, мне понадобилось бы больше облачного хранилища.

Кристиан наполовину морщится, наполовину смеется.

— Мои извинения. — Он поворачивается к алой красавице. — Наш друг Арсен часто бывает прямолинейен, но редко ошибается.

Риггс бьет меня по руке.

— Что заползло тебе в задницу, Корбин?

— Грейс, — отвечает Кристиан от моего имени. — Кто еще был бы достаточно грязен, чтобы приблизиться к его интимным частям?

Ах, Грейс. Даже после смерти она их враг номер один. И это при том, что они даже ничего не знают о чуши Пола. Я ни слова не сказал о романе моей покойной невесты. Мне не нужно было выглядеть жалким вдобавок к тому, что я был неудачливым, скорбящим ублюдком.

— Просто чтобы держать тебя в курсе. — Риггс поворачивается к ней. — Кристиан только что подколол мертвую невесту этого придурка. Мы не делаем здесь границ.

Она втягивает воздух, глядя на Кристиана с отвращением.

— Не притворяйся, будто тебе было бы лучше, если бы что-то случилось с Арьей, — бормочу я в стакан.

Кристиан с сожалением смотрит на меня.

— Нет, я бы умер вместе с ней. С одним отличием — Арья никогда не пыталась убить своего сводного брата...

— Я действительно настаиваю, чтобы вы познакомились с моей очаровательной девушкой. — Риггс меняет ход разговора до того, как начинается драка.

Кристиан знакомится с девушкой Риггса. Они вежливо разговаривают после того, как он объясняет ей, что моя невеста никому не очень нравилась. Мой взгляд без энтузиазма скользит по другим людям в комнате. Я допиваю второй бокал шампанского и тянусь за третьим. Гала и балы были любимым занятием Грейс. Это первый раз, когда я присутствовал на официальном мероприятии в одиночестве.

Возвращаться в мир без нее на руках — это все равно что тащить на себе трехтонную фантомную конечность. Точнее, мысль о том, что Грейс больше не является конечной целью. Трофеей. Окончательный приз.

В море высушенных волос и покрашенных лиц я нахожу ту, которую узнаю.

Масса рыжеватых-светлых волос собрана в высокий немодный хвост. Я могу сказать, что это она, даже когда она стоит ко мне спиной. На чертовом гала-концерте она надела цветочное платье с тонкими лямками, и ей все же удается затмить все шоу. Шея у нее длинная и изящная, даже лебединая, и кажется такой же хрупкой.

Словно почувствовав мой взгляд на ней, она оборачивается. Лицо широкое, открытое, улыбающееся. Она сияет, и я помню нашу последнюю встречу, когда она чуть не довела Кори до сердечного приступа и чуть не уничтожила меня на бильярде. Она также пила, как ирландский моряк, защищала своего покойного идиота-мужа и демонстрировала общую прелесть, которую я не мог решить, вызывала ли она у меня отвращение или забавляла.

Она также интересовалась моей одержимостью астрономией. Никто другой никогда этого не делал. Это единственная причина, по которой я не чувствую полного отвращения, увидев ее здесь.

Я прислоняюсь к стене, наблюдая, как она смеется и оживленно разговаривает с толпой возбужденных мужчин. Она значительно хуже одета, но искренняя улыбка — драгоценность более бесценная, чем любое бриллиантовое ожерелье, которое можно купить.

Риггс, который, естественно, обращает внимание на все, где есть сиськи, следит за моим взглядом и хмыкает в знак согласия.

— Наш мальчик подает признаки жизни. Не могу его винить. — Риггс ухмыляется в свой напиток. — Эти ноги отлично бы смотрелись, обернутые вокруг моей шеи.

— Виннфред Эшкрофт, — охотно сообщает девушка Риггса, радуясь, что может быть полезной. — Она актриса. Приехала сюда со своим агентом. Ну, нашим агентом, — поправляет она, в ее голосе слышится хрупкая нотка. — У Крисси есть свои фавориты, очевидно.

Я не особенно расстроен, увидев здесь Виннфред. Я, однако, изрядно пьян, а значит, сейчас не время с ней разговаривать. Ею не так легко управлять, как кажется, и я до сих пор не вытянул из нее всю необходимую мне информацию.

Вернувшись к своим друзьям, я говорю:

— Я возвращаюсь домой.

— Не раньше, чем Арья произнесет речь. — Кристиан встает передо мной, чтобы преградить мне путь. — Она очень усердно работала над организацией этого мероприятия.

— Я не думаю, что ты понимаешь. — Я разглаживаю смокинг. — Это была не просьба, а констатированный факт.

— Почему бы и нет, если это не мой любимый босс, — приветствует меня сзади милый южный голос.

— Босс? — удивленно спрашивает Кристиан, заглядывая мне за плечо. — Арье это не понравится.

— Должно быть, ты выбрала не того человека, милая. — Риггс улыбается Виннфред и хлопает меня по плечу. — Этот мужчина не может быть чьим-то любимым. Он такой же милый, как сочный, наполненный гноем прыщик.

— Спасибо за картинку. — Я стряхиваю его прикосновение, поворачиваясь к ней лицом.

— Привет, Винни. — Рыжая целует Виннфред в воздухе.

— Эй, Тифф! Слышала, ты отлично сыграла в том пилоте ромкома. — Моя сотрудница тепло обнимает ее. Ее потребность быть милой и самоотверженной действует мне на нервы. Она снова обращает свое внимание на меня. — Не знала, что ты филантроп.

— Это не так. — Кристиан засовывает руку в передний карман. — Я притащил его сюда, он брыкался и кричал.

— Не забывай про вой, — невозмутимо говорю я. — Я был безутешен.

Несмотря на то, что она раздражает меня, она не выглядит ужасно в своем простом платье и с хвостиком. Осознание этого нежелательно и тревожно. Мне даже не нравятся блондинки. Наверное, так мать-природа говорит мне, что пора засунуть свой член куда-нибудь в мокрое и теплое место. В конце концов, прошел уже почти год.

— Арсен? — Виннфред хмурится. — Все в порядке?

Я не признал ее существование за те две минуты, что она здесь стоит. Упс.

Я обхватываю ее поясницу, неопределенно касаясь губами ее щеки.

— Виннфред, было бы неприлично сказать тебе, что ты прекрасно выглядишь?

— Нет, поэтому ты и не стал бы этого делать.

Я смеюсь. Самое удивительное в этой скучной, одномерной блондинке, готовящей печенье, то, что она обладает остроумием. Во всяком случае, что-то похожее на это.

Она пристально изучает меня, как заботливый родитель.

— Все... хорошо?

— Как нельзя лучше.

Я жду, когда она уйдет. Я пьян, устал и не в настроении выпытывать из нее информацию.

— Ты уверен, что не хочешь, чтобы я вызвала тебе такси? — Она хмурится.

И она вызвала бы. Маленькая мисс Солнечный свет.

— Нет, но спасибо.

— Хорошо... — Она задерживается. — Наслаждайся ночью.

— Я намереваюсь это сделать.

Когда она уходит, и Кристиан, и Риггс смотрят на меня в явном ужасе.

— Я никогда не видел тебя таким. — Улыбка Риггса медленная и насмешливая.

— Каким?

— Как будто подростка доставили в отделение неотложной помощи, и его мошонка застряла между металлическими скобами его девушки, — поэтично произносит Кристиан. — Ты выглядел раскрасневшимся. Неудобным. Осмелюсь сказать? Смущенным.

— Убитым. — Риггс опрокидывает напиток. — Он покраснел. Я видел это. Ты видела, как он покраснел, Тифф?

— Да! — Тифф, благодарная за то, что в этот момент она представляет собой нечто большее, чем декоративное украшение, охотно присоединяется к моим двум друзьям. — У него все лицо красное. Это так мило. Винни отличная девушка.

Мне удалось прожить целую неделю, не загнав Виннфред в Калипсо Холл за дополнительной информацией. Снятая парижская квартира стала большим откровением. Что еще она знает? Что еще она упустила?

Вернуть ее в Новый Амстердам — большая проблема. Она напала на Кори. Мужчине пришлось наложить два шва, за которые я щедро заплатил, чтобы он держал рот на замке. Бьюсь об заклад, это было ее первое столкновение с чем-то далеким от совершенства, и я получаю удовольствие от осознания того, что развратил ее, пусть даже немного.

— Я не покраснел, — коротко говорю я.

— Да, Ты покраснел. Тебе придется объяснить нам последние пять минут, — объявляет Кристиан.

— Нечего объяснять. Она работает в Калипсо Холл, — говорю я.

Краем глаза я замечаю, как Арья движется в нашем направлении на огромной скорости. Пора заканчивать эту девчачью беседу.

— И, к вашему сведению, даже если бы я все еще не оплакивал безвременную смерть моей невесты, преследование сотрудника было бы вульгарным и не одобряется.

— У меня странные предчувствия. — Риггс облизывает подушечку указательного пальца и поднимает его в воздух, закрывая глаза. — Ага, вот оно. С востока дуют злые ветры.

Я стою к востоку от придурка.

— Даже если будут ураганы возбуждения, я требую, чтобы ты не реагировал на них. —
Голос принадлежит Арье.

Я оборачиваюсь, изучая ее.

— Я не люблю, когда мне приказывают. Что ты имеешь в виду?

— Эта девушка — ангел на земле. Раз в неделю она навещает детей в больнице Святого
Иоанна. Одевается феей и раскрашивает лица. Им это нравится. Они любят ее, — отчаянно
говорит она. — И я люблю ее! Она вдова, ты же знаешь. Она знает, что такое боль. Я не хочу,
чтобы она снова пострадала.

Значит, она слышала, но не знает, как это произошло. Хорошая работа, Виннфред,
держать наше дерьмо в тайне и не позволять людям складывать два и два.

Кристиан наблюдает, как Виннфред возвращается к тому, кто, как я полагаю, является
ее агентом.

— Мы уже встречались с этой девушкой. Она кажется доброй, талантливой и
привлекательной. Не волнуйся, любовь моя. У Арсена нет ни единого шанса, даже если бы
он попытался.

— Деньги все решают, — отмечает Риггс. — А у нашего мальчика их предостаточно.

— Она не думает о деньгах. — Тифф, его девушка, напоминает нам о ее
неудовлетворительном существовании. — Она была замужем за кем-то очень богатым и
подписала действительно дерьмовый брачный контракт или что-то в этом роде. Потом,
когда он умер, он оставил ее практически ни с чем. Она подрабатывала случайными
заработками, чтобы свести концы с концами.

Коллективный ропот наполняет воздух. Мои глаза следят за Виннфред. Это
правда? Неужели она осталась ни с чем? Зная то, что я знаю о ее покойном муже, я бы не
стал отрицать этого. И она достаточно наивна, чтобы не защитить себя.

— В любом случае, она вне пределов досягаемости. — Арья щелкает пальцами перед
моими глазами, пытаюсь привлечь мое внимание. — Понятно?

— Мои извинения, Арья. Я, должно быть, создал у тебя ложное впечатление, что мне
плевать на то, что думают люди. — Я улыбаюсь ей искренне. — Как только я принимаю
решение о женщине, никто не может ее спасти. Даже не Бог.

Я ухожу, оставив группу друзей позади. Я перемещаюсь к открытому балкону. В этой
комнате слишком тесно, слишком жарко, слишком претенциозно. Ночной ветер дует мне в
лицо. Я растопыриваю пальцы над широкими перилами из светлого кирпича. Когда я
смотрю вниз на Пятую авеню, люди внизу выглядят как муравьиные точки. Держаться за
перила — последнее, что должен делать мой пьяный "я".

Но опять же... что здесь можно потерять?

У меня нет ни матери, ни отца, ни невесты. Как снисходительно заметил Риггс, я не
самый милый человек в этом почтовом индексе. Нет ничего, что привязывало бы меня к
этой вселенной, и я начинаю подозревать, что именно по этой причине люди берут
ипотечные кредиты, заводят детей, берут на себя обязательства — чтобы самоубийство не
было приемлемым вариантом, когда дела идут дерьмо.

Не то чтобы я подумывал о самоубийстве. Эти перила широкие и не очень длинные. Я
могу сделать это.

Всего один раз, по старой памяти. Голос Грейс звучит хрипло и соблазнительно в моей
голове. Даже за пределами могилы она соблазняет меня на неправильный поступок.

Оглянувшись, я удостоверяюсь, что берег свободен. Снаружи только я. Я запрыгиваю на

перила, выпрямляясь, пока не встаю прямо над поверхностью. Я не смотрю вниз.

Первый шаг твердый. Второй заставляет меня чувствовать себя живым. Я раскинул руки в воздухе, как мы с Грейс делали, когда были детьми. Я закрываю глаза.

— Засаекаю время, — говорю я.

И я слышу ее мысленный ответ. Три. Два. Один. Иди!

Я делаю еще один шаг, потом еще. Я почти в конце. Еще один шаг... и на этот раз моя нога не приземляется на твердую поверхность. Под ней только воздух. Я качаюсь. Теряю равновесие. Наклоняюсь влево. Все происходит быстро. Воспоминание о падении Грейс снова врезается в меня.

Слезы. Просьбы. Тишина.

Через несколько секунд я окажусь на улице.

Ты не должен был этого делать, идиот.

Я падаю.

Из ниоткуда в мою правую руку вонзаются острые отчаянные когти. Они рвут мой костюм, возвращая меня в безопасное место.

Мое тело ударяется о твердую поверхность. Пол балкона. Я — беспорядочная куча конечностей. Не все из них мои. Некоторые из них маленькие, худые, горячие и все из чужой плоти.

Посчитай свои благословения, придурок. Ты не умер.

Открываю глаза, переворачиваюсь на спину. Я опираюсь на локти, пытаюсь увидеть, кто мой спаситель.

В поле моего зрения появляется ангельское лицо. Знакомый и ангельский и абсолютно, вне всякого сомнения, взбесившийся.

— Теперь ты действительно сделал это, тщеславный болван! — рычит Виннфред, комкая мою бабочку в руке и грозя кулаком мне в лицо. — Какого черта ты думал? Что было бы, если бы меня здесь не было? У меня нет слов, чтобы описать тебя!

Она стоит надо мной, ее лицо красное, как спелый помидор, глаза такие большие, что я вижу в них свое отражение.

— Нет? — небрежно спрашиваю я, развалившись на земле, как будто это самое удобное место в здании. — Ну, вот несколько полезных советов: идиот, придурок, пьяница, слабоумный, безрассудный мудака — формально это два слова, но...

Она пытается дать мне пощечину. Я без усилий ловлю ее запястье, не давая ей этого сделать. Пьяный я или нет, мои инстинкты редко подводят. Я встаю, ее тонкое запястье все еще зажато между моими пальцами. Она смотрит на меня с нескрываемой ненавистью. Все сияет в ее сапфировых глазах. Меня беспокоит то, что я не могу ненавидеть ее так искренне и основательно, как следовало бы. Она простачка. Анекдот из моей жизни. Больше ничего.

— Я уверен, что ты найдешь вескую причину, чтобы дать мне пощечину в свое время, но это время еще не пришло. Ты говорила? — Я сердечно улыбаюсь, когда мы оба стоим друг перед другом.

Она вздрагивает от моего прикосновения, отдергивая руку.

— Ты ублюдок! — Она рычит мне в лицо. — Расскажи мне, о чем ты думал. У тебя давно были эти мысли? Никто просто так не встанет на перила. Еще и в темноте! Когда я увидела тебя в окне, я подумала...

Своими словами она выплескивает на меня яд и гнев, ее голос доносится до одного уха и вылетает из другого. Я не самоубийца. Ебанутый? Конечно, но это далеко не царство

членовредительства. Тем не менее Виннфред удалось спасти меня, а мне не удалось спасти Грейс. Дважды.

Мой взгляд по-прежнему сосредоточен на ее губах. Розовые, узкие и сочные. Она невозможно сладкая. Это сочетание добродетели и ярости совершенно греховно. Таких больше не делают. Особенно в Манхэттене. Мой ум может быть медлительным, но мои чувства остры, и я узнаю возможность, когда вижу ее.

Мои губы неуклюже врезаются в ее губы. Я обхватываю ее затылок и притягиваю к себе. Предупреждение Арьи осталось в далеком воспоминании. Как и Калипсо Холл, и тот факт, что мы оба любим других людей, и что эти люди мертвы. Реальность перестает существовать, и единственное, на чем я сосредоточен, — это человек передо мной.

Она мягкая, сладкая и другая. Настолько другая, что я не могу закрыть глаза и представить, что она — Грейс, как бы мне этого ни хотелось. В ее дыхании нет ни намека на алкоголь. Нет горького привкуса перегруженного парфюма. Она — это яблоки с ирисками и ленивые летние ночи в Теннесси. Она — церковные колокола, сладкий чай и лунные пироги.

То самое, что я не одобряю.

Наши языки танцуют вместе. Она сжимает лацканы моего смокинга так, будто я могу убежать. Я никуда не уйду. Я хочу забрать ее, отвезти в свою квартиру и трахнуть до бесчувствия. Я хочу ту девушку, которая ела персик, словно запретная Лолита под солнцем Итальянской Ривьеры, источающая безрассудную сексуальность.

Безрассудная сексуальность. Иисус. Кто я? Мне нужно выкинуть эту женщину из моей системы, как можно скорее.

Мои большие пальцы на ее щеках, под ресницами, когда я углубляю поцелуй, толкая ее, пока она не упирается спиной в стену...

Виннфред отрывает свой рот от моего в тот момент, когда ее обнаженная спина касается бетона. Затаив дыхание, она поднимает руку и дает мне пощечину. На этот раз моя правая щека отлетает в сторону. Жжет, как ублюдок. Я провожу ладонью по щеке, улыбаясь.

— Ты, черт возьми, заслужил это, — шипит она.

Я склоняю голову.

— Когда ты права, ты права, деревенщина. Вернемся к твоим словам, сказанным несколько минут назад: я не самоубийца. Но, однако, в дерьме, что может объяснить, почему я переступил черту.

— Переступил? — Она задыхается в гневе. — Ты обоссал все это дело!

Я смеюсь, но делаю шаг назад, несмотря ни на что. Сексуальный хищник — это не тот взгляд, который я хотел бы попробовать.

— Ты поцеловала меня в ответ.

— Я ничего подобного не делала! — Она виновато краснеет. Упс. Это второй раз, когда я вытаскиваю Виннфред из зоны комфорта ее идеальной Степфордской жены.

— Что тебя раздражало в моем существовании на этот раз? — любезно спрашиваю я. — И, пожалуйста, избавь меня от претензий на то, что тебе это не понравилось. Твои пальцы ног подогнулись в сандалиях, и я почувствовал, как по коже побежали мурашки.

Ее глаза сужаются, когда она пытается понять, куда и как направить следующий словесный удар. Мы играем в игру. Но в отличие от моих игр с Грейс, эта игра носит соревновательный, но не враждебный характер. Мы оба хотим победить, но ни одна часть меня не беспокоится, что она способна отравить или убить меня в процессе. Самое главное, что у нас одна и та же цель — мы оба хотим узнать больше о любовниках, которые оставили

нас.

— Ты знаешь. — Она мило улыбается, смахивая пыль с моего блейзера. — Я забыла упомянуть в «Новом Амстердаме», что у меня есть комната, полная вещей Пола, которые я еще не открыла. Он попросил меня никогда не ступать туда, прежде чем он скончался. Интересно, сколько вещей, связанных с Грейс, мы могли там найти? — Она смотрит на меня своими голубыми глазами. — Варианты безграничны.

Моя хватка на ее талии усиливается. Я не перестаю думать, какого хрена я вообще держу эту надоедливую женщину.

— И ты говоришь мне это только сейчас?

— Плохо, я должна была быть на твоей временной шкале, мистер Большой Мозг? — Она ловит мои руки, отрывает их от своей талии, оборачивается и уходит посреди разговора. Я следую за ней. Она открывает дверь, чтобы вернуться в гудящую комнату. Я иду за ней по пятам, замороженный. Она грациозно скользит между танцорами. Я отталкиваюсь и толкаюсь, чтобы не отставать от нее. Мы — голодная кошка и очень умная мышь.

Спустя пятнадцать секунд мы вышли из бального зала. Виннфред вызывает лифт и разворачивается в моем направлении.

— Почему астрономия? — требует она.

— Почему аст...? — Я стою между ней и закрытыми дверями лифта, растерянный. — Не меняй тему. Расскажи мне больше о комнате.

Она пожимает плечами.

— Я буду делать все, что захочу. Ты здесь в невыгодном положении.

— Как ты это поняла?

— Потому что ты хочешь узнать больше о том, что случилось с Грейс и Полом, а я боюсь правды.

Я не очень-то ей верю. Я думаю, что она так же увлечена тем, что произошло между нашими любовниками. Но от того, что я ей скажу, ее позиция не изменится.

— Как ты догадалась, что я вообще увлекаюсь астрономией? — Я возвращаю разговор к ней. Я забыл спросить в Новом Амстердаме.

— У тебя всегда под мышкой книга по астрономии. Была одна в Италии, когда ты был на балконе, и еще одна, когда ты впервые пришел в Калипсо Холл. Это почти как твой якорь. Это приземляет тебя, не так ли?

— Это не одеяло безопасности. — Я усмехаюсь.

— Я думаю, что так и есть. — Она выгибает бровь.

— К счастью, тебе платят не за то, чтобы ты думала, а за то, чтобы повторять строки, написанные лучшими мыслителями.

— Пощади меня. — Она поднимает руку. — Если бы ты думал, что я такая глупая, ты бы не хихикал, как школьница, каждый раз, когда я шучу. А теперь расскажи мне о своем увлечении астрономией.

Она не собирается это отпускать. Я мог бы также бросить ей кость.

— Астрономия — это физика, а физика абсолютна. Она фактична и поэтому реальна. Некоторые люди обращаются к Богу за ответами. Я обращаюсь к науке. Мне нравится тайна космоса. И мне нравится разгадывать ее. Подумай об этом так: Земля взорвется примерно через семь миллиардов лет. К тому времени большая часть жизни на ней, вероятно, вымрет. Тот, кому не повезло выжить, будет вынужден наблюдать за собственной гибелью, когда Солнце поглотит Землю, после того как мы войдем в фазу красного гиганта и выйдем за

пределы нашей нынешней орбиты. На этом этапе было бы неплохо иметь план Б. Несомненно, никто из нас не будет здесь, чтобы осуществить его, но мысль о том, что ты и я могли бы стать частью решения — это волнует меня.

И тогда я понимаю, что никто никогда раньше не спрашивал меня о моей любви к астрономии. Грейс обращалась с моими книгами, моей степенью, моей страстью так, словно они были не более чем пластиковым комнатным растением. Риггс и Кристиан по большей части игнорируют это. Папа никогда не понимал очарования — он никогда не понимал ничего, что не могло бы принести ему больше денег.

Виннфред действительно заботится.

Лифт открывается. Мы оба заходим внутрь. Я понятия не имею, куда мы идем. На самом деле, я понятия не имею, куда она идет. Эта женщина не позволит мне ходить за собой, куда бы она ни направлялась.

— Почему ты выбрал хедж-фонды? Почему не НАСА? — Она изучает меня.

— Я знал с самого раннего возраста, что унаследую состояние и портфель Корбинов. Чтобы не обгадить семейное наследство, мне нужно было работать в сфере финансов.

— Тебе небезразлично наследие твоей семьи?

— Не особенно, — признаюсь я. — Смотри, у нас, Корбинов, есть проклятие. Два проклятия, если быть точным. Одно из них заключается в том, что мы всегда пытаемся превзойти последнего человека, от которого мы унаследовали империю.

— Значит, ты хочешь быть лучше своего отца, даже если его здесь нет, чтобы засвидетельствовать это. Ловко. Имеет большой смысл. А что еще? — Она наклоняет голову вбок.

Ухмыляясь, я прислоняюсь спиной к зеркалу.

— Мы всегда влюбляемся не в ту девушку. Фактически, все последние семь поколений мужчин в моей семье развелись со своими женами.

— Это действительно грустно.

— Я мог бы придумать более грустные вещи, чтобы истязать твой разум.

— Я уверена, что ты сможешь. — Она слабо улыбается. — Тебе нравится мучить людей, не так ли?

— На самом деле мне все равно, — небрежно говорю я. — В отличие от тебя, которая заботится слишком много. Благотворительные организации, волонтерская работа, печенье, улыбки. Тебе нужно жить немного больше для себя и немного меньше для всех остальных.

Она смотрит на меня, но ничего не говорит. Я задел за живое, и я знаю, что она подумает об этом, когда мы будем прощаться. Тем не менее, у нас еще есть несколько минут, чтобы поработать вместе.

— Так скажи мне, чем ты увлечена, Виннфред?

Она трет подбородок, привычка, которую она не может скрыть.

— В основном театр. С тех пор, как я была маленькой девочкой, сцена была моим спасением.

— От чего ты убегала?

— То же самое, от чего мы все убегаем. — Она проводит пальцем по краю зеркала лифта, просто чтобы что-то сделать руками. — Реальность, в основном.

Лифт открывается. Она быстро выходит.

— Что было не так с реальностью Виннфред, когда она росла? — Я собака с костью. Я

гоняюсь за ней по вестибюлю, устраивая зрелище из нас обоих, и мне все равно. Завтра мне тоже будет все равно. Меня никогда не волновало, что люди думают обо мне. Всегда было не наплевать на Грейс.

— Ну, если тебе действительно нужно знать, я ненавидела быть провинциальной девчонкой с большими устремлениями, которая прекрасно знала, что такие люди, как ты, всегда будут стоять у меня на пути, высмеивать и унижать меня, когда это возможно. Я хотела верить, что могу быть чем-то потрясающим, но мир не всегда позволял мне.

Я останавливаюсь на тротуаре, как раз перед нами останавливается черная Toyota Camry Uber. Теперь я понимаю. Вот почему Винни возмущается мной с такой страстью. Я олицетворяю собой все, чего она боится и в чем чувствует себя неуверенно. И я дразнил ее этим с момента нашего знакомства.

Может быть, потому что меня тоже возмущает то, что она представляет. Легкая, непринужденная жизнь. Где гнаться за деньгами и престижем, затаив дыхание, безвкусно, а не благородно.

Она открывает заднюю дверь Камри.

Я хочу преследовать ее. Чтобы украсть еще один поцелуй, пока все хорошо. Возможно, даже сказать ей, что единственная причина, по которой я насмеялся над ней в Италии, заключалась в том, что она была соблазнительной, чертовски соблазнительной, и я ненавидал ее за это.

Но в чем смысл? Виннфред слишком поглощена своей любовью к умершему мужу. Даже если бы это было не так, я всегда хотел только одну женщину. Желание другой кажется чуждым; в отличие от езды на велосипеде, это не тот навык, которым можно пренебречь и сразу же вернуться к нему.

— О, и кстати. — Она бросает на меня последний взгляд, вцепившись в дверь. — Этот поцелуй? Четыре из десяти. Может, поэтому Грейс тебе изменила. Ты плохо целуешься.

Она опускает голову и исчезает внутри автомобиля, прежде чем закрыть дверь. Машина скользит обратно в поток, оставляя меня в облаке выхлопного дыма.

Я смеюсь про себя, качая головой.

Деревенщина — развлечение на десять из десяти.

ГЛАВА 16

Винни

Прошлое

Это был мой первый раз в Италии — вообще за пределами Америки, — поэтому даже старое казалось новым. Старинные здания пастельных тонов, сложенные друг на друга, как разноцветное мороженое. Желтое августовское солнце рисовало пейзаж старинной кистью.

В Италии все было меньше — комнаты, дороги, машины, магазины. Вкус еды тоже был другим. Сыр, травы и мясное ассорти были более выраженными и острыми по вкусу.

Пол, красноносый и очень веснушчатый от жары, прижал меня к перилам балкона нашего отеля. Его руки обвились вокруг моей талии, его эрекция впиалась мне в живот. Я сочно откусила персик, который держала в руках, а он пробрался к моему горлу, высасывая остатки нектара.

— Так вкусно... так заманчиво... — пробормотал он, опуская голову еще ниже, между моих грудей. На мне было то же бордовое платье, в котором я была на выпускном балу. Хотя

я больше не была той девушкой, которая должна считать свои пенни, использовать деньги Пола для оплаты дорогих платьев тоже было неправильным. Даже если он умолял меня сделать это, и часто.

— Это очень хороший персик. — Я поцеловала его в ухо, изображая невинность.

Пол отстранился, его душераздирающая улыбка, которую я так любила, — свежая, застенчивая и добрая — полностью проявилась.

— Я говорю о женщине, на которой женился. Я до сих пор щипаю себя каждое утро, видя тебя рядом со мной. Как мне вообще так повезло?

Где-то не так далеко из одного из домов, целующих набережную, гремела музыка. Классическая фортепианная пьеса. Я обняла мужа. Персик выпал из моей руки. Я глубоко поцеловала его, и это было прекрасно. Милая и нуждающаяся, с обещанием того, что грядет. Через минуту мы поднялись бы в ресторан, и Пол с головой окунулся бы в свою роль. Член клуба мальчиков. Безразличный к сексистским шуткам, тщеславный и отстраненный.

Пол оторвался первым. Его голубые глаза искали мои.

— Пойдем в спальню. У нас еще есть несколько минут до ужина.

Мой желудок упал.

Просто выплюнь это, Винни. Нечего стыдиться.

Я поцеловала кончик его носа.

— Ничего не поделаешь, ковбой. Тетя Флоу в городе, и она привела своих дальних родственников, Больные Сиськи и Прыщавый Подбородок.

— У тебя месячные? — Его улыбка исчезла. Его руки вокруг меня стали жесткими и холодными. Я сказала себе, что не должна обижаться или даже злиться. Он был так же разочарован, как и я. Это было хорошо. Как бы мне понравилось, если бы Пол был похож на мужа Лиззи, Брайана? Прежде чем у них появилась Кеннеди, моя племянница, они три года пытались завести ребенка. Брайан всегда был таким равнодушным, когда у Лиззи начинались месячные. Он просто гладил ее по голове и говорил, что все будет хорошо.

— Да. — Я поскребла прыщ на подбородке. — В полете сюда. Я не хотела...

Говорить тебе.

Разочаровать тебя.

Чтобы ты смотрел на меня так, как сейчас, как будто я провалила какой-то тест.

Разочарование было невысказанным. Пол был слишком величавым, чтобы сказать что-то бестактное. Тем не менее, я чувствовала это по тому, как он прикасался ко мне в дни и недели после того, как я говорила ему, что у меня начались месячные. Мили, которые он проложил между нами. Между нашими сердцами.

— Ты знаешь. — Он подошел к маленькому столику на балконе и отвинтил бутылку газированной воды. — Если ты действительно не можешь забеременеть естественным путем, ты должна сообщить об этом своему врачу. Я не против подрочить в колбу. Ты же знаешь, я современный парень. — Он одарил меня очаровательной улыбкой через плечо. — Но нам нужно сдвинуть дело с мертвой точки, куколка. Мама не скрывает, что хочет стать бабушкой, и, видит Бог, Роберт не собирается делать ее бабушкой.

Роберт был его братом, и он был самопровозглашенным вечным холостяком. В горле стоял ком размером с Миссисипи. Я попыталась проглотить его, чтобы сморгнуть жжение в глазах.

— Мой врач говорит, что я еще молода, что мне следует попробовать себя естественным

образом еще как минимум четыре месяца, прежде чем мы обсудим следующие шаги.

— Ну, тогда, может быть, пора сменить врачей? — Пол ободряюще улыбнулся, делая глоток своего напитка. Дело было не в том, что он сказал, и даже не в том, как он это сказал. Но что-то было не так всякий раз, когда мы поднимали эту тему. В конце концов, это я сказала Полу на третьем свидании, что не хочу терять время. Что я хотела большую семью и хотела бы начать работать над ней прямо сейчас. Казалось, он был очарован этой идеей. Наш период ухаживания был быстрым и напряженным. Он предложил мне выйти за него замуж еще до того, как мы официально стали жить вместе, и, казалось, обрадовался, когда я спросила, может ли свадьба состояться в Малберри-Крик.

Он был идеальным. В противоположность фобиям отношений, с которыми я встречалась с момента первой приземления в Нью-Йорке. Пол не был мальчиком — он был мужчиной. Он точно знал, чего хотел: четверых, может быть, пятерых детей. Белый забор из шпакетника. Дом в Вестчестере. Большой, с белыми колоннами, черными ставнями и розарием. Он хотел мальчиков. Желательно спортивных. Я до сих пор помню, как он упал в обморок, когда впервые услышал, что Да получил полный курс в колледже по бейсболу, а Лиззи стала известной на всю страну гимнасткой.

— Мне нравятся твои гены, Винни. Мы вместе сделаем одаренных детей.

Пол и я начали работать над детьми в первую ночь нашего медового месяца. И каждую последующую неделю. Прошли месяцы, но все равно не повезло.

— Я подумаю об этом. — Я повернулась к нему спиной, глядя на Средиземное море. По правде говоря, я не собиралась об этом думать. Мне понравился доктор Нам. Я также доверяла ему. Я не хотела принимать лекарства и начинать ЭКО до того, как мне это абсолютно необходимо. И я ненавидела это удушающее давление, когда ложилась в постель с мужем, зная, что у него на уме только оплодотворение меня одной.

С другой стороны, у меня всегда были нерегулярные месячные. Тяжелые, иногда болезненные испытания. Я всегда списывала это на стресс из-за школы, работы и прослушиваний. Возможно, Пол был прав. Возможно, в этом было что-то еще.

— Ты сделаешь это. — Голос Пола за моей спиной был решительным. — О, и помни, что сказал мой друг Чак.

Его друг Чак, с которым он играл в гольф, был врачом MFM. Очевидно, за обедом в нашем местном загородном клубе Пол счел нужным рассказать ему о наших проблемах с зачатием.

В конце концов, я так и не забеременела. У нас был негласный договор. Брак. Дети. Я до сих пор не выполнила свою часть сделки.

— Он сказал, — я слышала, как Пол перекликается с фортепианной мелодией с одного из балконов, — и, цитирую, ты должна держаться подальше от алкоголя, энергетиков, курения и кофеина. Теперь, когда я думаю об этом, ты действительно пьешь много кофе, не так ли?

Я тяжело сглотнула.

— Две чашки в день — это нормально. Ты пьешь четыре вентиса. В легкий день.

— Винни, пожалуйста. Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты злишься на меня. — Пол поцеловал меня сзади в плечо. — Я просто беспокоюсь за нас. За будущее нашей семьи. — Он обхватил меня руками сзади, растопырив пальцы на моем плоском животе. Мне хотелось блевать.

— Я люблю тебя, хорошо? — Его губы коснулись моего уха.

— Я тоже тебя люблю. Мне нужна минутка.

— Все в порядке. Я подожду внутри и подрочу. Видеть тебя в этом платье было слишком.

В ту минуту, когда я услышала, как за мной закрылась стеклянная дверь, я опустила голову и заплакала. Мои слезы были горячими и яростными. Неостановимыми. Казалось, что весь мир лежит на моих плечах. Я хотела перестать бороться, чтобы нести его. Я хотела утонуть, позволить ему похоронить меня под землей. Внезапно я устала. Слишком устала для этого ужина, для общения, для всего остального, на что я подписалась, выйдя за него замуж.

Подняв лицо к солнцу, чтобы оно вытерло слезы, я посмотрела вверх. Несколько этажей выше я заметила еще одного человека, сидевшего на балконе своего отеля. Мужчина. Высокий, загорелый и, возможно, старше.

Мои руки дернулись. У меня возникло искушение вытереть лицо, чтобы он не увидел, как я плачу.

Но потом я поняла, что он смотрит на меня так открыто, с таким напряженным интересом, что в этом нет смысла. Я попалась.

Я встретила с ним взглядом, побуждая его что-то сказать, что-то сделать.

Он был похож на ангела смерти. Не красивый. Не домовитый. Просто... отличался от всех остальных. Впечатляющим, пугающим образом. В руках он держал книгу в твердом переплете с фотографией космоса на обложке.

Почему ты здесь, в самый важный момент моей жизни? Какое тебе дело?

Он встал, развернулся и ушел.

ГЛАВА 17

Винни

Винно-красный занавес падает на сцену. Рахим, Слоан, Рене и я мертвой хваткой сжимаем потные руки друг друга. Мы все трясемся. Сквозь возгласы и аплодисменты я слышу собственное сердцебиение.

Ты пережила человеческий опыт. Поздравляю.

— Эй, Нина. — Рахим наклоняется и шепчет мне на ухо. — Ты справилась. Горжусь тобой.

Издав нервный смешок, я приподнимаюсь на цыпочки, чтобы обнять его, затем остальных. Мы только что представили первое представление «Чайки» для широкой публики.

Мало того, что все прошло гладко — актерская игра, освещение, оформление, музыка, — в зале присутствовало четыре важных критика.

— Кого ты там заметил? — Слоан толкает Рене локтями, пока мы мчимся за кулисы, раскрасневшиеся и радостные.

— «Нью-Йорк Тайм», «Нью-Йорке», «Стервятник». — Рене срывает с головы парик вытирая пот со лба. — Большие собаки, Слоан. Я не могу вспомнить, когда в последний раз в Калипсо-холле был аншлаг, не говоря уже о том, чтобы присутствовали критики!

— А ты видела рекламный щит на Таймс-сквер? — Слоан хлопает себя по щекам, визжа. — Мой парень прислал мне фото между выступлениями. Я чуть не умер от удара. Не могу поверить, что Корбин раскошелится на маркетинг. Ему плевать на это место.

— Рекламный щит на Таймс-сквер? — Киваю головой в его сторону. — Он сделал это?

— Да, детка. — Слоан заключает меня в объятия, поворачивая на месте. — И он

большой и славный. На нем только твое лицо, но все наши имена. Ты должна сфотографироваться с ним по дороге в бар.

Арсен потакал моему единственному эгоистичному желанию. Позволил мне побаловать себя рекламным щитом с моим лицом на нем. Несмотря на то, что мы остановились в Новом Амстердаме, так и не закончив нашу игру. Но почему?

Потому что он хочет, чтобы ты дала ему всю имеющуюся у тебя информацию о Поле и Грейс. Ему плевать на тебя.

Но было и кое-что еще. У меня есть подозрение, что Арсен действительно хочет выявить корыстную сторону меня. Чтобы показать мне, что я, как и он, забочусь о себе. Это заставляет меня чувствовать себя неловко. В основном потому, что я думаю, что он прав. Я думаю, что в глубине души есть часть меня, которая эгоистична. Я просто никогда не отпускала его.

Он был здесь сегодня вечером? Придет ли он на вечеринку, которая будет проходить на соседней улице? С этим человеком ничего нельзя сказать. Он приходит и уходит, когда ему вздумается. Отступник в костюме.

Я не могу перестать думать о нашем поцелуе. Я не уверена, взволновало ли меня это, оскорбило, обрадовало или все вместе. Это было так неожиданно, так мрачно, так отчаянно, что казалось, будто ты пьешь волшебное зелье. Я не слышала о нем с вечера на гала-концерте, что, напоминая я себе, хорошо. У нас будет достаточно времени, чтобы узнать, что произошло между нашими близкими. Нет необходимости строить отношения с ужасным человеком.

Актеры переодеваются в праздничную одежду. Я надеваю джинсы и черный топ без бретелек и наношу немного блеска для губ. Все время я напоминая себе, что ненавижу Арсена Корбина. И даже если я хочу увидеть его сегодня вечером, то только потому, что в эти дни он является главным источником развлечений в моей жизни. Больше ничего.

Рене и Слоан вместе добираются до места встречи. Рахим и я делаем то же самое, останавливаясь перед неоновой вывеской Таймс-сквер, чтобы я могла позировать перед рекламным щитом.

Мы прибываем в бар и обнаруживаем, что он переполнен актерами и съемочной группой, их друзьями и семьей, а также некоторыми представителями индустрии. Продвигаемся к бару. Рахим замечает, что его девушка заказывает напиток. Он сжимает мою руку.

— Я позову Бри и принесу тебе выпить. Что тебе взять?

Мое сердце из Теннесси хочет виски, но после инцидента в Новом Амстердаме я подозреваю, что духи не могут быть моими друзьями.

— Белое вино. Убедись, что оно не слишком вкусное. Я действительно не могу позволить себе напиться.

— Одно мерзкое шардоне скоро будет.

Я просматриваю окружение, точно зная, кого ищу. Я мысленно шлепаю себя по запястью.

Что с тобой не так? Ты прямо как Нина. Тянет к невероятно трагическому герою. Тригорин. Непонятый бунтарь, у которого есть причина. Падший враг.

Магнитная сила заставляет меня смотреть вправо. Там я нахожу его. Он стоит, прислонившись к стене, с бутылкой пива в руке и непостижимым выражением лица. Он так хорошо носит элегантность. Он все носит хорошо. Даже... депрессия? Я не могу не задаться

вопросом, собирался ли он упасть в ту ночь в "Пьере", или это была просто пьяная, глупая ошибка, как он сказал.

Может быть, он тоже сожалеет о поцелуе, который последовал за ним.

Может быть, он даже не помнит, как целовал меня. Почему меня это волнует? Я вдова и до сих пор очень страдаю от потери мужа. Мне плевать, что он думает.

Тут я замечаю, что он не один.

Он взял девушку?

Да, он взял девушку. Ну и что? Опять же, тебе все равно, помнишь?

Она стоит рядом с ним, и они приятно беседуют. Она красива. Высокая, стройная, с длинными черными волосами и полуночными глазами. В отличие от меня, она одета так, чтобы произвести впечатление, в белое платье с приталенным лифом и открытой спиной.

У меня сводит живот. Это не может быть ревностью. Я? Ревную? Ха. Я даже не ревновала, когда Пол пригласил всех моих хороших друзей станцевать медленный танец на нашей свадьбе, включая Джорджи, мою сестру. Дважды. Даже когда это перестало быть уместным и стало выглядеть немного странно (Жители большого города! Ма посмеялась над этим).

Но эта девушка... она так прекрасна, и так пришлась по вкусу Арсену. Темноволосая и загадочная, как Грейс.

— Сюрприз! — Пара рук хватается меня за плечи сзади. Я задыхаюсь, поворачиваясь. Ма — да, Ма! — стоит передо мной, широко раскинув руки.

Моя мама, во плоти! С ее широкой улыбкой, широко раскрытыми глазами, короткой серьезной прической и ожерельем из драгоценных камней, которые заставляют ее считать себя настоящей первой леди.

— Сливка! Ты моя яркая сияющая звезда!

Я бросаюсь в ее объятия, цепляясь за нее изо всех сил.

— Ма! Что ты здесь делаешь?

Она обвивается вокруг меня.

— Что ты имеешь в виду? Я бы ни за что не пропустила твою премьеру. О, Винни, посмотри на себя. Ты вся кожа да кости! Твой папа был прав. Мне нужно было купить билет полгода назад и притащить тебя домой.

Я отлепляюсь от нее, вглядываясь в ее лицо. Она выглядит так же, как всегда. Та же одежда, те же волосы, та же улыбка. Мне очень утешительно знать, что мои родители именно такие, какими я их оставила.

— Ты остаешься? — спрашиваю я, понимая, что она собирается войти в мою квартиру и увидеть, что туфли Пола, йогурт и газеты все еще там, и с нетерпением ждут его возвращения.

— О, Сливка, если бы я могла. Но у Кенни завтра сольный концерт, и Лиззи убьет меня, если я его пропущу. Не говоря уже о том, что у Джорджи снова аллергия, а у папы.... о, ты знаешь, папу! Он ничего не может сделать без меня. Я просто хотела быть здесь ради тебя сегодня.

— Когда ты приземлилась? — Я держу ее руки так, словно она галлюцинация, которая вот-вот исчезнет из моего поля зрения.

— Сегодня утром, — отвечает Крисси, вставая между нами с керамической кружкой и чаем для сжигания жира в руке. — Я весь день показывала ей окрестности. Мы не хотели, чтобы ты знала до шоу. Я подумала, что ты уже была на нервах

Мне не нужно спрашивать Крисси, что она купила Ма билеты. Мои родители не бедны, но они никогда не разорятся на несколько часов поездки. Я так благодарна, что могу плакать.

— О, Крисси. — Я гримасничаю, обнимая ее. — Спасибо, — шепчу я ей на ухо. — Спасибо, спасибо, спасибо.

— Я возвращаюсь в аэропорт через пару часов, — объявляет Ма, глядя на сцену затравленными глазами. Она никогда не была поклонницей манхэттенской сцены. — Все, чего я действительно хотела, — это убедиться, что с тобой все в порядке.

— Я в порядке. Лучше, чем в порядке! — Я широко улыбаюсь, надеюсь, что она купится. Если я смогу убедить ее в этом, я готова к своему выступлению на Оскаре.

Глаза Ма затуманены и скептически, когда ее взгляд скользит по мне. Ее рука все еще на моей руке, как будто она тоже не может вынести мысли о том, что я растворюсь в воздухе.

— Я не думаю, что Нью-Йорк тебе подходит, — наконец говорит она сквозь сжатые губы. — Это жестоко и беспокоит. Он не понимает твоей души, Сливка.

— Не могу не согласиться, миссис Тоулз. — Крисси ловко вступает в разговор. — На самом деле, я собиралась сегодня вечером обсудить эту тему с вашей дочерью.

— Собиралась? — Я хмурюсь. Это для меня новость. Крисси всегда говорит мне, что мне нечего искать в Малберри-Крик. Что мое будущее ждет где-то в большом, загрязненном и полном возможностей месте.

— Да. — Крисси делает глоток чая. — Ты должна отправиться в Голливуд, как только «Чайка» закончится. Если ты приедешь туда к июню следующего года, мы можем запланировать тебе кучу прослушиваний для пилотного сезона.

— Голливуд? — Ма запрокидывает голову назад, как будто Крисси ударила ее этим словом. — Да ведь это еще хуже, чем в Нью-Йорке!

— Почему? — спрашивает Крисси, невинно моргая. — Там хорошо. Солнечно. Открытый интервал. Все фанатики здоровья. И я приеду на несколько месяцев, миссис Таулз. Убедиться, что наша девочка все устроила.

— Похоже, ты все предприняла. — Я смотрю на своего суперагента. Жаль, что я не сделала пит-стоп в баре. Я могла бы использовать для этого разговора стакан чего-нибудь крепкого и желательного ядовитого. — Но я совсем в этом не уверена. Что насчет квартиры...

— Ты можешь сдать ее в аренду, — встречается Крисси, и по блеску в ее глазах я понимаю, что выгнать меня из пространства, которое я делила с Полом, — часть ее тщательно продуманного генерального плана. Она хочет, чтобы я избавилась от его вещей. Чтобы двигаться дальше.

Сделать это самостоятельно и перестать извиняться за то, кто я есть.

— Я подумаю об этом, — лгу я.

— Подумаешь о чем? — Лукас подходит к нашему углу комнаты и протягивает мне бокал вина. — Рыцарь в сияющих доспехах подумал, что он тебе нужен, и послал меня, чтобы спасти положение.

— Рыцарь, говоришь? — Мое сердце подпрыгивает в груди, и я чувствую, как краснеет шея. — Кто это был?

— Рахим, конечно. Кто еще? — Лукас смеется, бросая на меня взгляд "ты в порядке?". — Он не хотел прерывать это маленькое воссоединение. Разве он не милый?

Разочарование накатывает на меня. Я такая глупая. Я действительно ожидала, что Арсен заметит? Пошлет мне вино? Мужчина привел сюда девушку после глупого поцелуя

через несколько минут после того, как я спасла его от смерти. Он развалина поезда и последний человек, с которым я должна согреться.

— Рахим великолепен, — бормочу я, делая щедрый глоток. Боже, это плохое вино.

— Миссис Таулз, ваша дочь — настоящая жемчужина! — Лукас взрывается. — Лучшая Нина, которую я видел своими глазами, включая Сиршу Ронан и — помоги мне Бог — любовь всей моей жизни, исключая мою дорогую жену Кэри Маллиган. Я не могу дождаться отзвонков. Она была потрясающей, восхитительной. Даже если она не плакала.

Потому что она не может, я хочу кричать. Слезы — это выше моих сил.

— Она всегда была такой, — хвастается Ма. — Я когда-нибудь рассказывала вам, как она плакала, когда впервые слушала «Space Oddity»?

Между Лукасом, Крисси и Ма завязывается счастливый громкий разговор. В какой-то момент к нам присоединяются Рахим, Рене и Слоан вместе со своими напарниками. Веселое, победоносное настроение затягивает, и я забываюсь на следующий час, пока все не растворяется в своих уголках в баре, и мы с Ма снова не остаемся одни. Она наклоняет голову, мечтательная улыбка стерта с ее лица.

— Теперь, когда все ушли, расскажи мне, как ты себя чувствуешь на самом деле?

— Ей-богу, ма, лучше, чем ты думаешь. Конечно, я упорно работала над пьесой, но это было долгожданным отвлечением. И зарплата! Я в восторге. — Возможно, сейчас я смогу сохранить квартиру. Дела налаживаются, ма. Я клянусь.

— А как насчет похода к врачу? — настаивает она, нахмутив брови. — Пожалуйста, скажи мне, что у тебя назначена встреча. Ты игнорировала это в течение нескольких месяцев.

Слова ударили меня, как ведро ледяной воды. Я изо всех сил старалась игнорировать эту тему — эту проблему — с тех пор, как Пол скончался. После похорон все отошло на второй план, в том числе и мое здоровье.

— Я не забыла, — бормочу я.

— Чего ты ждешь? — Она пытается поймать мой взгляд, но безрезультатно. Мой взгляд твердо застрял в невидимой точке позади нее.

— Я сделаю это на следующей неделе.

— Нет, ты не сделаешь. Ты еще этого не сделала!

— Сейчас это даже не имеет значения. — Я закатываю глаза, снова чувствуя себя подростком. — Я хорошо себя чувствую. Здорово. Хорошо.

— Кто сказал? — Мольба в ее голосе сводит меня с ума. — Милорд, Сливка...

— Ма, не сейчас. — Я топчусь в отчаянии. — Пожалуйста, отпусти это!

Мои последние слова звучат резче и громче, чем предполагалось, вызывая любопытные взгляды окружающих. Ма беспомощно оглядывается, словно ждет, что кто-то вмешается и вразумит меня. Обычно этим человеком была Джорджи. Ей всегда нравится бить меня палкой правды. Но Джорджи здесь нет, чтобы пометить меня в команде.

— Этот разговор не окончен. — Она шевелит пальцем у меня перед лицом. — Нет, если мне придется самой тащить тебя к врачу. А теперь давай поговорим о чем-нибудь другом, прежде чем ты скажешь маме "до свидания". О чем-нибудь приятном. О, ты знаешь, что у Джеки О'Нил родился ребенок? И очень симпатичный. У меня где-то в телефоне есть фотография. .

Мы говорим о других вещах, но ущерб нанесен.

Я не могу не думать о том, что она сказала. Потому что она права.

Мне не хорошо.

Мне нужно сходить к врачу.

Лучше раньше, чем позже.

Ма уходит в шквале поцелуев, слез и объятий. Мы стоим на обочине возле паба. Я настаиваю на том, чтобы поехать с ней в аэропорт, но она отказывается. Это продолжается до тех пор, пока водитель такси не вмешивается и не говорит:

— Дамы! Пожалуйста, просто попрощайтесь, чтобы я мог продолжить свою смену!

— Ты не можешь поехать, Сливка. Это твоя большая ночь. Оставайся с друзьями. Я позвоню тебе завтра. Люблю тебя.

С этими словами она целует меня в щеку, садится в такси и уезжает. Я остаюсь на обочине и смотрю, как исчезают задние фонари кабины. Мне приходит в голову мысль, что с ней что-то может случиться в самолете, но я подавляю ее, как только она всплывает в моей голове. Неа. Не туда. У меня больше проблем, чем у Харпера, и нет абсолютно никакой причины развивать в себе калечащий страх перед полетом вдобавок ко всему прочему.

Я не хочу возвращаться на вечеринку. Теперь, когда адреналин шоу выветрился, я не в настроении притворяться веселой. Обычно, Пол был тем, кто вытаскивал меня из таких моментов. Он был моим костылем.

Но уйти, не попрощавшись, грубо. С неохотой затаскиваю себя обратно внутрь. Я вижу вдалеке фетровую шляпу Лукаса. Он качает головой, оживленно разговаривая с несколькими бродвейскими людьми. Подойдя к нему, я чувствую, как пальцы сжимают мое запястье. Я останавливаюсь, поднимаю голову и вижу, что темные глаза Арсена смотрят на меня из-под полуопущенных век. Его губы растянуты в хитрой улыбке.

— Деревенщина. Это была твоя мать?

Вспомнив, что он принес девушку, я хмуро стряхиваю с себя его прикосновения.

— Какое тебе дело?

— Она впечатляющая женщина. — Он игнорирует мое отношение, его обаяние на пределе. — Что является очень хорошей новостью для будущей шестидесятилетней тебя.

— Почему, я двадцативосмилетняя, хочу, чтобы ты отправился в поход. Как насчет того, чтобы попробовать быть джентльменом и хоть раз угодить мне?

Хам поцеловал меня и даже не заговорил на эту тему.

— Ну, Виннфред, не будь угрюмой. Это твоя большая ночь.

— Теперь, когда мы разговариваем, она уменьшается, — бормочу я.

Он откидывает голову назад и смеется.

— Вот. Ты знакома с Гвендолин? — Он указывает на свою спутницу бутылкой пива. Она делает шаг вперед и улыбается мне, протягивая руку для пожатия. — Гвен, это Виннфред. Она играет Нину, как ты поняла из пьесы.

Значит, он действительно пришел на спектакль.

С девушкой, Винни.

Я пожимаю руку Гвен.

— Рада встрече. Надеюсь, тебе понравилось шоу?

— Это было восхитительно. Вы с Тригориным выбили его из колеи. — Гвен выглядит

восхищенной и искренне впечатленной. — А я видела много версий "Чайки", если позволишь.

Она яркая, умная и красноречивая. В ней нет ничего, что мне могло бы не нравиться, кроме ее существования. По какой-то причине меня больше устраивала мысль, что Арсен никогда не откажется от Грейс, точно так же, как я застряла на Поле.

— Это очень мило с твоей стороны. — Я опускаю голову, краснея. — Ну, я не хочу задерживать вас двоих. Я должна пойти и попрощаться...

— Уже? — Арсен бросает на меня притворно обиженный взгляд. — Вечер только начался.

— Для тебя, может быть. Я заканчиваю ночь.

— До того, как торт будет разрезан и произнесены речи. Боже мой, ты даже не пытаешься, не так ли? — Арсен встает между мной и дверью в качестве легкого, хотя и преднамеренного буфера. — Особенно, когда будущее Калипсо Холла висит на волоске. Ты ведь знаешь, Виннфред, я не большой любитель театров, а тем более бездельников.

— Да, я в курсе. — Я скрещиваю руки на груди. Гвен улыбается про себя, удивленная нашим разговором. — Я рискну. Какие-нибудь напутствия?

— Ты выглядишь озабоченной. Что у тебя на уме? — Он склоняет голову набок, больше развлекаясь, чем беспокоясь.

— Не твое дело. — Я обхожу его стороной и иду прямо к двери, черт побери. Я едва могу справиться с ним в хороший день, тем более в тот, когда мне напоминают о моих проблемах со здоровьем.

Я уже почти у деревянной двери, когда мне что-то приходит в голову. Я останавливаюсь, тихо проклиная себя, затем резко поворачиваюсь и направляюсь прямо туда, где он стоит. Именно там я его и оставила. На его лице дерзкая ухмылка. Он небрежно прислоняется к деревянной перекладине. Этот придурок знал, что я сделаю разворот. Это написано у него на лице.

— Еще кое-что. — Я поднимаю палец между нами.

— Удиви меня.

— Рекламный щит.

Его глаза из насмешливых превращаются в настороженные, но он ничего не говорит.

— Зачем ты это сделал? — Я спрашиваю. — Тебе не нужно было. Мы так и не закончили ту бильярдную игру.

— Рыцарство, конечно. — Он театрально разводит руками. — Ты сказала мне с чего-то начать, не так ли?

Да, но это было секунду назад.

— Сомневаюсь, что ты можешь произнести это слово, не говоря уже о том, чтобы попрактиковаться.

Он смеется, довольный.

— Ты права. Я сделал это из чисто эгоистичных соображений. Я хотел обеспечить хорошую отдачу от своих инвестиций, и «Чайка» выглядела так, как будто она действительно может принести несколько долларов.

— Этого тоже не может быть. — Мои кулаки сжимаются рядом с моим телом. Я теряю терпение. Я устала от его насмешек. Из-за того, что меня вытолкнули из зоны комфорта. — Есть много способов прорекламирровать пьесу, которые не включают в себя ублажения моего эго.

— А, значит, ты признаешь, что у тебя есть это.

— Небольшое. — Я сжимаю два пальца вместе.

— Да, да, я знаю. Я пытаюсь изменить это. Никто не любит альтруизм, Виннфред. Это такая скучная черта.

— Поэтому ты дал мне рекламный щит? Чтобы доказать мне, что я тщеславна? — Я нажимаю.

Он делает шаг вперед, его рот на расстоянии дыхания от моего уха. По моей шее пробегают мурашки, а дыхание становится затрудненным.

— Может быть, мне просто нужна была приманка, чтобы заманить тебя в разговор, от которого ты ушла той ночью в «Пьере». Удалось ли мне?

Конечно, да. Я здесь, в конце концов. Тянусь к нему, как мотылек к огню. Молюсь, как отчаявшаяся школьница, чтобы его губы коснулись раковины моего уха.

Я отдергиваюсь от него, понимая, что он получил меня именно там, где хотел.

— О чем ты хочешь поговорить?

— У нас есть только один общий интерес, и он не дает нам спать по ночам.

Грейс и Пол.

— На самом деле, судя по сегодняшнему дню, то, что не дает тебе спать по ночам, никак не связано с твоей покойной невестой. — Я холодно смотрю ему за спину, ища Гвен.

— Ревнуешь? — Он вопросительно поднимает бровь.

— Не обольщайся, — бормочу я.

— Мне должно быть так повезло. Молодая, красивая поклонница. Да еще и из Библейского пояса.

Я недоверчиво смеюсь, отталкивая его.

— Я не глупая деревенская девчонка, как ты думаешь.

— О, да. Ты очень наблюдательна. Я в восторге от твоей бдительности. — Он небрежно оглядывается вокруг, что заставляет меня сделать то же самое. И тут я понимаю...

— Подожди, а где Гвен?

Его белые зубы блестят. Он слишком наслаждается этим обменом.

— Кто?

— Твоя напарница! — Я собираюсь убить его. Я в этом уверена.

Он оглядывается, как будто только что понял, что она ушла.

— Должно быть, она ушла. Удивительно, почему.

— Ты уделял мне больше внимания, чем ей, — горячо говорю я, зная, что попадаю прямо в его ловушку. — Что невероятно грубо.

— Грубо? — Он выглядит искренне удивленным. — Грейс любила, когда я приводил девушек и пренебрегал ими в пользу нее в середине вечера. Смею сказать, это было ее любимое занятие.

Грейс звучит как настоящее произведение искусства.

— Я так понимаю, это повторение?

Он пожимает плечами, засовывая руки в передние карманы.

— Ей нравилось, когда ей часто напоминали о ее красоте, и предпочтительно пренебрежительно к другим.

— Ну, некоторые девушки достаточно уверены в своей шкуре, чтобы не подводить других. Твои отношения серьезно испортились.

— Хотя я поддерживаю твоё заявление, я думаю, мы оба можем согласиться с тем, что

Пол тоже не был материалом, из которого сделаны лодки мечты.

Я открываю рот, чтобы поспорить с ним, защитить Пола, но нужные слова ускользают от меня. Он прав. Пол изменял мне с Грейс. У него есть квитанции, подтверждающие это. Глупо притворяться, что наши отношения были пуленепробиваемыми.

Судя по выражению моего лица, он улыбается.

— Что, нечего сказать? Очень хорошо, Виннфред. Я вижу прогресс, и мне это нравится.

— И что? — бесстрастно спрашиваю я. — Куда ты клонишь с этим разговором?

— Поскольку ты, очевидно, не интересуешься этим местом так же, как и я, я подумал, что мы могли бы отправиться в квартиру Грейс и порыться в ее вещах. Посмотрим, узнаешь ли ты что-нибудь о Поле.

Умная женщина откажется от такого предложения. Мы уже выяснили, что Пол и Грейс не раз ссорились за нашими спинами, причем часто. Какой смысл лезть в эту открытую, незаживающую рану?

Я подозреваю, что мы с Арсеном продолжаем это делать, потому что это заставляет нас что-то чувствовать; иначе мы полностью оцепенели. Боль — отличный заменитель удовольствия. Оба являются радикальными чувствами, даже если одно положительное, а другое отрицательное. И может быть, только может быть, Арсен так же одинок, как и я, и этот проект напоминает ему, что когда-то он кому-то принадлежал.

Разве не этого мы жаждем в конце концов? Принадлежать. Семье, родителям, партнерам, сообществам?

— Ну? — Он спрашивает. — Что скажешь?

Нет.

Мне завтра рано вставать.

Все, что мы делаем, это причиняем себе вред.

Это укусит нас за задницу.

В конце концов, я такая же, как Арсен. Зависим от чувства, которое приходит вместе с болью.

— Вызови такси.

ГЛАВА 18

Винни

Квартира Грейс роскошна и шикарна. Все либо черное, либо белое. Везде дорогие пледы и вазы, которые когда-то были наполнены живыми цветами, я уверена. Я устраиваю себе экскурсию по залу, пока Арсен включает свет.

— И ты продолжаешь платить за аренду этого места? — Я оглядываюсь на стеклянный камин и сделанные на заказ шторы. Конечно, это минимум 15 тысяч долларов в месяц без учета коммунальных платежей.

— Ага, — коротко отвечает он, направляясь на кухню и принося нам обоим по бутылкам воды. Меня успокаивает то, что в ее квартире все еще есть прохладительные напитки. Из-за этого моя мания Пола кажется почти нормальной. Арсен тоже делает это место пригодным для жизни.

— Почему? — Я поворачиваюсь лицом к нему. — Ты всегда всем читаешь лекции об умных инвестициях. Значит, платить арендную плату за старую квартиру твоей покойной невесты — это логичное решение?

— Нет. — Он прислоняется бедром к кухонному островку и делает глоток воды. —

Обычно я не делаю иррациональных трат. Это редкая снисходительность, и я надеюсь, что после того, как мы закончим друг с другом, мне будет легче расторгнуть договор аренды.

Его слова поразили меня где-то глубоко, потому что часто мне хотелось бы тоже ненавидеть Пола. Это был бы самый простой способ обойти его.

Подойдя к Арсену, я хватаю бутылку с водой, которую он мне протянул, и открываю ее. — И когда, по-твоему, мы покончим друг с другом?

— Это зависит от твоего сотрудничества, деревенщина.

— Перестань называть меня так.

— Перестань обижаться на это, — парирует он. — Тебя не должно волновать, что о тебе думают. Это никогда не приносит человеку пользы. И, во всяком случае, мнение людей о тебе — это отражение их самих. Не тебя.

— Мне всегда кажется, что ты ожидаешь, что я буду смущена тем, откуда я родом.

— А что, если так? — Он задерживается на этом моменте. — Почему ты должна поддаваться желаниям и ожиданиям других людей? У тебя есть свобода действий и восхитительный ум. Продолжай отшивать меня. Сопrotивляйся. Никогда не стыдись того, откуда ты родом. У человека нет будущего, если он не признает свое прошлое.

— А ты? — Я наклоняю голову вбок. — Ты уже признался в своем прошлом?

Его глаза встречаются с моими. Он выглядит задумчивым.

— Следующий вопрос.

Я ухмыляюсь. Я подловила его на этом. Это маленькая победа, но все же победа.

— Ты что-то скрываешь.

— Мы все что-то скрываем. — Он закатывает глаза. — Некоторые из нас просто лучше хранят секреты.

Он прав.

— Так... с чего нам начать? — Я оглядываюсь вокруг.

— Ее спальня. — Арсен отталкивается от острова и направляется к коридору. — Где они, вероятно, проводили большую часть своего времени вместе. Ублюдки.

Не то чтобы это должно меня удивлять, но я нахожу вещи, которые указывают на то, что Пол и Грейс были вместе на месте преступления.

В шкапулке Грейс лежат часы из нержавеющей стали с перламутровым розовым циферблатом, такие же, как те, что он подарил мне на Рождество. На обоих часах есть гравировка и одинаковый шрифт. В ее шкафу также хранится толстовка с капюшоном, которую Пол обычно носил и которая таинственно исчезла во время одной из его деловых поездок, а на ее кухне стоит банка с очень специфическим видом лунных пирожных, которыми Пол был одержим, и я должна была найти их для него, даже когда не было Лунного Нового года.

Его ДНК повсюду. И они даже не были здесь часто. У Арсена были ключи от этой квартиры, а это значит, что Грейс могла принимать здесь Пола только тогда, когда его не было в городе.

— Знаешь что? На самом деле я ожидала найти больше, — бормочу я, когда мы с Арсеном падаем на кушетку Грейс. — Учитывая, что у них был роман в течение как

минимум девяти месяцев.

— Но подумай об этом, — возражает он. — Она знала, что я заходил сюда, когда захочу. Печенье говорит об этом, деревенщина. — Они показывают уровень близости. Если бы это была мимолетная интрижка, они бы не знали кулинарных предпочтений друг друга.

Я откидываю голову на диван, закрывая глаза.

— Почему они не оставили нас? — Я хриплю, открывая глаза. Я замечаю, что Арсен странно смотрит на меня. Что-то среднее между раздражением и удивлением.

— Ну.... — Он криво улыбается. — Потому что я был слишком богат, а ты была слишком хорошей добычей, чтобы отказываться от нее. Я не думаю, что Пол и Грейс планировали бросить нас ради друг друга. Они просто хотели нас подколоть. Для Грейс это было связано с тем, чтобы не принадлежать мне. Это был ее способ убедить себя в том, что она не отдалась мне. Это был ее способ уверить себя, что она не сдалась мне полностью. С Полом... — Он замолкает, бросая на меня косой взгляд. — Хм, теперь мне интересно. Чем ты его разозлила? Сожгла свой знаменитый яблочный пирог?

Если бы...

Я точно знаю, в чем я не угодила Полу.

Конечно, я лучше умру, чем разделю это с Арсеном.

— Тебе не обязательно говорить. — Он похлопывает меня по колену. — Ответ у тебя на лице. Бедная Виннфред.

Я чувствую, что краснею, и собираюсь наброситься на него, дать ему часть своего разума. Потом мне что-то приходит в голову.

— Знаешь, я думаю, что Пол был без ума от того, кем я была. Я имею в виду, я думаю, что я ему нравилась как идея, а не как человек. Здоровая маленькая светловолосая жена с милым акцентом, которая пекла печенье, работала волонтером в больницах и умела метать топор. Но потом он увидел, как смотрят на меня его коллеги — Чип, Пабло и даже Грейс — и он был... не знаю, разочарован.

— Разочарован как?

— Они не видели во мне равного себе. Достойного соперника. Ох. — Я машу рукой, смеясь сквозь боль. — Дело не в том, что я им не нравилась. Нравилась. Но примерно так, как ты любишь свою домашнюю собаку. Они считали меня очаровательной и одноразовой. А после крушения самолета, когда я снова и снова звонила Чипу и Пабло, просила, умоляла дать ответы, пролить свет на то, почему Пол и Грейс вместе, никто из них не отвечал на мои звонки. Сначала они извинялись за это, но вскоре я перестала получать даже их неловкие текстовые сообщения.

— Они обращались с тобой как с мусором, — прямо говорит он.

Я качаю головой.

— Они обращались со мной так, как будто я была бессильна, потому что так оно и было.

— Для них, — подчеркивает он. — Никогда не ставь себя в положение, когда ты снова позволяешь людям думать, что ты бессильна, Виннфред. Они всегда этим воспользуются. Я знаю, что так и было.

Я знаю, что он говорит о нашем обмене в Италии, и у меня переворачивается живот.

Он встает и неторопливо идет к двери.

— Давай возьмем что-нибудь поесть. Все эти разговоры о неверности и предательстве вызывают во мне голод.

Я смотрю на свой телефон.

— Сейчас час ночи.

— Да, и никто из нас не обедал. Я знаю, потому что не спускал с тебя глаз последние шесть часов.

Это чуждое чувство расцвета под неожиданным солнечным светом врезается в меня. Правда? Он следил? Он заметил? Заманчиво притворяться, что я ему нравлюсь, даже если я знаю, что это не может быть правдой.

— Я не думаю, что у нас одинаковые кулинарные предпочтения. — Я пытаюсь уклониться от предложения.

— Ты будешь удивлена.

— Куда ты хочешь пойти? — Я вскакиваю на ноги прежде, чем осознаю это, следуя за ним.

Он отмахивается от меня.

— Вот увидишь.

Десять минут спустя мы оказываемся в захолустном ресторане, спрятанном в глубине кубинского гастронома, открытого всю ночь. Мы проходим через настоящий винный погреб, прежде чем спуститься по нескольким ступеням в его подвал, где горстка круглых столиков, громкая кубинская музыка, официанты и посетители весело смеются и переговариваются. Густое облако сигарного дыма висит над комнатой. Я удивлена, что Арсен часто посещает это место. Оно не позолочено и не имеет звезд Мишлен.

Нас проводят к маленькому столику. Я заказываю кальмаров в чесночном соусе, а он — лечон асадо. Еда прибывает в рекордно короткие сроки и подается на тарелках, которые вы найдете на кухне вашей тети. Они даже не совпадают, что мне нравится. Впервые за несколько месяцев, а может быть, и лет, я чувствую себя на Манхэттене непринужденно. Это место похоже на чей-то дом. Ему не хватает гламура и притворства, которые обычно присущи чему-либо в этом почтовом индексе.

— Мне нравится это место, — признаюсь я.

— Так и знал. — Он глубоко концентрируется на еде.

Я должна была быть уставшей, но я не устала. Может быть, это адреналин от шоу, или встреча с Ма, а может быть, от поездки в квартиру Грейс и встречи лицом к лицу с проступками Пола. Неважно, что это, но я действительно бодрствую, пока мы поглощаем еду.

— Так ты регулярно встречаешься с людьми со времен Грейс?.. — Я поднимаю эту тему, жуя липкий кусочек кальмара.

— Я не встречался с тех пор, как Грейс умерла. И я не хочу. Я никогда не был парнем, который любит отношения.

— Ты был помолвлен. — Я пронзаю вилкой другого кальмара, направляя ее на него.

— Грейс была женщиной, которая бывает раз в жизни. — Он щедро откусывает асадо. — У меня есть только одна жизнь; поэтому я не ожидаю найти кого-то вроде нее.

— Значит, ты никогда не планируешь двигаться дальше? — спрашиваю я со странной грустью, хотя я не должна заботиться о нем.

— А ты? — Он поднимает взгляд от своей тарелки.

Закусив губу, я думаю об этом.

— Надеюсь, что да. Логика подсказывает, что в какой-то момент я это сделаю. И если честно, с тех пор, как я узнала, что он действительно мне изменил...

— Это должно упростить задачу, — дополняет Арсен. — Акцент на части "должно".

Он понял. То, что они не заслужили нашей любви, не означает, что мы можем перестать их любить.

— Так о чем же была Гвен? — Я настаиваю.

Он машет пренебрежительно рукой.

— Гвен старая подруга. Мы иногда общаемся друг с другом. Я не хотел, чтобы меня сегодня беспокоила команда "Калипсо Холла", а она была буфером между маленькими людьми и мной.

То, как он это говорит, маленькие люди, как будто он не смертный, напоминает мне, что, несмотря на его удивительную нежность ко мне, он все же существо опасное.

Я откидываюсь на спинку сиденья.

— А теперь посмотри на себя. Сидишь здесь с южной деревенщиной, не меньше. О, как пали сильные.

— Мы оба знаем, почему мы здесь. Никакого притворства. Никаких иллюзий о том, кто мы и чего мы хотим. — Он доедает свой последний кусочек, и прежде чем он успевает даже проглотить, между нами прыгает официант, протягивая ему скрученную вручную сигару и зажигая ее для него.

— Хочешь одну? — Арсен указывает на меня зажженной сигарой.

Я качаю головой. Словно прочитав мои мысли, Арсен морщится.

— Да ладно, деревенщина. Попробуй. Разрушение стереотипов должно быть сейчас нашим приоритетом.

Официант задерживается, глядя на меня с нескрываемым любопытством. Я решаю подчиниться, главным образом потому, что я никогда не курила сигары, и потому что Арсен, несмотря на все его многочисленные вопиющие недостатки, готовится стать приятным противником.

Я беру одну, позволяя официанту зажечь ее для меня.

— Не вдыхай, — инструктирует Арсен, внимательно изучая меня глазами. — Ты поглощаешь никотин через слизистую оболочку рта.

Я делаю, как мне говорят, и все равно немного кашляю.

— Боже мой, оно пахнет как горящие носки.

— Масло и деготь. — Он смеется. — Ни то, ни другое не должно потребляться человеческим телом.

— Ты плохо на меня влияешь. — Я косо смотрю на него, держа сигару подальше от лица. Я закончила. Я пришла, я увидела, я выкашляла легкое. Больше нет.

Арсен наклоняется вперед, ловя мой взгляд.

— Хотел бы я, чтобы кто-то давно развратил тебя, и достаточно тщательно, чтобы ты вынюхала ласку вроде Пола Эшкрофта и не дала ему шанса. Знаешь, я мог бы избавить тебя от многих душевных страданий. Если бы я встретил тебя первым.

— Ты был с Грейс.

— Понемногу. — Он поднимает плечо. Я не понимаю, почему мы говорим о гипотетическом сценарии, по которому мы могли бы встречаться. — Предупредив тебя о волках с Уолл-стрит, ты бы спаслась от этого засранца.

— Никто не мог знать. — Я потушила сигару в пепельнице.

— О, я мог. — Он откидывается назад. — Еще в Италии, когда я публично поджарил тебя, а он закрыл на это глаза.

— Ну, и что из этого следует? — Я гневно сверкнула зубами. — Если не еще большим засранцем, чем Пол.

Он кивает, невозмутимо.

— Верно, но моя невеста все это время знала обо мне. Ей никогда не был нужен принц. Всего лишь интересный враг, с которым можно скоротать время.

Всякий раз, когда я думаю об отношениях этих двоих, мне хочется плакать. Казалось, между ними было столько враждебности и печали. Затем я напоминаю себе, что не должна осуждать. По крайней мере, Арсен и Грейс знали друг друга такими, какие они есть на самом деле. Я так и не узнала человека, который делил со мной квартиру, жизнь, постель.

После того, как мы закончили, мы выливаемся в ночь. Я иду в сторону своей квартиры, и он следует за мной. Наше время подходит к концу, и я одновременно испытываю облегчение и разочарование. Я не знаю, как я отношусь к этому человеку. В какой-то момент я нахожу его присутствие утешительным и воодушевляющим. В другой, я хочу ударить его ножом в шею.

— Ты действительно собираешься продать семейный театр? — спрашиваю я, пока мы идем по улице.

— Да.

Я обхватываю себя руками, чувствуя ночной холод.

— Хорошо. Может быть, следующий владелец действительно приложит к этому усилия. Исправит все, что нужно исправить.

— Не рассчитывай на это. — Он цокает. — Без обид, но это место — настоящая денежная яма. А теперь, как насчет того, чтобы вернуться к обсуждаемому вопросу. Наша сделка. Точнее, кабинет Пола. — Он резко останавливается посреди тротуара, заставляя меня тоже остановиться. Мы стоим друг перед другом. Его лицо серьезно, впервые за долгое время. Я ловлю себя на том, что хочу разгладить складки между его бровями.

— Я хочу, чтобы ты впустила меня внутрь.

— Поэтому ты впустил меня в квартиру Грейс?

Несмотря на то, что мы не друзья, я нахожу разочарывающим то, что все, что он делает со мной, для меня, со мной, всегда является результатом его одержимости Грейс.

— Да, — честно говорит он. — И я не возражаю против того, чтобы ты пришла в мою квартиру и прошлась по ней. Хотя, должен предупредить тебя, в моем доме повсюду камеры, и шансы, что Пол когда-либо был там, сродни тому, что я спонтанно родил утря.

— Я не могу впустить тебя в его кабинет. Это было бы нарушением доверия Пола ко мне, — медленно говорю я. — Несмотря на то, что он был сертифицированным мусорщиком, я придерживаюсь более высоких стандартов.

— Но разве ты не хочешь знать? — Его глаза озорно блестят.

— Знать что?

— Какие еще карты я держу в рукаве. У меня все еще есть о нем больше информации, — уговаривает он. — Тебе еще многое предстоит исследовать, узнать, ненавидеть.

— Я хочу сначала посмотреть файл, — говорю я. — От частного сыщика.

— Достучись до себя. — Он усмехается.

— И есть основное правило, которое я хочу изложить прямо здесь и сейчас, прежде чем

мы продолжим этот путь к разрушению частной жизни наших близких и нашей преданности им.

— Положись на меня, деревенщина.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Никогда, никогда больше не целуй меня.

Наступает тишина, прежде чем он запрокидывает голову и беспечно смеется.

— Я даю тебе слово. Я буду держать свои губы и другие органы при себе.

— Тебе было не так просто сделать это на гала-концерте. — Я продолжаю свою прогулку, стараясь, чтобы в моем голосе не было оскорбления. Он подстраивается под мой шаг, издавая сексуальный гортанный смех.

— Да ну, как установлено, я был очень пьян и очень одинок. Не очень хорошая комбинация, я уверен, ты согласишься.

— Избавь меня от своих оправданий. Просто никогда больше не прикасайся ко мне.

— Почему? — спрашивает он, искренне заинтересованный. — Прости меня за честность — в наши дни ею пользуются немногие, — но это не значит, что ты предала Пола. В настоящее время он на глубине шести футов, на поздней стадии разложения...

— Арсен! — Я рычу, снова останавливаясь на месте.

— ...после того, как изменял тебе на протяжении большей части вашего короткого брака. — Он игнорирует мое возмущение, продолжая. — В то время как я прямо здесь, очень живой, и, смею сказать, более привлекательный, чем эта овсянка с ногами и стрижкой. И ты не можешь сказать мне, что не находишь меня привлекательным, потому что я, может быть, и был пьян во время того поцелуя, но мои уши были в порядке. И я помню, Виннфред, как твое сердце билось о мою грудь. Как ты стонала и дрожала...

— Остановись! — Я отчаянно толкаю его, отталкивая, мое лицо горит от стыда и чего-то еще. Чего-то темного и развратного. Потребность? — Просто остановись! Меня не волнует, что он обманул. Меня не волнует, что он был подонком. Он по-прежнему был моим мужем.

Арсен небрежно смотрит на меня, ожидая, когда уляжется буря.

— Теперь, пожалуйста, оставь меня в покое. Я могу идти домой одна.

— Нет, — ровно говорит он. — Я прослежу, чтобы ты благополучно добралась туда.

Я снова начинаю двигаться в сторону своей квартиры.

— Ох. Ты говоришь как хороший южный мальчик.

— Не надо бросаться в мою сторону оскорблениями. — Он возобновляет свою прогулку. — Возвращаясь к нашему первоначальному разговору — ты можешь ознакомиться с делом частного детектива, когда захочешь, при условии, что после этого ты дашь мне доступ в кабинет Пола. Кроме того, когда бы мы ни встретились, я обещаю не целовать тебя.

— Спасибо, — говорю я чопорно.

Он усмехается.

— Ты будешь той, кто поцелует меня сама.

— Мечтай! — Я кричу по-детски.

Мы почти у моей квартиры, и солнце начинает выглядывать из-за крыш. Куда пропала ночь? Я провела с этим человеком десять часов, даже не осознавая этого.

Я останавливаюсь у входной двери и поднимаю подбородок.

— Я свяжусь, когда буду готова увидеть файл.

— И последний вопрос. — Арсен прислоняет руку к моему уху, прислоняясь к моему

зданию. Он такой бесстрастный, такой красивый, что с ума сойти от мысли, что он — был — мужчиной одной женщины.

— Что такое?

— Я слышал, как твоя мать говорила, что тебе следует пойти к врачу. Ты в порядке? Да. Нет, я не знаю. Я слишком боюсь проверять.

Небрежно смеясь, я говорю:

— До свидания, Арсен.

Я распахиваю входную дверь и захлопываю ее перед его носом.

В конце концов, для него это было бы еще одним экзотическим лакомым кусочком, над которым можно посмеяться по дороге домой.

Для меня это моя жизнь. Моя судьба. Мое горе.

Я просыпаюсь от одновременного звона телефона, будильника и дверного звонка. Застонав в подушку Пола — мне до сих пор нравится нюхать ее по ночам, делая вид, что его запах остается на мне, — я отлепляюсь от теплых простыней.

Я бью будильником по кнопке. Пока я тянусь к телефону, звонок обрывается. Я щурюсь, экран слишком яркий для моих сонных глаз. Цепочка текстовых сообщений катится одна за другой.

Лукас: СКАЖИ МНЕ, ЧТО ЧИТАЕШЬ «ТАЙМС». СКАЖИ МНЕ, ЧТО ЧИТАЛА. БОЖЕ МОЙ. БОЖЕ МОЙ. ТЫ ЗНАМЕНИТА, ДЕТКА.

Рахим: Нам нужно попросить о повышении зарплаты после этого, лол.

Рахим: Кстати, ты хорошо добралась до дома?

Ма: Привет, Сливка. Вернулась домой целой и невредимой. Полет, к счастью, прошел без происшествий. Все передают «привет». Мы любим тебя и очень гордимся тобой!

Крисси: Уверена, что не хочешь подумать о Голливуде? Похоже, это будет год Винни Эшкрофт. Ты сейчас горячая штучка, буу.

Звонок в дверь снова звонит, и я вскакиваю с кровати, стукнувшись ногой о каркас кровати, по пути за ней.

— Твою ж мать... — бормочу я, распахивая дверь. Я ожидаю увидеть Крисси на другом конце, но вместо этого это курьер в пурпурно-желтой униформе. Он сует мне в руки iPad с сенсорным экраном.

— Виннфред Эшкрофт? Подпишите здесь, пожалуйста.

Я подписываю. Когда я закончила, он передает мне толстую стопку газет и журналов.

— Подождите, а кто мне это прислал?

Парень пожимает плечами.

— Я здесь, чтобы доставить вещи, мэм.

Он разворачивается и уходит.

Я раскладываю все журналы на своем обеденном столе и открываю в каждом из них театральный отдел. Четыре новых рецензии на «Чайку».

— В ансамбле, состоящем из относительно опытных актеров, Эшкрофт сияет как трагическая героиня пьесы с ее шелковистым, мечтательным взглядом и кокетливой хрупкостью.

— Бродвею есть за что ответить. Это неслыханно, почти преступно, что Виннфред Эшкрофт до сих пор не украсила собой ни одну из его сцен.

Даже менее восторженные отзывы все же несколько благоприятны.

— Хотя «Калипсо Холл» нельзя обвинить в создании высококачественных, заставляющих задуматься работ в последние годы (или вообще), подход Лукаса Мортонна к одной из наиболее известных пьес Чехова, возможно, не является изобретением, но дает прочный, захватывающий побег от реальности.

Я откладываю газеты и затыкаю ладонями глазницы. Конечно, на сцене я выглядела трагически. Это потому, что я трагична.

Первые ростки истинной обиды прорастают во мне всякий раз, когда я вижу фамилию Эшкрофт рядом со своим именем. Кажется, все неправильно. Я не Эшкрофт. Родители Пола почти не отвечают на мои звонки, когда я пытаюсь дозвониться и проверить их. Я Таулз. Всегда была.

И дело не только в этом. Истинный смысл того, что сделал Пол, наконец, начинает доходить до меня. Он обременил меня своей фамилией, хотя я всегда должна была быть Виннфред Таулз. Девушка с мечтательными глазами из Малберри-Крик, которая мечтала по-крупному и, наконец, осуществила это.

Арсен прав. Пол и Грейс не заслуживают нашего сочувствия, нашей преданности, нашей верности. Он прав во многом. Я никогда не должна чувствовать себя бессильной. И это нормально иметь немного эгоизма. Это лучше, чем отказаться от себя только для того, чтобы быть «Женой».

И еще в одном он прав...

Позвонить своему врачу.

Я беру телефон и звоню.

— Sullivan OB-GYN Medical Group, чем я могу помочь? — отвечает бодрый голос. Я открываю рот, чтобы записаться на прием, но не могу произнести ни слова.

Мне нужно обратиться к врачу.

Мне нужно сдать анализы.

Я не в порядке, возможно, я никогда не буду в порядке, и я боюсь того, что это может означать.

— Здравствуйте? Алло? — спрашивает секретарша на другой линии.

Я вешаю трубку, вскакиваю на ноги и несусь в ванную. Я хватаюсь за края раковины и смотрю на себя в зеркало.

— Ты такая трусиха, Винни Эшкрофт. Такая проклятая трусиха. Я хочу вернуть Винни Таулз.

Впервые за долгое время я узнаю лицо, смотрящее на меня. Я вижу девушку из Малберри Крик. Ее веснушки. Непокорность. Надежды. Мечты. Смех в ее глазах.

— Винни! — Я закрываю зеркало руками. Внутри меня бурлят удивление и облегчение. Я вижу девушку, которая навещает детей в больнице, чтобы сделать их счастливыми. Девушку, которая тайком встречалась с Рисом Хартнеттом, капитаном футбольной команды, во время выпускного вечера и потеряла девственность в раздевалке для мальчиков, пока он извиняющимся поцелуем заглушал ее стоны. Та самая девушка, которая появилась в аэропорту Нэшвилла с половиной города за спиной, когда она попрощалась с Теннесси и переехала в Нью-Йорк.

Девушка, которая научила соседских детей крутить колеса на своей росистой лужайке

перед домом. Которой втайне нравилось каждое воскресенье ходить в церковь, потому что это давало ей ощущение общности, заземления. Которая читала классику и мечтала о большем, представляя себя на месте Джейн Эйр и Элизабет Беннет.

Я люблю эту девушку. Она все еще здесь, и именно она спасла меня прошлой ночью на сцене.

— Хорошо, что ты вернулась. — Я щупаю зеркало, улыбаясь. — А теперь, пожалуйста, скажи своему новому «я», что тебе нужно провериться?

Я моргаю, и в мгновение ока все исчезает. Это снова я. Винни Эшкрофт. Впалые щеки и избитые жизнью. Преданная и неуверенная.

Только на этот раз я точно знаю, кем мне нужно быть, чтобы привести свою жизнь в порядок.

Винни Таулз.

ГЛАВА 19

Арсен

Две недели спустя я сижу напротив Арчи Колдуэлла в ресторане. Арчи — мой старый знакомый по Академии Эндрю Декстера. Он живет в Лондоне, и всякий раз, когда он в Нью-Йорке, он тащит меня в самые ужасные заведения. Со звездой Мишлен, с очень белыми скатертями, минимальным дизайном и едой, которая выглядит как образцы из Costco, поданные на огромном фарфоре.

— Как ты справляешься со всем этим.. ты знаешь. — Арчи морщится.

— Смерть моей невесты? — вежливо подаю я, беря ложку икры из миски со льдом. — Жизнь продолжается, — протягиваю я.

— Вот это дух, приятель. — Он тянется через стол, чтобы неловко похлопать меня по руке. — Это не конец света. О, полагаю, для нее — да. В любом случае, заказать нам еще грейпфрутового розе и какой-нибудь десерт?

— Можешь, если хочешь соблазнить меня, но я буду честен, Арчи. Ты слишком женат, а я слишком натурал. Твои шансы невелики.

Арчи и я, хотя и дружим, не были близки уже много лет. Значит, он позвал меня сюда не просто так. Я за версту чую намерения людей. Арчи здесь, чтобы представить деловое предложение. Я бы хотел услышать его больше, чем его бездумную болтовню об облигациях и дивидендах по акциям.

Арчи усмехается и почесывает затылок, не привыкший к тому, что его окликают.

— Справедливо. По крайней мере, я могу оценить твою чертову честность. Правда в том... ну, начнем с самого начала. — Он прочищает горло, сигнализируя официанту о счете. — Сэди и я переезжаем в Нью-Йорк в январе этого года.

— Переезжаете? — бесстрастно спрашиваю я. Сэди — его жена. Третья жена, если быть точным. Он проходит через них, как через носки.

— Да. Видишь ли... у нас в семье случилась маленькая трагедия. — Лицо Арчи удрученное.

— О. — Я сажусь обратно.

— Мы преждевременно потеряли нашу дорогую, дорогую Дейзи.

— Прости, — говорю я. — Я не знал, что вы с Сэди ждали ребенка.

— Ждали...? — Лицо Арчи искажается в замешательстве, прежде чем он взмахивает ладонями. — Нет, нет, ты неправильно понял. Дейзи была спаниелем Кинг Чарльз Сэди

Такая милая собака. Я подарил ей Дейзи на Рождество, но бедный щенок вскоре умер от собачьей чумы. Сэди тяжело это восприняла. Она была абсолютной развалиной долгое время.

Собака.

Он сравнивает смерть Грейс со смертью собаки.

Я знаю, что мое лицо ничего не выражает — я много лет практиковал искусство пофигизма, — но внутри я горю от ярости.

— Пожалуйста. — Я поднимаю ладонь. — История слишком глубока. Больше ни слова. Так ты переезжаешь в Нью-Йорк?

Арчи, уловив сарказм, выглядит взволнованным.

— Ну да, и видишь ли, Сэди будет очень скучно здесь, пока я помогу папе с этим ужасным зданием, которое он пытается купить...

— Итог, Арчи. — Я смотрю на часы.

— ... и я узнал из слухов — от друзей Эндрю Декстера, которые часто бывают в Новом Амстердаме, — что ты собираешься продать свой причудливый маленький театр. Калипсо Холл, не так ли? У Сэди всегда была страсть к театру — она любит Вест-Энд — и, учитывая, что «Чайка» уже имеет оглушительный успех, думаю, ей будет чем заняться, пока она здесь. Чувство цели.

Я смотрю на него, лениво гадая, что делает его таким, какой он есть, — избыток глупости или привилегии? Возможно сочетание того и другого. Я не сомневаюсь, что имя его семьи значится в библиотеке Кембриджа, где он получил высшее образование. Этот придурок никак не мог попасть сюда по заслугам.

Я открываю рот, чтобы ответить ему, но он опережает меня.

— Прежде чем ты что-нибудь скажешь, у меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

— Звучит как вызов. — Я ухмыляюсь.

— Говорят, «Калипсо Холл» стоит шесть целых два десятых.

— Они много чего говорят. — Я играю с салфеткой на столе. Сказанный слух был пущен мной. На практике, сказал мне Ральф, это стоит гораздо меньше.

— Я предлагаю тебе восемь миллионов долларов, если ты подпишешь контракт на этой неделе.

Наступает тишина, пока я перевариваю его предложение. Это нестандартно, может быть, даже немного экстремально, делать такую высокую ставку на столь жалкое деловое предприятие. В этом нет никакой логики, только необходимость утихомирить его жену, требующую повышенного внимания.

Каждая прагматичная косточка в моем теле говорит мне принять это. Лучшего предложения не будет, с успехом «Чайки» или без него.

Может быть, это потому, что Арчи сравнил смерть Грейс со смертью беспородной собаки, а может быть, потому, что он даже не удосужился приехать на похороны моей невесты. Черт, это может быть даже внезапный, неожиданный успех Calypso Hall за последние пару недель, но я не особо тороплюсь продавать его, какой бы ни была сумма.

— Действительно, это неприличное число. — Я поднимаю глаза и вижу его жаждущий взгляд, прилипший к моему лицу.

— Я же говорил. — Арчи удовлетворенно цокает языком. — Тогда я поговорю со своим адвокатом?

— Если хочешь, и наслаждайся дорогой беседой. — Я встаю, разглаживая свой кашемировый свитер. — К сожалению, Calypso Hall в настоящее время не продается. Так не пойдет.

Я роюсь в кошельке в поисках нескольких купюр и бросаю их в непосредственной близости от Арчи, прежде чем выйти из ресторана. Воздух больше не кислотно-горячий, свидетельствующий о первых признаках осени. Я позволяю своим ногам бесцельно нести меня по улицам. Мне некуда идти и не с кем видеться.

Есть что-то в моей схватке с Арчи, что меня беспокоит. Обычно я не позволяю своим чувствам диктовать мои действия. Я прагматик. Обычно Арчи, сравнивающий Грейс со своей собакой, не станет для меня поводом отказаться от отличного предложения. Я всегда умел отделять свои чувства от своих деловых решений.

До настоящего времени.

Почему?

Не то чтобы моя любовь к Грейс выросла за последние несколько недель.

Я останавливаюсь перед Калипсо-холлом, с удивлением обнаружив себя здесь. Это даже не по дороге в мою квартиру.

Прошло две недели с тех пор, как Виннфред сказала мне, что свяжется со мной по поводу нашего обмена информацией, и до сих пор я ничего от нее не слышал. Учитывая, что она не знает ни моего номера, ни адреса, я не совсем шокирован. Делать себя доступным для нее постоянно — плохая форма, но небольшой толчок в правильном направлении не повредит.

Пока ты помнишь, это не увлечение — это бизнес. Женщина зануда. Наивная, милая и ниже тебя. Помни это.

Я вхожу в театр, прохожу мимо билетных касс и магазинов. В плохой день — а это обычно бывает в Калипсо-Холле — здесь никого нет, за исключением нескольких студентов-художников и равнодушных туристов. Теперь он кишит семьями, парами, иногородними.

Толкнув дверь плечом, я неторопливо вхожу в театр в середине игры, прислонившись к стене. Я ожидаю увидеть Виннфред, но вместо этого это ее замена, которая работает два раза в неделю, когда у Виннфред выходные. Девушка по имени Пенни.

Да пошла ты, Пенни.

Она мечется по сцене, плачет, причитает, бросается на Тригорина. Но ей не хватает той особой Виннфред, которая превращает Нину из трагической героини в опасное существо. Нина Пенни просто трагична. Больше ничего. Не меньше.

Но Виннфред? Она сила, набирающая мощь и скорость.

Молодец, идиот. Совсем не увлечен.

Я уйду с раздражением, зная в глубине души, что я должен продать этот чертов театр, причем еще вчера.

Проходит еще неделя.

Риггс в городе — вернулся из Финляндии. Арья взяла Луи в гости к другу в Омаху, а это значит, что Кристиан для разнообразия не вышел из строя. Мы встречаемся в пивоварне. На

Риггсе бейсбольная кепка, он держит голову опущенной, пытаюсь остаться инкогнито. Никогда не понимал его увлечения женщинами. Я считаю, что терпеть одного человека — это слишком, не говоря уже о нескольких каждую неделю.

Я выпиваю одно японское пиво за другим и листаю свою книгу по астрономии каждый раз, когда разговор принимает скучный оборот, что случается часто.

В какой-то момент обсуждение перетекает на территорию родителей. Мы все трое сироты. На самом деле, я единственный, у кого не так давно был отец. Кристиан и Риггс были такими с раннего подросткового возраста. Не то чтобы Дуга можно было считать чьим-то родителем.

— Мы знаем, что твой отец был плохим оправданием для отца, но как насчет твоей мамы? — Риггс толкает меня локтем, чтобы привлечь внимание.

Я переворачиваю страницу и бросаю на него недовольный взгляд.

— Что с ней?

— Ты никогда не рассказывал нам о ней.

— Она умерла, когда мне было шесть лет. Я почти не помню, как она выглядит, не говоря уже о чертах характера.

А тому, что помню, не верю. Я вырос с представлением о Патрис Корбин, как о настоящем монстре, на чем настаивал Дуглас. Суть в том, что она больше заботилась о Калипсо Холле, чем обо мне, и проводила свои дни настолько далеко, насколько это было в человеческих силах, от клана Корбинов.

Я знал, что у нее есть квартира на Манхэттене, и что она регулярно останавливалась там, когда я был ребенком. У нее также был любовник, Дуглас часто жаловался мне, вероятно, для того, чтобы стереть свои собственные проступки. Судя по моим немногочисленным воспоминаниям о ней, Патрис была кроткой и хорошенькой. Но опять же, что я знал? Я был просто глупым ребенком.

— У вас были хорошие отношения? — спрашивает Кристиан.

— Мне было шесть, — повторяю я. — Тогда у меня были приятные отношения ко всему, кроме брокколи.

— Мы просто пытаемся выяснить, что сделало тебя таким, какой ты есть, — объясняет Риггс, улыбаясь от уха до уха. Он обнимает меня за плечо. — Ты знаешь, полный псих, который думал, что Грейслин Лэнгстон была хорошей идеей.

— О, да. Потому что я здесь единственный, у кого испорчены отношения с представительницами прекрасного пола. — Я возвращаю свое внимание к моей книге.

— Дело не только в этом, — объясняет Кристиан. — То, что ты почти не помнишь свою мать, не является чем-то из ряда вон выходящим. Тот факт, что ты не приложил никаких усилий или ресурсов, чтобы узнать что-либо о ней..... теперь для меня это пахнет рыбой.

Я допиваю пиво, беру книгу и кланяюсь им на прощание.

— Спасибо за психологическую оценку, господа. Сохраняйте свою дневную работу.

С этим я ухожу.

Дома я достаю старый фотоальбом — единственный, который у меня есть — и просматриваю фотографии, на которых мы с мамой были до того, как она потерпела крушение на лодке. Кристиан и Риггс не совсем неправы — я не жалел ни минуты на размышления о своей матери в течение десятилетий.

В этом было мало смысла. Она была ужасным человеком, возможно, хуже моего отца.

На первой фотографии она держала меня, когда я был новорожденным, и смотрела на

меня с гордостью. Она выглядит измученной, так что я предполагаю, что я был таким же трудным ребенком, как и взрослым. На второй она стоит надо мной, держит меня за руки, пока я шатаюсь, делая то, что, должно быть, было моим первым шагом, надев только подгузник. В третьей мы оба бросаем в воздух желто-оранжевые листья, одетые по-осеннему. На четвертой мы с Патрис делаем торт вместе, выглядим неряшливыми и счастливыми.

Она не похожа на дьяволицу, которой ее сделал мой отец. На самом деле, она вполне могла бы быть святой. Я никогда не узнаю, так как они оба полностью и окончательно мертвы.

Правда, к сожалению, была погребена вместе с ними.

ГЛАВА 20

Винни

— Что значит, ушел? — спрашиваю я Джереми через четыре недели после премьеры «Чайки».

— Исчез. Здесь больше нет. Пропал. Пуф! — Джереми щелкает пальцами в магическом жесте.

— Как плакат может просто..... исчезнуть? — Я оглядываюсь в вестибюле, все еще надеясь найти его свернутым и спрятанным в углу. — Он занимал весь зал.

Джереми беспомощно разводит руками.

— Извините, мисс Эшкрофт. Когда я пришел сюда сегодня утром, его там уже не было.

Большой афиши с Рахимом и мной в главных ролях больше нет. Я предполагаю, что какие-то панки взяли его. Кража бродвейских памятных вещей была большой, когда я посещала Джульярд. Но люди обычно воровали мелкие вещи. Брелоки и крошечный реквизит, оставленный на сцене. Не целую афишу.

— Мы докопаемся до сути. — Лукас шевелит пальцем в воздухе, уже на своем телефоне. Он так расстроен, что его шляпа упала, а он даже не удосужился ее поднять. — Я подойду к руководству и попрошу показать записи прошлой ночи. Это могут быть уборщики, пытающиеся быстро заработать на eBay.

— Пойдем. — Рахим кладет руку мне на плечо. — Нам нужно сделать шоу. Не волнуйся о плакате. Мы его вернем.

— А что, если мы не вернем? — Я спрашиваю. — Это дорогой плакат. И это было хорошо для бизнеса. Люди могли видеть это снаружи. Из-за этого у нас были прохожие.

Мы уже в невыгодном положении, практически без бюджета, без потери афиши.

— Не думай об этом сейчас, — говорит Рахим. — Мы ничего не можем сделать, кроме как убить его на сцене.

И так мы делаем. Спектакль взрывной. На сцене я чувствую себя другим человеком. Может быть, потому что я стала другим человеком, когда яркий свет ударил мне в лицо. Я старая Винни. Та, которая была в Малберри-Крик. Она берет верх каждую ночь и спасает день.

Как только я схожу со сцены, реальность настигает меня, и я чувствую себя измотанной. Последние пару недель были тяжелыми. Я все еще привыкаю к тому, что у Пола была тайная жизнь, и он не мог ею гордиться. Четыре дня назад я наконец-то постирала его наволочки. Засунула кроссовки в полку для обуви. Напоминание каждую секунду дня о мужчине, который закрутил роман со своей коллегой, не утешает меня, как раньше, зная то,

что я знаю сейчас.

Я выхожу через заднюю дверь театра. Несколько театралов все еще задерживаются в надежде получить автограф. Я улыбаюсь, фотографируюсь, подписываю билеты и открытки.

Когда толпа расходится, я иду в конец переулка, чтобы поймать такси. Я уже почти у бордюра, когда чья-то рука хватается меня за руку и тащит вверх по небольшой лестнице, ведущей к задней части ресторана.

Задыхаясь, я вырываюсь и начинаю бежать по улице. Крепкие руки обхватывают меня за талию, прежде чем я успеваю вырваться. Они рывком поворачивают меня назад, и я врезаюсь спиной в крепкий, мускулистый торс.

— Деревенщина, — насмехается Арсен мне в ухо. Маленькие волоски на затылке привлекают внимание, но я чувствую не только страх. Это кайф.

Я узнаю его, как старую колыбельную. Его запах. Его рост. Твердость его тела. Боже, я запуталась.

— Тебя трудно прижать к стене.

— Прижимать меня к стене не должно быть в твоем списке дел, — выдавливаю я. — Это сексуальные домогательства.

— Мои извинения. — Он делает щедрый шаг назад, давая мне возможность развернуться и кинуть на него злобный взгляд. — Ждал от тебя известий о нашем небольшом обмене информацией.

Верно. Зачем еще ему искать меня? Чтобы спросить, как я? Обратит внимание на Калипсо Холл, не дай бог?

— Вообще-то хорошо, что ты здесь. — Я выпрямляю позвоночник. — У меня есть к тебе претензии.

Он наклоняет голову. Теперь я полностью завладела его вниманием.

— Кто-то украл постер «Чайки» из вестибюля. — Я кладу руки на талию. — Его больше нет.

— Вот для чего нужна безопасность. Руководство вытащило записи с камер наблюдения?

— Лукас работает над этим прямо сейчас. А пока я знаю, что ты не любишь тратить деньги на театр, но нам нужен новый.

— Поговори с бухгалтерией. — Он прислоняется к металлическим перилам со скучающим и отстраненным видом. — Я не имею прямого отношения к театру, и теперь, когда я чертовски одержим его продажей, тебе повезло, что я все еще плачу за электричество.

— Они будут дергать нас. — Я качаю головой. — Нет плаката — нет сделки.

Его насмешливый смешок эхом отзывается во мне, мрачный и унижительный.

— Почему, Виннфред, это очень похоже на вымогательство. Ты отрастила еще один дюйм того позвоночника, который я тебе рекомендовал?

Как этот человек еще жив? Как его никто не убил?

— Избавь меня от насмешек третьего класса. — Я поднимаю руку. — Мы оба знаем, что ты хочешь в кабинет Пола больше, чем я хочу получить в свои руки этот файл.

Его темные глаза блестят в темноте.

— Это очень декадентски и неприлично. Ты когда-нибудь делала это с Полом?

Нет. Я никогда ни с кем этого не делала. Он единственный человек, который заставляет меня чувствовать себя смелее.

— Как ты смеешь? — рывкаю я. — Даже не сравнивай себя с ним. Он был...

— Покровитель верности и утонченности. Знаю, знаю. — Он отталкивается, спускаясь по лестнице с вызывающим зевком. — Если ты спросишь меня, каждый уважающий себя миллионер должен быть шантажирован любимой женщиной хотя бы раз. Это очень волнующе для влиятельного человека его положения. Идея передачи контроля.

Я понятия не имею, о чем он говорит. Пол был бы в ужасе, если бы я когда-нибудь навлекла на него такое.

— Ты принесешь нам еще один плакат или нет? — Я нетерпеливо ворчу, следуя за ним.

Он оглядывается за плечо, бросая мне ухмылку.

— Да. Но на этот раз со всем актерским составом. Ты не проявила себя как находчивый союзник. Ты не заслуживаешь привилегий.

— Я уже говорила тебе. — Я вскидываю руки в воздух. — Мы сделаем это.

— Когда? Нет времени лучше настоящего. Приезжай ко мне сейчас и посмотри файл, а потом мы можем назначить дату, когда я приеду к тебе, чтобы посмотреть офис Пола.

— Я не могу сегодня вечером, — торопливо говорю я, догоняя его, пока он идет к главной улице. С каких это пор я гонюсь за ним?

— Почему, скажи на милость?

Потому что тогда ты исчезнешь из моей жизни, и я перестану чувствовать тех бабочек, которые появляются у меня в животе каждый раз, когда ты рядом. Я не хочу перестать чувствовать. Я не чувствовала так долго, и мне кажется, что я сойду с ума, если вернусь к оцепенению.

Это жалко, но пока Арсен ищет меня, я не чувствую себя такой одинокой в этом месте.

— У меня есть планы на вечер. — Это, как ни странно, не ложь.

— Супер. Я присоединюсь к тебе.

— Что? Нет! — Я останавливаюсь у обочины, вытягивая шею, пытаюсь поймать желтое такси. — Ты не приглашен.

— Почему нет? — небрежно спрашивает он, ничуть не обиженный.

Я оглядываюсь вокруг себя, гадая, настоящий ли он.

— Тебе никогда не приходило в голову, что у меня могут быть планы на людей?

— Каких людей?

— Друзей.

— У тебя нет друзей. — Он легко посмеивается. — Ты изгой, как и я. Ну, не так, как я, — поправляется он, указывая на такси. Он намного выше меня и, вероятно, виден водителям на всем пути от Лонг-Айленда. — У меня есть друзья, хотя я изо всех сил стараюсь их избегать. Но ты, все твои настоящие друзья далеко. Ты скучаешь по компании, и у тебя ее нет. На самом деле, я делаю тебе одолжение.

Такси сигналиит в нашу сторону. От знакомого стука моего сердца, бьющегося не в такт, у меня защемило в груди. Именно поэтому я не общалась с Арсеном последние несколько недель. Несмотря на то, что я умираю от желания узнать больше о Поле, я не могла рисковать. Это чувство падения. И с очередным богатым нью-йоркским придурком. Без сомнения, это еще одна ошибка Винни Эшкрофт. Винни Таулз нашла бы себе другого милого, достойного Риса Хартнетта.

— Я не хочу, чтобы ты шел со мной. — Я выплевываю слова.

Такси подъезжает и останавливается перед нами, и Арсен небрежно кладет руку на его крышу, чтобы остановить его, пока мы заканчиваем этот разговор.

— Ты будешь без остановки говорить о Поле и Грейс, а я устала от душевной боли, — добавляю я.

— Скрестив сердце и надеясь умереть, ты не услышишь их имен из моих уст сегодня вечером. — Он поднимает пальцы в движении бойскаута. — Итак, куда мы направляемся? Там подают алкоголь? — Он открывает для меня дверь, и я забираюсь на заднее сиденье, а он следует за мной.

Двадцать пять минут спустя мы сидим на стене из красного кирпича, болтая ногами в воздухе. Перед нами море припаркованных машин. А перед ними «Завтрак у Тиффани», играющий на заднем плане абсолютно белого здания в Бруклине.

— Позволь мне понять это прямо. — Арсен разрывает упаковку Skittles. — Ты собиралась пойти в кинотеатр без машины?

— Да.

— Одна?

— Тоже да. — Я засовываю руку в пакет с попкорном. Соль и масло липнут к моим пальцам. — Мне нравится сидеть на улице, пока еще теплая погода. Напоминает мне о доме.

Только сегодня совсем не тепло. Осень сливается с остатком лета, воздух холодный и резкий. У меня есть кардиган, но он едва помогает унять дрожь.

— Это небезопасно, — отмечает он.

— Я еще жива. Имей немного доверия к людям.

— Никогда. — Он осматривается вокруг нас, затем хмуро смотрит на меня. — Ты замерзаешь. Жди здесь.

Он спрыгивает со стены, отдавая открытый пакет Skittles в мои руки. Я пытаюсь обратить внимание на фильм, но это бесполезно. Мои глаза неукоснительно следят за Арсеном. Мне интересно, что он будет делать дальше. Он небрежно прохаживается через ряд автомобилей, мимо пикапов и машин. Он останавливается перед BMW, наклоняется вперед и стучит в водительское стекло. Какого черта он делает? Я наклоняюсь ближе к краю, отчаянно пытаясь услышать слова, которыми он обменивается с человеком за рулем.

— Сколько стоит аренда машины на оставшуюся ночь?

— Да пошел ты, чувак. — Парень внутри недоверчиво смеется.

— Секс — это не валюта, которой я торгую, но я ценю это предложение. Ты купил эту машину за... сколько? Тридцать пять тысяч? После добавления всех льгот? Ей пять лет. Я знаю модель. Автомобиль теряет семьдесят процентов своей стоимости в течение первых четырех лет. Я дам тебе десять тысяч, если ты одолжишь мне на ночь. Ты можешь забрать ее отсюда завтра утром.

— Да приятель. Верно. — Парень издевается. — И ты ожидаешь, что я поверю в это?

— Я ожидаю, что ты будешь использовать свои мозговые клетки, примешь предложение, которое бывает раз в жизни, и вызовешь себе такси, скорее раньше, чем позже.

Я не могу решить, то, что он делает, романтично, безумно, глупо или все вместе. Интересно, использовал ли Арсен грандиозные жесты на Грейс? Я решаю, что да, он это делал. Он неконформный, эклектичный человек. Затем я задаюсь вопросом, каким женихом он был для нее. Почему-то я не вижу, чтобы он переживал из-за детей так же, как

Пол. Он выглядит до жути уверенным в себе и спокойным. Он не спешит размножаться, чтобы что-то доказать.

— Как ты собираешься мне платить? — спрашивает парень.

— Эппл Пей. Прямо сейчас. — Арсен поднимает телефон между ними, выгибая одну густую бровь.

— Отлично. — Парень переключает внимание с Арсена на свою девушку на пассажирском сиденье. — Извини, детка. Я делаю это для тебя. — Затем он снова поворачивается к Арсену. — Зачем ты вообще это делаешь?

— Моя спутница замерзла. — Арсен указывает на меня. Я наклоняю голову и молюсь, чтобы никто не увидел моего лица.

— Это дорогое свидание, как по мне. Лучше бы она потухла. — Парень дает Арсену свой номер телефона и выходит из машины. — Давай, детка. Я отведу тебя в "Питер Люгер". Мы закажем все закуски".

Арсен рукой дает мне знак присоединиться к нему, и мы оба садимся в БМВ. Странно находиться в чужой машине. С ароматом их дезодоранта, наполовину готовой жевательной резинкой в подстаканнике, незнакомым освежителем воздуха в форме дерева, свисающим с зеркала заднего вида.

— Ты такой неловкий, — так я благодарю Арсена, пока мы продолжаем смотреть фильм.

— Всегда пожалуйста, — щедро отвечает он, снова заставляя меня покраснеть.

— Пожалуйста, я хотела умереть.

— Да. От переохлаждения. И я собирался стать соучастником, последним человеком, который видел тебя живой.

— Я не могу тебя понять. — Я шурюсь на него. — Ты делаешь для меня хорошие вещи, но всегда ведешь себя как придурок.

Он возвращает свое внимание на экран.

— Звучит как полная противоположность твоему покойному мужу, который говорил правильные вещи, но вел себя как придурок.

Мы посмотрели уже больше половины фильма, хотя я хоть убей не могу сосредоточиться, когда Арсен снова заговорил.

— Я не понимаю. — Он бросает горсть Skittles в рот. — Героиня, по сути, преступница и девушка по вызову, а ее любовный интерес, Пол, получает деньги за секс. Что такого романтического в этом фильме?

— Это о девушке в расцвете сил! — Я кричу. — Она пытается выжить и поддержать себя и своего брата, который находится на войне.

— ... переспав с незнакомыми мужчинами, — заканчивает он. — Разве женщины не сжигали бюстгальтеры последние несколько десятилетий, чтобы бросить вызов таким стереотипам?

— Подожди. — Я хмурюсь, переводя на него взгляд. — Разве я не должна быть здесь ханжой?

— Если это поможет, я думаю, Пол тоже хорош. Они достойны друг друга.

— Какой Пол? — Я стреляю. — Этот или мой?

— Ах! — Он улыбается мне, и я чувствую себя прекрасной и живой под его взглядом. Как будто он итальянское солнце, питающее меня непонятным образом. — Не такая уж ты и скучная, древенщина? Ответ: оба.

— Ну... — Я заправляю прядь волос за ухо. — Женщины любят этот фильм.

— Бьюсь об заклад. — Он оглядывается вокруг нас, рассматривая въезд. Конечно же, это в основном пары, с несколькими комбо-матерями, дочерьми и подружками в машинах. — Не знаю почему, но у меня такое ощущение, что моя мама любила этот фильм. Он напоминает мне о ней.

— Любила?

— Она умерла, когда мне было шесть лет.

Я чувствую, что открыла невозможный уровень в видеоигре, и теперь мне нужно очень сконцентрироваться, чтобы пройти его. Этот мужчина никогда раньше так не открывался мне.

— Как это случилось? — Я переключаю все свое внимание на него.

— Обычный путь богатых людей. Авария на лодке. — Его челюсть подрагивает.

— Тебе не нравится говорить об этом.

— Дело не в этом. — Он проводит указательным пальцем по своей пятиминутной тени. — Я просто не привык к этому.

Он смотрит на меня со смесью благодарности и облегчения. Неужели никто не говорил с ним об этом раньше?

— Не то, чтобы это имело значение. Видимо, она ненавидела меня. Ну, мой отец утверждал, что она провела со мной в общей сложности четыре недели, пока мы оба были живы.

— А ты что думаешь? — Я спрашиваю.

Это дико, что от него ожидали, что он будет верить в худшее о своей матери. Даже если она не была лучшей мамой, зачем рассказывать своему ребенку о его покойной родительнице?

— Я не знаю, — признается он. — Она не похожа на злодейку по фотографиям и моим очень смутным воспоминаниям о ней, но, как мы знаем, Сатана имеет обыкновение приходить в красивой упаковке и с атласным бантом. Вспомни Гре... — начинает он, но останавливается, вспоминая, что мы не должны говорить о них сегодня вечером. Выражение его лица становится плоским. — Вспомни любого, кто когда-либо играл с дьяволом.

— И поэтому ты решил поиграть с ним? — Я нажимаю. — Дьявол, я имею в виду? Потому что ты думал, что найдешь в ней свою мать? — Я сейчас говорю о Грейс. Пол мимоходом рассказал мне о бурных отношениях сводных братьев и сестер, когда он говорил о ней.

— Я никогда не думал об этом в таком ключе. — Он откидывается назад, ухмыляясь, цинизм возвращается к его чертам. — Полагаю, у меня есть проблемы с мамой. У меня были плохие представления о матери, поэтому я выбрал женщину, которой так же не хватало матери. Что заставило тебя выбрать своего дьявола?

Откинувшись на подголовник, я хмурюсь.

— Никаких проблем с отцом, извини, что сообщаю. Я выросла, слыша от людей, что у меня ничего не получится. Что мне никогда не выбраться из маленького городка, в котором я выросла. Пол, мой дьявол, — поправляю я себя, улыбаясь, — был мирским человеком. Богатый, перспективный, инновационный — все то, что, как я думала, поможет мне выбраться из моей рубрики "девочка из маленького городка". Само его присутствие в моей сфере давало обещание, что я буду жить большой, блестящей жизнью. Это сработало, по большей части. Потому что в хорошие времена... он был замечательным. Лучшим.

Он цокает.

— Жаль, что нас не оценивают по нашим хорошим временам. Именно то, как мы действуем в трудные времена, делает нас теми, кто мы есть.

Я смотрю на него с удивлением. Он прав. Пол был великолепен, когда все было хорошо. Но когда мы столкнулись с препятствием, я не могла на него рассчитывать. Не в тех местах, которые имели значение.

Наши глаза прикованы к этому странному взгляду, и я не знаю почему, но что-то в этом моменте кажется монументальным и необработанным. Внезапно и впервые за много лет я остро чувствую свою женственность. Не просто как факт, а как существо.

— Перестань так на меня смотреть, — наконец говорю я, хотя, похоже, тоже не могу отвести взгляд. Как будто мы в трансе.

— Как? — Он выгибает бровь.

— Как будто я сырое мясо.

— Тебя можно разжевать до мелочей, — поддразнивает он, призрак улыбки проходит по его лицу. — Хорошо. Ты первая.

Мы все еще смотрим. Господи, если бы мои сестры были здесь, они бы расхохотались. Я никогда не умела скрывать свои чувства.

Мне нужно все, чтобы оторвать взгляд от фильма. Проходит несколько мгновений, и мой взгляд возвращается к нему, только чтобы обнаружить, что он не переставал смотреть на меня.

— Мы должны уйти. — Он внезапно выпрямляется, его голос хрипит.

— Почему?

— Потому что я собираюсь сделать то, о чем мы оба пожалеем.

Я тяжело слпатываю, облизывая губы. Смелость вертится у меня на языке. Его глаза пристально смотрят на меня, ожидая, оценивая, умоляя. Я внезапно чувствую себя голой. Так же, когда он смотрел на меня в Италии. Как будто между нами нет преград.

— Я не собираюсь сожалеть об этом, — наконец шепчу я.

— Блядь. — Он закрывает глаза, откидывая голову назад. Для меня очевидны две вещи: я ему нравлюсь, но он этого не хочет. — Будешь.

— Нет, не буду, — говорю я громче. — Поверь мне.

— Хорошо. — Он стирает пространство между нами за секунды, внезапно рядом со мной. — Потому что я никогда не жалел о том первом поцелуе. Ни на наносекунду, Виннфред.

Он хватается за затылок и притягивает ближе, и его губы врезаются в мои. Поцелуй сначала нежный, как будто он проверяет температуру. Когда я открываю рот, сигнализируя о своей окончательной капитуляции, он стонет. Его язык обвивается вокруг моего, превращая поцелуй во что-то совершенно иное. Голодное и отчаянное. Мир вращается вокруг нас. Я чувствую, как моя хватка гравитации ослабевает, но тем не менее я целую его еще крепче, обвивая руками его шею. И когда этого все еще недостаточно, когда центральная консоль настаивает на том, чтобы разлучить нас, я делаю невероятное и вскакиваю, взбираясь на него сверху, оседлав его тощую талию.

У него вкус "Скиттлс", кока-колы и кого-то нового и волнующего. Он зарывается пальцами в мои волосы, собранные в хвост, а затем использует их, чтобы приподнять мое лицо и вытянуть шею. Он проводит языком по моей шее, пробуя на вкус пот, который все еще остается на мне после сегодняшнего шоу. Он издает счастливые звуки, которых я

никогда не слышала от мужчин. Смесь между бормотанием и стоном. Его лицо исчезает между долинами моих грудей через мой топ.

— Я хотел сделать это со времен Италии. С тех пор, как я увидел тебя на том балконе, и ты выглядела как подарок. — Его голос едва слышен шепотом. Настолько, что я даже не знаю, действительно ли он это сказал или это все в моей голове. Но мысль о том, что он так долго хотел меня, заставляет меня опьянеть от власти. Мстительный Пол и Грейс и такая невероятно горячая для него. Я просовываю руку в его брюки и обхватываю его. Он горячий и твердый, как скала. Я смотрю на его макушку, пока она качается. Он облизывает след, очертания моей груди сквозь рубашку.

Я сжимаю его член.

— Еще.

Он смотрит на меня, ошеломленный и немного покрасневший.

— Ты уверена?

Я киваю.

Я осыпаю поощрительными поцелуями все его лицо, губы, шею. Его движения быстрые и отчаянные, и мне доставляет удовольствие видеть его настоящим хоть раз, и особенно потому, что он настоящий для меня.

Его член встает между нами, длинный и твердый, и я соскальзываю с сиденья на пол, прежде чем поймать его кончик в рот, все еще находясь в оцепенении от того, что делаю это. С кем-то другим. С кем-то новым. С кем-то пугающим.

— Вот дерьмо. — Он возится со своим сиденьем, пытаюсь найти способ отодвинуть эту чертову шпуку, чтобы дать мне больше места, чтобы взять его побольше. — Глупый БМВ. Дай мне минутку, Винни.

Винни. Он никогда меня так не называет. Меня забавляет и удивляет, что я Винни в его голове, даже когда он настаивает на том, чтобы называть меня Виннфред. Я не подчиняюсь. Я обхватываю его член кулаком и опускаю голову, проводя языком по его кончику. Он шипит от удовольствия, такого сильного, что, клянусь, оно окунается в боль.

— Блядь. Пожалуйста.

— Что пожалуйста? — Я дразню.

— Просто подожди секунду. Если я не найду нужную кнопку, я просто сорву проклятое сиденье с основания. Это все равно того стоило бы, но я больше не смогу смотреть на себя в зеркало, как раньше.

Я смеюсь, мой рот все еще вокруг него. Соленая жемчужина предэякулята попадает на кончик моего языка. А потом — о чудо — он находит кнопку и отодвигает сиденье как можно дальше от руля. Он откидывается на спинку, пока почти не ложится ровно. Я беру его целиком в рот, падая на колени на липкий пол, обертки от жвачки и крошки еды впиваются мне в колени. Окна даже не тонированы. Что я делаю?

Он запускает одну руку мне в волосы и наблюдает за мной сквозь полуприкрытые пьяные глаза. Он так вглядывается в это, что я думаю, что могу кончить, просто наблюдая за выражением его лица. Наши взгляды встречаются на его худощавом торсе. Я бы хотела увидеть его без рубашки. Но, напоминая себе, я бы никогда не позволила себе зайти так далеко. Я уже перешла слишком много черт с этим человеком. В следующий раз я увижу его, чтобы обменяться информацией, а потом мы закончим. Мы должны покончить. Его сердце все еще принадлежит мертвой женщине, даже если мое начинает медленно оживать после спячки, в которую его погрузил Пол.

— Остановись. — Он стонет, глядя меня по волосам. Не как на быстром свидании в приложении, а как любовник. — Я сейчас кончу, и я не хочу, чтобы это было по всей машине этого бедного засранца.

Разрешение позволить ему кончить в мой рот находится на кончике моего языка. Чудом мне удастся не произнести его. Мы не вместе, и я знаю, что завтра утром я буду сожалеть об этом. Он подтягивает меня к себе, прежде чем я успеваю устоять на ногах, каким-то образом маневрируя так, что я оказываюсь на спине на сиденье, которое он только что занимал. Теперь он сверху, нависает надо мной, как темная тень. Он ухмыляется, глядя на меня. Мое сердце бешено скачет в груди. Беспрепятственно. Именно этим словом я бы описала себя сейчас.

— Еще не жалеешь? — Он ныряет вниз, чтобы крепко поцеловать меня. Я качаю головой, не желая прерывать поцелуй.

— Хорошо, — бормочет он мне в рот.

Его рука пробирается между нами, взясь с моими джинсами. Верхняя пуговица расстегивается, и Арсен расстегивает молнию. Вместо того, чтобы просунуть руку в мое нижнее белье, он отодвигает ткань в сторону, поглаживая центр, находя меня влажной и теплой.

Еще одно ворчание срывается с его губ.

Он не спрашивает меня, что мне нравится, как это сделал Пол, когда мы впервые оказались в постели. Я, конечно, рассказала ему. Дала ему полный, подробный список "до" и "не". Пол все делал правильно, терпеливо доводя меня до кульминации, джентльмен, каким он и был. Но он так и не сделал ничего плохого.

Арсен не терпелив и не уверен. Он поглаживает и погружает пальцы внутрь, исследуя с едва сдерживаемым рвением, вода большим пальцем по моему клитору, пока неуверенно не находит место, которое заставляет меня корчиться от желания и корчиться под ним. Он остается на том же месте, его рот перемещается от моих губ к моей правой груди. Его зубы скользят по моему топу и лифчику, а его язык кружится вокруг моего туго натянутого соска.

Он выворачивает меня наизнанку, заставляя снова почувствовать себя шестнадцатилетней, как будто это был первый раз, когда мое нижнее белье стало липким и мокрым в кузове грузовика Риса. Я чувствую себя желанной, красивой и чувственной. Только его пальцы внутри меня подталкивают меня ближе к краю. Все мое тело дрожит от нужды. Я вот-вот развалюсь в его объятиях, и мне все равно. У меня будет целая жизнь, чтобы оправдываться за то, что сейчас происходит. На этот раз за пределами сцены я полностью погрузилась в момент.

— Я близко...

По моим словам, он гладит меня быстрее, глубже. Наслаждение настолько сильное, что я корчусь и шиплю, распутывая кончиками его пальцев все свободные нити.

Стук в водительскую дверь прерывает момент.

О Боже.

Быстрым движением Арсен прикрывает свободной рукой мою скромность, драпируя ее на груди, а сам поворачивает голову к окну. Он старается закрыть большую часть меня, так что я не вижу стучащего, а он не видит меня.

— Да? — спрашивает он, собранно и отстраненно. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Можешь перестать стучать ботинками с женой на переднем сиденье, пока дети смотрят фильм, — раздраженно фыркает женщина, судя по звуку.

Подожди, пока тыне услышишь, что я не его жена, а вдова любовника его покойной невесты...

— Могу ли я попытаться подкупить вас, чтобы вы забрали ваших драгоценных детей и все, что осталось от их невинности, и убирались отсюда к черту? — любезно спрашивает Арсен.

— Не в этой жизни! — Она повышает голос.

— Как насчет десяти тысяч? Число обсуждаемое, конечно.

— Я вызову полицию! — Краем глаза я вижу, что она грозит ему кулаком, и у меня вырывается смешок. Арсен быстро двигает рукой, прикрывая ладонью мой рот, чтобы приглушить мое хихиканье. Между моими бедрами все еще пульсирует, горячая и нужная. Я чувствую там свой пульс.

— Я приму это за отказ, — растягивает он.

— Уходите отсюда! — кричит она. — И не думай, что я не взяла твой номерной знак.

— О, надеюсь, вы это сделали. — Он смеется, поднимая окно.

Когда берег чист, его взгляд падает на меня. Мы разделяем тихий момент, прежде чем разразиться смехом вместе. Не думаю, что я когда-либо так сильно смеялась за всю свою жизнь.

— Боюсь, тебе придется пройтись со мной по улице позора, поскольку я сказал тому пижону, у которого я взял эту машину, что оставляю ее здесь.

— Как ни странно, я не против. — Я улыбаюсь ему. — И я даже не уверена, почему.

— Потому что тогда у нас будет возможность обменяться номерами, и мне не придется снова преследовать тебя для нашей деловой сделки.

Весь воздух вырывается из моих легких, словно он проткнул иглой воздушный шар.

Даже когда он не называет их имен, они парят над нами. Пропитанные воздухом. Впитываются в нашу кожу.

Грейс и Пол. Пол и Грейс.

Мы только что разделили интимный момент — наш самый первый сексуальный контакт после потери наших близких — и это то, что он имеет в виду.

Не желая показывать ему, насколько мне больно, я хрипло рассмеялась.

— Ну тогда. Прежде всего, отклейся от меня, босс.

Он быстро подчиняется, перекатываясь на пассажирское сиденье.

— Все для тебя, работница месяца.

ГЛАВА 21

Винни

Два дня спустя я звоню Арсену. Договариваемся встретиться вечером у него дома. Мы профессиональны и кратки, почти клинически, и мне интересно, как человек может целовать тебя одним способом, а относиться к тебе другим в одну и ту же неделю.

Так как у меня целый день выходной, у меня остается достаточно времени, чтобы подумать. Я остаюсь в своей пижаме, делаю себе чашку кофе (три глотка. Выпей, Пол!), включаю ноутбук и гуглю свое состояние. Это глупо, я знаю. Первое, что врачи советуют не делать, — это выходить в интернет и ставить себе диагноз. «Каждый выросший ноготь становится словом на букву «Р», — говорила нам мама, когда Джорджи, Лиззи и я впадали в истерику всякий раз, когда просыпались с синей отметиной на коже.

Я записываю все симптомы, которые я испытывала в течение последних нескольких

лет. Ужасные менструальные спазмы, парализующие боли, бесплодие, случайные судороги...

Одно и то же слово появляется на экране снова и снова. Эндометриоз. Я нажимаю на определение, втягиваю воздух и готовлюсь к худшему.

Женщины, страдающие эндометриозом, имеют проблемы с зачатием и могут вообще не забеременеть.

Там говорится, что это заболевание неизлечимо. Его можно лечить, но никогда не вылечить. Другими словами, у меня никогда, никогда не будет собственных биологических детей.

И вот так душевная боль из-за смерти и предательства Пола сжимается до размеров листка бумаги, освобождая место для чего-то большего в моей груди. Оно набухает и поднимается, задушив меня.

Постоянное бесплодие.

Я нахожусь в режиме полного расплавления, расхаживая взад-вперед. И еще. И еще. Я не могу заставить себя плакать об этом. О страшной перспективе никогда не рожать детей. Что со мной не так?

Я бросаюсь к своей спальне. Поднимаю дурацкий будильник Пола и швыряю его через всю комнату. Он ломается надвое.

Время. Оно никогда не было на моей стороне.

Затем я хватаю его газету, рву ее и бросаю на пол. Забираюсь в ванную, открываю шкаф и достаю все полупустые тесты на беременность и тесты на овуляцию. Я выбрасываю их в мусорку. Они больше не нужны.

Наконец я падаю на кровать и кричу в подушку.

Это ведь не конец света, не так ли? Разумный голос внутри меня успокаивает. Есть еще способы. Ребенок с детдома. Суррогатное материнство. Но все они дорогие, растянутые и требуют бюрократии. Более того, беременность — это не только конечная цель. Мое чувство неудачи как женщины настолько безмерно, что я ненавижу себя в этот момент.

Стук в дверь заставляет мою голову оторваться от подушки. Я никого не жду. А это значит, что это может быть Арсен. Он не мог подождать до вечера?

Может быть, он скучает по мне.

Я переворачиваюсь на спину, собираюсь засунуть ноги в тапочки и направляюсь к двери, прежде чем слышу голос.

— Винни? Это я, Крис. Открой! Я знаю, что ты там. Это твой выходной, и у тебя нет жизни. — Она издает неловкий смех.

Мое сердце замирает. Это все доказательства того, что я серьезно и по-настоящему запуталась. Почему я думала, что это будет Арсен? Почему я хотела, чтобы это был он? Он принадлежит кому-то другому. Его сердце, каким бы пыльным и кривым оно ни было, всегда будет биться в ритм барабана Грейс. Я снова зарываюсь лицом в подушку, игнорируя настойчивые стуки и звонок в дверь, не чувствуя за это даже половины вины.

Эндометриоз.

О, Пол, разве ты не рад, что тебя здесь нет? Тебе пришлось бы делать свою часть работы, говорить все правильные вещи, быть джентльменом, но это не изменило бы твоих чувств. Если бы Пол был здесь, если бы он знал, он бы остался здесь на год, может быть, на два. Прежде чем его интрижка — или несколько интрижек — намеренно выплывут наружу. Прежде чем он начал бы устраивать драки.

Он бы заставил меня уйти от него. Подправить историю, чтобы она соответствовала его вселенной хорошего парня.

Это просто не сработало. Мы попытались. Иногда люди просто расходятся.

Это напоминает мне о фиаско с Бранджелиной в те дни. Люди набросились на Дженнифер Энистон — почему она не родила ему детей? Была ли она слишком одержима своей фигурой? Была ли она слишком эгоистичной? Слишком эгоцентричной? Слишком бесплодной? В любом случае, непростительно! И тут, конечно же, пришла Анджелина. Кто сделал его отцом. Внезапно они оказались выводком. Мы все знаем, чем это закончилось. Дети не клей. Брак исправить не могут. Так же как бесплодие не молот. Оно не может — и не должно — сломать брак.

Дверной звонок продолжает звонить, но я его игнорирую.

Крисси может подождать. Сейчас здесь только я и моя новая лучшая подруга.

Агония.

Я прихожу к Арсену с опозданием на пятнадцать минут. Я не хочу, чтобы он знал, что я ждала нашей встречи весь день. Как я была готова за три часа до встречи, заправив свои самые красивые джинсы, симпатичный черный свитер и единственную пару хороших туфель, которые у меня есть.

Не желая выглядеть нетерпеливой или, что еще хуже, заинтересованной, я свела макияж к минимуму. Немного основы, туши и розового блеска для губ, которым я также слегка постучала по скулам, чтобы создать блестящий румянец.

Он открывает дверь в своей рабочей одежде, верхняя часть рубашки расстегнута, обнажая копну темных волос. Он босиком и разговаривает по телефону, жестом приглашая меня войти внутрь.

Это сбивает меня с толку. В конце концов, в день кино он был очень внимателен ко мне. Щедрый, игривый, почти романтичный; теперь он — та же холодная статуя, которую я встретила в Италии.

Арсен поворачивается ко мне спиной и идет к своей кухне. Я иду следом, выпрямляя спину и игнорируя очевидные признаки несносного богатства, капающего из каждого прибора из нержавеющей стали и предмета мебели в его владениях. Если квартира Грейс намекает на богатство, то его прямо кричит об этом. От одного только его взгляда текут слюнки.

— Сразу же я бы отказался от криптографии. Слишком уязвимы для правительственных репрессий. Если есть что-то, на что мы всегда можем рассчитывать, так это способность правительства испортить совершенно хороший инвестиционный канал, — говорит он человеку на другой линии.

Я неуверенно оглядываюсь вокруг. Я не ожидала такого приема.

— Хм, — отвечает Арсен своему клиенту. — Не уверен насчет этого. Позволь мне проверить цифры и перепроверить. — Он указывает на место за своим обеденным столом, и я занимаю его место. — Подожди секунду, Кен. Что я могу тебе предложить, Виннфред? Кофе? Вода? Чай?

Я надеялась, что у нас будет что-то покрепче. Ясно, что сегодня мы с ним не на одной

волне. В моих венах закипает гнев, разбавленный унижением. Ты глупая, глупая женщина.

— Вода сойдет, спасибо, — официально говорю я.

Он дает мне бутылку воды FIJI и исчезает в коридоре, затем возвращается с толстым конвертом из плотной бумаги, который бросает передо мной на стол.

— Никаких сюрпризов. — Он смеется, погруженный в разговор с Кеном. — Хедж-фонды, ориентированные на акции, имеют низкую чистую подверженность риску. Я почти никогда не имею дело с этими пожирателями времени.

Для меня это все тарабарщина, поэтому я, не дожидаясь, открываю манильскую папку и вытаскиваю тяжелую стопку бумаг. В основном это картинки, чего я не ожидала. Напечатано крупно и в хорошем качестве. Я даже не уверена, на что я смотрю. Как частный сыщик мог сфотографировать Пола и Грейс после того, как они скончались?

А ведь это именно то, что я держу в руках.

На первом снимке Грейс сидит на коленях у Пола и улыбается в камеру. Фотография сделана кем-то другим, а на фоне, кажется, вечеринка. Корпоративная вечеринка, если быть точной. Почему они так откровенно интимны на публике?

Возможно, их роман был самым большим секретом Silver Arrow Capital.

Это объясняет, почему никто из коллег Пола не хотел отвечать на мои вопросы о нем. Решили послать мне цветы, а не поднять трубку.

На второй фотографии они оба в Париже. Париж. Где они делили квартиру. Вторая, семейная жизнь, полная блаженства. Окно позади них открыто, с видом на Эйфелеву башню. Они не касаются друг друга, что чуть ли не хуже. Грейс, кажется, раздает еду небольшой группе людей, пока Пол открывает бутылку вина. Это выходит за рамки предательства. Я понимаю, что это был не роман — это была история любви.

Третья картинка особенная. Я не знаю, что на ней изображено. На ней изображена только Грейс. Опухшие глаза и усталость. Она лежит на кровати, ее рот угрюмо надут. Под ее лицом в Instagram есть подпись: "Скучаю по моему малышу» плюс грустный смайлик.

Малыш, как я могу предположить, мой покойный муж.

Последняя картинка меня разочаровала. Это фотография целующихся Пола и Грейс — полноценных поцелуев — в Италии. Я узнаю фон, как свою ладонь. Яхты. Бухта. Здания пастельных тонов. Я почти чувствую запах соли, оливкового масла и цветения близлежащих деревьев. Они были там, когда их партнеры были рядом.

С тихим вздохом я хватаю стопку документов и бросаю их поверх фотографий, чтобы не смотреть на них. Они познакомились наедине в Италии. Перед тем ужасным обедом, когда Арсен и Грейс поспешно ушли посреди него.

Пол поцеловал ее до того, как поцеловал меня на том балконе.

Побывав внутри нее, прежде чем его рот бродил по самым чувствительным частям моего тела.

Потом он поделился со мной персиком. Сказал, что хочет от меня ребенка. Выругал меня за то, что я пью кофе.

— Мои извинения. — Арсен садится рядом со мной, отбрасывая свой смартфон на другую сторону стола. — Новый клиент. Мне пришлось притвориться, что мне не все равно.

Я уже полна до краев от ярости. Наброситься на него, человека, который не только продемонстрировал мне еще больше доказательств неосмотрительности Пола, но и обращался со мной так, как будто я была нежеланным холодным звонком с тех пор, как я вошла в эту квартиру, — это не проблема.

— Откуда у частного сыщика все эти фотографии?

— У Грейс был секретный аккаунт в Instagram, — добавляет он. — Финстаграм, думаю, так его называют осведомленные молодые люди.

— Почему она такая безмозглая? — Я рычу.

Арсен пожимает плечами.

— У меня нет никаких социальных сетей, поэтому шанс быть пойманным мной был невелик. Кроме того, он был установлен в частном порядке. Это позволило Полу оставить ее кокетливые комментарии так, чтобы ты их не видела.

— Из его настоящего профиля? — бормочу я. Он кивает. Мне хочется блевать.

— Они действительно любили друг друга, не так ли? — Я кусаю свою губу. Как еще я могу объяснить частоту, интенсивность, с которой они занимались своими делами? Они как будто умоляли, чтобы их поймали.

Взгляд Арсена ищет на моем лице что-то, реакцию, которую я не могу передать. Через мгновение его внимание возвращается к толстому файлу.

— Да. Я полагаю, они действительно любили друг друга. Мы были их надежной ставкой. Но они были убежищем друг для друга.

Я просматриваю остальную часть досье. Оно исчерпывающее. Не то чтобы я ожидала меньшего от такого человека, как Арсен. Хотя, надо сказать, он и вполнину не выглядит таким убитым горем, как я думала, когда мы просматривали материалы.

Пол и Грейс делили квартиру в Париже и раз в две недели ездили в свой любимый отель на Манхэттене. Они также вместе ездили в Санкт-Мориц на лыжную прогулку, коллеги относились к ним как к паре и планировали вместе купить квартиру в Сохо, недалеко от моего дома. На момент смерти они уже сделали предложение. Когда они ушли из жизни, непредвиденные обстоятельства отпали.

Были и подарки, и праздники, и планы на будущее. Романтические ужины, походы по магазинам и даже прозвища. Он звал ее Джиджи.

Джиджи намного лучше, чем куколка.

Я часами не отрываю головы от газет. Может быть, больше часов. Может дни. Кто знает? Я так поглощена всей этой новой информацией... детали... сообщения... электронные письма. Таких рабочих писем очень много. Как они попали в руки частного сыщика?

— Думаю, пришло время открыть бренди. — Арсен одним махом сметает все передо мной, аккуратно раскладывает страницы и картинки и засовывает их обратно в папку. Он встает и возвращается с двумя рюмками и графином. Он щедро наливает нам обоим, толкая мою через стол, пока она не упирается мне в локоть.

— Тебе нужно отвлечься, — размышляет он.

— Мне нужна пуля в голову, — бормочу я.

Он изучает меня в течение долгого времени.

— Ты знаешь, Марс красный, потому что он покрыт оксидом железа, который по сути представляет собой ржавчину. Это также главный кандидат на то, чтобы стать следующим местом, где будут жить люди.

— Что ты хочешь сказать? — Я смотрю на него со вздохом.

— Я хочу сказать, — он делает глоток из своего напитка, — что если что-то не работает должным образом или заржавело — как твое сердце, — это не значит, что оно не может выжить.

— Все еще не понимаю, — лгу я.

— Пойдем, деревенщина. Ты увернулась от пули. Можешь ли ты представить себе, что узнаешь все это, когда тебе сорок пять, после того, как ты отдала Полу все свои лучшие годы, плюс два незапланированных кесарева сечения, обвисшую грудь и разрушенную бродвейскую мечту, чтобы показать это?

На эту непристойную шутку я отвечаю рычанием.

Я закрываю лицо руками. Мой стакан опрокидывается, проливаясь на пол. Стекло разбивается. У меня нет сил даже пробормотать извинения. По крайней мере, до сих пор я могла сказать себе, что Пол выпустил пар с Грейс, после всего напряжения, которое нарастало в нашем браке. Теперь даже это слабое оправдание исчезло. То, что у него было с ней, не было грязным и соленым. Они были влюблены. Влюблены. Просто терпели наше с Арсеном существование.

— Виннфред. — Голос Арсена стал резким. Он встает. Я не поднимаю головы, чтобы посмотреть на него. — Прекрати это прямо сейчас. Ты, должно быть, догадывалась. Люди не завязывают многомесячные романы, если они не заботятся друг о друге.

— Я сломалась не поэтому. — Я использую рукав моего черного свитера, чтобы протереть нос. Меня даже не волнует, что я сопливый, уродливый беспорядок. На моей периферии материализуется комок чистых салфеток, и я хватаю его, вытирая им свой нос без особой благодарности. И все же, без слез. Без слез. Без слез.

— Тогда почему ты такая? — Голос у него терпеливый, но совсем не эмоциональный.

— Потому что я не могу его винить. — Я смотрю на Арсена, его черные, как смоль, глаза, жесткий подбородок и невозмутимое выражение. — Я не сделала всего того, что, как он думал, он получит, когда женится на мне. Я не та женщина, которую ты видел в Италии. Я не вся сладость, теплота и персиковые пирожные. Я не... Я даже не знаю, как приготовить персиковый пирог!

Я вскидываю руки в воздух, затем прячу в них лицо.

— Я не был готов к такому признанию, — саркастически растягивает он. — Должен ли я обратиться к федералам? Может Интерпол? Это слишком большой секрет, чтобы оставаться в этих стенах.

— Будь серьезен на секунду. Говорю тебе, я огромное разочарование.

— Я серьезно, — бесцветным голосом говорит Арсен. — Ты сложный человек, а не акция, на которую он поставил. Если он думал, что сделал верную ставку, то он идиот. Не ты.

— Просто остановись! — Я вскакиваю со своего места. Стекло хрустит под моим ботинком. — Не защищай меня. Я не та маленькая южная девочка, в которую влюбился Пол. Я та сука, которая пыталась устроиться на работу в Калипсо Холл — и преуспела — чтобы она могла приблизиться к тебе! — Теперь, когда признание вырвали у меня изо рта, я не могу остановиться. — Я хотела встретиться с тобой, Арсен, потому что знала, что ты человек со знаниями и способный пролить свет на то, что произошло между Грейс и Полом. Мне нужны были твои знания, твоя информация, твои средства. Хотела использовать тебя, чтобы приблизиться к истине. Я знала, что это место принадлежит тебе. Все это было

преднамеренно. Я хотела, чтобы ты думал, что это была твоя идея обменяться нотами. Но я взялась за эту работу только потому, что мне нужно было взять этот файл в свои руки. — Я указываю на папку из манилы. — Я манипулятивная, слабая, отвратительная женщина, и я хотела использовать тебя. Я эгоистка, как ты и сказал!

Вместо того, чтобы выглядеть ошеломленным, обиженным, раздраженным, удивленным — чем угодно, — он улыбается своей кривобокой мирской ухмылкой, от которой я схожу с ума больше, чем опрысканный таракан.

— О, это замечательная новость, деревенщина! Выпей. — Он протягивает мне свой бокал с бренди. Выпиваю половину за один раз.

— Единственная причина, по которой я позволил тебе сохранить свою работу, — это то, что я хотел, чтобы мы обменялись нотами, — продолжает он. — А я всегда знал, что ты эгоистка. Ты человек. Это в ДНК. Я просто хотел, чтобы ты признала это, чтобы ты могла начать спрашивать о чем-то сама.

— Вот и я о том же. — С досадой я пихаю бокал обратно в его руку. — Мы оба плачевные существа.

— Я предпочитаю находчивых. И мне жаль, что я нарушил это для тебя, но ты и вполовину не так хитра и испорчена, как ты думаешь. То, что ты устроилась на работу в Калипсо Холл, не повредило абсолютно никому. Грейс была в миллион раз более проникательной и бессердечной, и, как ты можешь судить, Полу это было безразлично. В любом случае, если тебе нужно это услышать — ты все еще самый хороший человек, которого я встречал за всю свою жизнь. Пожалуйста, не благодари меня — я не считаю это комплиментом. — Он поднимает руку и качает головой, как будто я потеряла надежду. — И я все еще думаю, что ты слишком хороша для Пола.

Не могу поверить, что это почти закончилось. Что скоро он придет ко мне, проберется в кабинет Пола и найдет то, что искал (или нет), и мы больше никогда не увидимся.

— Полу нравилось, что я была хорошей. — Я скрещиваю руки на груди.

— Пол никогда не понимал тебя, — прямо говорит Арсен, которого совершенно не смущает мысль расстроить меня еще больше. — Он думал о тебе как о стереотипной южной красавице. Ты была символом статуса, сродни итальянской машине, красивому костюму. В ту минуту, когда ты отставала от его идеи «Маленький домик в прерии», он терял интерес и двигался дальше. Но к тому времени у тебя на пальце было кольцо, и он решил, почему бы не сделать ребенка от тебя и не найти свою настоящую любовь? Сомневаюсь, что он думал, что ты когда-нибудь его поймаешь.

Это звучит слишком близко к сердцу и объясняет слишком много вещей, которые я не могла понять в своих отношениях, когда Пол был жив.

Глубоко вздохнув, я беру себя в руки.

— Спасибо, что поделился со мной своим незапрошенным мнением. Думаю, теперь я поеду домой. Мы можем организовать для тебя поезд в...

— Останься. — Это приказ, а не просьба, и, прежде чем я успеваю это осознать, он тащит меня в свою гостиную и усаживает на свой диван. Я подчиняюсь, ошеломленная. Он засовывает свою рюмку между моими пальцами и говорит, что скоро вернется. Краем глаза я вижу, как он убирает беспорядок, который я оставила после себя. Все разбитое стекло. Я потягиваю бренди. Оно плавно скатывается по моему горлу. Через несколько мгновений ко мне присоединяется Арсен со своей рюмкой.

— Думаешь, мы когда-нибудь это сделаем? — спрашиваю я его, но смотрю на дно

своего стакана.

— Что? — Он спрашивает.

— Захватим Марс.

Он ухмыляется, понимая, что я не хочу знать о планете — я хочу знать о своем сердце.

— Я думаю, что, возможно, в какой-то момент на Марсе была какая-то жизнь. Во всяком случае, сейчас слишком холодно, слишком пыльно и слишком сухо, чтобы быть гостеприимным. Но это может измениться. Я вижу, как мы вкладываем средства в создание искусственных сред обитания и становимся марсианами, если действительно приложим к этому усилия, если действительно постараемся. — Его глаза впились в мои, напряженные и настойчивые. Когда я ничего не говорю, он пожимает плечами. — Я имею в виду... не нам. Человечество в целом. Это займет некоторое время.

Я киваю, прячась в тишине на несколько минут.

— Скажи мне, что у тебя в голове, — говорит он.

Я сглатываю, прежде чем говорить.

— Я просто думаю, что это настолько символично, что то, что свело нас вместе, тебя и меня, было игрой, в которой все про безответную любовь. Потому что это то, что мы оба переживаем. Вспомни, как все начинается. За Ниной ухаживает Константин, который влюблен в Машу, которая, в свою очередь, тоже является объектом внимания Медведенко. Никто не получает того, чего хочет. У всех личная жизнь не сложилась. Все несчастны.

— Правильная, жизнь — грязное дело. Жизнь — это урок выносливости. — Арсен кивает. — А стойкость — это урок смирения. Проблема человечества в том, что все хотят простой, комфортной жизни. Но это такое ужасное существование. Как ты мог бы когда-либо ценить хорошие моменты, если ты не выдержал плохие?

— И еще, — продолжает Арсен, наблюдая, как я допиваю остатки напитка. — Ты постоянно забываешь одно — Нина выжила. Она нашла свой путь. Она терпела.

— Как ты думаешь, ты когда-нибудь отойдешь от Грейс? — Я ставлю свою пустую рюмку на журнальный столик. Я уже изрядно опьянела, выпив на голодный желудок.

— Нет. — Арсен быстро наполняет мой стакан бренди. Мое сердце падает, и я понимаю, что это признание действительно ранит мои чувства. — Я не делал никаких заявлений о безбрачии. И ни одна часть меня не хочет продолжать тосковать по ней. Но я практичный человек, и, говоря о практичности, я не думаю, что какая-либо женщина может с ней сравниться.

Я выпиваю еще немного, чтобы стряхнуть с себя тревожное чувство, сопровождающее осознание того, что Арсен никогда не будет искать любовь.

— Может быть, мне стоит вернуться в Малберри-Крик.

— И что потом? — Он смотрит на меня насмешливо, на его лице уже готова насмешливая улыбка. — Доить коров?

— Во-первых, у нас даже коров нет. — Я прикалываю его взглядом. — У меня будет моя семья, мои друзья, мой круг. У меня будет... Рис.

— Кто такой Рис?

— Мой бывший парень. Мы расстались, когда я переехала в Нью-Йорк. Нам было действительно хорошо вместе. Он хороший парень.

Арсен закатывает глаза.

— Пожалуйста, убей меня, если первое прилагательное, которое придет на ум, чтобы описать меня как мою бывшую девушку, будет «хорошим».

Я смеюсь.

— Быть хорошим — отличная черта.

— Это не войдет в учебники истории. — Он приветствует меня своим напитком.

— Не все хотят лезть в эти книги, — замечаю я.

Он делает гримасу отвращения.

— Поглотители кислорода.

Это заставляет меня смеяться.

— Я уже не ненавижу тебя так сильно, как несколько недель назад, — признаюсь я.

— Что ж, тогда есть пища для размышлений. — Он поворачивается ко мне. — Ты рассталась с Рисом по определенной причине. Никогда этого не забывай.

С наступлением ночи графин для коньяка пустеет. Арсен приносит папку, и мы снова вместе просматриваем фотографии, но на этот раз смотреть уже не так ужасно, как в первый раз. В какой-то момент раздается звонок в дверь. Он заказал еду. Пища для души. Мое любимое. Жареные свиные отбивные, листовая капуста, кукурузный хлеб, макароны с сыром и пирог с абрикосовым джемом. Никаких следов персикового сапожника. Он действительно все продумывает.

Мы подворачиваемся, запивая большим количеством воды, а затем снова пьем.

Я становлюсь наглой. Может быть, даже немного безрассудной. Ведь это Арсен. Он никогда не полюбит меня. Не то чтобы я этого хотела. Но и он никогда не предаст меня.

Потому что он никогда не будет моим.

— Я хотела бы в кое-чем признаться. — Я прячу руки между бедрами.

— Это такая же большая бомба, как персиковый коблер? Мое сердце может выдержать только столько. — Он кладет руку на свою скульптурную грудь.

— Ты должен пообещать никому ничего не рассказывать. — Я игнорирую его шутку. Я думаю, что я бормочу, что является отличной причиной не говорить ему, что у меня на уме. Но у меня тяжело с едой и легко с алкоголем, и настроение между нами так отличается от того, что было в машине. Сегодня вечером он предстал в другом образе. Лучший друг. Парень, которому можно доверять. И не похоже, что мне есть с кем поговорить.

— Если только это не очень сочно — тогда я пойду с этим в "The Enquirer".

Со стоном я толкаю его в плечо, надеясь, что это возбудит что-то внутри него и побудит его поцеловать меня. Безрезультатно. Сегодня он другой. Самоуверенный, как всегда, но также сдержанный.

— Я, вероятно, бесплодна.

Слова взрываются между нами. Вздохнув, продолжаю.

— Ну, не вероятно. Скорее, конечно. Помнишь, когда ты видел меня в Италии? Я была вся в слюнях в ванной.

У меня горят уши, когда я думаю об этом моменте. Он медленно кивает, глядя на меня.

— Это потому, что у меня был серьезный спор с Полом по этому поводу.

— Понятно. — Он поглаживает подбородок. — В тот первый раз, когда мы говорили о них — в Новом Амстердаме, помнишь? Ты, кажется, была вне себя от радости, когда я сказал тебе, когда у них начался роман. Почему?

Сглотнув, я смотрю себе под ноги.

— Потому что это было примерно в то время, когда мы с Полом говорили о том, что у меня, возможно, проблемы с зачатием. Мне казалось, что он отказался от меня и ушел с ней.

Арсен какое-то время ничего не говорит, словно не слышит меня. Это было явно

ошибкой. Я смущаюсь, ожидая его ответа, поэтому встаю.

— Где ванная комната?

— Вторая дверь слева от тебя в коридоре.

Опустошив мочевой пузырь, я возвращаюсь в гостиную и нахожу его сидящим в той же позе на диване. Я сожалею, что рассказала ему о своем бесплодии. Не знаю, чего я ожидала, но полной апатии не было.

— Я рад за тебя, — говорит он со своего места на диване.

Я моргаю, думая, что, может быть, я ослышалась.

— Рад за меня?

Он кивает.

— Почему?

— Потому что ты не совсем огорчена Полом. Ты убита горем из-за того, как вы двое закончили свои отношения, и из-за того, что он не любил тебя настолько, чтобы принять тебя, несмотря на то, что ты считаешь своим несовершенством. Это отличная отправная точка. Ты будешь двигаться дальше, найдешь кого-то другого. Кого-то, кто понимает, что ценность человека измеряется не его репродуктивной системой, и проживешь хорошую жизнь. Возможно, с милым Рисом или парнем его марки. Пол станет далеким воспоминанием, анекдотом.

Скосив на него глаза, я качаю головой.

— Ты такой мудака.

— Почему? — Он смотрит, как я хватаю свой маленький клатч и телефон.

— Ты такой черствый во всем.

— Ты хотела, чтобы я был опустошен из-за тебя? — Он встает и идет за мной по квартире.

Да, да, я хотела.

Я останавливаюсь у двери, оборачиваюсь и раскидываю руки.

— Я хотела, чтобы ты утешил меня!

Он смотрит на меня, немного сбитый с толку.

— Почему ты так смотришь на меня? Что плохого в желании утешиться? Неужели ты никого в жизни не утешал?

Мы все еще на мгновение стоим в тишине, прежде чем он говорит.

— Нет.

Голос у него тихий, несчастный.

— Никогда, — признается он. — Я не знаю, как это.

Колеблясь между тем, чтобы ругать его и учить его, я решаю выбрать последнее. Ведь я знаю, каким было его детство. Далеким отец, отсутствие матери и мачехи, изгнавшая его из дома.

— Есть несколько способов. — Я прикусываю нижнюю губу. — Мне больше всего нравится просто обниматься и спать в объятиях друг друга. Моя мама всегда обнимала меня перед сном, когда у меня был плохой день. Даже когда я была подростком. Объятия — отличный антистресс.

Он расправляет плечи.

— Обнимашки. Верно. Я могу это сделать.

— Но почему? — Я смотрю на него со смесью недоверия и подозрения. — Зачем меня разыгрывать?

Он бросает мне саркастическую ухмылку.

— Потому что ты еще не выполнила свою часть сделки, почему еще?

Я не уверена, что верю ему — я не хочу ему верить, — но я все равно бреду к его распростертым объятиям, как мотылек к огню. Я прижимаюсь щекой к его груди, надеюсь почувствовать, как его сердце бьется так же, как и мое.

— Если мы будем обниматься в твоей постели, мне не нужны шутки. — Я говорю в дорогую ткань его рубашки.

— Я... нет, ты не можешь войти в мою спальню. — Он кладет руку мне на поясницу, проводя меня в небольшую комнату для гостей по коридору с кроватью королевского размера.

— Почему?

Он оглядывается вокруг себя, словно ищет оправдания.

— Я не пускаю людей в свою постель.

— Ты никогда не упоминал об этом раньше. — Я хмурюсь.

— Я также никогда не обсуждал с тобой свои выходки в спальне, — легко говорит он, но что-то не так. Этот мужчина не кажется настолько сентиментальным, чтобы поклясться не брать женщину в свою постель, потому что Грейс когда-то спала там. К счастью для него, я слишком пьяна и измучена, чтобы допрашивать его об этом.

Через несколько минут я лежу в чужой постели, его руки обвивают меня, а губы в моих волосах, и мое дыхание совершенно спокойное.

— Вот, вот, — говорит он. — Все будет хорошо. У меня получается?

— У тебя отлично получается.

ГЛАВА 22

Арсен

— Я не влюблен.

— Я знаю эту. Кто такой 10сс? — Риггс нажимает на воображаемый зуммер а-ля "Jeopardy!", затем опрокидывает свой напиток.

Мои губы сжимаются в досаде. Кристиан хлопает меня по плечу, его дерьмовая ухмылка демонстрируется во всей красе.

— Извини, приятель, но похоже, что так оно и есть.

— Потому что я позволил случайной женщине, с которой у меня есть дела, спать в моей гостевой комнате? — Усмехнулся я, испытывая отвращение.

Не то чтобы я сделал пребывание Виннфред в моем доме достоянием общности. Нет, это была вина Риггса. Верный своему кочевому образу жизни, он явился в мою квартиру на следующее утро после того, как деревенщина осталась у меня ночевать, неся подарки в виде кофе и бубликов. Альфред впустил его. Я к тому времени уже встал, принял душ, побрился и пришел после тренировки по теннису. Виннфред, однако, не встала. И когда она осторожно, на цыпочках вышла из комнаты с застенчивой улыбкой на лице, Риггс поспешил с выводами, как олимпийский атлет.

— Нет. Потому что ты никогда никого не пускал в свою квартиру, никогда, а она выглядела как дома, — парирует Риггс.

Кристиан подходит к бару в бильярдной в "Новом Амстердаме". После того, как я несколько недель пролежал на дне и позволил Кори оправиться после его маленькой

встречи с деревенщиной, меня наконец-то снова можно увидеть здесь. Или, по крайней мере, так было, пока эти два идиота не начали рвать меня по новой.

— Она выглядела как женщина, которая только что проснулась и чувствует себя неловко рядом с двумя незнакомыми мужчинами, — поправляю я его. — Между нами ничего нет. Как я уже говорил, ее муж работал с Грейс.

Только через мой труп я признаюсь Риггсу и Кристиану, что они все время были правы насчет моей покойной невесты. Что она дважды обманула меня. Что, к сожалению, делает Виннфред маловероятным, хотя и важным союзником. Даже моей кислой заднице нужен кто-то, с кем можно поговорить.

— Все это очень убедительно, не говоря уже о том, что увлекательно. — Риггс встает, убирая телефон в передний карман. — Но мне нужно бежать. Журнал "Discover" готовит большую редакционную статью об исторических кораблекрушениях, и я хочу получить заказ. Это задание на пять пунктов. У меня встреча с их главным редактором.

— Эти журналы вообще зарабатывают деньги? — Я скрещиваю одну ногу на другой. Печать — это такая устаревшая индустрия.

Он закатывает на меня свои голубые глаза.

— Не все упирается в деньги.

— Все важные вещи — да, — возражаю я.

Риггс улыбается мне с жалостью.

— Вот почему ты никогда не был по-настоящему счастлив. Ты все еще пытаешься найти цену радости.

— Хорошо, доктор Фил.

— Вообще-то, я узнал это из печенья с предсказаниями в Panda Express.

С этими словами он выскочил из комнаты. Кристиан протягивает мне свежий напиток, прежде чем сесть.

— Вернемся к текущему разговору. — Он разглаживает свой галстук. — Полагаю, Арья уже говорила, что не хочет, чтобы ты приближался к девушке Эшкрофт.

— А я полагаю, что метко упомянул ей, что не принимаю заказы от людей, которые не платят мне огромный процент за мои услуги.

— Послушай. — Он переходит к делу. — Арья не склонна к драматизму. Если она заботится о ком-то, я склонен верить, что он какой-то особенный. В море полно рыбы. Если секс — это то, что тебе нужно...

— Секс никогда не бывает ради секса. — Я встаю, застегивая пиджак. — Речь идет о власти, удовольствии, удовлетворении, но никогда только о сексе. Это значит, что независимо от того, чего я хочу от нее, секс — это не то.

Не то чтобы мне не приходило в голову поиметь Виннфред в ту ночь, когда она осталась. Приходило. Миллион раз. Но какой в этом смысл? Через несколько дней мы разойдемся в разные стороны, и нет необходимости излишне усложнять ей жизнь.

Она хороший ребенок, даже если немного слишком невинный и голубоглазый на мой вкус.

Ей и так пришлось многое пережить, не добавляя сюда еще и пикантную интрижку с очередным ублюдком класса "А".

— И я не должен тебе ничего объяснять. То, что я делаю с Виннфред и для Виннфред — это только наше дело. Не знаю, какие у тебя полномочия быть рыцарем в сияющих доспехах. Ты почти разрушил жизнь своей жены, когда вы двое "просто занимались сексом".

Не лезь в мою полосу, а я не буду лезть в твою.

Я направляюсь к двери, останавливаясь лишь на мгновение.

— О, и передайте привет малышу Луи.

ГЛАВА 23

Винни

Через два дня после того, как я поставила себе диагноз, Крисси появляется у моей двери. Она вооружена невероятным количеством брошюр и статей. Она с триумфом швыряет их на мой кофейный столик, это ее вариант приветствия.

— Что это? — Я вытягиваю шею из кухни.

— Все виды полезной информации. — Крисси оживает, даря мне свою самую солнечную улыбку, посасывая свою электронную сигарету. — В основном о том, как люди беременеют при эндометриозе. Я имею в виду, это не невозможно. Есть способы, методы лечения, лекарства. На самом деле, масса вариантов.

Она раскладывает все брошюры в ряд на моем столе. Я начинаю жалеть, что рассказала ей о своих подозрениях. Я знаю, что она хочет добра, но я не люблю касаться этой темы. Я кладу по классическому кубику сахара в каждую из наших чашек кофе и отношу ей горячие напитки. Она делает глоток, закрывает глаза и стонет.

— Как ты делаешь это так вкусно?

— Настоящий сахар, цикорий и всего лишь капелька сорго. Так его готовила Мемо.

Я сажусь на диван, и она быстро следует за мной и начинает говорить.

— Вчера говорила с Лукасом. Он сказал, что на ближайшие три месяца у тебя все распродано. Он думает, что они могут продолжить на второй год. Что ты думаешь по этому поводу? Я знаю, мы обсуждали Голливуд...

— Я не поеду в Голливуд. — Я ставлю свою чашку на стол. Ненавижу разочаровывать ее, но давать ей ложную надежду было бы еще хуже. Рот Крис надувается, но она ничего не говорит.

Я кладу руку ей на колено.

— Спасибо за предложение. Я очень ценю это. Но я не думаю, что готова. На самом деле, я хочу сделать это по одному дню за раз после того, как мы закончим "Чайку". Я не думаю, что полностью позволила себе восстановиться после того, что случилось.

— Ты имеешь в виду, что ты также не уверена, собираешься ли ты подписать контракт на второй год с Калипсо Холл? — Крисси хмурится.

Кивая, я облизываю губы.

— Я не говорю «да» или «нет» прямо сейчас. Все, что я хочу сказать, это то, что я больше не ставлю себе крайний срок, чтобы «поправиться». Я сделаю все, что правильно для меня ментально. Сейчас я не знаю, что это такое. Но я знаю, что поехать в Голливуд — это не то, чем я хочу заниматься. Меня не волнуют слава и гламур. Меня волнует искусство.

— О, Винни. — Крисси вздыхает, ставит свой кофе на подставку и бежит ко мне. Она обнимает меня за плечо. — Как мне удалось найти единственную актрису в Нью-Йорке, которую не волнуют все эти подливки? Ты всегда была главным блюдом, дорогая.

Я смеюсь.

— Может быть, ты выбрала не ту.

— О, я выбрала лучшую. — Она встает, вытирая глаза. Она оглядывается вокруг себя, словно вдруг понимая, где находится. — Место выглядит лучше. Я не знаю, как это

объяснить, но это так.

Кроме того, что я положила кроссовки Пола в полку для обуви, я не вносила никаких изменений. Но я думаю, что знаю, что она имеет в виду. Даже мебель не выглядит так, будто затаила дыхание в ожидании возвращения мужа.

— Спасибо, — говорю я.

— Просто пообещай мне одну вещь, — говорит Крисси. — Взгляни на брошюры, которые я принесла. Я не буду пускать дым в твою милую маленькую задницу, Вин. Я знаю, что ты в отчаянии, но впереди еще столько всего в жизни. И некоторое из них? Это чертовски хорошо, как ты говоришь.

К тому времени, когда Крисси идет домой, я чувствую себя намного лучше. Это, конечно, не длится очень долго. Свежий страх наполняет меня, когда я смотрю на часы на кухне, делая вялую попытку привести это место в порядок. Арсен должен быть здесь с минуты на минуту. Вместе мы собираемся совершить налет на офис Пола. Святилище Пола, которое было заперто почти год, с тех пор как он умер.

Арсен опаздывает. Я использую это время, чтобы пойти в свою спальню и переодеться в повседневную домашнюю одежду цвета шалфея. Ничего особенного, но я знаю, что хорошо выгляжу в этом платье. Звонок в дверь. Когда я спешу застегнуть молнию на одежде, моя кожа цепляется за молнию.

— Ой. Черт.

Я стону, пока иду к двери. Когда я распахиваю дверь, он стоит с другой стороны, и мы как будто никогда не прощались. Есть в нем что-то такое знакомое. Такое опасно утешительное.

— Ты опоздал. — Я прислоняюсь к дверному косяку. Как еще я могу поприветствовать этого мужчину, который два дня назад провел всю ночь, обнимая меня, зачесывая волосы назад, шепча мне на ухо, что все будет хорошо? Затем, на следующий день, когда я проснулась и его друг был там, Арсен выглядел рассеянным и нетерпеливым, едва сдерживая себя, чтобы не выгнать меня из своей квартиры.

— Время — это субъективный опыт, деревенщина. — Он проплывает мимо меня, как будто это место принадлежит ему, входит в мою квартиру, устраивая себе экскурсию. Он впитывает все это, пока я стою у двери.

— Значит, это был дом Пола.

Я наклоняюсь над кухонным островом, изображая безразличие.

— Наш дом. Мы спроектировали это место вместе.

Сегодняшний вечер пахнет, и на вкус, и на ощупь как прощание. Финальность витает в воздухе и душит меня. После этого мы с Арсеном разойдемся в разные стороны. Больше не будет секретов, которые нужно раскрывать, не будет ран, которые нужно расковыривать. Он уйдет из моей жизни и, возможно, быстро продаст Калипсо-Холл.

— Это мило, — протягивает Арсен, отрывая взгляд от картины на стене гостиной, чтобы взглянуть на меня. — Ты сказала, что у тебя проблемы с бесплодием. Ты когда-нибудь замораживала яйца? А еще лучше, эмбрионы? Ты все еще можешь получить от него небольшой комочек радости.

Я моргаю, переваривая небрежность, с которой он затронул эту личную тему. Не знаю, возмущаться мне или веселиться.

— Какое это твое дело? — Я спрашиваю.

— Никакое. — Он подходит к буфету и перебирает предметы, как будто это место преступления. — Но я умею решать проблемы, и когда они возникают, я обычно нахожу решение.

— И что потом? Найдешь суррогатную мать? Они стоят целое состояние.

— В Северной Америке — да. Но есть агентства...

— Ну, мы ничего не заморозили, — коротко отвечаю я.

А даже если бы и заморозили, я бы не стала этим пользоваться, зная все, что знаю.

— Очень жаль. — Арсен ставит вазу на место и поворачивается ко мне. — А где ключ?

Я достаю эту мелочь из кармана платья и протягиваю ее между нами.

— Думаешь, мы возненавидим все, что узнаем? — Я тяжело сглатываю.

— Надеюсь, — говорит он. — Так будет легче отпустить.

И тогда мы прямо там. Перед дверью, на которую я пялилась месяцами, будто это была открытая пасть льва. Прежде чем повернуть ключ в отверстие, я делаю глубокий вдох.

— Боже, ты все еще любишь его. Это жалко. — Слова ползут по моей спине сзади, как когти.

— Горшок, познакомься с чайником, — бормочу я.

У него вырывается смешок.

— О, Виннфред.

Что? Я хочу наброситься на него. Чего мне не хватает? Чем мы отличаемся? Но это не имеет значения, и это не приблизит меня к внутреннему миру.

Я поворачиваю ключ и толкаю дверь.

Офис Пола — это видение обыденности. Файлы аккуратно сложены на его столе. Ряд из трех экранов, украшенных стикерами Post-it. Картотечные шкафы, наши запыленные фотографии на его столе и мячик для снятия стресса. Ничего не выделяется. Ничто не вызывает скандала. Измены. Обмана.

Арсен быстро отходит в сторону комнаты.

— Я возьму картотечные шкафы, а ты проверь ящики его стола.

Он вытаскивает из них каждую папку, затем каждый ящик для папок, переворачивает их вверх дном и похлопывает по ним со всех сторон, чтобы увидеть, что внутри ничего не спрятано.

— Будь осторожен. Нет нужды уничтожать его вещи, — выдавливаю я.

— Деревенщина, — отвечает он, уже сидя на полу с закатанными до локтей рукавами. — Ты должна перестать быть верной людям, которые не были верны тебе. Это не благородная черта. На самом деле, это немного сбивает с толку.

— Дело не в Поле. — Я засовываю руки в ящики, роюсь в заметках, ручках, калькуляторе и маркерах. — Дело в твоей жажде отвлечься.

— По крайней мере, я чего-то хочу. — Его слова врезались прямо в меня. — Когда ты закончишь с ящиками, включи этот компьютер и дай мне знать, если он потребует код входа, хорошо?

Следующий час мы работаем молча. ПК не требует кода. В то же время мы не находим на нем ничего интересного. Картотечные шкафы тоже оказываются неряшливыми. Мы просматриваем письма, открываем фотографии, переворачиваем ковры, ищем тайники, где

Пол мог хранить что-то секретное, но разочарования следуют одно за другим. В офисе нет ничего, что могло бы навести на мысль о том, что Пол когда-либо был кем-то большим, чем скучный женатый менеджер хедж-фонда.

В какой-то момент я начинаю чувствовать себя глупо и даже — как ни странно — злюсь на Пола. Я создала этот офис как святой Грааль всех секретов, а из него ничего не выходит. Я чувствую, что разочаровываю Арсена.

Почему меня волнует разочарование этого человека, я не понимаю, но это так.

Проходит еще час. Мы перепроверяем все, что рассматривали ранее. Наши нервы на пределе, и тишина наваливается на нас мертвым грузом. Ни один камень не остается неперевернутым. Но мы больше не дружим, не горячимся друг к другу и даже не слишком цивилизованны. Напряжение повсюду, оно обвивается вокруг наших конечностей, словно плющ.

— Остановись. — Голос Арсена разрезает тишину. Это неожиданно и заставляет меня задыхаться, когда я просматриваю еще один файл клиента Пола. — Мы с тобой оба знаем, что ничего здесь не найдем. Это пустая трата времени.

— Этого не может быть. — Я прижимаю файл ближе к груди. — Пол был так напряжен из-за своего офиса. Такой скрытный...

— Это потому, что у него здесь конфиденциальная информация о компаниях стоимостью в миллиарды долларов. Не потому, что он держал трусики Грейс под принтером. — Он встает с пола. Тонкая пленка пота покрывает его лоб. — Мы приложили все усилия.

И это все? Он не может уйти! Не так. Не так скоро.

Я иду за ним из комнаты, удрученная.

— Ну ты знаешь. Уже поздно, а я тебе даже поесть не предложила, не говоря уже о выпивке...

Он закатывает рукава на мускулистых предплечьях.

— Не беспокойся об этом. У меня есть остатки в холодильнике.

Тем не менее, я плетусь за ним. Из коридора в гостиную и к двери. В моей груди вспыхивает паника. Арсен может быть черствым, холодным и полным яда до краев, но последние несколько недель он был другом. Своего рода соратник.

— Хорошей жизни, деревенщина. — Он резко распахивает дверь.

— Стой!

Я понимаю, что этот пронзительный чужой голос исходил от меня.

Он действительно останавливается, все еще спиной ко мне. Он не двигается, ожидая, когда упадет другой ботинок. Мне нужно что-то сказать. Что угодно, Винни. Наконец, я нахожу свой голос.

— Есть еще кое-что, что я хочу, чтобы ты увидел. Альбомы... вроде того. Может быть, я что-то упустила.

Арсен поворачивается ко мне лицом. Выражение его лица совершенно нечитаемо.

— Я знаю, что это тяжело. К тому, что мы прощаемся, прилагается определенный уровень принятия. Мы узнали все, что можно было найти, и ничего хорошего. После того, как я уйду отсюда сегодня вечером, мы, вероятно, больше не увидимся. И твоя последняя связь с Полом исчезнет. Я понимаю. — Но он вообще не понимает. Мое горе по Полу не зависит от моих отношений с ним. Для меня Арсен стал самим собой. Не просто средство для достижения цели. — Но лучше заклеить пластырем.

— Мы можем наложить пластырь завтра, — слышу я от себя, хотя ничто в моем мозгу не разрешает этим словам покинуть мой рот. — Сегодня мы можем отомстить за то, что они сделали с нами. Пройти полный круг.

— Как?

Я облизываю губы, глядя себе под ноги.

— Мы можем заняться сексом.

Один только его взгляд вызывает у меня хлыст. Я могу сказать, что он думает, что это ужасная идея.

— Ты пьяна? — Он сужает глаза.

Я фыркаю.

— Только не говори мне, что ты об этом не думал.

— Нет, — протягивает он. Затем, на случай, если он не ясно выразился: — Я имею в виду, да, конечно, я думал об этом, но это ужасная идея. Даже для тебя, деревенщина.

Хотя, говоря это, он также закрывает за собой дверь, чтобы дать нам некоторую степень конфиденциальности.

— Почему нет? Ты был тем, кто не мог перестать целовать меня...

— Проблема не в привлекательности. — Он делает шаг вперед и убирает прядь волос с моего лица. — Проблема в том, что это все усложнит, всплывут проблемы, и очень может быть, что твое маленькое кровоточащее сердце перепутает секс с чувствами. К тому же, остается еще маленький вопрос о том, что я технически являюсь твоим боссом.

— Ненадолго, — указываю я. — Ты хочешь продать Калипсо Холл. И не будь так уверен, что ты мне волшебным образом понравишься только потому, что мы спим вместе. — Я лгу нагло. — Кроме того, подумай о мести...

— Месть — это примитивное, обреченное на провал понятие. Я не буду делать или не делать вещи, основываясь на том, что Грейс подумала бы о них.

Черт бы побрал его и логику. Я могу сказать, что он принял решение. Он отстраняется.

Я собираю осколки своей гордости и делаю шаг назад. Не нужно умолять.

— Ну, тогда. — Я выпрямляю позвоночник. — Я больше не буду тебя задерживать. Я надеюсь, что у тебя будет хорошая жизнь, Арсен.

— Шансы выглядят не очень хорошо, но спасибо. То же самое относится и к тебе.

Он оборачивается, открывает дверь, отходит в сторону и мягко закрывает ее.

Несколько мгновений смотрю на дверь. Затем я опускаюсь на колени и выпускаю жалобный стон. Я бы хотела поплакать об этом, но, как обычно, слезы не идут. Однако сердце болит по-настоящему, и я не знаю почему. То ли из-за отказа, то ли из-за разочарования, то ли из-за мысли, что еще одна глава о Поле в моей книге закончена.

Мне нужно несколько минут, чтобы собраться. Когда я наконец это делаю, я встаю и поворачиваюсь к кабинету Пола. Интуиция подсказывает мне, что я что-то упускаю. Звонок в дверь. Я замираю. Я не в настроении для компании. Я делаю еще один шаг к комнате Пола.

— Открой, деревенщина.

Подойдя к входной двери, я прижимаюсь к ней лбом, закрывая глаза.

— Зачем? — Я вздыхаю. — Назови мне одну вескую причину.

— Одну? — Его голос так близко, что я знаю, что он тоже прислоняется к двери. — Потому что мы чертовски заслужили это.

Я распахиваю дверь, а он стоит там, тяжело дыша, как будто взбежал по лестнице. Его волосы в беспорядке. Его щеки покраснелись. Он выглядит живым. Я не помню, когда в

последний раз этот мужчина выглядел больше, чем прекрасно сохранившийся труп.

— Позволь мне прояснить одну вещь. — Он поднимает палец. — После сегодняшнего вечера мы больше не увидимся. Ты была рождена для большего, чем быть конфеткой для другого мужчины, который никогда не сможет тебя полюбить.

— Да, — отвечаю я так же запыхавшись. Единственное, что стоит между нами, это узкое пространство порога.

— После этого не будет больше ни ужинов, ни фильмов, ни объятий.

— Больше никаких схем, никакой информации, которой можно поделиться, — добавляю я, кивая.

— Это. — Он указывает между нами. — По обоюдному согласию, верно?

— Да. — Я опускаю подбородок, наблюдая за ним. — Я хочу заняться с тобой сексом.

— Я тоже хочу заняться с тобой сексом, — сдавленно признается он, откидывая голову назад и закрывая глаза. — Блядь, мне трудно думать о чем-то, чего я когда-либо хотел больше.

Что-либо? Даже Грейс?

Мы сталкиваемся и взрываемся в одно целое, его руки в моих волосах, мои губы слились с его губами. Он, спотыкаясь, вваливается в мою квартиру, сжимая одной рукой мою талию, целуя меня отчаянно, неистово, пока изо всех сил пытается снять с меня платье. Мои руки извиваются вокруг его плеч. Моя спина ударяется о стену, но его рука обхватывает мою голову, защищая меня.

— Где чертова молния? — Он стонет в нашем поцелуе, его язык кружится вокруг моего, опускаясь к моей шее.

— Сбоку моего платья. Но будь осторожен, молния...

Прежде чем я успеваю закончить предложение, молния расстегивается, зацепив кожу вокруг моих ребер. Я зашипела. Арсен запрокидывает голову, трезвея.

— Извини. Блядь. Медленнее. — Он проводит большим пальцем по плоти, где моя кожа краснеет. — Ты в порядке?

Я киваю, расстегивая молнию, и мое платье падает на пол. Я пинаю его. Он расстегивает мой лифчик, его язык и рот уже там, где я хочу, чтобы они были. Его рубашка снята. Его брюки тоже. Меньше чем через минуту мы полностью обнажены друг перед другом. Он резко отрывается от меня, делая шаг назад.

— Подожди. — Он вздыхает. — Дай мне взглянуть. Я хочу получить свою порцию. Я слишком долго фантазировал об этом моменте, чтобы проглотить тебя быстро. — Он качает головой, немного смеясь над собой.

Я стою, раскинув руки по бокам, подняв подбородок, как скульптура Венеры Милосской, гордая, высокая и невозмутимая. Я смотрю на себя его глазами. Мой скромный рост, слишком маленькая грудь, дрожащие коленки. Моя некрасивость. Но как бы я ни стеснялась, на его лице написано удовлетворение. Он наслаждается каждым дюймом меня.

— Ты знаешь. — Он лениво кружит вокруг меня, совершенно голый, хищник на охоте. — Когда я увидел тебя в Италии, у меня возникло острое ощущение, что Пол выбрал тебя, потому что видел в тебе инвестиции. Произведение искусства, которое с годами будет только расти в цене. Что-то другое, драгоценное, единственное в своем роде; он был прав. Ты не такая, как все, Виннфред. — Он останавливается позади меня. Он прячет лицо в моем плече, его горячие губы скользят по моей коже. Он обнимает меня сзади, всем телом прижимаясь к моему. — Ты совсем не похожа на других женщин. Ничего похожего на

других людей. Но, как и все произведения искусства, ты обречена сломаться.

Его губы снова скользят по моей шее, его руки обхватывают мою грудь сзади. Моя голова падает набок, позволяя ему использовать свою магию, в то время как я выгибаю спину, упираясь задом в его эрекцию.

— Тогда сломай меня.

— Я не могу. — Его губы касаются раковины моего уха. — Ты уже сломана.

Я поворачиваю голову, ловя его губы своими, и мы снова целуемся. Я готова к нему. Пустота внутри меня усиливается. Каким-то образом мы оказываемся на полу, голодные и полудивилизованные, целуемся, обмакиваем пальцы, гладим, облизываем и требуем друг от друга большего.

— Скажи мне, что у тебя здесь есть презерватив. — Его руки раздвигают мои бедра, грубо раздвигая их. — Иначе я могу просто умереть от потери крови по дороге в ближайший винный погреб.

— Нет, презерватива нет. Но я чиста... — Я колеблюсь. — И, как уже установлено, не могу забеременеть.

Он перестает меня целовать. Его глаза встречаются с моими. За ними борьба.

— Я тоже чист.

Остальное осталось невысказанным. Он располагается между моих ног, и одним быстрым толчком оказывается внутри меня, заполняя меня полностью. Я никогда не чувствовала себя такой желанной, такой сексуальной, всю свою жизнь. Он начинает двигаться во мне.

— Ах, это нехорошо. — Он опускает голову мне на грудь, целуя ложбинку между грудями.

Я провожу пальцами по его шелковистым волосам, меня наполняет страх.

— Нет? Хочешь, чтобы я...?

— Нет, ты хороша. Черт, ты идеальна. — Он все еще внутри меня. — Я имею в виду, что это нехорошо, это слишком хорошо. Слишком хорошо. Я вот-вот кончу, а я уже в два толчка. Я никогда... — Он поднимает голову и тщательно краснеет. Какое чудо. — Никогда не был без презерватива.

— О. — На меня накатывает облегчение, и я крепче обнимаю его, двигаюсь под ним, двигаю бедрами, сводя его с ума. — Кончай, когда захочешь. Я тоже близко.

— Боже, Виннфред. Ты такая милая, даже когда убиваешь меня. — Мы находим свой ритм. Он быстрый и интенсивный. Срочный и необходимый. Когда он входит в меня, я подавляю крик, так приятно.

Он остается после этого. Спит в кровати, которую мы с Полом когда-то делили. Вернее, ложится на место Пола. Он выше и крупнее. Его темные глаза смотрят на меня, вместо тех солнечных детских голубых, которые я привыкла видеть через подушку.

В нашу последнюю совместную ночь мы очень мало спали. Мы занимаемся сексом, потом отрываемся, немного разговариваем. Его рука лежит надо мной в собственническом жесте, по которому мне будет не хватать. А потом он снова внутри меня, целует, кусает, стонет. Иногда мы сливаем друг друга еще до того, как закончим разговор. Мы беспорядочный, вкусный беспорядок.

Когда восходит солнце, я мертва для мира. Хорошая усталость овладевает мной. Мои кости тяжелеют, и я погружаюсь в глубокий сон. Когда я просыпаюсь, часы показывают 11:20, а Арсена нигде не видно. Я слезаю с кровати, от которой пахнет незнакомцем, и иду

на кухню. Наполовину взволнованная после ночи, которую я провела, наполовину опустошенная тем, что это конец.

Меня ждет записка, прилепленная к кофемашине, где, как он знает, я ее увижу. Это его прощальный подарок. Его белый флаг.

Позвони доктору.

— А.

Так я и делаю.

Я звоню своему акушеру-гинекологу. На этот раз я не вешаю трубку. Я не позволяю панике овладеть мной. Администратор бодро объявляет, что завтра, около полудня, у них свободно место. Я беру его обеими руками и благодарю ее примерно пятьсот раз.

Перед тем, как закончить разговор, секретарша напоминает мне взять с собой мою страховую карточку вместе с удостоверением личности с фотографией. Повесив трубку, я роюсь в кошельке. Я не могу найти чертову страховую карту. Это была горячая минута с тех пор, как я позаботилась о себе, проведя большую часть прошлого года в глубокой спячке.

Затем я вспоминаю, что Пол положил наши страховые карты вместе с нашими паспортами, свидетельствами о рождении и карточками социального страхования в сейф в его шкафу.

Я иду в нашу комнату, не обращая внимания на измятые простыни, и открываю шкаф Пола. Сейф смотрит на меня. Я не знаю кода. Пол не поделился этим со мной. Я никогда не задумывалась об этом в то время. Доверие не было проблемой в нашем браке — по крайней мере, я так думала.

Мои обширные познания в кино напоминают мне, что у меня есть только три попытки, прежде чем сейф заблокируется. Я ломаю голову над тем, каким может быть код.

Сначала пробую дату его рождения. Неудача.

Я пробую свой день рождения, криво посмеиваясь, когда лампочка мигает красным. Никаких сюрпризов.

Мои паучьи чувства подсказывают мне, что это должен быть день рождения. Должен. У Пола не хватало креативности, чтобы придумать какую-то другую комбинацию. Он всегда использовал дату рождения. Я смеялась над ним из-за этого. Его пароли от Gmail, Facebook, Instagram... все даты рождения. Обычно его собственные. Он не помнил дни рождения своих родителей. Он был уверен в месяцах, но никогда в днях. Его секретарю приходилось напоминать ему за неделю до дня рождения, чтобы он купил подарки и запланировал звонок в своем календаре.

Что оставляет меня с еще одним человеком.

Дойдя до офиса Пола, я включаю его компьютер и захожу в его корпоративную электронную почту, которая на удивление все еще работает. Его имя высвечивается зеленым цветом во внутреннем программном обеспечении его компании. Мое сердце сильно бьется в груди. Упс. Он онлайн. Будем надеяться, что никто не думает, что он воскрес из мертвых.

Я просматриваю его электронные письма, пока не нахожу то, что мне нужно. Список дней рождения, которым поделились несколько РА, включая всех сотрудников Silver Arrow

Capital и их дни рождения.

Я нахожу день рождения Грейс. Девятое января. Я возвращаюсь к сейфу, разбиваю костяшки пальцев и нажимаю на цифры 010991.

Вспыхивает зеленый свет, и сейф без труда открывается. Тошнота прокатилась по моему желудку, желчь защекотала горло. Каким же чертовым мошенником был этот человек. Я выхватываю из пасти сейфа стопку пластиковых карточек, перетянутых резинкой. Перебираю их. Нахожу страховую карточку. Трясущимися руками запикиваю ее в карман тренировочных штанов, а остальные карточки засовываю обратно. Что-то привлекает мое внимание как раз перед тем, как я поворачиваюсь, чтобы уйти. Коробка, не больше кружки, в углу сейфа. Она коричневая и простая. Месяцы назад — даже недели назад — я бы оставила ее в покое.

Сейчас? Я хочу знать. Я хватаю ее и открываю. Там много ароматной черной ткани, покрывающей все, что находится под ней. Я отбрасываю обертки, мое сердце колотится так громко, что я чувствую его удары между ушами. Первое, что я вижу, это USB-флешка. Второй предмет — лист бумаги, свернутый в виде карты. Нет, несколько бумажек. Квадратные. Белые. Разворачиваю пачку, и то, что я вижу, ошеломляет меня.

Нет, нет, нет.

Я галопом несусь в ванную, встаю на колени перед унитазом, и меня рвет, неконтролируемая рвота. Слезы текут по моему лицу. Все мое тело дрожит.

Поднявшись на подкосившихся ногах, я, спотыкаясь, возвращаюсь к коробке, перекинутой через кровать, и снова беру фотографии. Да. Это именно то, что я думаю. Ультразвуковые снимки, показывающие, что маленькая фасолинка младенца благополучно плавает внутри своего мешка. Переворачиваю картинку на другую сторону.

Первое сканирование. 6 недель. Г + П = ПЖ!

Пол и Грейс ждали ребенка.

Они вместе собирались стать родителями.

Арсен был неправ. Они собирались уйти от нас друг к другу. Пол никогда бы не позволил другому мужчине воспитывать его ребенка. Несмотря на все свои недостатки, он всегда хотел детей. Стадо маленьких мерзавцев, которых можно назвать своими. Он гладил меня по заднице после того, как мы занимались сексом. Его манера желать, чтобы я забеременела.

Напрашивается вопрос — что случилось? Когда провалился их план?

Я снова просматриваю снимки УЗИ, теперь более внимательно, поскольку адреналин уступает место гораздо более глубоким эмоциям. Ярость. Боль. Шок. Название клиники и дата сканирования указывают на то, что оно было сделано некоторое время назад. Всего через несколько недель после Италии.

Внезапно я вспоминаю фотографию в Instagram-аккаунте Грейс. Та, что была в деле частного сыщика.

Скучаю по моему малышу.

Невинно я подумала, что она имеет в виду Пола. Но нет.

Она имела в виду свой выкидыш.

Вот что у них пошло не так. У Грейс случился выкидыш. Плохое предзнаменование? Кто-то из них струсил и решил остаться со своим партнером. Возможно, Грейс, зная то, что я теперь знаю о Поле.

Благодать сияла там, где я потерпела неудачу. Она чуть не родила ему ребенка.

Мой брак был фиктивным.

Так называемая любовь всей моей жизни была шуткой.

Я вся пылаю и дрожу от гнева, когда возвращаюсь в офис Пола. Никогда в жизни я не была так оскорблена, так ранена. Я не могу ясно мыслить, и это пугает меня, потому что сейчас я не полностью контролирую свои действия.

Я втыкаю флешку в компьютер Пола и жду, пока на экране появится новая папка, готовясь к худшему. Как только это происходит, он представляет несколько десятков видеороликов. По одним только миниатюрам я могу сказать, что это старые видео. Очевидно, что они были перенесены с видео пленки. Я нажимаю на одно и не узнаю людей на видео. Это не семья Пола. Ни его мать, ни его отец, ни его братья и сестры. Это совершенно незнакомые, прекрасные люди. Я никогда не встречала их в своей жизни.

Кто они? Зачем Полу это? Он держал это для друга? Коллеги?

Тогда я понимаю... эти люди на видео совсем не чужие.

По крайней мере, я знаю одного из них. Близко.

Боже, Пол, зачем ты участвовал в заговорах этой ужасной женщины?

Следующие полчаса проходят в оцепенении. Я засовываю снимки с USB и УЗИ в конверт FedEx и вызываю курьера, чтобы тот отправил их на квартиру Арсена. Нет причин брать трубку и звонить ему. Мы решили больше не видеться. Это к лучшему, видя потому что то, что я собираюсь сделать, шокирует его и окружающих до глубины души.

Затем я звоню Крисси и сообщаю ей, что ухожу из «Чайки». Она не отвечает, и я сразу переключаюсь на голосовую почту, что приносит огромное облегчение.

Наконец, я отправляю Лукасу, Рахиму, Рене и Слоан сердечные извинения.

Уважаемые актеры «Чайки»,

Я знаю, что вы возненавидите меня, и, честно говоря, у вас есть на это все основания.

Что я собираюсь сделать, так это поставить себя на первое место и проигнорировать ваши интересы.

Я уезжаю ненадолго. Как некоторые из вас знают, я потеряла мужа почти год назад.

Ну, чего вы не знаете, так это того, что за последние недели я потеряла гораздо больше.

Я потеряла надежду. Я потеряла веру в человечество. Я потеряла драгоценные воспоминания, которые у меня остались от моего покойного супруга. Я потеряла все. Но я думаю, что впервые за многие годы я также начинаю что-то приобретать. Перспективу.

Даже если бы я осталась, я не уверена, что внесла бы ценный вклад в Калипсо Холл. Я знаю, что Пенни отлично справится с ролью Нины.

Хотя я не ожидаю, что вы простите меня сейчас, я надеюсь, что однажды, в далеком будущем, вы это сделаете.

Люблю всем сердцем,

Винни.

Я эгоистична. Я ставлю себя на первое место. Я беру листок из книги Арсена.

Последний шаг — сделать то, что я должна была сделать через неделю после смерти Пола.

Я собираю небольшую сумку, покупаю билет в один конец до Нэшвилла и навсегда отворачиваюсь от Нью-Йорка.

ГЛАВА 24

Арсен

Я избегаю возвращаться в свою квартиру после встречи с деревенщиной. Остаться в городе, в непосредственной близости от места преступления, было бы ошибкой эпических масштабов. Вместо этого я предпочитаю остаться в особняке Скарсдейла, работая удаленно, на безопасном расстоянии от нее.

Один из нас должен принять здесь логическое решение, и этот кто-то не очаровательная, сильная женщина, которую я оставил в квартире Адской Кухни. Виннфред прекрасна точно так же, как и произведение искусства — заманчиво за гранью моего понимания. Лучше оставить, чтобы кто-то другой оценил. Мне нечего предложить женщине в романтическом отделе. Даже если бы я это сделал, она была бы неподходящим партнером. И я, в конце концов, человек, который гордится следующей причиной.

Я не возвращаюсь в свою квартиру до конца недели, когда наконец решаю вернуться в город. Я неторопливо захожу в свое здание, опустив голову в знак признательности, когда прохожу мимо Альфреда на стойке регистрации.

— Мистер Корбин, вас ждет посылка. — Он поднимает палец, прежде чем я захожу в лифт. Он приседает за своим столом и достает маленькую картонную штуку. Я беру это.

— Были ли у меня гости, пока меня не было?

— Нет, сэр.

— Хорошо. — Даже фантастически. Деревенщина поняла сообщение. Никаких звонков. Никаких неожиданных встреч. Хорошая девочка.

Я поднимаюсь на лифте, вхожу в свою квартиру и швыряю сверток на обеденный стол. Наверное, хрень, связанная с работой. Это может подождать.

Я забываю об этом на следующие несколько часов, пока читаю электронные письма и получаю телефонный звонок от Риггса, который в Неаполе пробует не только итальянскую еду, и от Кристиана, который по какой-то причине назначил себя ответственным взрослым и спрашивает, как у меня дела, как будто он моя мать.

Только незадолго до того, как я ложусь спать, я вспоминаю о посылке, ожидающей в моей столовой. Я беру ее и небрежно вскрываю. Первым делом из него выпадает последовательность листов... снимки УЗИ?

Сбитый с толку, я переворачиваю посылку и впервые смотрю на адрес отправителя. Винни Эшкрофт. Я переворачиваю один из снимков УЗИ.

Первое сканирование. 6 недель. Г + П = ПЖ!

Что ж. Оказывается, в доме Эшкрофт все-таки скрывалось что-то интересное. Где она его нашла? И с какой стати мне так безразлична мысль о том, что Грейс беременна от Пола?

Ребенок Пола. Теперь до меня доходит смысл этих слов. Грейс всегда настаивала на использовании презервативов. Думаю, она не распространила это правило на Пола. В противном случае она не была бы так уверена в личности отца.

Значит, Грейс была не против отказаться от контрацепции. Она была против отказа от контрацепции со мной. Возможно, мысль о том, что внутри нее плавает сперма Корбина, вызывала у нее отвращение.

Размышляя о временной шкале всего этого скопления дерьма, я более внимательно рассматриваю фотографии. Я вижу отметку времени, напечатанную внизу страницы УЗИ. Через три недели после Италии. После того, как Грейс была эмоциональной обезумевшей, не в себе.

Через три недели после того, как она попросила водителя остановиться, чтобы поблевать в кусты, я задумался, действительно ли ей не наплевать на смерть Дуга.

Кусочки падают вместе. Включая период, когда она, должно быть, потеряла ребенка. Во-первых, она исчезла. Я думал, что это из-за завещания, но это было потому, что она переживала потерю и горевала. Затем она неожиданно вернулась в ту ночь, когда Риггс должен был ночевать у меня дома, ожидая меня, стремясь угодить, развлечь, завоевать мое расположение. Тогда было принято решение. Пол больше не был надежной ставкой. Может быть, он все-таки решил потерпеть с Виннфред.

После того, как я выгнал Риггса, когда мы попытались заняться сексом, Грейс почувствовала боль. Секс был в лучшем случае неловким, и я хотел остановиться. На презервативе были следы крови. Она утверждала, что это стресс. Это не так. Правда заключалась в том, что ее тело исцелялось от травмы.

Меня больше беспокоит тот факт, что я занимался сексом с женщиной вскоре после ее выкидыша, чем то, как близка была Грейс к тому, чтобы бросить меня.

Так. Грейс хотела уйти от меня и родить ребенка от другого мужчины.

Это оставляет меня с таинственным USB. Последняя часть головоломки. Деревенщина хорошо поступила, отправив их сюда. Я удивлен, что она не попыталась доставить их сама.

Ты сказал ей не делать этого. Ты специально сказал что никогда больше не увидишься с ней.

Кроме того, мой внутренний наставник гордится тем, что она решила бросить такого тупицу, как я. Это именно то, что я хотел, чтобы она сделала. Начать ставить себя на первое место.

Втыкаю USB в ноутбук. Массив видео появляется в быстрой последовательности. Я нажимаю на первый. На экране появляется лицо молодой, уставшей, но счастливой Патрис Корбин.

Что...блядь.

Мне требуется целая минута, чтобы оправиться от первоначального шока и сосредоточиться на том, что происходит на видео. К тому времени я должен переиграть его. Патрис булькает и улыбается угрюмому ребенку — предположительно мне — прежде чем приложить меня к своей груди. Маленький-я жадно сосет, сжимая кулачком прядь ее черных волос, чтобы убедиться, что она никуда не денется. Она гладит меня по голове — на ней полно черных прямых волос — и тихонько смеется.

— О, я знаю, — говорит она по-французски. — Твоя еда никуда не денется, и я тоже.

Что-то странное происходит внутри моего тела. Прилив ностальгии, а может, дежавю. Пробуждение. Открывая еще одно видео, я вижу, как я, малыш, качаюсь в одном только подгузнике в квартире, которую я не узнаю. Я предполагаю, что это квартира, которую Патрис сняла в Нью-Йорке. Та, в которой она якобы жила одна.

Моя мать бежит за мной, хихикая. На заднем фоне разговаривают по-французски, возможно, между членами ее семьи, которые должны быть в городе. Когда она, наконец, ловит меня, она подбрасывает меня в воздух и дует воздухом на мой живот, и я смеюсь в восторге, мои пухлые руки тянутся, чтобы обнять ее.

Другое видео. На этот раз в особняке Корбинов. Мне около трех, и я помогаю Патрис упаковывать рождественские подарки. Мы долго говорим о бабочках и бу-бу. Время от времени она останавливается, кладет руку мне на плечо и говорит:

— Знаешь что? Какой ты умный! Я так рада, что ты у меня есть.

Другое видео. Мы с мамой на лыжной прогулке. Я пытаюсь есть снег. Она наливает на него концентрат сока. Я становлюсь ярче, и мы едим его вместе.

Другое видео. Делаем торт. Она позволяет мне слизывать шоколад с венчика.

На уроке плавания мы носим одинаковые купальники — я в плавках, она в бикини — с одинаковым рисунком омара.

Летающий змей. Я натыкаюсь на скамейку, падаю и начинаю плакать. Патрис бросается ко мне, подхватывает и целует мое колено. Вместе выбираем супергеройский пластырь. Это последний фильм о Человеке-пауке, поэтому она предлагает вместе пойти в аптеку и купить еще.

Кто снимал эти видео? Кто стоял за камерой?

Я сижу, потирая висок. Хотя я не помню ничего из того, что происходило, теперь, когда я посмотрел эти видео, размытые кусочки моего прошлого складываются в большую, более сложную головоломку. Я помню квартиру на Манхэттене, тесную и несовременную. Я помню, как ходил в Калипсо Холл с мамой, когда был совсем маленьким. Помню, как меня часто носили на руках.

Я помню ее ссоры с моим отцом, хотя, в отличие от его отношений с Мирандой, там не было много криков и швыряния предметов друг в друга. Патрис была тихой и свирепой и точно знала, чего хотела. И чего она не хотела — моего отца.

Я помню ее хорошей. Добросердечной. Свободной духом. Не отсутствующей, равнодушной и бескорыстной. И я помню день, когда она сдалась, собрала вещи и перевезла нас на Манхэттен. Как она извинялась передо мной десять тысяч раз, закрепляя меня в автокресле, и говорила:

— Я знаю, ты заслуживаешь лучшего. Ты получишь от меня лучшее. Я обещаю. Я только что поняла это.

Откинув голову назад, я закрываю глаза и гримасничаю, поток воспоминаний пробегает по моему телу, как землетрясение.

Моя мать не была бездумным чудовищем. Она была полна страсти, веселья и сострадания. И мой отец обижался на нее, потому что все эти положительные качества никогда не были адресованы ему. Он выбрал Миранду, а Патрис решила двигаться дальше. Одна только мысль о том, что она будет двигаться дальше без него, а не бороться за него, заставила его вынести окончательное наказание — он настроил меня против нее. Запятнал единственное, что она ценила. Мои хорошие воспоминания о ней.

Мне нужно пару часов, чтобы просмотреть все видео. Я смотрю их по кругу, в трансе, запечатлевая каждый момент в памяти. Когда я заканчиваю, я сохраняю их все в свой Dropbox и вынимаю USB.

Интересно, почему из всех мест эта штука попала к Полу? Думаю, содержимое пакета, который я получил сегодня, было маленькой святыней Грейс. У Грейс был этот USB, и она решила хранить его где-то, где я никогда его не найду. Это не могла быть ее квартира. У меня были ключи.

Почему она не дала его мне?

Ответ ясен. Она не хотела, чтобы он был у меня, потому что какая-то часть ее ненавидела меня достаточно, чтобы лишить меня этого душевного спокойствия. Мое представление о Патрис как об ужасном чудовище пошло ей на пользу. Чем более сломленным я был, тем меньше я ожидал от нее. Мои ожидания от слабого пола были настолько низкими, что я с готовностью принял женщину, которая пыталась меня убить, когда мы были подростками.

Грейс никогда не любила меня. В глубине души я всегда это знал, но этот USB —

последний удар.

Удивительно то, что я тоже никогда не любил ее. Когда я сижу здесь, перед горой свидетельств ее романа, мне становится ясно, что этот засранец Кристиан был прав.

Я был одержим ею.

Я принял фиксацию за привязанность. Но желание иметь сводную сестру имело очень мало общего с Грейс как человеком и во многом с тем, чтобы что-то доказать себе. Что я выиграл, в конце концов. Финал — самая важная игра из всех — не был чем-то, что я мог позволить себе проиграть. Самое смешное, что я все равно его потерял. И выжил, чтобы рассказать историю.

Единственное, чего я когда-либо хотел от Грейс, так это ее полного подчинения. Не ее тело. Не ее любовь. Не ее дети.

Это все объясняет. Например, почему я чувствовал себя обманутым и ограбленным больше, чем убитым горем, когда Грейс скончалась. словно вселенная вывела меня из отличной сделки. Мои деловые чувства были оскорблены. Я вложил время и ресурсы в эту женщину, и меня расстроило то, что я не увидел отдачи.

Близость к Деревенщине не улучшала ситуацию. То, как женщина выворачивается наизнанку, оплакивая своего мужа, только подчеркнуло тот факт, что я действительно не особо заботился о своей невесте.

Подождите. Перемотайте назад. Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Виннфред.

Она знает, что Грейс была беременна. Что она должна чувствовать после борьбы с собственным бесплодием?

Взглянув на часы, я вижу, что уже далеко за одиннадцать. Я все равно ей звоню. Она не спит допоздна, учитывая ее график шоу. Но она не берет трубку. Я отправляю текстовое сообщение. Не отвечает.

Ничего.

Я звоню снова. Мне приходит в голову, что между нашей последней встречей и настоящим могло произойти что-то очень плохое. Зачем она отправила посылку? Почему не принесла ее, чтобы мы могли, как цивилизованные люди, ненавидеть Грейс и Пола за бутылкой вина, прежде чем трахать друг другу мозги?

Конечно, я сказал ей не делать этого, но с каких это пор эта женщина слушает что-то, что кто-то говорит? Меньше всего я.

Что, если деревенщина попала в беду?

Эта мысль расстраивает меня больше, чем следовало бы. Я беру ключи и направляюсь к парковке, поднимаясь по трем ступенькам за раз. Лифт может занять несколько минут, и время имеет существенное значение.

Я пытаюсь дозвониться до нее, пока еду к ее квартире. Звонок идет прямо на голосовую почту. Это как в тот раз, когда я пошел опознавать Грейс в морг, но почему-то в тысячу раз хуже. Я потрясен своей реакцией на то, что Виннфред не ответила мне, насколько это несоразмерно по сравнению с тем, что я чувствовал, когда я пошел посмотреть на мертвое тело моей невесты посреди ночи, весь спокойный и собранный.

Я паркуюсь перед ее домом и бегу вверх по лестнице, все время убеждая себя, что мое чувство ответственности проистекает из всего, через что мы прошли вместе, а не, упаси наука, из-за того, что у меня развились эти надоедливые штуки, называемые чувствами. Я просто хочу быть в безопасности. Женщина явно обезумела, услышав о любовном ребенке

своего умершего мужа. Я просто добрый самаритянин.

Ты? Добрый самаритянин? Голос Риггса посмеивается у меня в голове, когда я перепрыгиваю через перила, чтобы сэкономить время. Если бы мир зависел от твоих добрых намерений, он бы взорвался тысячу раз.

Когда я подхожу к ее двери, я колочу в нее обоими кулаками. Истерика — не самая привлекательная моя внешность, но я здесь не для того, чтобы гоняться за хвостом.

— Деревенщина! — Я рычу. — Открой чертову дверь, пока я ее не выбил.

Сегодняшний вечер может закончиться, а может и не закончиться моим арестом. Я не переживу, если Кристиан отпустит меня под залог.

— Виннфред! — Я снова стучу в дверь. Я слышу движения из-за ближайших дверей. Люди, наверное, выглядывают в свои глазки, пытаюсь оценить, какую опасность я представляю для их любимой соседки.

— Ответь! — Я с рычанием ударяюсь плечом о ее дверь.

— Черт возьми! — Я снова в нее толкаюсь.

— Дверь!

Наконец, я слышу, как дверь со скрипом открывается. К сожалению, это не та дверь, на которую я нападаю. На другом конце коридора появляется женщина. На ее лице зеленая маска, а в волосах — бигуди.

— Как бы я ни ценила этот романтический жест — и не пойми меня неправильно, я полностью согласна, если только ты здесь не для того, чтобы собирать деньги на наркотики — Винни здесь нет.

— Что значит нет? — Я выплюнул, задыхаясь. «Чайка» должна была закончиться два с половиной часа назад.

Она затягивает халат на талии.

— Я видела, как она ушла пару дней назад с чемоданом.

— Пару... что? — Я издеваюсь. — Она не могла. Она в чертовом шоу. Моем шоу. Я плачу ей зарплату. У нас есть контракт. Она не может уйти.

— Ну, она это сделала.

— Это невозможно, — настаиваю я. — Откуда у тебя эта дурацкая идея?

— Не стреляй в посыльного.

Тогда не искушай меня.

— Интересно, однако, почему она ушла. Ты кажешься таким великим боссом.

— Маленькая, безрассудная, эгоистичная, с...

— Прекрати прямо сейчас. — Женщина поднимает руку, качая головой. — Не заканчивай это предложение. Та девушка, о которой ты говоришь, одна из самых добрых женщин, которых я когда-либо встречала. Знаешь, на днях я поймала ее на том, что она просит у нашего соседа чашку сахара. Женщина — мать-одиночка и работает на двух работах, чтобы ее ребенок оставался в этом школьном округе.

Медленно моргая, я спрашиваю:

— Ну и что, черт возьми? Она попросила у матери-одиночки чашку сахара, ты хочешь дать ей за это Нобелевскую премию?

Женщина краснеет под неоновой-зеленой маской на лице.

— Поэтому я спросила Винни, почему она это сделала. Винни ответственный человек, и она печет. Не может быть, чтобы ей был нужен сахар. Знаешь, что она мне сказала? — Она облизывает губы. — Она сказала мне, что время от времени она спускается вниз и просит у

соседки что-нибудь маленькое и дешевое, чтобы сосед всегда чувствовал себя желанным, чтобы попросить что-нибудь и у Винни. Продукты питания, зубная паста, мыло. Это был ее способ убедиться, что наш сосед знает, что они на равных. Я не знаю, что у тебя за история с этой женщиной, но могу сказать, что она не эгоистична. Она ангел на Земле, и если ты ее потерял, что ж, я склонна полагать, что ты это заслужил.

У меня ее никогда не было изначально.

Я спускаюсь вниз, голова стучит, сердце колотится. У дамы хватило наглости просто встать и покинуть город, как будто у нее нет никаких обязанностей. Как она смеет? Это мой театр. Мое шоу. Мой бизнес.

И ты заботишься об этом деле с тех пор...? Кристиан насмехается в моей голове.

— Заткнись, Кристиан, — бормочу я вслух, вылезая на улицу, как чертов тинейджер.

Я пролистываю свои контакты, пока не нахожу номер Лукаса Мортонна. Он директор. Он знает, где она. Лукас отвечает после третьего звонка.

— Да?

— Это Арсен.

После паузы он отвечает: Корбин...? Это все-

— Где Виннифред Эшкрофт?

— О, Боже. — Он вздыхает, как будто не заводит меня. — Наконец-то, с кем-то можно поговорить! Она сбежала. Уехала из города. Ее агент позвонил мне ни с того ни с сего два дня назад. Так непрофессионально. Пенни пришлось вступать в игру и работать каждую ночь. Мы должны подать на нее в суд!

— Куда она пошла?

— Откуда мне знать? — Он кричит. — Она только что написала нам сообщение о том, что уезжает на некоторое время. Где находится «в гостях»? Что такое «некоторое время»? Вот что мне не нравится в работе с актерами. Они склонны к драматизму. Что ты собираешься с этим делать? Это настоящая проблема. Знаешь, как трудно мне теперь будет тренировать кого-то другого? У меня нет времени искать и учить...

Я вешаю трубку и снова сижу в машине, звоню Кристиану.

Потому что у Кристиана есть Арья.

А Арья знает Виннифред и ее агента.

ГЛАВА 25

Винни

Первый день возвращения в Малберри-Крик, безусловно, был беспокойным.

— Тетя Винни! — Кенни обнимает меня за шею, осыпая мое лицо липкими зефирными поцелуями. — Я так скучала по тебе!

— Я тоже скучала по тебе, тыковка! — Я прижимаюсь к ней носом, мой нос в ее вьющихся светлых волосах. Я отстраняюсь, ухмыляясь. — Как дела у моей любимой девочки?

— Никаких жалоб. Ну, вообще-то, спина немного побаливает, но чего можно ожидать, когда у тебя тридцать пять недель беременности. — Моя сестра, Лиззи, отвечает на вопрос, адресованный Кенни. Она, покачиваясь, входит в комнату, ее живот предшествует ей. Я встаю и обнимаю ее. Я не настолько чистосердечна, чтобы не завидовать ей, хотя именно Лиззи, моя старшая сестра, научила меня заплетать волосы и с хирургической точностью подрезать джинсы под "Дейзи Дьюк".

Вполне возможно порадоваться за кого-то и при этом завидовать ему до слез.

— Ты выглядишь потрясающе, — шепчу я ей на ухо.

— Ты выглядишь голодной, — возражает она. — Ты вообще о себе заботилась?

Это та часть, где я говорю "конечно" и надеюсь, что они на это купятся. Но ложь уже не кажется такой привлекательной. Есть что-то освобождающее в том, чтобы разбиться на части на старой маминой кухне и чтобы мои близкие помогли мне собрать осколки.

— Нет, но я собираюсь изменить это.

— Наконец-то! — Ма хлопает на заднем фоне, это звучит весело. — Кстати о еде, как насчет яблочного пирога и сладкого чая?

Мы садимся за наш маленький кухонный стол, наедаемся липким пирогом с ванильным мороженым и пьем ведрами сладкий чай. Кеннеди показывает мне свои новые балетные движения, и я охаю и ахаю.

Папа приходит домой с работы, обнимает меня и говорит, что любит меня. Я растворяюсь, как масло в его руках.

Затем Джорджи, моя младшая сестра, врывается на кухню, вернувшись с работы инструктором по пилатесу. Она прыгает на меня, захватывая меня своими конечностями.

— Боже мой, Джорджи. Ты как лабрадор!

— Чертовски верно. Я всегда была твоей любимой стервой!

Как только Лиззи и Кенни прощаются, друзья из города останавливаются, чтобы обнять меня и догнать. Я быстро принимаю душ и надеваю пижаму, а затем впервые сегодня проверяю свой телефон. У меня несколько пропущенных звонков от Крисси, Арьи и Рахима. Ни одного от Арсена. Думаю, как только он преодолел свой первоначальный гнев из-за того, что узнал о беременности Грейс и о том, как она хранила видео его матери для себя, он пошел дальше.

Стук в дверь вырывает меня из задумчивости. Мама и папа в постели, а Джорджи только что вошла в душ. Я иду босиком к двери и распахиваю ее.

По другую сторону двери стоит мужчина, которого я не думала, что увижу снова.

Мое незаконченное дело. Любовь, которую я оставила позади.

Рис.

Мужчина совсем не изменился. У него все еще такое же треугольное детское лицо. С его зубастой улыбкой и полуприкрытыми щенячьими глазами. На нем шорты-бермуды цвета хаки, шлепанцы и бордовый хенли. Он выглядит как тот самый старший мальчик, которого я оставила. Только я не знаю, та ли я девушка, которой была.

— Винни. — Его глаза загораются.

— Рис Хартнетт, черт возьми! — Я тяну его в объятия. Он добродушно смеется, обнимая меня в ответ одной рукой.

— Сейчас подожди. Между нами пирог. Пирог с хурмой, если быть точным. Твой любимый. Когда мама услышала, что ты в городе, она настояла на том, чтобы сделать тебе.

Я отстраняюсь и беру пирог из его рук.

— Как миссис Хартнетт?

— Фантастически! — Он улыбается. — Мой брат подарил ей нового внука в прошлом

месяце, так что, очевидно, они занимают ее.

Видимо, я не могу обойти тему детей и младенцев.

Я подвожу его к креслам-качалкам на крыльце. Я кладу пирог на стол между ними и сажусь.

— Извините, что не перезвонила тебе после того, как ты мне позвонил. Все было очень беспокойно.

— Я понял. — Рис садится рядом со мной. — Я даже не могу представить, через что ты прошла. Теперь ты в порядке?

— Я иду к этому. — Я улыбаюсь. — Как поживаешь?

— Отлично, — говорит он, и я ему верю. Такие люди, как Рис, склонны творить добро, быть хорошими и чувствовать себя хорошо. — Если не считать того небольшого момента рецидива, когда я случайно начал встречаться с беглянкой два года назад.

— Беглянка! — Я давлюсь своей слюной. — Выкладывай, Рисси! Я хочу весь чай.

— Все в порядке. — Он проводит пальцами по своей идеальной гриве. — Но обещай не смеяться.

— Обещаю смеяться. Ты явно увернулся от пули. Заключение, надо же!

— Беглянка! — поправляет он, заставляя меня смеяться еще сильнее. — Это меняет мир. Около двух лет назад женщина по имени Джессика неожиданно переехала в Малберри-Крик. Она сдала дом на углу Мэйн и Вашингтон. Брэдли. Начала посещать все фестивали и городские собрания. Отдала первоклассницу в местную начальную школу. Она была великолепна. Оба они, правда. Малыш тоже. Люди говорили, что она развелась с нефтяным магнатом и переехала сюда, чтобы сбежать из города. Вот почему она была так обеспечена.

— Так ли это? — Я рассматриваю его, зная, что в моих глазах мелькает огонек.

Он качает головой, хлопая себя по лбу.

— Отличная мошенница.

Мы разговариваем всю ночь. О смерти Пола и о месяцах, которые прошли после нее. Мы вспоминаем. О его футбольных матчах, о наших поцелуях, о том случае, когда я проиграла пари, и после того, как он забил тачдаун, я позволила ему публично пососать мой палец.

Когда солнце вот-вот выглянет, Рис встает и стряхивает пыль со своих хаки.

— Что ж, похоже, я отнял у тебя достаточно времени. Извини за это.

— Не извиняйся. — Я тоже встаю, пытаюсь обнять. — Было здорово наверстать упущенное. Мне это было нужно.

Он колеблется, бросая неуверенный взгляд за плечо, на свой грузовик.

— Так что, пожалуйста, не стесняйтесь говорить "нет". Но мне интересно, может быть, раз уж ты вернулась, и я здесь, и этот город не может предложить многого в сфере развлечений по сравнению с Манхэттеном... — Он втягивает воздух, неловко смеясь. — Не хочешь ли выпить со мной чашечку кофе? Может быть? Как-нибудь?

Я беру его руку и сжимаю ее.

— Я бы с удовольствием, Рисси.

ГЛАВА 26

Арсен

Я прибываю в Нэшвилл, штат Теннесси, готовый совершить смертоубийство. Единственное, что меня останавливает, это тот факт, что женщину, которую я хочу

задушить, не хватятся многие, включая, к моему великому гребаному стыду, меня самого.

Нэшвилл оживленный, красочный и слишком веселый для большого города. Солнце окрашивает все в маслянисто-желтый фильтр.

Я проскальзываю в такси и даю водителю адрес Малберри-Крик, который мне дали. Арья заставила меня пообещать не давать Виннфред дерьмо, клятву, которую я всем сердцем намерен нарушить. Это она дала мне номер Крисси. А Крисси? Она только попросила меня держать ее в курсе.

Я не видела и не слышала о Винни с тех пор, как она улетела домой. Пожалуйста, если ты поедешь туда, скажи мне, как она поживает.

Это был ее единственный запрос в обмен на адрес ее клиента. Но теперь, когда мой телефон мигает ее именем, я не могу не отправить ее прямо на голосовую почту. В каком-то смысле я частично виню ее в этой ошибке. Она должна была держать своего клиента на более коротком поводке. Надо было шантажом или разумом остановить ее от отъезда из Нью-Йорка.

Какая женщина отказывается от главной роли в манхэттенском театре, не уведомив об этом даже за две недели? И какой человек позволяет ей?

От Нэшвилла до Малберри-Крик — один час езды, а между ними — целая куча открытых полей и ничего. Широкие открытые пространства вызывают во мне чувство тревоги. Хотя я провел свою юность в школе-интернате в особняке на окраине Нью-Йорка, в бескрайних полях есть определенное состояние души, тишина, которая меня смущает.

Я прибываю в дом детства Виннфред, когда солнце садится за вековые красные дубы. Это небольшой белый коттедж с провисшим крыльцом, креслами-качалками, качелями и планами в горшках. На лужайке перед домом стоит перевернутый розовый детский велосипед.

— Подождите здесь, — говорю я водителю, прежде чем выйти из машины. Я очень слабо верю, что смогу изменить мнение этой упрямой женщины. Тем более я не могу воззвать к ее здравому смыслу. Во-первых, потому что я пришел сюда без плана. Во-вторых, потому что Виннфред (с каких это пор я называю ее Виннфред, а не Деревенщина?) никогда особо не ценила здравый смысл. Это то, что делает ее непредсказуемой, другой и свежей. Ее способность легко и радостно выбирать дорогу менее принята.

Я поднимаюсь по ступенькам к ее дому и стучу в дверь. До моих ушей доносятся звуки семейного ужина.

— Джорджи, ты не собираешься есть раков? Ради бога, ты же не на одном из своих вегетарианских заклинаний, не так ли? — Я слышу мать Виннфред.

— Это не заклинание, у меня Великий пост!

— Еще даже не февраль.

— Винни ничего не ела, и я не вижу, чтобы ты жаловалась на нее. И, по крайней мере, я хороший христианин.

— Трибуны нашей местной средней школы не согласятся, — саркастически говорит Виннфред своей сестре. Я улыбаюсь, несмотря на мои лучшие намерения.

Просто признай это, идиот. Ты не ненавидишь эту женщину так сильно, как тебе хотелось бы. Даже не близко. Даже близко не близко.

— Ты меня сдаешь? — Джорджи задыхается. — Потому что, пока мы обсуждаем эту тему, мама и папа могут захотеть узнать о твоей маленькой ночной встрече с...

— Ты меня сдаешь? — слышу я возражение своего сотрудника. — Ты совсем не

изменилась, Джорджи!

— Конечно, изменилась. Я теперь хуже тебя!

Я снова стучу в дверь три раза подряд и отхожу. Не похоже, что Виннфред переживает ужасные времена. Семья у нее вроде хорошая. Но она все еще должна мне шоу, а я не люблю, когда у меня отнимают вещи.

Дверь распахивается, и передо мной стоит женщина, должно быть, Джорджи. Кажется, она того же возраста, что и Виннфред, только выше. Ее волосы были более ржаво-рыжими, чем яркий оттенок оранжевой блондинки Виннфред, ее костяк менее утонченный и приятный.

— Привет. — Кусок стручковой фасоли засунут в уголок рта, как сигарета. — Чем я могу помочь тебе, ты, странный, красивый городской мальчик?

Так Виннфред приобрела индивидуальность и красоту. Бедная Джорджи.

— Я здесь из-за Виннфред. — Слова, хотя и правдивые, меня удивляют. Мне пришло в голову, что я никогда раньше не стоял перед дверью девушки и не просил ее выйти на улицу. Я редко встречался с девушками до Грейс, а когда встречался, то ограничивал свое общение с упомянутыми свиданиями грязными связями. Потом случилась Грейс, и мы либо жили вместе, либо имели свои квартиры. В преследовании ее не было никакой тайны, никакого стресса или ценности. На протяжении всей моей жизни я был избавлен от элементарного смущения стоять перед совершенно незнакомым человеком и просить увидеть его любимого родственника.

— Кто спрашивает? — Джорджи выгибает бровь и ухмыляется.

— Странный, симпатичный городской мальчик, — прямо говорю я.

Она смеется.

— Будь конкретнее.

— Ее босс.

— Босс? — Ухмылка Джорджи сменяется хмурым взглядом. — Ты похож на крупного бизнесмена, а она работает в театре.

— Ненадолго, если она не явится сюда немедленно и не объяснится.

— Жди здесь. — Джорджи исчезает в доме, наполовину закрыв за собой дверь. Минуту спустя Виннфред выходит наружу, набрасывая на плечи кардиган. Она задирает подбородок, чтобы посмотреть на меня, и все, что я вижу в ее скандинавском голубом, — это страх и мягкое обвинение. Она не ожидала, что кто-нибудь приедет сюда и столкнется с ней. Ее нью-йоркский мир и мир Малберри-Крик до сих пор были разделены, и она думала, что сможет так и оставить.

— Привет, Виннфред.

— Привет. — Она становится ярко-красной в ту минуту, когда наши взгляды встречаются. — Что ты... делаешь здесь?

Что за вопрос, Деревенщина. Если бы я только знал. Конечно, ты напортачила с Калипсо Холл, и я не ценю ленивых сотрудников, но в моей ведомости есть люди, способные выполнять мою грязную работу и сами искать тебя.

По правде говоря, я понятия не имею, зачем я здесь.

— Нам нужно поговорить в уединенном месте, — говорю я.

— Ты собираешься кричать на меня? — Она сужает глаза, ее неповиновение возвращается в полную силу.

Я на мгновение задумываюсь.

— Нет. Ты просто будешь кричать громче, если я это сделаю.

Она кивает.

— Примерно в миле отсюда есть река. Давай прогуляемся.

— Разве ты не должна сказать своей семье, где ты? — Я спрашиваю.

Она бросает на меня быстрый взгляд, затем улыбается.

— Неа. Если кто-то и утопит кого-то, то это буду я.

Мы оба сходим с крыльца и идем по неровной асфальтированной дороге ее района.

Каждый дом находится в акрах друг от друга.

— Как поживаешь? — спрашивает она, когда мы идем по обочине дороги.

— Отлично. Прекрасно. А почему бы и нет? — рявкаю я.

Она медленно поворачивается ко мне, на ее лице смешное выражение.

— Нет причин, я просто вела вежливую беседу.

— Мы никогда не были вежливы друг с другом — зачем прерывать идеальную серию?

Она бросает на меня еще один взгляд. Почему я нервничаю? Я взрослый мужчина.

— Как насчет того, чтобы сразу перейти к важным вещам? — Я сцепляю руки за спиной. — Ты должна мне любовный интерес.

— Прошу прощения?

— Нина, — уточняю я. — Ты бросила «Чайку». Твоя замена не очень хорошо принята.

Лукас звонит мне без остановки, умоляя попытаться найти звезду его шоу. Пенни не очень хорошо держится. Возможно, умолять — это не то слово. Но однажды он все-таки позвонил. Это было случайно, но он позвонил. И когда я спросил его, как дела у Пенни, он ответил: "О, ну, театральный критик из Vulture на днях описал ее как "обладающую харизмой вросшего ногтя". Так что в целом, я бы сказал, что все могло быть и лучше.

— С каких это пор тебя волнует Калипсо Холл? — Виннфред сужает глаза.

— Конечно, меня это волнует. Это дело моей семьи.

— Ты хочешь продать его.

— Тем более я хочу, чтобы он работал хорошо и приносил прибыль.

— И тем не менее, ты не вложил бы в него ни цента, даже несмотря на то, что он разваливается.

— Следующие владельцы будут его ремонтировать. — Какая сводящая с ума женщина. Чего она добивается?

— Прости, — говорит она, скрещивая руки на груди и ускоряясь. — Я понимаю, что мои действия имеют последствия, серьезные, но у меня не было выбора. Я была в очень темном месте. Я не могла оставаться в Нью-Йорке после того, что мы узнали.

— Ты сильно повзрослела за последние несколько месяцев, — отмечаю я.

— Действительно, — говорит она. — Впрочем, и ты тоже.

Слоны в комнате — Пол и Грейс — были признаны, и сейчас была бы хорошая возможность затронуть тему беременности, видео моей матери, предательства. Но я этого не делаю. Это не послужит моей цели. Я здесь, чтобы вернуть ее в Нью-Йорк, а не напоминать ей, почему она сбежала.

— Тьма — это все, что я знаю, — кратко отвечаю я. — И все же ты не видишь, что я бросаю обязательства налево и направо только потому, что я в плохом настроении.

— Это не плохое настроение. — Ее тон меняется, резкость в голосе становится более заметной. — Я не могла смириться с мыслью остаться в этой квартире.

— Почему ты ничего не сказала? Мы бы нашли тебе подходящее жилье на

Манхэттене. — Я пинаю небольшой камень на обочине дороги.

— Дело не только в квартире. — Она качает головой. — Дело в моем будущем.

— У тебя не будет будущего, если ты немедленно не вернешься в Нью-Йорк! — Я останавливаюсь как вкопанный в нескольких сотнях футов от реки, о которой она мне рассказывала. Я кричу. Какого хрена я кричу? Не думаю, что я кричал всю свою взрослую жизнь. Нет. Сотрите это. Я также никогда не повышал голос в детстве. Это такое обычное дело.

Я поворачиваюсь к ней и впервые за месяцы, нет — годы — я полностью и по-царски взбешен.

— Я улетаю домой через пять часов и ожидаю, что ты присоединишься ко мне. У тебя годовой контракт с Калипсо Холл. Мне плевать на твое психическое состояние, как и никому нет дела до моего. Контракты должны выполняться.

— Или что? — Ее лицо твердеет. Милая Винни Эшкрофт больше не милая. Может быть она никогда не была таким комочком невинности и овсяного печенья, каким ее представляли люди. А может, она просто взрослеет прямо на моих глазах, и ее больше никто не будет подталкивать. Пол. Мир. Я.

— Или... — Я наклоняюсь вперед, легкая ухмылка растягивает мои губы. — Я подам на тебя в суд, и тебе все равно придется вернуться.

Секунду назад я не думал, что смогу ненавидеть себя больше, чем сейчас. Но я жестоко ошибался. Потому что выражение лица Виннфред вызывает у меня желание вырвать свои внутренние органы, а затем полакомиться ими. Впервые разочаровать кого-то значит для меня что-то.

Она открывает рот. Закрывает его. Потом снова открывает.

— Ты хочешь сказать мне, что после всего, через что мы вместе прошли, ты собираешься подать на меня в суд, потому что я сбежала из города, а твой театр вынужден довольствоваться временной актрисой на роль, на которую пробовались более двух тысяч женщин. Да?

— Да.

— Вот как мало для тебя значит все, что случилось со мной, с тобой? — Она ищет мои глаза. Ничего она там не найдет. Я усовершенствовал искусство не показывать никаких эмоций несколько десятилетий назад.

— О. Боже. — Она отступает назад, качая головой в мрачном смешке. — Тебе действительно все равно, не так ли?

Я ничего не говорю. Почему я здесь плохой парень?

Это она ушла, даже не попрощавшись.

Она та, кто бросила свою роль.

— Ты сдалась, — мягко отвечаю я. — В чем был смысл всего этого путешествия? В том, что мы встретились? В том, чтобы узнать правду? Если ты отказываешься остаться и бороться за то, ради чего ты приехала в Нью-Йорк? Ты просто сбежала обратно к мамочке и папочке. К радуге и пирогам. В место, которое, как ты прекрасно знаешь, слишком мало для тебя, слишком неинтересно для тебя, слишком неправильно для тебя.

— Наши потребности меняются по мере того, как мы становимся старше. — Она скидывает руки в воздух. — Это нормально — довольствоваться комфортом!

— Ужасно довольствоваться чем угодно, — выдавил я из себя. — Комфорт — это последнее, что должна чувствовать амбициозная, талантливая женщина двадцати с

небольшим лет. Ты не должна быть даже в радиусе ста миль от комфорта.

Она смотрит на меня с глубоким разочарованием.

— Я не вернусь, — наконец говорит она.

— Конечно, вернешься. Ты закончишь свой пост; тогда ты уйдешь. Не волнуйся, я с радостью оплачу твой билет до Шитсвилля. — Я оглядываюсь, хмурясь.

Она сжимает губы, закрывая глаза.

— Может быть, ты никогда не поймешь, и это нормально. Путь каждого человека индивидуален. Но я должна была сделать это несколько месяцев назад. Приехать, разобраться в моих мыслях, разобраться во всем, что со мной произошло. Мне жаль, что я проигнорировала свою ответственность. Я знаю, что это несправедливо по отношению к Лукасу, актерам и тебе. Хотела бы я повернуть время вспять и не братья за эту роль.

Не могу поверить, что чувствую разочарование. Я никогда ничего не чувствую к действиям других людей. Вера в кого-то другого идет вразрез со всем, чему я учил себя на протяжении многих лет. Я хочу кричать ей в лицо. Сказать ей, что это несправедливо.

Она вздыхает, глядя на свои тапочки, покрытые пылью.

— Большая часть того, почему я взяла роль, заключалась в том, чтобы стать ближе к тебе. Но я не могу вернуться. Не сейчас. Может быть, никогда. Это мое время, чтобы поставить меня на первое место. Независимо от цены.

И вот, на обочине проселочной дороги, и впервые за всю мою жизнь меня бросает девушка.

Она разворачивается и уходит, оставив меня в облаке желтой пыли.

ГЛАВА 27

Винни

На следующее утро я иду к местному акушеру-гинекологу и делаю много анализов. Ма и Джорджи готовы держать меня за руку. Они также придут позже, чтобы затащить меня в Коттонтаун на поздний завтрак и небольшую розничную терапию, чтобы я не думала о результатах, которые должны появиться в ближайшие четыре недели.

Когда мы просматриваем платье, Джорджи раздвигает между нами вешалку с одеждой, словно это окно исповедальни, и смотрит на меня широко открытыми глазами.

— Мне нужно кое что тебе сказать.

— Я знаю, что это ты украла и уничтожила мое любимое платье, которое мама сшила для меня в выпускном классе, — бесстрастно говорю я, дергая ценник милого желтого сарафана.

Джорджи качает головой.

— О, Винни, я отрицаю, что уничтожу это платье до последнего вздоха. Дело не в этом. Я должна сказать тебе то, на что у меня никогда не хватало смелости. Мама знает. Лиззи тоже знает.

— Хорошо... — Я поднимаю взгляд, чтобы посмотреть на нее. — Продолжай.

Горло Джорджи нервно сглатывает.

— Пол. — Она облизывает губы. — В ту ночь, когда вы поженились... он действительно был пьян... он пытался поцеловать меня. Прямо перед церемонией. Не прижимался ко мне или что-то в этом роде, но пытался. Я оттолкнула его и дала ему по ушам, а потом побежала к маме и все ей рассказала.

Я продолжаю смотреть на нее, но ничего не говорю. Что тут сказать? Я верю

Джорджи. Поверила бы ей, если бы она мне тогда тоже рассказала. Вот почему, я думаю, Ма сказала ей не делать этого.

— Что она сказала? — Я спрашиваю. Меня больше волнует, как моя семья отреагировала на это, чем Пол. Я уже знаю, что он подонок.

Ма стоит возле магазина, приносит нам кофе со льдом со взбитыми сливками.

— Она сказала оставить это без внимания. Что это могут быть нервы с его стороны. Но если это случится снова, мы обязательно должны тебе сказать.

Вот почему моя семья не говорила о Поле после похорон. Они раскусили шараду хорошего парня. Они не любили его. Или, по крайней мере, у них были серьезные оговорки.

— Ты не сердишься, не так ли? — спрашивает Джорджи, глядя на меня своим щенячьим лицом.

Я улыбаюсь.

— Нет. Но в следующий раз всегда говори мне. Я хотела бы знать.

На следующий день Джорджи тащит меня на два занятия по пилатесу, а еще через день Лиззи настаивает, чтобы я помогла ей собрать ее новую детскую.

Я проскальзываю в свое существование до Пола, как в старое выпускное платье. Легко, и все же это странно носить мою прежнюю жизнь. Мои дни — это водоворот светских звонков, уютных обедов, вечеринок на заднем дворе и неторопливых прогулок у реки.

Через три недели после прибытия в Малберри-Крик я решаю, что у меня слишком много свободного времени. Я занимаю волонтерский пост в трех городах к северу от Ред-Спрингс, на границе с Кентукки, в качестве театрального режиссера в постановке «Ромео и Джульетты», поставленной группой малообеспеченной молодежи.

Во время автомобильных поездок я опускаю окна и включаю музыку кантри. Я делаю печенье, не чувствуя себя при этом тупицей, и раздаю его совершенно незнакомым людям. Я пишу Арье и Крисси и посещаю детские праздники. Я ем домашнюю еду и обнимаю людей, которых люблю, и всякий раз, когда Пол приходит мне на ум, я не отталкиваю эту мысль, как горячую картофелину в моей руке. Я позволила себе почувствовать боль. И двигаться дальше.

Только когда Арсен всплывает в моей голове, я начинаю сомневаться, зачем я здесь. Что глупо. Он снова и снова говорил мне, что мы друг другу никто. Это доказал и его неожиданный визит, когда он ругал меня, как будто он был учителем. И все же, если он собирается подать на меня в суд, то не торопится. Я проверяю свой почтовый ящик каждый день. Там не бывает ничего, кроме счетов и бумажной траты рекламы.

Я все еще не плачу, не в силах вызвать слезы, но я больше не беспокоюсь об этом.

Мои друзья и семья невероятно поддерживают меня. Рис, особенно, абсолютная звезда. Мы встречаемся за бильярдом раз в неделю и говорим о наших школьных годах, обо всем, о чем мы говорили раньше. Ничто в нашей тусовке не похоже на свидание. В первый раз, когда мы встретились за пивом и быстрой игрой, я прямо сказала ему, что не готова встречаться.

— Честно говоря, я так и думал. — Он улыбнулся и швырнул через стол мел для кия. — Не могу винить тебя после того, через что ты прошла. Но я готов подождать.

Эти слова преследуют меня по двум причинам. Первая — потому что они содержат заявление о намерении. Он готов ждать меня, а это значит, что он чего-то ждет. Он хочет продолжить то, на чем мы остановились. Сейчас я понимаю, что, несмотря на прошедший год, несмотря на то, что я боготворю то, что было у нас с Рисом после того, что я узнала о Поле, я не думаю, что это хорошая идея — разжечь это старое пламя. "Мокрая спичка никогда не разгорается", — говорила Мемо, когда была жива.

Второй, более насущный вопрос, связанный с тем, что сказал Рис, заключается в том, что причина, по которой я не двигаюсь дальше, не имеет ничего общего с Полом.

Прошел почти год. Год, чтобы переварить то, что произошло, что он сделал, то, что уже невозможно исправить. Я заплатила взносы вдовы. Я скорбела. Я плакала. Я сломалась. Вместе чинила себя, потом снова ломала. Пол не заслужил меня: это я могу сейчас сказать. Он видел меня в том же свете, что и все его друзья. Те воспитанные, закончившие частные школы, профессионалы в области вертолетов, с которыми он столкнулся плечом к плечу. Я была трофеем. Символ статуса. Больше ничего.

Нет. Причина, по которой я не могу расстаться с Полом, не в Поле. Это кто-то другой.

Рис говорит мне, что меня ждет работа в местной средней школе, и теперь, когда я работаю с молодежью, я начинаю серьезно об этом думать.

Это то, что я хотела сделать со своей жизнью, когда я была подростком? Нет. Я хотела играть. Быть на сцене. Но мечты меняются. Люди превращаются в разные версии самих себя. А комфорт — ...

Ужасно, — завершает голос Арсена в моей голове.

Когда приходит звонок от акушера-гинеколога, и они просят меня вернуться в клинику, я не разваливаюсь, как я себе представляла. Я бронирую время, сообщаю маме и сестрам, надеваю солнечное платье и беру ключи.

У меня есть история любви, которую я хочу снять.

Люди нуждаются во мне.

Арсен был прав. Обязательство — это блаженство.

Один месяц превращается в три. Арья звонит каждую неделю, чтобы убедиться, что со мной все в порядке, и подтвердить, что она не злится из-за того, что отказывается от своей благотворительности. Крисси идет еще дальше и наносит мне визит. Заряженный, хоть и приятный. Она все еще недовольна моим решением встать и уйти. Она была той, кто остался, чтобы убрать мой беспорядок. Но меня также воодушевляет тот факт, что она действительно больше, чем просто агент. Что она поехала в Малберри-Крик, чтобы увидеть меня, хотя мое будущее в ее агентстве висит на волоске.

Мы отправляемся на девичник в Нэшвилл.

— Добро пожаловать на наш Бродвей. — Я протягиваю руки и веду ее по залитым неоновым светом улицам Нэшвилла. Низкие здания из красного кирпича пестрят вывесками гитар и пива. Может быть, это не такой шикарный город, как Нью-Йорк, но он интересный. Мы заходим в "дыру в стене" в стиле хонки-тонк, где пол липкий, а плейлист состоит только из Блейка Шелтона и Люка Брайана.

Мы опрокидываем шоты, заказываем корзину грибных шляпок в пивном кляре и

запиваем их местным пивом. Посасывая свою электрическую сигарету, Крисси говорит мне, что с кем-то встречается. Что он живет в Лос-Анджелесе и что она подумывает переехать туда.

— Это было в твоей повестке дня какое-то время. — Я потягиваю ледяное пиво. — Переезд на запад. Может быть, это последний знак того, что тебе стоит сделать рывок.

— Может быть. Посмотрим. — Крисси хмурится. — А ты? Пожалуйста, скажи мне, что ты встречалась с кем-то и что ты больше не зациклена на нем.

Когда она говорит «он», я сразу же думаю об Арсене, хотя знаю, что она имеет в виду Пола.

— Я не зациклена на нем, — подтверждаю я, и это правда. Во всяком случае, о Поле. — Но я также ни с кем не встречаюсь. Просто выясняю, что такое фертильность. План жизни.

Мы говорим еще немного. Она не спрашивает о анализах, а я добровольно не сообщаю никакой информации. Я не смущена как таковой. Просто чуть более осторожная, чем в Нью-Йорке, когда я видела все сквозь раскаленную и безумную дымку возможности того, что я никогда не стану биологической матерью.

Я хочу затронуть Арсена в разговоре. Спросить, говорила ли она с ним в последнее время. Я знаю, что он узнал мой адрес через нее. Я бы хотела иметь кроху информации о нем. Что угодно подойдет. Теперь, когда я не слышала о нем несколько месяцев, я ненавижу себя за каждую секунду, которую я не ценила, когда он был здесь, в Теннесси. Я должна была как-то продлить это время. Пригласить его на ужин. Спросить о видео. Что он о них думает.

Я была так занята защитой, что не успела насладиться его близостью.

Он приехал, чтобы оттащить тебя за уши в Нью-Йорк, напомнила я себе. Вряд ли это большой романтический жест.

— Эй? Вин? Ты здесь? — Крисси щелкает пальцами перед моим лицом.

Я сижу прямо.

— Ага. Думаю, выстрелы попали в меня.

— Ты слышала что-нибудь, что я сказала? — Она скрестила руки на груди.

— Что-то о Джейдене, верно? — Джейден — ее новый парень.

Она закатывает глаза, вздыхая.

— Ладно, говори. В чем дело?

— О чем ты? — Я моргаю, сбита с толку.

— Что ты хотела сказать и/или спросить с тех пор, как я пришла сюда? Я знаю, что ты скрываешь от меня.

Я тревожу свою губу. Явный признак того, что я нервничаю. Но, в конце концов, я не могу остановиться.

— Ты вообще говорила с Арсеном? — выпалила я.

Она откидывается на спинку кресла, улыбаясь, как кошка, получившая сливки.

— Ах, Арья должна мне пятьдесят баксов. Мои чувства никогда не подводят меня.

— Арья? — Я моргаю, сбитый с толку. — Почему ты говорила об этом с Арьей?

— Ну, сначала она не подумала, что будет хорошей идеей давать Арсену твой адрес. Сказала, что он хулиган класса А. Но я думала, что это нечто большее. Мужчина не встает и не уходит, чтобы преследовать сотрудника. Требуется страсть, чтобы прибыть куда-то без приглашения.

— И что ты ей сказала? — Я спрашиваю.

— Насколько мне известно, у тебя с Арсеном были сердечные, профессиональные отношения, и вы делились некоторыми заметками о ваших покойных близких, но на этом все. Она согласилась со мной.

Я с облегчением киваю.

— Но. — Крисси допивает остатки пива и бьет кружкой о липкий стержень. — Я также думала, что ты ему нравишься больше, чем просто друг, что, по словам Арьи, невозможно, потому что он явно не испытывает чувств. Ну, мне все равно, что он хочет сделать, на практике он уловил много чувств к тебе, и от этого нет лекарства.

Она делает паузу, наклоняя голову, чтобы более внимательно рассмотреть вопрос.

— А еще мне показалось странным, что ты решила ну... переехать после того, как тебе удалось выжить без Пола в Нью-Йорке. Время было подозрительным.

— Я не убегала, — выдавливаю я, вспоминая слова Арсена.

— Конечно, дорогая. Конечно.

— Ты не ответила на мой вопрос. — Я кладу последние грибы в рот и жую. — Ты давно говорила с ним?

Она качает головой.

— Не недавно, и не совсем недавно. Он не отвечает на мои звонки. Очевидно, он разорвал твой контракт на глазах у всех в тот день, когда вернулся из Теннесси, и поднял по этому поводу большой шум, сказал Лукас. Это было последнее, что о нем слышали или видели в "Калипсо Холл". Его трудно вычислить. Я могла бы, конечно, наладить контакт с Арьей, но какой в этом смысл? Я хотела поговорить с ним о некоторых из моих перспективных актрис, и я уверена, что этот мост сожжен.

Я и вполтину не чувствую себя виноватой из-за этой информации. На самом деле меня больше беспокоит его публичное проявление презрения ко мне. Разорвать мой контракт на глазах у публики? Он так отличается от человека, которого я узнала еще в Нью-Йорке. Безразличное, отчужденное существо. Он казался человеком, который ничего не воспринимал всерьез. Он, должно быть, действительно ненавидит меня.

— Пожалуйста, не делай такое лицо. — Крисси вздыхает. — Лучше бы я тебе не говорила. Кого вообще волнует, что он думает? Не то чтобы он владел Бродвеем. И вообще, он известный мудака в городе. Никто не осудит тебя за то, что ты бросила его.

Я издала полупридушенный смешок, просто потому, что знаю, что она ожидает какой-то реакции. Но в глубине души мне хочется плакать.

ГЛАВА 28

Арсен

— Может быть, он мертв.

Я слышу голос Риггса, прежде чем чувствую, как что-то — палка? — утыкается мне в шею. Я испытываю искушение схватить эту штуку и сломать ее, но потом передумаю. Если я буду игнорировать их достаточно долго, они могут оставить меня в покое.

— Он не умер, — убежденно говорит Кристиан. — Это было бы слишком удобно для нас. Нет. Он будет затягивать этот экзистенциальный кризис до тех пор, пока мой сын не отправится в колледж, а у тебя не останется мест для посещения в мире.

Книга по астрономии, которую я читал, соскальзывает с груди на землю. Я держу глаза закрытыми. Это была идея Риггса и Кристиана затащить меня в эксклюзивный комплекс в Кабо, как будтоя чертова светская львица, которую они хотят заполучить. Никакая часть

меня не понимает плана. Во-первых, я в полном порядке. Во-вторых, даже если бы это было не так, солнечная вилла — последнее место, где вы бы меня застали добровольно. В-третьих, и вдобавок ко всему этому, у меня есть работа, которую нужно делать дома. Это неприятность. Не элитный отдых.

— Как долго он лежит здесь вот так? — спрашивает Риггс.

— Два часа, может, больше? — Кристиан отвечает. — О, черт, может быть, он мертв. Давай просто оставим его здесь и вернемся на базу. Если он мертв, мы вернемся, чтобы найти его тело.

Я слышу, как они собирают свои вещи, и после нескольких минут тишины, когда я убеждаюсь, что берег свободен, я открываю глаза.

Меня тут же встречают две пары глаз, смотрящих на меня. Я сижу прямо, издавая рев.

— Что с вами, идиоты?

— Он жив! Жив! — Риггс поворачивает ладони к небу, а-ля Франкенштейн. — И могу я только сказать, что он выглядит чуть лучше, чем оживший труп.

Я поднимаю книгу, которую уронил, и засовываю ее в свою сумку. Мы сидим у безграничного бассейна, построенного на скале прямо над Тихим океаном. Скалистые образования, в том числе знаменитая арка Лос-Кабос, раскинулись перед нами, купаясь в великолепных оттенках розового и желтого на закате. Это место находится на грани совершенства, и все же мир никогда не выглядел таким ущербным, как в наши дни.

— Мы уезжаем завтра вечером. — Риггс падает на край шезлонга, который я занимаю. — И ты до сих пор не сказал нам, что заставляет тебя дуться, как именинница без торта.

— На самом деле, мы точно знаем, почему он именинница без торта. — Кристиан садится напротив нас, и это очень похоже на вмешательство.

Переводя взгляд между ними, я пожимаю плечами, отказываясь сдвинуться с места.

— Ты влюблен, — прямо заявляет Кристиан. — Ты не мог думать ни о чем другом, ни с кем встречаться, делать то, что стоит делать. Ты должен сказать ей, что ты чувствуешь.

— Я что, должен ждать, пока она ответит? Ведь мертвые люди не отличаются своевременной перепиской, — отвечаю я с полным безразличием.

— Я не о Грейс, — почти тихо говорит Кристиан.

— Я тоже, — легко отвечаю я, вставая и перекидывая сумку через плечо. — Я говорю о Виннфред Эшкрофт, которая почти умерла для меня после того, что она сделала с Калипсо Холл.

— Тебе плевать на Калипсо Холл. — Кристиан следует за мной по пятам, отказываясь упустить возможность для конфронтации. Риггс — отдельная история. Он задерживается, после того как его взгляд остановился на красивой женщине в ярко-розовом бикини на другой стороне бассейна. — Ты решил злиться на нее, потому что гнев — отличный отвлекающий фактор. Так полезно для маскировки любви. Это самый старый трюк в книге.

— Я не могу влюбляться. — Мои шлепанцы с шумом хлопают по горячему полу, пока я поднимаюсь по лестнице к нашему комплексу. — Всегда был неспособен на это. Самое близкое чувство, которое у меня есть к этому, — это одержимость, и последний раз, когда я был одержим женщиной, это плохо кончилось.

Преуменьшение проклятого века.

Я останавливаюсь перед нашей металлической дверью, набираю код, чтобы открыть ее, и вхожу в крутой чудовищный комплекс.

Кристиан хватает меня за плечо и резко разворачивает. Моя спортивная сумка падает. Я смотрю на него, не зная, стоит ли мне ударить его по лицу или радоваться, что кому-то действительно не все равно.

— Послушай, я видел тебя последние несколько месяцев. Ты сам не свой. Ты был больше собой, когда умерла Грейс, черт возьми. По крайней мере, тогда ты сделал сознательное усилие, чтобы быть частью мира. Или хотя бы притворился. Винни забрала с собой всю твою жажду жизни. А ее и так было не так много. Кабо не был моей идеей для тщательно продуманной холостяцкой вечеринки. Это была последняя попытка заставить тебя очистить свой разум и, надеюсь, увидеть, что ты, возможно, что-то упускаешь здесь...

— Что? — рявкаю я, устав от этой ерунды. — Что именно я упускаю, о мудрейший? — Я смеюсь ему в лицо, отталкивая его. — Свежая новость: Грейс изменила мне с Полом, мужем Виннфред. У них был роман. Это было то, что склеило нас вместе. Наше взаимное горе и разочарование. Я не из тех, кто любит распускать нюни и рассказывать, но в данном случае я это сделаю, только потому, что знаю, что это никогда не покинет эту комнату — мы с Виннфред спали вместе. Мы соединились. Это было хорошо. Это также было похоже на месть. Ни одна ее часть не хочет иметь со мной ничего общего. И даже если бы она хотела меня, как я уже сказал — я не люблю. Только одержимость, а она, к сожалению, заслуживает большего.

Я оборачиваюсь и поднимаюсь по резной лестнице.

— Ты дурак! — Кристиан бежит к нижней лестнице и крепко держится за перила. — Ты чертов идиот! Ты знаешь, как отличить любовь от одержимости?

Я останавливаюсь на полпути, слегка любопытствуя. Раньше я никогда не обращал внимания на эти надоедливые вещи. Чувства.

— Когда ты любишь кого-то, ты обычно делаешь для этого правильные вещи. — Я слышу голос Кристиана снизу лестницы. — Даже если это не то, что тебе нужно. Ты никогда не оставлял Грейс одну, не так ли? Даже если ты знал, что вы, ребята, токсичны друг для друга. Ты играл с ней, как червь на крючке. Но посмотри на себя сейчас. Ты трус. Ты так боишься испортить отношения с Винни, что даже не хочешь начинать. Вместо этого ты будешь сидеть, хандрить и делать вид, что все в порядке. Утонешь в работе. В алкоголе. Больше бессмысленных мероприятий. купишь больше активов, которые тебе не нужны. Больше акций, которые ты никогда не продашь. Больше рискованности. Разве ты не понимаешь? Ты никогда не получишь того кайфа, который приходит после поцелуя с любимым человеком. Только одна вещь даст тебе этот кайф — перестать быть трусом.

Придя домой, я первым делом проверяю почту. Это бесполезно. Виннфред не связывалась со мной несколько месяцев, с тех пор, как мы кисло расстались в Малберри-Крик. В почте ничего нет, кроме приглашений на мероприятия, благотворительные балы и конференции. Я бросаю все в кучу на обеденный стол и иду в душ.

Мой телефон гудит от входящего звонка, когда я выхожу. С полотенцем, все еще обернутым вокруг моей талии, я провожу пальцем по экрану. Арья.

Чего она могла хотеть? Обычно я бы не стал брать трубку. Но теперь, когда есть шанс, что она все еще общается с моим разочаровавшим меня сотрудником, у меня есть причина

выслушать ее.

— Я знала, что ты ответишь. — Она звучит дерзко.

Перевод: Я знаю, что ты надеешься получить крупницы информации о Виннфред.

— Ты гений, Арья. Могу я чем-нибудь помочь?

Возвращаясь в свою спальню, я выбираю красивый костюм и модный галстук. Нет причин сидеть и дуться сегодня вечером. Кристиан прав. Жизнь должна двигаться дальше, и я намерен воспользоваться одним из многочисленных приглашений, лежащих на моем обеденном столе.

— О, я не знаю, сможешь ли ты мне помочь, но я уверена, что смогу помочь тебе.

Я включаю динамик и застегиваю рубашку.

— Ты говоришь как продавец, который вот-вот меня подведет. Просто скажи, что ты хочешь сказать.

— Я только что разговаривала по телефону с Винни. Я позвонила ей, чтобы наверстать упущенное, как делаю это каждую неделю.

— И? — небрежно спрашиваю я, мое сердце уже бьется быстрее.

— И она сказала мне, что устроилась на работу в Малберри-Крик. Она останется там Арсен.

Меня одолевает приступ тошноты. Я игнорирую это. Все в порядке. Этого никогда не должно было быть.

— Молодец, — говорю я, и во рту у меня пересохло от желчи. — Я надеюсь, что она счастлива в Малберри-Крик, потому что ей нечего ждать в Нью-Йорке, когда дело доходит до работы.

— Арсен, — упрекает Арья. — Иди поговори с ней. Seriously.

— Я думал, ты сказала мне держаться от нее подальше.

— Это было раньше!

— До того, как тебе вставили мозговой имплант?

— Я слышу тебя. Ты на громкой связи, — кричит Кристиан на заднем плане.

— Прежде чем я поняла, что тебе не все равно. — Арья фыркает.

Я сжимаю губы. Я хочу кричать.

— Я забочусь о ней не больше, чем о любом другом успешном сотруднике, который помог мне заработать деньги, — настаиваю я. — А теперь я прошу тебя и твоего любопытного мужа не лезть в мои дела. Виннфред Эшкрофт ничего для меня не значит.

Я вешаю трубку.

Я выхожу. Званный ужин в двух кварталах от моей квартиры. Я общаюсь. Я флиртую. Я обсуждаю работу. Я даже подумываю пригласить кого-нибудь домой. Риггс, Кристиан и Арья ошибаются. Я веселюсь. Даже если я не помню ни имени ведущего, ни того, какого хрена мы тут празднуем.

— Привет, Арсен. — После десерта я оборачиваюсь в гостиной и вижу человека, в котором смутно узнаю Чипа, босса Грейс из «Сильвер Эрроу Капитал». На его руке висит женщина, которая не является его женой, и его ничуть не смущает этот факт. Я печально улыбаюсь. Управление хедж-фондом выгодно для твоего кармана и пагубно для твоей морали.

— Я думал, это можешь быть ты. — Он хлопает меня по плечу.

Чип. Чип, хранивший тайну Пола и Грейс. Чип, который знал. Чип, который месяцами игнорировал Виннфред, когда она просила ответов. Чип, Чип, Чип.

Полностью обернувшись, я решаю сыграть в его игру.

— Чак, верно?

— Чип.

— Верно. Я помню, из Италии. — Я щелкаю пальцами и поворачиваюсь к его спутнице. — Миссис Чип, мои искренние извинения, я не расслышал вашего имени в Италии. Какое оно?

Женщине хватило приличия выглядеть униженной. Она отделяется от мужчины и представляется как Пайпер. Она хороша собой. Очевидно, как девушка из женского общества. Туго заплетенные белокурые локоны, красивое каре и улыбка, которая, я уверен, стоила ее родителям небольшого состояния, но позволила ей пройти через несколько конкурсов красоты. Чип игнорирует очень намеренный удар с моей стороны.

— Видел тебя в списке пятнадцати лучших менеджеров хедж-фондов по версии The Post. Почему ты не расширяешь свою компанию? Одинокий волк слабее стаи, — говорит он.

— Ничего страшного. Я не волк. Я чертов тигр.

— Все равно. — Он смеется, беспокойно передвигаясь.

— Ты только что сказал, что видел мое имя в «Пост». Я не видел твоего. Возможно, я должен быть тем, кто раздает непрошенные советы.

Лицо Чипа падает.

— Я что-то упустил, Корбин? Я сделал что-то, что расстроило тебя?

Кроме сохранения романа между Полом и Грейс в секрете, ничего особенного. Я даже не расстроен из-за этой части. Но то, как они с Пабло обращались с Виннфред постфактум, до сих пор меня раздражает. Она не заслужила ничего из этого.

— Ничего. — Я улыбаюсь.

— Потому что... — Он колеблется, прежде чем бросить взгляд в сторону и понизить голос. — У меня всегда было подозрение, но никогда конкретное представление о том, что происходит. Ты должен знать, Корбин, у нас в Silver Arrow Capital строгая политика запрета братаний. Конечно, Пол и Грейс казались близкими людьми, но не более того, что я считал нормальным.

Увидев, как он произносит эту короткую речь с женщиной, которая могла бы сойти за его дочь, сидящую у него на руке, я собираюсь пойти дальше и запихнуть это в свою большую папку с дерьмом.

Когда я целую мучительную минуту не отвечаю, давая ему понять, что не покупаю то, что он продает, Пайпер поворачивается ко мне.

— Не мог бы ты подбросить меня домой?

— Неа. — Я сердечно улыбаюсь Чипу, прежде чем повернуться к нему спиной. — Я подожду тебя у двери.

Десять минут спустя мы с Пайпер уже в моей машине. Она дает мне свой адрес — она живет в Бруклине — и извиняется за долгое путешествие.

— Все нормально, — коротко говорю я. Не то чтобы меня что-то ждало дома. Каждая минута вдали — это минута, когда у меня нет соблазна позвонить Виннфред.

— Или... — Пайпер прикусывает нижнюю губу, поглядывая на меня с пассажирского сиденья. — Мы можем просто пойти к тебе, а я смогу успеть на поезд утром? Это избавит тебя от проблем.

Я не уверен, знает ли Пайпер, кто я и чего я стою, или она просто хочет хорошо провести время, но мне все равно. Она будет восхитительным способом отвлечь меня от Виннфред. Я не был с женщиной со времен деревенщины, и это может быть одной из причин, почему я продолжаю так много думать о ней.

Да. Вот именно. Я так привык быть поглощенной женщиной, с которой сплю, а Виннфред — не что иное, как продолжение моего увлечения Грейс. Пайпер именно то, что доктор прописал. С ней можно будет справиться, как любили говорить мой папа и Миранда.

— Мы могли бы. Хотя должен быть ясным — я не ищу серьезных отношений. Моя невеста скончалась год назад, и я не готов ни к чему, кроме сегодняшней ночи.

Я замедляю машину, давая ей шанс сказать мне, что она передумала, и отвезти ее домой. Мне все равно в любом случае. Но Пайпер расправляет плечи, кивает и говорит:

— Меня вполне устраивает одна ночь. Я в любом случае нахожусь на подъеме. Этот парень Чип... он не сказал мне, что женат. — Она вздыхает, а затем добавляет: — О, и я очень сожалею о твоей утрате.

Мы добираемся до моей квартиры, и Пайпер, громко ахнув при виде моей гостиной, спрашивает меня, где ванная. Я указываю ей направление.

— Принести тебе что-нибудь? Вода? Кофе? Вино? — Такси домой?

Подождите, откуда это взялось?

Она качает головой и улыбается.

— Я скоро вернусь. Никуда не уходи.

О да. Потому что я ничего не хочу больше, чем выбраться отсюда и оставить в своей квартире совершенно незнакомого человека.

Пока я жду, я подхожу к обеденному столу, где ранее избавился от всей почты. Стопка снимков УЗИ и флешка, которую Виннфред прислала мне много месяцев назад, до сих пор там. Я подключаю USB к своему ноутбуку и сажусь. Дважды щелкаю одно из видео, где мы с мамой, и протираю виски.

Черт побери.

Потеря, которая обрушивается на меня, двойная.

Во-первых, я чувствую боль от того, что не знаю свою мать. Не проводить с ней время. Последние три десятилетия я считал ее эгоцентричной самовлюбленной нарциссой, тогда как на самом деле она обожала и любила меня больше, чем Дуглас

А еще есть Виннфред. Кто думал, что мне важно увидеть эти видео. Кто позаботился о том, чтобы у меня были эти воспоминания.

Я просматриваю видео одно за другим.

Возможно, Кристиан прав, что я на самом деле влюблен в Виннфред.

То, что у меня есть для нее, не одержимость. Именно поэтому я держусь на расстоянии. Я яд, и она заслуживает лучшего.

Дерьмо. Я влюблен, не так ли? Как жалко.

Пайпер выходит из ванной, хихикая, стягивая свое мини-платье с бедер.

— Готова, когда ты будешь, — объявляет она.

Я поднимаю взгляд от ноутбука, закрываю экран и вздыхаю.

— Извини, Пайпер, но, думаю, я отвезу тебя домой. Я не могу дать тебе то, о чем ты

просишь сегодня вечером.

ГЛАВА 29

Винни

— «Ромео и Джульетта» имеет оглушительный успех.

Мама, папа, Лиззи, Джорджи, Риз и мои друзья приходят, чтобы выразить свою поддержку. Мои ученики справляются с каждой частью пьесы, и надежда рождается у меня внизу живота.

Конечно, это не то, о чем я мечтала в детстве. Запах протертого пола сцены, яркий свет в моих глазах, ожидающие взгляды — это то, ради чего я живу, но режиссура достаточно близка к игре. И с детьми работать интересно. Я не жалею, что приняла предложение о работе в моей старой средней школе, чтобы возглавить театральный кружок.

Не тогда, когда Уитни, играющая Джульетту, произносит на сцене свой последний монолог, а я, замороженная, повторяю слова, мои губы беззвучно повторяют ее слова.

Не тогда, когда Джарретт, играющий Ромео, выпивает яд, и слезы чуть ли не текут по моим щекам.

Не тогда, когда публика аплодирует детям стоя.

Когда шторы падают.

Когда я думаю об одном человеке, который живет далеко отсюда, и тот факт, что он одержим Марсом почти так же сильно, как я одержима «Космической странностью» Боуи, разве это не совпадение?

Нет. Я совсем не жалею, что согласилась на эту работу. Потому что даже если на Марсе есть жизнь... в Нью-Йорке для меня ее нет.

Через две недели после «Ромео и Джульетты» я уступаю просьбам Риса, и мы встречаемся. На этот раз это свидание. Рис стучит в мою дверь с букетом цветов в руке. Я гляжу на него из своей спальни, а Джорджи прислоняется бедром к входной двери и прихлебывает чай со льдом.

— Отца сегодня нет дома, так что считай меня назначенным обеспокоенным родителем. Каковы твои намерения в отношении нашей Винни, Рис Хартнетт?

— Отобедать с ней, поцеловать ее и, в конце концов, жениться на ней, — отвечает он, не теряя ни секунды.

Джорджи запрокидывает голову и смеется.

— Боже мой, Рис. Все еще сырнй, как курица с пармезаном.

Я выхожу из спальни. Забавно, я не чувствую обычных бабочек, которые сопровождают свидание. Я списываю это на то, что Рис есть Рис. Мой Рис. Моя страховочная сетка. Не все должно быть наэлектризованным и захватывающим. Отношения также могут быть стабильными и комфортными. Нет, я не собираюсь произносить это слово. Даже не в мыслях.

Я беру розы в руки.

— Спасибо за это.

— Ну, я купил их для твоей мамы, но так как я вижу, что твоих родителей здесь нет... —

Он подмигивает. — Я просто обязан подарить их самой красивой женщине в Теннесси.

Мы садимся в его машину и едем на юг, в Нэшвилл. Я не спрашиваю, куда мы идем. Я предполагаю, что это итальянский ресторан под названием Белла, где у нас было наше первое свидание.

Оказывается, я не ошибаюсь. Через час мы уже в Белле, и даже сидим за одним столом.

Когда подходит официантка, чтобы принять наш заказ, мы с Рисом смотрим друг на друга поверх меню и заговорщицки улыбаемся.

— Я буду фрикадельки, — говорю я.

— Кальцоне для меня и лучшее вино в меню. — Рис возвращает ей наше меню. Мы оба заказали именно то, что заказывали в первый раз, когда были здесь, за исключением вина. И время после этого.

— Раньше мы приходили сюда каждую годовщину и заказывали одно и то же, помнишь? — Рис обращает внимание на меня, делая глоток вина.

Я киваю.

— Это стало для нас такой вещью, что я почти суеверно относилась к этому. Даже когда я хотела заказать что-то другое из меню, это казалось неправильным. Потому что то, что у нас было, работало так хорошо.

Я сейчас говорю не только об итальянской кухне.

Рис тянется через стол и берет мою ладонь в свою поверх скатерти в красно-белую клетку.

— Мне нравится, как работает это место. Мне нравится, что меню, скатерть, персонал не меняются, и мы тоже.

Я изменилась, я думаю. Я сильно изменилась. Это проблема.

— И просто подумай. — Рис оглядывается вокруг себя, на кирпичные стены, на освещенные свечами столы, на гигантские подносы с пиццей, расставленные на столах. — Мы можем приехать сюда на следующую годовщину, скажем, после помолвки. А потом еще раз, когда ты беременна. Год за годом. Ребенок за ребенком. Мы будем приводить сюда своих детей. наших... наших внуков! — Его глаза оживленно загораются. — Это может быть нашим делом. Традицией. Вот почему я привел тебя сюда. — Он смотрит на меня такими свирепыми глазами, такими полными надежды, что мне хочется плакать. — Чтобы напомнить тебе, что то, что у нас было, было хорошим, настоящим и стоило того. Мы все еще можем вернуть все, если ты готова попробовать.

Вместо головокружения я чувствую только страх. Я делала это раньше. Я видела этот фильм. И я начинаю подозревать, что разрыв с Рисом был чем-то большим, чем моя Джульярдская мечта.

— Не знаю, — тихо признаюсь я. Моя рука выскользывает из-под его, как раз в тот момент, когда официантка подходит, чтобы наполнить наши бокалы. Я сжимаю руки между моих бедер, глядя вниз. Когда она уходит, я продолжаю. — Часть меня хотела дать нам второй шанс после смерти Пола. Я думаю, в каком-то смысле ты всегда олицетворял для меня качества, которыми должен обладать хороший мужчина. Я знаю, что ты никогда не изменишь мне, никогда не солжешь мне, никогда не поставишь себя выше кого-либо. И эти вещи по-прежнему верны... — Я делаю глубокий вдох. — Но, Рис, ты ошибаешься. Мы изменились. Я почувствовала вкус большого города, и теперь я зависима. Я пошла за своей мечтой... а ты пошел за своей.

Я оглядываюсь вокруг, понимая, что Рис никогда не хотел той жизни, которую я себе

желала. Он всегда был счастлив здесь. А почему бы ему не быть?

— И эти наши жизни. — Я поднимаю глаза, чтобы посмотреть на него, и его выражение заставляет мое сердце разрываться. Он знает, что грядет, и готовится к этому. Каждый мускул на его лице напряжен. — Им не суждено быть вместе. Я понимаю это сейчас, в этом ресторане. Я не хочу знать, где я буду в следующем году. Или через пять лет. Или через десятилетие. Я хочу идти туда, куда меня ведет моя работа. Я хочу, чтобы жизнь меня удивляла. Возможно, это не самая рациональная вещь в мире... но это то, чего я хочу.

Он сглатывает, собираясь что-то сказать, когда официантка снова прерывает нас, на этот раз принося наши блюда. Я смотрю на свои фрикадельки и думаю только о том, что надо было заказать пиццу. И этим все сказано. С Рисом что-то не так. Возможно, это было не так уже давно, еще до того, как я уехала из Малберри-Крик.

То, что мужчина идеален, не означает, что он идеален для тебя.

Рис переворачивает свою тарелку по-разному, переставляя ее на столе, пока откашливается.

— Могу я быть с тобой откровенен?

— Всегда.

— У меня было предчувствие. — Он отламывает край кальцоне, где находится корочка хлеба, и засовывает его в рот. Я знаю, что это не схема "ты не можешь расстаться со мной, потому что я расстаюсь с тобой", потому что это не в стиле Риса. — Сначала, когда ты вернулась, я был взволнован. Я думал — или, может быть, надеялся? — что актерская ошибка — это всего лишь фаза. Что ты вырастешь и поймешь, что твое место в мире здесь. Но несмотря на то, что ты совершила здесь несколько потрясающих исцелений, не буду врать, ты не выглядишь счастливой. А я видел тебя счастливой. Чего-то не хватает, и это что-то — не Пол. Я знаю, потому что я видел видео с тобой на YouTube, когда ты выступала в "Чайке". На той сцене ты выглядела живой. Сейчас ты выглядишь менее живой. И правда в том, что... — Он грустно улыбается. — Я заслуживаю большего, чем несчастная, недоделанная девушка, которая всегда задается вопросом, что могло бы быть. А ты заслуживаешь большего, чем соглашаться на работу, которую ты не хотела в первую очередь.

Как магниты, мы оба встаем со своих мест, отталкиваемся от стола и обнимаемся. Мое лицо утопает в его плече. Я хнычу, и впервые за год чувствую, что вот-вот расплачусь. Я не знаю, что опустошает меня больше. Тот факт, что Рис — не мой единственный, или тот факт, что я знаю, кто это.

Человек, который никогда не будет иметь меня.

Загадка, который любит только свою мертвую невесту.

На следующий день после свидания с Рисом я просыпаюсь в пустом доме. Пока Джорджи на работе, а мои родители уехали на выходные на свадьбу, я решаю привести дом в порядок. После этого я навещаю миссис Э., пожилую соседку. Я пообещала, что отвезу ее в центр города на собрание книжного клуба. Мы останавливаемся заранее, чтобы насладиться пирогом с лаймом и чаем и наверстать упущенное.

Когда я останавливаю машину родителей перед своим крыльцом, передо мной оживает странное видение. Мужчина стоит перед моей дверью, его силуэт высокий, внушительный и

темный — настолько темный, что я чувствую, как вокруг него падает температура — и держит букет цветов. Я глушу двигатель и сажусь назад, глядя на невероятное зрелище перед собой.

Я не вижу его лица, потому что он стоит ко мне спиной, но я вижу цветы, и это не романтические красные розы, которые принес Рис вчера. Нет. Они великолепны, красочны и удивительны. Красные георгины, лиловые орхидеи, розовые тюльпаны и желтые газани, бледная сирень, оранжевые бархатцы и красивые маргаритки. Он богатый и ослепительный, гигантский и грязный. Такой грязный. У меня перехватывает дыхание, как и у человека, который его держит.

Мой пульс под кожей учащается, а желудок сжимается. Я делаю вдох, кислород достигает нижней части легких. Я толкаю водительскую дверь и иду к нему, вверх по лестнице на переднее крыльцо. Он оборачивается, когда видит меня сквозь отражение в стеклянной двери, его лицо ничего не выдает.

Я останавливаюсь перед ним. Мне хочется обнять его за шею и обнять, но я не знаю, что уместно, а что нет. Я не знаю, кто мы друг для друга. Он из тех мужчин, которые никогда не показывают тебе, что ты с ним делаешь.

— Ты... здесь. — Я моргаю, все еще задаваясь вопросом, не сон ли это.

Сон или кошмар? Сможешь ли ты снова поставить свое сердце на карту?

Он вручает мне цветы, совершенно непринужденно, как будто последний раз, когда он был здесь, не закончился третьей мировой войной.

— Для тебя.

— Здесь... много цветов, — замечаю я.

— По одному на каждую грань твоей личности, — сухо замечает он. — Мне еще предстоит определить, слишком ли ты мила или слишком напориста.

— Ты не подал на меня в суд. — Я прищуриваю на него глаза.

— Да, ну, я подумал, что будет ужасно неудобно, если я когда-нибудь решу встречаться с тобой.

— Если бы ты решил встречаться со мной? — Я выгибаю бровь, ухмыляясь. Женщину так не приглашают на свидание. При этом каждая клеточка моего тела расцветает. Я так взволнована, есть реальная возможность, что меня сейчас вырвет на его туфли. Которые я абсолютно не могу себе позволить заменить, учитывая, что я еще не устроилась на новую работу и до сих пор оплачиваю счета за пустующую квартиру на Манхэттене. — Последнее, что я слышала, ты разорвал мой контракт перед аудиторией в Calypso Hall. Не совсем то, из чего делают признания в любви.

Он подходит к одному из кресел-качалок на крыльце и садится, скрестив ноги в лодыжках на столе.

— Да ладно, Виннфред, это не похоже на тебя, чтобы таить обиду.

— На тебя не похоже, что ты так заботаешься о сотруднике. — Я остаюсь стоять, сложив руки на груди. — Почему ты здесь?

Он смотрит на меня, и насмешливое презрение исчезает. Я не думаю, что когда-либо видела его лицо таким обнаженным.

— Ты знаешь, почему Марс был назван в честь бога войны? — размышляет он, шурясь на небо. — Это потому, что у него есть две луны — Деймос и Фобос. Две лошади, которые тянут колесницу бога войны. Для меня эти лошади — мои друзья, Риггс и Кристиан. У них есть раздражающая привычка вразумлять меня.

— Ты глухой? — Я шурюсь. — Я просто спросила, почему ты здесь.

— Я тебе точно скажу, почему я здесь. Но сначала сядь. — Он хлопывает стул рядом с собой. — И расскажи мне все о своей новой жизни в Малберри-Крик. Не жалея деталей.

Это странная ситуация, но опять же, все в моем общении с Арсеном обычно странное. Я думаю, это то, что привлекло меня к нему в первую очередь. Восхитительное чувство, когда я никогда не знаю, что я получу от него в следующий раз.

Я сажусь рядом с ним, сплетя пальцы вместе, чтобы не потерять подбородок.

— Скажи мне. — Он наклоняется вперед, локти на коленях. — Что ты делала все это время?

Слова льются из меня без предупреждения. Без внимания. Как будто я хранила их всех для него. Я рассказываю ему о своих сестрах, о новом ребенке Лиззи, о своей волонтерской работе, о «Ромео и Джульетте» и о предстоящей работе. Я стараюсь казаться оптимистичной, все еще не зная его мотивов и не желая выглядеть отчаянно нуждающейся в нем.

Он сказал, что, возможно, решит встречаться со мной, но не собирается когда-либо приглашать меня на свидание. И даже если он хочет встречаться со мной — должна ли я хотеть встречаться с ним? Он в миллион раз опаснее Пола. Более изощренный, быстрый на язык и безжалостный. Если потеря Поля разорвала меня на части, то потеря Арсена рассыпала бы меня в пыль.

И последнее, но не менее важное: Арсен живет в Нью-Йорке. На данный момент я живу в Теннесси и взяла на себя обязательство начать работу через три недели. Это достаточно причин, чтобы держать свои карты при себе.

— И ребенок Лиззи, Арсен. О, она маленькая куколка. Слишком мягкая для слов! — Я задыхаюсь.

— Кстати, о ребенке Лиззи. — Он снова садится в свое кресло. — Ты обращалась к врачу, чтобы обсудить твои будущие варианты продолжения рода?

— Это одна из первых вещей, которые я сделала, когда попала сюда, — подтверждаю я.

— И?

— Я была права, — тихо говорю я, глядя на свои руки на коленях. — Это эндометриоз. Разрастание ткани вокруг моей матки. У меня умеренная стадия, также известная как третья стадия из четырех. Это не полная катастрофа, но это сделает мой путь к материнству намного сложнее. — Я не говорила о диагнозе ни с кем, кроме своего врача. Меня удивляет, что я так легко открываюсь Арсену, хотя у меня еще не было этого разговора ни с мамой, ни с сестрами.

— Какой следующий этап? — Он спрашивает.

— Что ж. — Я кусаю нижнюю губу. — Мой врач говорит, что я должна заморозить свои яйцеклетки. Или, еще лучше, эмбрионы. Они служат дольше и имеют более высокий уровень успеха.

— Но...? — Он изучает мое лицо, наклоняясь вперед. Он снова делает то, что его тело полностью синхронизировано с моим. Это напоминает мне, что секс с ним вызывает эйфорию. У меня покалывает затылок, а ладони вспотели.

Я решаю пойти ва-банк и просто сказать ему чистую Божью правду.

— Мне еще нужно подумать об этом. Это очень дорого, и я не могу себе этого позволить. Во всяком случае, не все. Особенно сейчас, когда у меня нет... э-э-э...

— Спермы, — заканчивает за меня Арсен, резко вставая по-деловому. — Ну, я дам тебе

и то, и другое.

Я в замешательстве смотрю на него сквозь ресницы.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе нужны деньги и сперма. Я дам тебе это. Я сделаю это для тебя, — решительно говорит он.

— Но... почему?

Он открывает рот, чтобы ответить. Я слышу, как перед моим крыльцом хлопает дверца машины и звук ее автоматического запираения. Рот Арсена хмурится. Я встаю и гляжу на человека, поднимающегося по лестнице на крыльцо, и мое сердце замирает.

Поговорим о самом неудачном моменте.

— Привет, Рис. — Надеюсь, я звучу дружелюбно, а не убийственно. Рис не виноват, что я оказалась в центре самого важного разговора в своей жизни. — Что ты здесь делаешь?

Рис смотрит на Арсена с удивлением и недовольством, поднимая мою кофту в воздух между нами. — Ты забыла это вчера в моей машине. Я бы отдал ее тебе раньше, но практика затянулась.

Мои глаза устремляются на Арсена. Я вижу, он подсчитал, что решил, что Рис — мой бывший парень. Тот самый, что ушел. Арсен изобразил на лице самоуверенную ухмылку и откинулся на спинку стула, как скучающий король, что свидетельствует о том, что его волосы растут.

— Э, спасибо. Рис, это Арсен. Арсен, это Рис.

Они обмениваются рукопожатием, а Арсен даже не удосуживается встать.

— Старый друг? — вежливо спрашивает мой бывший.

— Боже, нет. Я не могу дружить с женщинами, которых хочу трахнуть. — Арсен смеется, намеренно грубо. — Нет, я здесь, чтобы сделать Виннфред незаконное предложение.

Лицо Риса бледнеет, а глаза вылезают из орбит. Христос.

— Огромное спасибо за кардиган! Ты знаешь, я мерзну. Ха-ха. — Я кладу руку ему на плечо, подталкивая его обратно к машине. Я чуть ли не выгоняю его, и мне от этого нехорошо. С другой стороны, я думаю, что могу умереть, если мы с Арсеном не закончим наш разговор в ближайшее время. Мой бывший парень, спотыкаясь, идет к своей машине, оглядываясь за плечо.

— Кто этот парень, Винни? — Он звучит как старший брат Сатаны.

— Не беспокойся о нем, — напеваю я. — Он удивительно терпим, как только ты узнаешь его поближе.

— Я не знаю. — Рис останавливается перед своим джипом, но не пытается войти. — Я чувствую, что должен остаться здесь, убедиться, что с тобой все в порядке.

— Я могу справиться с этим самостоятельно. — Я натянуто улыбаюсь.

Пожалуйста, пожалуйста, уходи.

— Но...

— Боже мой! — Я вскидываю руки в воздух, теряя терпение. — Я знаю, ты хочешь добра, но, пожалуйста, Рис, позволь мне разобраться с этим. Я большая девочка, и я занимаюсь своим делом уже более десяти лет без твоей помощи.

Наконец-то я поняла. Все возвращается ко мне с невероятной скоростью. Причина, по которой я уехала отсюда. Не все дело в Джульярде. Отчасти это было удушающее чувство, что все меня опекают, включая, но не ограничиваясь этим, Риса.

Хотя верно то, что он всегда хотел добра, он также часто переступал границы. Он изо всех сил защищал меня перед миссис Пяски, нашей учительницей физики, когда я завалила ее урок в десятом классе, из-за чего она ненавидела меня до конца моих школьных лет. Когда мы с Джорджи ссорились, он всегда защищал меня и умолял ее поговорить со мной, когда я просто хотела, чтобы меня оставили в покое. И всякий раз, когда я расстраивалась из-за него, что случалось нечасто, он списывал это на то, что мне скучно, или на мои месячные.

Мне тогда это не нравилось.

Мне это не нравится и сейчас.

Рис в ужасе смотрит на меня.

— Никто не говорил, что ты не можешь справиться с собой.

— Нет, ты этого не говорил, но продолжаешь думать об этом. В противном случае ты бы так себя не вел.

Это заставляет его замолчать. Он сжимает губы, устремляя взгляд туда, где на моем крыльце ждет Арсен.

— Я полагаю, ты права. Прости, Винни. Иногда я просто... Я не знаю. Я увлекаюсь когда забочусь о людях.

— Я в порядке. — Я обхватываю его руками и сжимаю, заверяя, что не злюсь на него. — Я позвоню тебе завтра, хорошо?

Он садится в свою машину и — слава богу — уезжает. Я возвращаюсь к Арсену, который ждет меня на крыльце со своей обычной веселой улыбкой, как будто для него все это большая жирная шутка. Только теперь я на него смотрю. Ему не до шуток. И ему не все равно. Это просто его защитный механизм при общении с людьми.

— Я вижу, твое слезливое воссоединение с совершенным Рисом идет хорошо, — замечает он.

Я закатываю глаза и снова падаю в кресло-качалку рядом с ним.

— Ты мне нравишься намного больше, когда ты не саркастичен.

Он наклоняет голову к небу, вздыхая.

— Тогда у меня нет шансов. Лучше возьми вещи и возвращайся домой.

— Прекрати, — рявкаю я. — Скажи то, ради чего ты сюда пришел. Мы были в центре событий.

— Верно. — Он постукивает по колену. — На чем мы остановились?

— Я полагаю, ты собирался предложить стать отцом моих гипотетических детей и заплатить за все удовольствие.

— Детей? — Его брови взлетают вверх. — Я думал, ты хочешь только одного.

Я качаю головой.

— Трех. И мне понадобится суррогатная мать, чтобы их выносить. Что тоже стоит немалых денег. Все еще интересно?

Я не рассматриваю это всерьез, и он тоже. Это лишь одна из его многочисленных игр. Я в этом уверена.

— Мне все еще интересно, — прямо говорит он. Черт бы побрал его и его странное чувство юмора.

Я криво улыбаюсь ему.

— Мы можем вечно ходить кругами, но я хочу знать, почему ты на самом деле здесь. С цветами.

Ты действительно хочешь пригласить меня на свидание? Неужели я действительно собираюсь бросить все, от чего убегала, и сказать «да»?

— Я только что сказал тебе, — медленно и с заметным раздражением произносит он. — Я пришел сюда, чтобы пригласить тебя на свидание, а также, если хочешь, подарить тебе детей. Что сложного для понимания?

— Ну, — я неловко рассмеялась, — это обычно происходит только после того, как ты прожил несколько хороших лет. Ты ведешь себя так, будто хочешь родить мне детей сейчас.

— Нет лучшего времени, чем настоящее, — серьезно сообщает он мне.

Закрываю лицо руками, истерически смеюсь до икоты.

— Арсен, ты хочешь, чтобы я восприняла это всерьез? Мы знаем друг друга по-настоящему меньше года.

— Время ни для чего не является хорошим показателем. Я знал Грейс еще до того, как она научилась правильно завязывать шнурки, и она подвела меня. Ты не можешь убедить меня, что это плохая идея, потому что я уже принял решение и никогда не делаю плохих вложений.

Я потеряла дар речи, поэтому просто смотрю на него, ожидая продолжения. Несколько месяцев назад этот человек кричал на меня, что я всего лишь его сотрудник, угрожал мне, а затем публично разорвал мой контракт. Когда он пришел сюда в первый раз, он не подал виду, что хочет чего-то большего, чем свернуть мне шею. Откуда все это? И действительно ли мне так повезло — или не повезло, как посмотреть, — что мужчина, в которого я влюбилась, тоже влюбился в меня?

— Это просто все так... внезапно? — Справляюсь я, наконец.

— Черт возьми, Виннфред! — Он встает, взмахивая руками в воздухе, раздраженный. — Только не говори мне, что это вышло само собой. Моя потребность всегда быть рядом с тобой и рядом с тобой перестала быть связана с Грейс и стала связана с тобой очень, очень рано. С тех пор, как ты выбежала из "Нового Амстердама", сбив беднягу Кори на землю.

— Ты вел себя так, словно я была там крестьянином. — Я смотрю на него в замешательстве.

— Это потому, что для меня ты им была. И что? Ты также была самым раздражающим, интересным, милым, очаровательным существом, на которое я когда-либо смотрел. Эти две вещи не исключают друг друга. Речь никогда не шла о них. Грейс и Пол — да поможет мне Бог, я устал повторять их имена снова и снова. Они были оправданием. Что-то, на что можно было опереться каждый раз, когда ты спрашивала, почему я нахожусь в твоей сфере, в поле твоего зрения, каждый раз, когда я хотел попасть на твои репетиции, в твою квартиру и в твою постель. Это не было связано с ними с тех пор, как я вошел в театр и увидел тебя. — Он останавливается, хмурится, обдумывая это. — Может быть, даже с Италии. Кто знает? Не я, и я не хочу это выяснять. Я полностью поглощен тобой, и последние несколько месяцев были адом на земле, когда я пытался забыть тебя.

— Но Грейс...

— То, что я испытывал к Грейс, даже не отражает того, что я чувствую к тебе. Ты — единственная женщина, которая когда-либо заставляла меня чувствовать себя достойным без брони из поместий, денег и родословной. Ты не заботишься ни о чем из этого. И это делает тебя особенной. Ты полная противоположность Грейс.

Мой разум бежит пятьсот миль в минуту. Мне понадобится месяц, может два, чтобы переварить весь этот разговор. Я даже не знаю, с чего начать.

— Тогда почему ты настоял на том, чтобы не целовать меня в своей квартире в ту ночь, когда держал меня на руках? — Я наконец нахожу свой голос, и он задыхается. Слезы щиплют мои глазные яблоки, не выходя наружу. — Почему ты захотел уйти в ту ночь, когда мы вошли в кабинет Пола?

— Потому что это было слишком. — Он начинает ходить по моему крыльцу, что-то бормоча больше себе, чем мне. — Я знал, что если бы ты была у меня, я бы никогда тебя не отпустил, а отпустить тебя было невозможно, потому что ты все еще безнадежно любила Пола. Я не хотел попасть в еще одну катастрофическую ситуацию, стать одержимым женщиной, которая никогда не могла быть моей. Одного раза хватило. На самом деле больше, чем хватило.

Он останавливается. Беспомощно смотрит на меня.

— Я — Марс, и на нем может быть жизнь. Может быть. Благодаря тебе. Я горю за тебя, Виннфред. И я устал жить на холоде. Возвращайся в Нью-Йорк. Сделай место пригодным для жизни. Для нас двоих. Пожалуйста.

Я искушена. О, я очень искушена. Но я все еще не уверена, правильно ли это. Снова оставить все позади и вернуться туда, где было создано каждое мое ужасное воспоминание. Есть и другая часть меня. Часть, которая думает обо мне как о Нине. Чеховской Нине. И если я — Нина, то он — Тригорин. Мастер превращать любовь в нездоровую одержимость, как он сделал это со своей невестой. Он попытается погубить меня, даже не имея на то намерения, и ему это удастся.

— О чем ты думаешь? — спрашивает он настоятельно. Я встаю, и он заключает меня в объятия.

Я закрываю глаза.

— Я хочу верить каждому твоему слову, потому что я влюблена в тебя с того момента в Италии, когда наши глаза встретились и мир перестал существовать. Но боюсь, что я — очередная навязчивая идея. Еще одна прекрасная идея, которая может превратиться для тебя в скудную реальность. Я не хочу менять всю свою жизнь и переезжать обратно в Нью-Йорк ради другого мужчины. Ты можешь сгореть из-за меня, но я ужасно боюсь обжечься.

Когда я открываю глаза, его лицо все еще нежно и с надеждой. Я хочу сказать "да". Но в конце концов, особенно после того, через что Пол заставил меня пройти, когда мы пытались забеременеть, я должна поставить себя на первое место. Задать все правильные вопросы. А я пока не уверена, какие именно.

— Я не собираюсь тебя подводить, — тихо говорит он. — Попробуй меня.

— Мне нужно время. — Я горжусь собой. Горжусь своей способностью ставить себя на первое место для разнообразия. Даже если меня расстраивает мысль о том, чтобы снова попрощаться.

Это та часть, где я ожидаю, что он закроется от меня. Станет равнодушным, отстраненным, но он удивляет меня поцелуем в лоб — нежным движением пера — перед тем, как уйти.

— Я буду ждать.

— Я могу никогда не вернуться. — Я поднимаю глаза, ища на его лице... что-то. Я не знаю, что. Но он перестал меня убеждать. Я вижу это по его лицу. Он сказал свое слово, и теперь мяч на моей стороне.

Он улыбается, заправляя прядь моих волос за ухо, и целует кончик моего носа.

— Я все равно буду ждать.

— Разве у меня нет крайнего срока? — спрашиваю я.

Он качает головой, ухмыляясь.

— Я чувствую, что тебе не помешает безусловная любовь, и это именно то, что я собираюсь предложить тебе, Виннфред.

ГЛАВА 30

Арсен

Самое интересное, когда здороваешься, — это то, что ты даже не представляешь, как тяжело будет прощаться с этим же человеком.

Когда я впервые встретил Виннфред под неумолимым средиземноморским солнцем, она показалась мне чем-то вроде игрушки. Сейчас, когда я сижу в самолете, который должен доставить меня из Нэшвилла обратно в Нью-Йорк, я понимаю, что она была конечной целью.

Она была всем с того самого первого момента, прямо там, в ресторане, когда она бросила мне вызов. Когда она высмеяла меня в ответ. Когда она отказалась вписываться в стереотип, который я к ней прикрепил.

Есть большая вероятность, что я больше никогда ее не увижу. Я пришел сюда, чтобы сказать то, что должен был сказать, а теперь решение должна принять она.

Мне остается только надеяться, что она вспомнит, что нас объединяло.

Потому что это никогда не были они — это были мы.

И хотя это правда, что я тщеславный, манипулирующий, очень змеиный человек, я также человек с множеством углов.

А углы, как мы знаем, это все в жизни.

Вот почему закат на Марсе кажется голубым.

ГЛАВА 31

Винни

— Винни и Арни сидят на дереве. П-О-Ц-Е-Л...

Я ударяю сестру по руке, прежде чем позволить своей голове упасть обратно между руками на кухонный стол. Мамы и папы все еще нет, а Джорджи практически сияет, сидя рядом со мной и потягивая кофе со льдом.

— Не будь такой грустной. Это хорошо. — Она листает глянцевый журнал на столе, ее идеально наманикюренные ногти останавливаются каждый раз, когда она видит рекламу чего-то, что ей нравится. — Я никогда не видела тебя такой с Полом. Все в нем было таким ванильным. — Она поднимает взгляд, чтобы убедиться, что полностью завладела моим вниманием. — Ты как бы существовала на автопилоте. Какое-то время я думала, что Пол сделал с моей сестрой и ее нахальством. Но теперь я вижу, что все вернулось. Кто бы мог подумать, что все, что тебе нужно, это красивый, высокий миллиардер из города, который появляется на твоём пороге со спонтанными признаниями в любви?

— Я действительно любила Пола, — протестую я.

— Нет, тебе нравилась сама идея Пола. Тебе нравилось то, что он тебе предлагал. Милая, счастливая семья и белый заборчик. И быть женой человека, который больше, чем сын случайного владельца ранчо в Теннесси.

— Это очень поверхностно, — заметила я. — И неправда.

— Потому что люди обычно начинают встречаться друг с другом по альтруистическим,

философским причинам? — Она вскидывает бровь. — Я тебя умоляю. Людей влечет к другим из-за поверхностных вещей. Делать вид, что это не так, значит оскорблять наш интеллект. По крайней мере, то, что у тебя с Арни, кажется немного более серьезным, чем это.

— Он Арсен.

— Арсен? — Она задыхается. — Я бы не стала заходить так далеко. Я имею в виду, он кажется немного токсичным, но не настолько, чтобы бить тревогу.

— Будь серьезной. — Я делаю глоток кофе, зажав кружку между пальцами, чтобы согреться. — Я не знаю, смогу ли я это сделать, Джорджи. Вернуться в Нью-Йорк. Рискнуть. После всего, что случилось.

— Пожалуйста, Иисус позвонил. Ему нужно вернуть свой крест. — Джорджи хлопнула журнал. — Мы можем пропустить эту часть? Мы обе знаем, что ты поедешь. Ты будешь сумасшедшей, если не поедешь. Ты любишь этого человека.

— Но он предлагает мне то же самое, что и Пол. И посмотри, чем закончились мои предыдущие отношения.

Конечно, я пересказала Джорджи все, что произошло. Все плохое. Все, что касается Грейс.

Моя сестра встает и огибает мой стул. Она кладет обе руки мне на плечи и погружает большие пальцы в мои больные мышцы, делая массаж.

— Разбитое сердце — это ужасная причина не давать любви второй шанс. Это все равно, что отказаться от еды из-за пищевого отравления. Или... или... Я не знаю! Как избегать мороженого, потому что тебе не нравится один вкус. Любовь может предложить гораздо больше, чем разбитое сердце. Это надежда. Это бабочки. Мудрость. Это семья и кров. Мир и дети.

Я сжимаю одну из ее рук на своем плече, выпуская дрожащий вздох.

— Возможно, я не смогу иметь детей. Он говорит, что не возражает, но что если возражает? Что, если он возражает, Джорджи?

Она замирает на мгновение. Она уже некоторое время крутится вокруг этой темы, пытаясь получить больше информации. Я, со своей стороны, никогда не давала ей ответа. Слишком боялась, что сломаюсь, если открою эту тему. Теперь уже нет. Теперь все открыто.

Джорджи перегруппировалась. Она прочищает горло и возвращается к массажу моих плеч.

— Что, если небо упадет? Что если завтра на нас упадет метеор? Что если между нами и Канадой начнется война? Я знаю, они хорошие, но можем ли мы по-настоящему доверять людям, которые покупают молоко в пакетах? Я видела кое-что об этом в новостях. Это вещь, Винни. И это реально.

— Спасибо, что отвлекла. — Я смотрю на нее, ухмыляясь.

— Это не просто объезд, дорогая. Я серьезно. Может быть, ты не сможешь иметь детей. Но это можно сказать о каждой женщине, которая сейчас не беременна. И, насколько я знаю, мужчины не требуют от врача доказательств фертильности, прежде чем задать вопрос. Жизнь, по определению, — это азартная игра. В некоторых случаях ты выигрываешь, в некоторых проигрываешь. Главное — всегда проигрывать с победной улыбкой.

Но я думаю, что это нечто большее. В этой игре жизни действительно важно не то, кто выигрывает, а кто проигрывает. Важно, чтобы у тебя и твоего партнера была одна и та же цель. Одна и та же конечная цель.

С тех пор как Арсен ушел вчера, я не могла спать, не могла есть, не могла даже нормально дышать. Я только и делала, что думала о нем и его предложении. Предложение, от которого я не могу отказаться, даже если это означает снова поставить на кон свое сердце.

— Но... что мне делать? — Я потерла щеку. — Мне просто прийти к нему домой?

— Я думаю... — Джорджи отталкивается от меня и берет свой кофе со льдом. — Телефонный звонок был бы антиклимаксом, учитывая обстоятельства. Тем более, что он приезжал сюда уже дважды. Это жест уровня Хью Гранта.

— Тебе даже не нравится Хью Грант. — Я нахмурилась. — Однажды ты сказала, что он невнятный дурак.

— Мне нравится то, что он представляет, ясно? — Джорджи закатывает глаза, усиленно посасывая соломинку. — А теперь иди и собери сумку. Эта комната недостаточно велика для нас двоих.

Мое тело встает само собой, и я двигаюсь к нашей спальне, находясь в странном, неразрывном трансе.

Пришло время ударить Арсена палкой правды. Даже если сначала мне придется признаться в этом самой себе.

ГЛАВА 32

Винни

Нью-Йорк прохладен и великолепен в дюжине оттенков серого и голубого, когда я на такси въезжаю в город из аэропорта LaGuardia.

Осень покорила каждый сантиметр Манхэттена. Деревья голые, высокие, ветки скручиваются, сморщиваются от мороза.

Моя первая остановка — моя квартира. Моя квартира, а не Пола. Я стою и смотрю на нее несколько минут, сложив руки на бедрах, в последний раз проверяя.

Затем я выхватываю всю нежелательную почту из своего почтового ящика, открываю мешок для мусора и выбрасываю все внутрь.

Одержимая энергией, которой не было целую вечность, я подхожу к своему холодильнику, открываю его и вытаскиваю все йогурты Пола. Его соленья. Его любимые смузи. Лунные пирожные. Все в мусор. Я закатываю рукава до локтей и начисто вычищаю холодильник. Остатки просроченной еды ударяют мне в ноздри, кислые и затяжные. Я не останавливаюсь, пока он не станет безупречным, и беззвучно смеюсь, когда вспоминаю, как я отказалась от использования холодильника, чтобы мне не пришлось иметь дело с вонью еды.

Затем я перехожу к свернутым газетам, которые хранила для него.

Он не вернется. Даже если бы он это сделал, в другой жизни, в другой вселенной — он может купить свою чертову газету сам. Единственная новость, которая ему нужна, такова: он был ублюдком, который пытался поцеловать мою сестру и оплодотворил другую женщину, пока мы были женаты.

Все бумаги идут на переработку. Мне нужно три раза спуститься вниз, прежде чем они все исчезнут, но оно того стоит.

Затем я распахиваю дверь кабинета Пола. Все его файлы отправляются в шредер. Его компьютер, его мониторы, я собираю вещи, чтобы передать их на благотворительность. Я не хочу никаких доказательств того, что этот человек когда-либо жил здесь. Потому что он

этого не делал. Не совсем.

Мне нужно шесть часов, чтобы привести квартиру в порядок и полностью без Пола. К тому времени, как я закончила, я вымотана. Я затаскиваю себя в душ и позволяю обжигающей воде коснуться моей кожи. Когда я выхожу, я выбираю красивое платье и наношу макияж.

Я как раз убираю помаду обратно в косметичку, когда раздается звонок в дверь. Я улыбаюсь зеркалу, зная, кто это, и бодро иду по коридору. Здесь все безупречно. Чисто, аккуратно и полностью в моем вкусе. Пахнет свечой с корицей и ванилью, которую я зажгла раньше, запах, который Пол никогда не любил — корица вызывала у него тошноту, — и я открываю дверь.

Арья стоит с другой стороны, обнимая Луи, который уже не такой крошечный.

Я немедленно тянусь, чтобы взять его у нее, и он счастливо булькает, устроившись у меня на руках. Его вес восхитителен, и я смеюсь, когда он засовывает свои пухлые пальцы мне в рот.

— Луи, держи себя в руках. — Арья вытаскивает свой шарф и бросает его на мой диван. — У меня такое чувство, что мне придется часто произносить эти слова, учитывая успехи его папы с дамами до того, как мы встретились.

— Заходи. — Я смеюсь, отступая в сторону, чтобы она могла войти.

Когда она входит внутрь, я понимаю, что она не одна. Крисси тоже здесь, марширует со своим фирменным стаканом для сжигания жира и электрической сигаретой в руке.

— Я думала, ты в Лос-Анджелесе со своим парнем. — Я быстро обнимаю ее, прежде чем она убегает.

— О, я была там. — Она машет мне рукой и плюхается на диван. — Но потом Арья сказала мне, что ты вернешься, и я не могла удержаться. Особенно, когда я услышала причину твоего приезда. А теперь посмотри на это место. Как будто Пол здесь никогда не жил!

Мы втроем в изумлении оглядываемся, а Луи извивается, пытаясь вырваться на свободу и бродить по залу.

— Было время, — говорю я.

— Я действительно горжусь тобой. — Арья сжимает меня в объятиях. — За все, что ты сделала сегодня и что собираешься сделать. А теперь, передай мне мой сверток с козявкой, пожалуйста. У меня есть кое-что, что я должна тебе передать.

Я возвращаю ей Луи, хотя и неохотно, затем раскрываю ладонь между нами, пока она выискивает в сумочке то, что я просила.

— Ты уверена, что Кристиан не будет возражать? Я имею в виду, что ты дашь это мне? — спрашиваю я. — Это нарушение неприкосновенности частной жизни и владения.

Арья смеется.

— О, он будет возражать. Я никогда не услышу конца этого. Но может ли он действительно долго на меня злиться? Я так не думаю. Кроме того, когда он поймет, что поставлено на карту, он будет в восторге. Поверь мне. — Она загибает мои пальцы вокруг ключа. — Портье зовут Альфред. Если он доставит тебе неприятности, скажи ему, чтобы он позвонил мне.

И вот так у меня есть ключ от квартиры Арсена.

Теперь все, что мне нужно, это открыть его сердце.

◆ ◆ ◆

Конечно, я хотела, чтобы Арсен был дома, когда я приеду в Нью-Йорк. Но как только я приземлилась и позвонила Арье, чтобы сообщить ей о моем прибытии, она сказала мне, что Арсен упомянул Кристиану, что он будет в Лондоне до позднего вечера, чтобы подписать соглашение о продаже Калипсо Холл.

Щепотка печали сжала мой живот. Калипсо Холл нуждается в заботе, и это правда, что это не всегда было процветающим заведением, но в нем есть столько очарования. В нем есть красота. Что-то я не могу указать пальцем. К тому же он принадлежал его матери. Патрис. Его самый последний кусочек ее. Настоящая она.

Но я хочу быть здесь и ждать его, когда он вернется из Лондона. Главным образом потому, что я помню, как он однажды сказал, что дома его никто никогда не ждал. Он всегда был одинокой звездой, движущейся в темной необъятной вселенной.

Используя ключ, который дала мне Арья, я толкаю дверь в его квартиру. Прилив удовольствия захлестывает меня. Пахнет так же, как он. Этот уникальный аромат Арсена, от которого у меня подгибаются колени.

Его квартира выглядит точно так же, как и в прошлый раз, когда я была здесь.

Взглянув на свой телефон, я понимаю, что у меня есть еще несколько часов до его прибытия. Я решаю устроить себе экскурсию по этому месту. Арсен никогда этого не делал, и, учитывая, что в прошлый раз, когда мы расстались, он сказал мне, что хочет меня, мне трудно поверить, что он станет с этим спорить.

Сначала я возвращаюсь в комнату для гостей, где он держал меня. Белье выглажено, а комната аккуратно убрана. Как будто я никогда там не была. Я не знаю, чего я ожидала... чтобы кровать не была заправлена, как мы ее оставили? Это не стиль Арсена. Я иду по коридору. Прохожу в ванную. Открываю шкафы, мои уши горят от собственной наглости. Все, что у него есть, это лейкопластыри, тайленол и немного TUMS.

Дойдя до его спальни, я останавливаюсь. Моя рука на дверной ручке. Какая-то иррациональная часть меня боится, что я найду его там с кем-то другим. Почему, я не знаю. Очевидно, что его здесь нет. Арья сказала мне, что он отправился на встречу со своим напыщенным коллегой, который вместе с ним учился в Академии Эндрю Декстера.

Но с тех пор, как Пол...

Нет. К черту Пола. Ты пошла дальше. Ты больше не позволишь тому, что произошло в прошлом, диктовать твое будущее.

Я толкаю дверь. Как только я это делаю, весь кислород покидает мои легкие.

Потому что оно здесь.

В полный рост и висит на его стене. Там, где должен быть телевизор. Прямо напротив его кровати. И он такой же великолепный, каким я его помню.

Плакат «Чайки».

Огромный, который волшебным образом «исчез» все эти месяцы назад. С крупным планом моего лица.

Его взял Арсен. Он украл. Затем он вмешался в работу камер и снял убийственные кадры, на которых он сам схватил эту штуку.

Мое лицо смотрит на меня. Я выгляжу спокойной... может быть, даже немного мечтательной.

Но этого не может быть здесь. Это не может быть он. Плакат был сделан в самом начале наших отношений — или что там между нами завязалось.

Это... как?

Его слова, произнесенные в последний раз, когда я видела его на своем крыльце, теперь преследуют меня.

Моя потребность всегда быть рядом с тобой перестала быть связана с Грейс и стала связана с тобой очень, очень рано. С тех пор, как ты выбежала из "Нового Амстердама", сбив беднягу Кори на землю.

Он не лгал. Он действительно любил меня с самого начала.

Я подхожу к плакату и прижимаю руку к распечатанному лицу. Что-то мокрое и странное ласкает мою щеку. Я протягиваю руку, чтобы вытереть это, исследуя кончик пальца, чтобы найти идеально круглую, прозрачную, соленую слезу, смотрящую на меня.

Я плачу.

Я плачу!

Я больше не проклята, не онемевшая и способна полностью чувствовать.

Гидротехнические работы начинаются немедленно. Громкие детские вопли вырываются из моей груди и вырываются изо рта. Я плачу за весь год, что я не могла. Плачу о смерти Пола. За то, что он сделал со мной. За Грейс. За то, что она сделала с Арсеном. За то, что я потеряла роль Нины. За обретение перспективы. За Риса. За Арсена, который десятилетиями прятался за стеной эрудиции и остроумия.

Больше всего я плачу за себя. Но поразительно, это слезы не отчаяния или жалости к себе, а облегчения.

Я чувствую себя смелой. Сильнее, чем я когда-либо была. И такой невероятно обнадеживающей.

Я прошла через ад и прошла через огонь только для того, чтобы выйти с другой стороны, вся в шрамах и синяках, но сильнее, чем когда-либо.

Я горю для тебя, сказал он. И я готова сгореть ради него.

Я падаю в кровать Арсена и плачу, плачу и плачу часами.

Плачу, пока я не засыпаю в комфорте аромата мужчины, которого я люблю.

ГЛАВА 33

Арсен

Мой телефон разрывается, когда я еду в Убере домой из аэропорта.

Кристиан: Кое-что случилось, пока меня не было.

Арсен: Я не буду помогать тебе хоронить трупы.

Кристиан: Думаешь, я стал бы просить тебя о чем-то подобном через текстовое сообщение? Думаешь, я такой тупой?

Арсен: Не задавай вопросов, на которые ты не готов услышать ответ. Что случилось?

Кристиан: Арья взяла запасные ключи от твоей квартиры.

Арсен: Я польщен, но она не в моем вкусе.

Кристиан: Винни просила их, ТЫ ДЕБИЛ.

Я хочу, чтобы мое сердце перестало биться, как кувалда, но напрасно. Мысль о том, что Виннфред сейчас в моей квартире, заставляет мой пульс бешено биться. Я даже не пытаюсь ответить Кристиану. Просто проверяю дорожное приложение на моем телефоне, которое предупредит меня, что, как обычно, на моей улице адская пробка.

Я постукиваю ногой по полу машины. Будет ли чрезмерной реакцией подкупить каждого мудака перед нами, чтобы тот остановился и пропустил нас?

Когда мы подъезжаем к моему многоквартирному дому примерно в пяти кварталах, я говорю водителю остановиться и швыряю в него пачку наличных.

— Остаток пути ты собираешься идти пешком? — удивленно спрашивает он. — Немного опасно посреди ночи...

Но я уже вышел, бегу как маньяк. Когда я добираюсь до своего дома, дверь на лестницу заперта. Я ругаюсь, пинаю мусорный бак и вызываю лифт. Ждать приходится целую вечность. Как и поездка до моей квартиры. Потом я захожу внутрь, и моя гостиная совершенно пуста. Виннфред нет.

Я осматриваю кухню и гостиную, затем быстро иду в свою спальню, где нахожу ее, растянувшуюся на моей кровати, крепко спящей. От одного ее вида у меня перехватывает дыхание.

Разрываясь между моей потребностью разбудить ее и поговорить с ней и ее потребностью выспаться от усталости, последнее побеждает, и я заползаю в постель, обнимаю ее, зарываюсь носом в ее клубничные волосы.

Я ни за что не засну. Один только адреналин, циркулирующий в моих венах, может не дать мне уснуть в следующем году. Но достаточно просто держать ее. Через несколько минут, пока мы лежали неподвижно, я чувствую, как она шевелится в моих руках. Тихий стон срывается с ее губ, и ее руки обвивают мои, сильнее прижимая меня к себе.

— Эй, Марс? — бормочет она. — Расскажи мне что-нибудь интересное о Вселенной.

Я закрываю глаза, улыбаясь ей в волосы.

— Есть планета из алмазов. Она вдвое больше планеты Земля и покрыта графитом и алмазами.

И, если бы был шанс, я бы подарил тебе кольцо с бриллиантом еще больше. Если ты скажешь «да».

Но, конечно, Деревенщина не Грейс. Она не любит дорогие украшения.

— Держу пари, это красиво, — шепчет она. По моей коже скатываются мурашки, и я целую ее в ухо.

— Не так, как ты.

Она переплетает свои пальцы с моими и кладет мою руку к своей груди. Ее сердце бьется, как барабан, каждый удар отдается в мою ладонь. Моя.

На ней нет лифчика, и сосок торчит сквозь платье. Мой большой палец успокаивающе массирует ее сосок, а губы сжимают изгиб ее шеи и плеча. Мой член налился кровью, ноя за нее. Она перекачивается на мне сверху и оседлала мои бедра, глядя на меня с беззастенчивым голодом, и я не могу поверить, что когда-либо трахал женщину, которая не была ею. Человек, который не смотрел на меня так, как сейчас. Как будто я весь ее мир. Ее луна, ее звезды, Млечный Путь и галактики вокруг него.

— Я скучал по тебе, деревенщина. — Я выпустил злобную улыбку. Она наклоняется вперед и затыкает меня грязным поцелуем.

Кровь бурлит в моих венах. Я отстегиваюсь, пока она поднимает платье. Я стягиваю ее трусики набок и проникаю в нее. Она скачет на мне, медленно и дразняще, наши взгляды не расстаются.

— Я думала, ты никогда не пускаешь женщин к себе в постель. — Она кусает меня за шею и вертит бедрами, встречая меня на полпути, словно знает мое тело как свои пять

пальцев.

— Что ты хотела, чтобы я сказал? — Я стону, мое удовольствие настолько острое, что я едва могу дышать. — Извини, ты не можешь попасть в мою спальню, потому что я украл огромный плакат с твоим изображением с твоего рабочего места. PS, пожалуйста, не оформляй на меня запретительный судебный приказ?

— Зачем ты это сделал?

— Стал твоим преследователем? — Я вошел в нее, глядя глубоко в ее глаза. Я пытаюсь сосредоточиться на разговоре, чтобы не кончить через пять минут. — Это было преднамеренно, хочешь верь, хочешь нет.

Она тянется, чтобы поцеловать меня.

— Нет. Взял плакат.

— Чтобы я всегда чувствовал себя рядом с тобой.

Это доставляет ей удовольствие, и она ускоряет темп, пока я дергаю ее за платье, освобождая эту великолепную грудь. Я притягиваю ее вниз, удерживая одну пуговицу между пальцами, затем жадно посасываю один из ее сосков.

Ее голова падает мне на плечо.

— Арсен.

— Винни.

Она останавливается. На мгновение мне кажется, что что-то случилось. Она выпрямляет спину, хотя я все еще внутри нее. Я чувствую свой пульс в яйцах. Мой член закричал бы, если бы мог.

— Что? — Я спрашиваю.

— Ты назвал меня Винни.

Я улыбаюсь.

— Это твое имя.

— Ты никогда не называешь меня по прозвищу. За исключением этого одного раза, ты называл меня только Виннфред или Деревенщина.

Одним быстрым движением я переворачиваю ее на спину, прижимая к себе, делая все это, ни разу не отстранившись от нее. Я целую кончик ее носа.

— Это потому, что все тебя так называют, а я всегда хотел, чтобы ты помнила меня.

Она гладит меня по щеке.

— Со времен Италии не было ни минуты, чтобы я не помнила тебя.

Я вбиваюсь в нее. Звук шлепающейся кожи наполняет воздух. Он жестокий. Он голодный. Это совсем не то, к чему я привык. Мы в нашем собственном маленьком пузыре. Я никогда не хочу покидать его.

Она задыхается, впиваясь ногтями в мою спину, словно вот-вот развалится. Я вонзаюсь в нее, еще сильнее, быстрее, почти маниакально. Потому что у меня нет гарантии, что я увижу ее завтра. Никто не обещал мне, что это приветствие, а не прощание. Мы еще не разговаривали, и чувство безотлагательности сжимает каждую из моих костей в удушающей хватке.

— Кончаю, кончаю, — выдыхает она.

Она выгибается подо мной, сжимается вокруг моего члена, и внезапно ей становится жарче — намного жарче — и мои яйца напрягаются, когда я кончаю в нее.

Когда я падаю на нее сверху, мы оба вспотели и истощены. Два мешка бесполезных конечностей. Такие человеческие, такие смертные, почти смехотворно, что то, что мы

разделяли прямо сейчас, было божественным. Когда я немного отстраняюсь, чтобы дать ей немного пространства — раздавить до смерти женщину, которую я люблю, не входит в мои планы, — она выглядит смущенной и похожей на ребенка.

— Ты в порядке? — Я спрашиваю.

Она сжимает губы.

— Это действительно зависит от того, как пойдет наш следующий разговор.

После того, как мы вместе принимаем душ, мы одеваемся под звуки пробуждающегося города. Виннфред прислоняется к плакату, который я у нее украл, ее руки заведены за поясицу. Она смотрит на меня, пока я одеваюсь. Это небольшой жест, но я не привык, чтобы за мной наблюдали. Я решаю, что мне это нравится.

— Что, если мы никогда не сможем иметь детей? — выпаливает она в комнату. Вопрос эхом разносится между стенами.

— Тогда у нас никогда не будет детей. — Я закатываю носок на ногу. — Почему обязательно должно быть "если"? С каких пор дети определяют прочность отношений или их отсутствие?

— Возможно, мы никогда не сможем иметь биологических детей. — Ее глаза сияют в сине-розовом оттенке зари, как два бриллианта. Она думает о Поле. Она думает с разочаровании, боли, предательстве. Она боится повторения истории.

— Ты имеешь в виду, что мы сможем проводить время, путешествуя по миру, создавая воспоминания, живя светской жизнью и чертовски круглосуточно? Я постараюсь вынести бремя такого сценария. — Я встаю, но не делаю движения к ней. Еще нет.

— О, серьезно. — Она топает ногой по моему гранитному полу.

— Я серьезно. — Я ухмыляюсь. — Меня не волнует, если у нас никогда не будет детей. Прочитируй меня по этому поводу.

— С другой стороны, у нас может быть много детей. Три, может четыре! — горячо говорит она. — Мне нравятся младенцы. Я люблю детей. И если мы сможем усыновить, я определенно захочу. Как ты к этому отнесешься?

— Устало, я полагаю. — Я упираюсь пятками в плюшевый коврик под кроватью, подчеркивая, что никакие ее слова не заставят меня бежать куда глаза глядят. — И взволновано. Дом всегда будет полон. Мне никогда не будет скучно. Как правило, я предпочитаю детей людям в натуральную величину. Им еще предстоит отказаться от каждой части своей индивидуальности, чтобы приспособиться, и они смотрят на мир через увлекательную призму.

Я не говорю о том, что мне хотелось бы все переделать. Настоящую семью. Собственный дом. Что я думаю, что Виннфред будет замечательной матерью, как Патрис, и что я хочу, чтобы у нее было все, чего пожелает ее сердце.

Она делает глубокий вдох. Закрывает глаза. Ее стены рушатся. Я чувствую, как они рушатся, кирпичик за кирпичиком.

— У нас обоих были такие токсичные отношения, — шепчет она, все еще с закрытыми глазами.

— Да. И мы многому научились у них. Это совсем другое чувство. Мы повзрослели.

Полностью созрели. Как будто я разобрал что-то неустойчивое и собрал обратно, но лучше.

Она открывает глаза и облизывает губы.

— Мне жаль, что я бросила «Чайку». Это было неправильно с моей стороны...

— Мне плевать на «Чайку», — оборвал я ее. — Дело никогда не было в пьесе. Никогда о твоей приверженности этому. Всегда о нас.

Она впивается зубами в нижнюю губу, обдумывая это.

— Ага. Полагаю, что так. Тебе не терпелось избавиться от Калипсо Холл, не так ли? Кстати, как Лондон?

Я улыбаюсь. Это то, о чем она хочет поговорить прямо сейчас? Классическая Винни.

— Красивый. Холодный. Серый. Ресторан был фантастическим. — Я делаю паузу на мгновение. — Но я не смог этого сделать. Калипсо Холл по-прежнему принадлежит мне.

Она наклоняет голову набок, забавно глядя на меня.

— Правда?

— Да.

— Почему?

— Ну... — Проверяю температуру. Она стоит неподвижно, не приглашая меня подойти ближе, но и не отстраняясь от меня. — Я вложил пятьсот тысяч в ремонт и полную реконструкцию всего несколько недель назад. Они должны начать работать над ним после того, как закончится "Чайка".

Она прикусывает рот, ее глаза вспыхивают.

— Ты этого не сделал! — Она топает ногами, такая полная радости, что я не могу не запροкинуть голову и не рассмеяться.

— Сделал.

— Но... почему? — Она недоверчиво качает головой.

— Я собирался продать его Арчи Колдуэллу, моему старому другу, если его можно так назвать. Он хотел его для своей жены, которая переезжает сюда и ищет проект, чтобы развлечь ее. Тогда я понял, что если все пойдет по моему плану, может быть, у меня появится жена, которая тоже захочет оставить Калипсо Холл для себя. Кроме того, оказывается, я сентиментальное маленькое дерьмо. Моя мама любила этот театр, и... ну, я любил ее.

— В любом случае, я не хотел предпринимать никаких резких действий, не посоветовавшись с тобой.

— Со мной? — Она прикладывает палец к груди, поднимая брови.

— С тобой. — Улыбка расплывается по моим губам.

— Твой бизнес — твой, а не мой. — Она качает головой

Я смеюсь.

— Что мое, то и твое — пока ты моя. Это сделка. А я никогда не заключаю плохих сделок.

— Почему ты вообще улетел в Лондон? — Она хмурится, сбитая с толку.

Я машу рукой в ее сторону.

— Арчи сравнил потерю любимой собаки своей жены со смертью Грейс, поэтому я хотел дать ему морковку, прежде чем сказать ему лично, что у него никогда не будет Калипсо Холл.

— Ты действительно ужасен. — Она прикусывает нижнюю губу.

Я вздыхаю.

— Я знаю. Но ты все равно любишь меня? — Я улыбаюсь с надеждой.

Когда она ничего не говорит, просто смотрит, я иду к ней.

— На случай, если я еще не ясно выразился, я не Пол. Меня не интересует брачный контракт. Или детская машина. Или женщина, которая печет печенье для моих коллег. Мне нужен партнер. Равный. Я хочу, чтобы ты была именно такой, какая ты есть. — Я делаю еще один шаг, потом еще. Теперь я вровень с ней. Тепло ее тела перекачивается в моем. Она прижимается к своему плакату. К тому самому, перед которым я засыпал каждую ночь в течение нескольких месяцев, представляя, что она рядом со мной. Что мы живем в одном доме. — И я влюбился в тебя, — закончил я.

Она обнимает меня за плечи и поднимается на цыпочки, чтобы поцеловать меня. Я стону в наш поцелуй, обвивая ее руками.

— Я никуда не уйду, Арсен Корбин. Нравится тебе это или нет, я всегда буду твоим домом. Я всегда буду ждать тебя, как плакат. Я теперь твоя семья.

Я верю ей.

ЭПИЛОГ

Винни

— Я — чайка.

Только я не символизирую разрушение, как Треплев разрушил чайку в пьесе Чехова.

Я представляю свободу, и исцеление, и спокойствие.

Я когда-то где-то читала, что чайки — один из немногих видов на Земле, способных пить соленую воду. Как это должно быть удивительно. Так бросать вызов природе.

Театральные огни жарко бьют мне в лицо, когда я заканчиваю свой монолог, Рахим рядом со мной. Мои ноги твердо стоят на сцене, и я знаю, что мое место здесь.

И когда я произношу свою заключительную фразу, когда задернуты занавески, когда публика встает на ноги, аплодируя нам стоя, и я держу за руки своих коллег — мою вторую семью, дом вдали от дома — я знаю, что сделала правильный выбор. То, что пребывание в Малберри-Крик никогда не было моим призванием.

— Не могу поверить, что ты почти бросила все это, — шепчет мне на ухо Рахим, словно читая мои мысли.

— Не могу поверить, что ты не побежал за мной, чтобы остановить меня. — Я сжимаю его руку в своей.

Он смеется.

— Были моменты, которые меня соблазняли.

За кулисами меня ждут мама, папа, Лиззи и Джорджи. Джорджи прыгает на меня, как всегда, сцепив ноги в ленивом объятии.

— Боже мой, ты даже ни капельки не смущаешься. Что противоположно смущению?

— Гордость? — бормочу я, прижавшись к ее груди.

— Да! — восклицает она. — Вот что я чувствую к тебе сейчас.

— Джорджи! — упрекает Ма, отталкивая от меня сестру, а я смеюсь, затаив дыхание. — Что за ужасные вещи ты говоришь своей сестре.

Мама крепко обнимает меня, и я немного дрожу в ее руках. На очереди Лиззи и папа.

— Вы все можете сказать мне прямо, если мне нужно найти новую работу, — говорю я. Хотя я это не всерьез. Я могла бы обладать актерскими способностями просроченного печенья, и все равно не отказалась бы от своей мечты. Тем более что Лукас был достаточно

добр, чтобы вернуть ее мне до того, как узнал, что я собираюсь стать владелицей Калипсо Холл.

Ты мне совсем не нравишься, Винни, и я хочу, чтобы ты это знала. Но никто не делает Нину лучше, чем ты.

Как оказалось, в процессе я научилась нравиться себе, потому что теперь у меня будут заняты руки. Я также открываю бесплатный театральный класс в Бруклине для молодежи из групп риска.

— Ты отлично справилась, дорогая, — говорит папа.

— Так хорошо, что я три раза плакала! — Лиззи рычит.

— Ты всегда плачешь, — замечает Джорджи, косясь на нее. — Ты буквально плакала, когда в продуктовом магазине закончилось твое любимое арахисовое масло.

Я собираюсь обернуться и поискать человека, которого я так хочу увидеть сейчас, но Крисси и Арья — последняя держит маленького Луи на руках — бросаются ко мне издалека, как одержимые игроки в регби.

— Как хорошо, что ты вернулась! — Арья целует меня в щеку.

— Буквально, — добавляет Крисси, вырывая Луи из рук Арьи и воркуя с ним. — Я думала, что Лукас совершит убийство, если не найдет новую, подходящую Нину. Знаешь, он звонил мне по пять раз в день и спрашивал, могу ли я вернуть тебя? В какой-то момент он предложил, чтобы мы ввели тебе успокоительное.

— Я здесь, и я получаю пинок под зад за то, что бросила его. — Я смеюсь, выхватывая сонного Луи из ее рук, вдыхая сладкий аромат карапуза.

Лукас заставлял меня оставаться после концертов для ежедневных мини-разговоров, просто чтобы заверить его, что я никуда не уйду. Он также изменил постер «Чайки», чтобы передо мной был весь актерский состав. Это честно. Он не должен был давать мне второй шанс после того, что случилось в первый раз.

— Чертовски верно. Я мог бы простить тебя за то, что ты сделала, но я никогда не забуду. — Лукас материализуется из ниоткуда, кладя руку мне на плечо.

Вытянув шею, я пытаюсь разглядеть окружающий меня лес людей.

— Ищешь кого-нибудь? — Крисси дразнит. — Ты выглядишь рассеянной, Вин.

Она точно знает, кого я пытаюсь найти.

— Где он? Он опоздал? — требую я, желая, чтобы мое сердце не билось так быстро и сильно только при мысли о нем.

— Никогда. — Грубый темный голос, который я знаю и люблю, хрипит позади меня. Он подкрадывается ко мне, целуя мою лопатку, затем наклоняется и целует Луи в щеку, пока тот находится у меня на руках. Мы образ идеальной семьи.

Арсену и мне удалось заморозить несколько наших эмбрионов, но мы решили подождать до нашей свадьбы, чтобы попытаться завести детей. У нас пока нет даты свадьбы, но он сделал предложение с красивым кольцом, которое принадлежало его покойной матери. Для меня большая честь носить кольцо Патрис, и еще большая честь сделать сына этой великолепной женщины счастливым в качестве своей жены.

А если эмбрионы не подойдут? Что ж, есть и другие способы создать семью, и я готова изучить их все.

Моя голова падает на грудь моего жениха, и он наклоняется, захватывая мой рот своим в поцелуе.

— Оу. Мерзость. — Я слышу, как Риггс, друг Арсена, издает рвотные звуки. — Здесь

буквально дети.

— Ты уже не так молод, — невозмутимо говорит Кристиан, муж Арьи. Он подходит ко мне, забирая Луи из моих рук. — Знаешь, на случай, если твое короткое приветствие превратится во что-то менее дружелюбное, чем PG-13.

Я оборачиваюсь и смотрю на своего будущего мужа.

— Расскажи мне что-нибудь из этого мира. — Мои губы скользят по коже в изгибе его шеи.

— Планеты могут вечно летать в космосе без родительской звезды. Они просто дрейфуют по галактике. Астрономы считают, что в какой-то момент их «выгнали» из семейной системы. Они как повстанцы с рюкзаком и пятьюдесятью баксами на счету, но каким-то образом они выживают.

— Что ж, тебе больше не придется дрейфовать. — Я целую его подбородок, щеку, нос. — Теперь у тебя есть родная планета. У тебя есть я.

Арсен

— Это небезопасно, — выдавливаю я сквозь стиснутые челюсти. Это вполне может быть преуменьшением века. Мы с Винни стоим на крыше особняка Корбинов. Тот самый, который я продал Арчи Колдуэллу в качестве утешительного приза за то, что он не получил Калипсо Холл. Я рад избавиться от этого бетонного ящика плохих воспоминаний. Бонусные баллы: джуджу в этом месте настолько плохи, что я даже не делаю ему одолжение.

— Рассмеши меня! — Винни держится на краю крыши, горизонтально вытянув руки.

— Немного тяжело, когда каждая косточка в моем теле говорит мне наброситься на тебя и вытащить обратно в безопасное место, — горько бормочу я. — Просто спускайся оттуда. Мы все еще можем успеть на шестичасовое шоу, если выйдем сейчас.

— Я не хочу идти в кино. — Винни делает очаровательное лицо. То, которое обезоруживает меня до подчинения. — Я хочу в последний раз сыграть в игру по канату, прежде чем ты покинешь это место. Ради старых времен.

— Старые времена были отстой, — напоминаю я ей.

— Что ж, давай сделаем здесь одно прекрасное воспоминание, прежде чем мы уйдем.

Я вижу, что она пытается сделать, и я ценю это, но если она причинит себе вред, я, черт возьми, проиграю.

— Ты засекаешь меня? — Винни вертит головой, наблюдая, не трачу ли я время. Женщина чокнутая. К счастью, она моя чокнутая.

Я обдумываю свой следующий шаг, когда мне в голову приходит идея.

— Я засекаю время. Но я хочу пойти первым.

Она цокает.

— Дамы вперед.

Я смотрю вокруг себя.

— Я не вижу дам. Давай установим правила: если ты выиграешь, если закончишь раньше меня, я дам тебе все, что ты захочешь.

Она колеблется, затем смягчается.

— Отлично.

Она перебирается через уступ и прислоняется к дымоходу, затем вытаскивает из кармана телефон.

— Готов? Я засекаю тебя.

Ставя себя в центр края, я взмахиваю руками в воздухе, смотрю вперед и делаю вдох.

— Готов, когда будешь готова.

— Иди.

Я делаю ленивый шаг вперед. Затем, через несколько секунд, еще один. Я собираюсь закончить прохождение этого каната за десять минут, если смогу, просто чтобы убедиться, что она не торопится. В этот раз я не могу позволить себе проиграть.

— Ты сейчас шутишь? — Винни смеется за моей спиной в восторге. — Я думал, ты сказал, что вы, ребята, конкурентоспособны! Ты двигаешься со скоростью черепахи.

— Время относительно, Деревенщина.

— Не надо меня подкалывать! Ты намеренно медлишь?

— Так ты меня знаешь? — рявкаю я. — Я никогда не играю, чтобы проиграть.

— Хм, — это все, что она говорит, когда я еще не прошел и четверти пути к другому дымоходу. У нее будет целая жизнь, чтобы пересечь свой путь к безопасности. Целый чертов час, если это то, что ей нужно.

Потому что есть одна вещь, которую Виннфред не знает обо мне. Не нужно знать.

И это то, что я всегда буду позволять ей побеждать.

Конец

Переведено каналом Книжный шкаф

#lilybookcase

БЛАГОДАРНОСТИ

Это правда, как говорится. Беспокойство, связанное с необходимостью никого не забыть при написании раздела благодарностей, никогда не становится легче. В этой части я стараюсь изо всех сил. Потерпите.

Прежде всего, моей группе поддержки за все: Тихуане, Ванессе, Марте, Ямине, Саре, Джен, Панг, Ратуле, Эве, Паркер, Амели, Геле, Нине, Айви и Келси. Спасибо, спасибо и спасибо. Я бесконечно благодарна за то, что вы есть в моей жизни.

Моей семье за то, что прикрывали меня и были такими понимающими.

Огромная благодарность команде Montlake за потрясающую поддержку и внимание к деталям. Ань Шлюп, Линдси Фабер, Стефани Чоу, Алисия Леа и Хизер Бузила. Огромно вам спасибо.

И моему агенту, Кимберли Броуэр, за то, что уделила время и усилия, чтобы эта серия засияла. Я очень благодарна за это от всего сердца.

Талантливому дизайнеру обложки, Кэролайн Тигл Джонсон.

И последнее, но не менее важное: читателям, блогерам и Тиктокерам, которые воплощают мои мечты в жизнь. Я каждый день благодарю свои счастливые звезды за вас.